

ЭДИТА

ВЫПУСК 21

ЭДИТА

№21

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Графика обложки — pexels-kristaps-ungurs-1831590-20830385

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-78-5

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Мира Борсиг

г. Новомосковск

REPRISE

Я знал Анну Хербст вот уже третий год. Не сказал бы, что она вообще ничего из себя не представляла, но и звезд с неба она тоже не хватала. Обычная девушка, одна из тысячи, всегда в кроссовках, брюках, свитере и с тугой косой до пояса.

Однако в тот вечер что-то изменилось.

Нас на фирме было двадцать человек. В преддверии Нового Года нашему боссу удалось заключить весьма выгодную сделку, и он решил в честь события устроить корпоративчик. Честно говоря, я сомневался, что Анна вообще придет на него: она сторонилась шумных развлечений, предпочитая сидеть дома. Что ж, на этот раз я просчитался.

Я стоял у барной стойки, потягивая шампанское из бокала, как тут краем глаза заметил, как через весь зал уверенной походкой идет человек в белой одежде. Я глянул на него — и челюсть на какую-то секунду стала ватной. В обычных шмотках с простецкой прической Анна была серой мышкой, вечной студенткой первого курса — но двадцатипятилетняя дама в дорогих кожаных ботинках на высокой подошве и элегантном белом костюме и близко не напоминала ту Анну, которую я знал. Она шла легко, грациозно, как кошка, ее длинные черные волосы ниспадали ей на плечи. Камни в ее броши и обруче ярко искрились в бледном свете прожекторов.

Казалось, все взгляды сосредоточились на ней.

Она, однако, шла быстро, глядя в одну точку перед собой.

Да, она была стальной глыбой, которую невозможно было даже нагреть, не говоря уже о том, чтобы расплавить. Она поглощала комплименты и восхищения, как черная дыра — свет, оставаясь все такой же холодной и безразличной.

Наконец лучи всех прожекторов сошлись в центре зала. Босс вошел в сияющий круг и произнес незамысловатую речь: господа собравшиеся, всех с праздником, мира, дружбы, жвачки и тадэ, и тапэ. Затем он с видимым облегчением объявил танцы. Танцую я как горилла, поэтому решил и дальше услаждать свою душеньку шампанским.

По залу забегали разноцветные пятна света. Среди них, как администратор вечеринки, суетился ярко-белый луч. Он выхватывал из томной полутьмы обнаженные плечи, волосатые руки в татуировках, золотые браслеты и кольца. Народ танцевал спокойно, неторопливо: ночь впереди длинная.

Мамой клянусь, я запомню «It's My Life» на всю жизнь.

Как только хрипловатый голос вокалиста прорвался сквозь равномерное бормотание, я услышал еще один — острый, как нож, пылающий, как доменная печь. Он то поднимался высоко-высоко, как взлетает в небо жаворонок, то падал в глубины пропасти, приобретая особое бархатное звучание.

Белый луч остановился в центре зала.

Белый костюм горел, как раскаленная плазма. Брошь разбрасывала вокруг огненные искры. Черные, как уголь, волосы, разлетались во все стороны, как вороны.

Каждое движение напоминало удар.

Она выбрасывала руки вперед резко, молниеносно. Застывала на месте, как статуя — но только на секунду. В следующее мгновение ее тело принимало новую боевую стойку.

Ее голос распарывал мой проспиртованный мозг как скальпель. Казалось, железный обруч сжимал ее горло до предела, заставляя вопить от одной ей известной боли.

Она упала на колени. Задрала вверх голову. Ее пальцы согнулись, как когти зверя, руки протянулись вперед.

На ее шее забились в экстазе венки.

Из ее груди вырвался рваный протяжный звук.

Время остановилось.

Все до единого взгляды были направлены на нее.

Она их не чувствовала. Она ничего не чувствовала. В тот момент для нее не существовало ничего, кроме нее самой и ослепительно белого света, резавшего ей глаза.

Музыка стихла. Все прожекторы в зале остановились и загорелись белым.

Она встала с колен легко и грациозно, словно ничего не произошло. На ее лице, бледном и холодном, невозможно было что-либо прочитать. Дежурная улыбка надежно скрывала тлевшее внутри безумие.

Не обращая внимания на ошеломленные взгляды, она вышла из зала.

Ноги сами понесли меня следом за ней.

Я нашел ее у окна. Она с тоской глядела на гигантские небоскребы, проезжавшие мимо автомобили, вечно спешащих куда-то прохожих.

Что я мог ей сказать?

— Прошу прощения за столь глупую выходку, Андрей, — ее голос звучал так тихо и обреченно, что у меня мурашки побежали по коже.

— Выходку?

Какую же глупость я сморозил! В тот момент я явно покраснел, как рак, и хорошо, что никто меня не видел.

— Да.

Ее ответ был до безобразия короток. Я ощутил неутолимую жажду глубины. Анна — бездонный океан, капля которого несколько минут назад выжгла мое похмелье, не оставив от него и тени. Я хотел еще одну каплю.

— Выходка это или нет, я до сих пор не могу прийти в себя, — сказал я, надеясь, что она не проигнорирует меня, как обычно делает, когда речь заходит о неприятных для нее вещах.

— Представь, что тебе все равно, — безучастно ответила она, и я вздрогнул: неужели я таки спугнул ее, и она больше не вылезет из своей стальной крепости?

Я, однако, не собирался отступать.

— Не могу.

— Seriously, что ли?

Она посмотрела на меня. Ее взгляд был пустым. Обычного пацана это спугнуло бы, — многие девушки очень явно дают понять, что знать тебя не желают, — но я не хотел уходить, не получив заветной капли огня.

— Слушай, я реально не ожидал от тебя такого. Ты прямо дракон в человеческом облике.

Она сжала кулаки.

— Тебе мало собственной боли, что ты хочешь взвалить на себя еще и чужую?

На меня будто вылили ведро ледяной воды.

— Я не понимаю.

— Иди веселись, пока веселье способно спрятать тебя от боли. В один прекрасный день, проснувшись утром, ты обнаружишь, что больше ничто не может стать между ней и тобой. Ты будешь держать рот на замке, ибо кому нужна твоя боль, — но она будет раздирать твою плоть. Ты будешь биться в агонии, крик будет рваться из груди, но ее сдавит словно железным обручем, ты не в силах будешь воздуха глотнуть. И, может быть, кто-то прочитает твою боль в движениях рук и то-

не голоса. Предупрежу тебя сразу, можешь не надеяться, что найдешь такого человека: у каждого своя боль, а чужая никого не интересует.

Она отправилась к выходу на улицу. Я не знал, идти за ней следом или нет.

Я вернулся в зал. Гремела музыка, танцевали прожектора, хохотали люди.

Как будто ничего не произошло.

Идя через центр зала, я заметил на полу что-то белое. Будь я таким, как все, я подумал бы, что кто-то уронил салфетку, и прошел бы мимо.

Но я попробовал на вкус каплю боли. Теперь она жгла мне внутренности.

В моих руках оказался небольшой листочек бумаги, исписанный мелким печатным почерком. Аккуратные, ровные буквы читались легко.

«Я не чувствую ни рук, ни ног. Меня убили.

Убили.

Темнота выклеывает глаза, как ворон, выпивает воздух. Спину разрывает от боли.

Стальная плита раздавливает грудь. Не могу дышать.

Мне холодно. Одежда липнет к телу.

Кровь?

В глаза бьет мерзкий белый свет. Слышу голоса.

«Жива, просто поврежден позвоночник».

«Три дня под землей. У нее крыша поедет, можете не сомневаться».

Обратно в мир, полный безумия до краев?

В глазах горят три красных ромба. Сверху торчит одна линия, снизу три.

Меня воскресили, чтобы мучить дальше».

Грохот музыки расплющивал в лепешку все мысли. Я вышел из зала. Возвращаться не хотелось.

Сухой морозный ветер бил в лицо. Под ногами хрустел лед. Снега не было.

В горячем свете фонарей замаячила фигура в белом костюме. Я узнал бы ее и за тысячу километров.

— Прости, я узнал твой секрет, — сказал я, когда она подошла совсем близко. Ее лицо, и без того бледное, побелело, как простыня, губы налились свинцом.

— Отдай, — только и смогла сказать она. Я протянул ей листочек. Она взяла его и попыталась спрятать в карман пиджака. Ее пальцы неистово дрожали.

— Я могу помочь?

Она миг овладела собой. Ее движения стали спокойными и плавными.

— Нет, спасибо.

Заветный листочек скользнул в карман. Я стал ждать, когда она развернется и пойдет своей дорогой. Она, однако, не спешила уходить.

— Раз ты читал это, придется рассказать тебе все, — от ее голоса, низкого, трескучего, волосы на голове шевелились.

Влажное дыхание осеннего ветра коснулось моего лица. Вокруг заплясали тени осыпавшихся с деревьев листьев. Желтые, красные и коричневые пятна замигали в глазах, как лампочки в придорожном кафе.

— Они долго ковыряли мне позвоночник, надеясь найти такое место, где импланты могли бы подключиться к спинному мозгу, — голос Анны доносился будто из-за горизонта. — От боли я потеряла сознание. Они решили, что я умерла, и закопали меня недалеко от лаборатории. Когда я пришла в себя, я не знала, что делать. Я кричала до изнеможения, но меня никто не слышал. Меня нашли только через три дня.

Одним резким движением она сбросила пиджак. Сквозь полупрозрачную блузку виднелись прикрученные к ребрам и ключицам стальные полосы. Я взмок под курткой.

— Позвоночник так и не удалось восстановить, — продолжила она. — Мне его заменили на стальной и все кости просто прикрепили к нему.

Она с силой провела руками по скулам, стерев тональный крем, и я увидел металлические пластины, врезанные прямо в челюсть.

— Когда это случилось? — мне едва хватало сил шептать.

— Осенью 2024 года. Тогда мне было шестнадцать. Мои родители были настолько бедны, что не могли купить даже необходимое количество еды. Нередко они отдавали мне свой завтрак или обед, надеясь, что хотя бы я выживу. Мне было стыдно из-за этого, поэтому я стала искать способы подзаработать. В октябре я узнала об эксперименте с имплантами, способными улучшить некоторые физические параметры человека, такие, как скорость реакции и выносливость. Желающим стать подопытными предлагали сто тысяч долларов в качестве компенсации. Но им никогда не рассказывали всего.

Что я мог сказать ей? Банальное «я понимаю тебя» было бы просто бесстыдной ложью.

Она одела пиджак. Ее тонкая ладонь сжала мою сильно, по-мужски. Робкая, но полная надежды улыбка вспыхнула на ее лице, как искра.

— Спасибо, что выслушал.

Развернувшись, она пошла куда-то вперед по улице. Наверное, на маршрутку.

Светодиодные вывески отражались в стеклах проезжавших мимо автомобилей. На какую-то долю секунды среди бесконечных белых, синих и зеленых надписей и логотипов мелькнула красная пиктограмма трех ромбов, вложенных друг в друга. Из верхнего и нижнего углов наружного выходили длинные линии. Рядом с нижней из каждой стороны ромба выходило еще по одной. Ледяной холод сковал меня.

Я обернулся, медленно, как заржавевший робот.

На стене здания, в котором босс устроил тусовку, красовался логотип RayCorp — те самые три ромба с линиями.

Я бросился бежать.

— Надо меньше пить, — строго сказала мне жена, когда я проснулся на следующее утро.

Оксана Соснина

г. Можга, респ. Удмуртия

«ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭТОЙ ЗЕМЛИ...»

«Отсюда не убежать!

Хотя никто никого взаперти не держит.

Но души будто в клетки временем заточены
и вряд ли когда из них выберутся».

(из рассказа «Подальше от этой земли...»)

— Анька, Олька, собирайте вещи — к деду с бабушкой в Закамск едем! Каникулы! — звонко кричала мать с кухни дочкам-погодкам в последние майские дни. Те, на целый год ставшие взрослее, предстоящей поездке были несказанно рады. Сменить обстановку и отдохнуть от школы им сейчас точно не помешало бы! Как надоели эти бесконечные контрольные и сочинения! Конец весны — душа на волю рвётся.

Родители думали иначе: дети выросли и деду с бабушкой вполне способны помочь в хозяйстве. Пусть хозяйство у тех совсем небольшое, всего-то двухкомнатная квартира, но с титаном в ванной — печкой, ко-

торую надо было топить дровами, чтобы нагреть воду, если захочешь помыться или постирушку затеять. У деда Василия рядом с их шестнадцатиквартирной двухэтажкой и сарайчики для такого дела имелись. Только носить полешки для топки титана на второй этаж им с бабой Нюрой каждый раз становилось всё труднее. Да ещё перед домом старики задумали огород развести. Почти под самыми окнами овощи и ягоды, чего далеко ходить? Лук, картошка, морковка, в парнике — огурцы и помидоры — всё уместилось на нём. Выйдет дед, бывало, с самого утра на улицу покурить, прогуляется до огородика, нарвёт зелени, отнесёт бабе Нюре, та нарежет мелко — вот и салат готов. Красота! За огородом ухаживать — поливать, сорняки полоть, картошку вовремя окучивать — тоже теперь входило в обязанности повзрослевших девчонок. В конце концов, для кого кусты малины и чёрной смородины сажены? Да ещё целая грядка клубники! Изволь сначала поработать, а потом уплетай себе ягоды за обе щеки... Не забыв помыть прежде, конечно.

Дед поначалу хорохорился — сказывалось командование солдатской ротой на фронте — не сдавался годам и болезням. Всё в квартире держалось на нём. Делал стойку на голове у стены в свои семьдесят с лишним, минут по пять, удивляя тех, кто это безумие видел, работал без выходных и отпусков водителем на почте, помогая развозить корреспонденцию по газетным киоскам городка. Но осколок под сердцем, что он носил ещё с войны, время от времени всё же напоминал о себе. Когда случался приступ, дед разом серьёзnel и медленно, приложив руку к левой части груди, уходил в свою комнату, садился на кровать, долго ничего не говорил. Ждал, когда отпустит... Баба Нюра в такие моменты всегда была рядом, готовая подать таблетку нитроглицерина или тут же бежать к соседям вызывать скорую по телефону... И то, и другое пригодились не раз. Но дед категорически отказывался лечь «под нож», как он говорил. Да и врачи никаких гарантий не давали: «Как повезёт...» Блуждающий по телу осколок при каждом сокращении его сердца мог повести себя непредсказуемо, чего все опасались. Хотя уже перестали уговаривать лечь на операцию — важные решения относительно своего здоровья дед Василий принимал исключительно сам.

Отвозя девчонок, закончивших шестой и пятый класс средней школы, на всё лето в уютный зелёный Закамск, что вдоль широкой реки расположился, постоянно работавшие родители, успокаивали себя.

— Пусть старики и дети побудут вместе! И им полезно, и нам спокойнее. Глядишь, и дед Василий про свой осколок под сердцем забудет.

дет. Эмоции положительные ему с Ольгой и Анькой пожизненно гарантированы. А, если что, девчонки помогут и бабе Нюре с женскими делами: кулинарить или вязать научатся. Плохо разве? — размышляли они. — Может, и с Тобиком подружатся наконец?

Тобиком звали маленького пёсика, ещё одного члена семьи Сизаревых Василия и Анны. Но это только ростом он был маленький, годами же — далеко не молод. И по характеру — злее не бывает. Жуть, как не любил, когда к нему руки протягивали погладить. Мог и цапнуть без предупреждения. Бабушка говорила всем, кто мечтал с ним «подружиться», что дело это не только бесполезное, но и «здоровье затратное». Частенько предупреждал любителей собак и сам Тобик, угрожающе рыча и скаля зубы. Кто-то понимал сразу и быстро отдёргивал руку, а кто-то, совсем бесстрашный, глядя Тобику прямо в глаза, в надежде быстро того укротить, со словами «да будя тебе рычать-то!», клал на лохматую голову пёсика руку. За что тут же получал отпор — Тобик вгрызался острыми мелкими зубками в мягкую ладонь и не отпускал, пока бабушка не кричала: «Фу! Пусти, Тобик!» Как так получилось, что он слушался только бабушку и никого боле, неясно. Но она имела какую-то необъяснимую власть над ним — могла гладить руками даже против шерсти, трепать и тискать как игрушку. И Тобик не только не рычал на неё, казалось, ему даже нравится, что она делает с ним всё, что захочет.

Девочки пса тоже побаивались, но гулять с ним ходили. Тобик великодушно позволял им это делать. В магазин и на прогулку до сарая за поленьями бегал со старшей Анной, а во дворе порезвиться — с младшенькой Олей, к которой приходили подружки её возраста из соседних домов. Едва успевали открыть дверь, как Тобик сразу же через весь двор мчал к кустам и делал свои собачьи дела, потом быстро возвращался и гулял рядом с девочками, словно самый преданный их сторож. Приезжавших в гости к бабушке с дедушкой девочек никто не обижал и даже не помышлял это делать. Хотя двор был не самым лучшим местом для прогулок хорошо воспитанных детей.

Почти во всех домах этого района проживали «витьки» — алкаши самого разного возраста, допившиеся «до ручки» и скандалившие на всю округу с кем ни попадя. Их перебранки слышны были с самого утра и даже в выходные, когда так хотелось подольше поспать и отдохнуть от трудовых будней. В любую погоду они собирались во дворе, пересчитывали общую мелочь в карманах и соображали «на троих». Если не набиралась необходимая на чекушку сумма, нудно выпрашивали: «дай десять копеек, на хлеб не хватает», приставая ко всем, кто прохо-

дил через двор. Никто уже им давно денег не давал, потому как знали, на какой «хлеб» они собирают. Но алкаши не унимались, просили даже у детей. Кроме Ани с Олей, к которым не больно-то и пристанешь при Тобике. Укусов его зубов они отчаянно боялись — успели уже испытать их действие на себе. После чего все эти «витьки» стали почтенно называть маленького сторожа Тобиасом.

— Господин Тобиас, не разрешите ли узнать у Ваших хозяйшек, найдётся ли в их карманах копеек десять–пятнадцать на хлебушек?... — заводили они свою «шарманку», кривляясь и гримасничая, но всё же стоя чуть поодаль от девочек на всякий случай.

— Что, опять «на хлеб» не хватает? А на бутылку нашли? — это уже бабушка Нюра, услышав грозное рычание Тобика, кричит им в окно. Тобик не любил алкашей и уже издали скалил на них зубы.

— А ну пошли отсюда, а то щас как выйду! Мало не покажется! Со всем совесть пропили, к детям пристают!

— Уходим, милостивая сударыня, не стоит так гневаться! — кричали ей в окно «витьки» и тут же скрывались из поля её зрения. Баба Нюра не шутила — могла и мокрой половой тряпкой алкашей отлупить и с лестницы скинуть, когда к деду Василию с бутылкой приходили. И этот урок они тоже хорошо выучили.

— Злая как её собака, — говорили они про бабу Нюру меж собой, спешно уходя ни с чем восвояси.

— Сашок, а ну, геть сюда! Чего у тебя там в карманах? — тут же, всё ещё не теряя надежду на скорую выпивку, обращались они к мужчине на низенькой самодельной тележке-каталке возле дальнего подъезда.

Сашком они называли инвалида, которому было уже под шестьдесят. Сорок лет назад вернулся он с фронта без ног. Победитель, которому под старость лет даже не на кого было надеяться: жена умерла, детей у них отродясь не было, а скромной инвалидской пенсии в пять рублей ни на что не хватало. «Сашок», а по паспорту Александр Петрович Мальцев, орденосец Великой Отечественной, прошёл всю войну, до самого Берлина, точнее проехал на своей боевой машине Т-34. Незадолго до победы получил ранение — взрывной волной далеко его из танка отбросило и сильно контузило. В беспамятстве провалялся Александр на поле боя до тех пор, пока наша пехота следом за танками не пошла и не подобрала его полуживого. Привезли в госпиталь, а гангрена ног уже началась — пришлось их по самое «не могу» отрезать.

В той, довоенной своей молодости Сашок весёлым и неугомонным был, лихо играл на гармонии, пел так, что его громкий красивый голос далеко по округе разносился. Высокий черноглазый паренек нравился девушкам — толпой они за ним бегали, платья да причёски меняли, чтобы только понравиться молодому гармонисту. А он как к тихой Нине своей сердцем и душой прикипел, так и не оторвать. Поженились. Вместе пожить только не успели, как война началась — проводила молодая жена мужа на фронт.

Взял доброволец Мальцев с собой фотографию любимой и задорную тальянку. Ниночкино фото всю войну в кармане его гимнастёрки оберегом лежало, и гармонь в танке — с ним. В короткие от боёв передышки руки сами тянулись к инструменту. Играл, чтобы не тосковать по Ниночке, играл, чтоб заглушить боль от потерь фронтовых друзей, чтобы добить врага, чтобы выжить...

*«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...»*

И так вот, с задорными песнями, с отчаянием и яростью воевал танкист Мальцев: на своем непобедимом танке за четыре военных года проехал сотни километров фронтовых дорог. Бил фашистов под Курском, освобождал от них Прибалтику, Карелию, отчаянно сражался за Люблин и Бухарест в Западной Европе... Обидней всего Александру было то, что серьёзно подбили его фашисты аккурат в самом конце войны!

Ко Дню Победы заветные кульки с копченой колбаской, банкой тушенки, гречей, растворимым кофе и коробкой шоколадных конфет да прибавку к пенсии в пять рублей, как и деду Василию, Александру Мальцеву от государства неизменно давали. После смерти жены Нины зачастили к нему дворовые «витьки», и всё его гастрономическое богатство, которое можно было растянуть на несколько недель, съедалось в один присест. Также бездумно разбазаривалась ими и скромная пенсия фронтовика. Правда, если он успевал отнести её Анне Сизаревой на хранение, тогда ещё можно было жить. Спившиеся и потерявшие остатки всякой совести мужики вытаскивали из дома безногого танкиста вещи и безбожно их пропивали. Хозяина же, всюю сопротивлявшегося грабежу, били со всего маху табуреткой по голове и убегали восвояси.

Баба Нюра фронтовика жалела, ходила за ним, обихаживала, каждый раз вздыхая:

— Эх, погубит тебя алкашня своей водкой! Не пил бы ты, Саш, а? Женщину себе какую нашёл бы порядочную? Сколько годков-то с Ниной смерти прошло, пора уж что-то делать! Хоть Тобика к тебе приставляй сторожем!

— Может, ты и права, Анна. Только кому я такой калека нужен, кому? Ополовинила меня война. Нина-то молодым и крепким на фронт провожала, четыре года верно ждала. А сейчас что от меня осталось? Одни воспоминания. Но пить, и правда, брошу! Клянусь тебе, Нюра!

— Мы тоже с Василием невечные: у него, сам знаешь, ранение, у меня — сахарный диабет...

Права была Нюра. Во всём права. Вот бы и ему, Сашку такую как она, где отыскать. Он ведь не совсем бесполезен: работает в артели для инвалидов на обувном производстве, да и пенсию получает. Пусть небольшую, но всё же. Квартира у Александра Петровича как у Сизаревых, двухкомнатная. Чем не жених? При законной супруге сразу бы пить бросил. Это он с тоски по своей Ниночке, по её нежности и любви, по домашнему уюту и теплу, ею созданному, запил.

Каждые выходные Александр с гармошкой своей до базара едет. Расстелет аккуратно газетку перед собой, опрокинет на неё фронтовую фуражку вверх дном — под мелочь, растянет меха... Узнавали закамского гармониста на улицах, полюбили люди его песни... Если б только не уличная шпана, что запросто могла обидеть — деньги отобрать или выбить из-под него тележку, лицом в грязь уронить... Находились сердобольные — подбирали, конечно. Только фронтовику Мальцеву до слёз обидно, что он и за этих тварей кровь на полях сражений пролил, и за них с фрицем бился...

Александр «приходил» к Василию, с трудом забираясь на руках, а то и на жилистом животе своём вверх на второй этаж, таща за собой тележку-каталку. Руки у него сильные, мускулистые — тренировал их каждое утро. Гантели ещё с довоенного, счастливого времени хранил. Хорошо, что лестница у Сизаревых в подъезде не крутая, с широкими деревянными ступенями. Те принимали его радушно, особенно в праздники. И Тобик радовался его приходу: начинал прыгать вокруг тележки, ставил свои тоненькие лапки Александру на плечи и лизал его прямо в лицо, проходи, мол, свой.

Василий не любил ходить на парад Победы, брэнчать орденами, выставляя их напоказ. Боялся расчувствоваться. Осколок под сердцем

мог в любой момент дать о себе знать. Танкист Александр тоже никуда в этот день не показывался, не хотел, чтоб жалели. А к соседу в тот день — непременно. Нюра с самого утра затевала стряпню, нарезала овощи в салат, варила густой борщ. Ей очень хотелось накормить вкусно и своего Васеньку и вдового соседа. А стряпухой она была знатной! Александр и сам в долгу не оставался. К общему столу обязательно приносил коробку шоколадных конфет из подарочного кулька.

— Саша, ну зачем ты? Васе тоже спецпаёк к Дню Победы дали. И конфеты есть, и бутылочка красненького по такому поводу найдётся. Проходи в дом! — говорила с улыбкой Нюра, вытирая о кухонный фартук, что всё ещё был на ней, руки. Потом спешно переодевалась, наряжалась в красивое платье, чуть касалась красной помадой губ и садилась за стол. Королева!

— От чистого сердца, правда, Нюра, это тебе! — смущался бывший танкист, протягивая ей коробку с конфетами.

И было от чего смущаться. Анна Сизарева, младше их с Василием почти на десяток лет, была исключительной красавицей. А косу свою роскошную остригла совсем недавно, повесила как память о молодости на стенку напротив их с Василием кровати в спальне. Смотрели старики на неё, свою жизнь, в мгновение ока промелькнувшую, вспоминали. Только смеющиеся глаза Нюры василькового цвета остались прежними. Понятно, почему лейтенант Сизарев, вернувшийся с фронта живым и невредимым, влюбился в продавщицу сельпо Нюру. А спустя всего месяц официально зарегистрировал с ней брак — не устоял перед неземной её красотой.

Усаживали Сизаревы Александра Петровича за накрытый праздничный стол в большое, с двумя ручками кресло, чтобы, когда выпьет, никуда не упал, включали телевизор — смотрели военный парад на Красной площади в Москве. Нюра раскладывала салат по тарелкам, Василий наполнял рюмки жгучей водкой. Начинали отмечать свой день: пили, закусывали, говорили... Фронттовики пели и «Раскинулось море широко», и «Эх, дороги...», и «Землянку»... А голосище какой был у Александра! Даже Тобик переставал рычать, заслушивался. Соседи стучали в стенку: мол, убавьте телевизор, громко. Все трое хохотали от души.

В этот день, пусть и не каждый год, приезжали в гости внучки Сизаревых со своими родителями. Мать Аньки и Ольки Мария, в девичестве — Сизарева, не удивлялась тому, что на самом почётном месте за столом сидел не её отец-ветеран, а бывший танкист, ныне инвалид Александр Мальцев. Знала она и о его горькой военной судьбе. Стари-

ки засиживались обычно на кухне за разговорами, вспоминая фронтую молодость, чуть не до самых петухов.

Аня и Оля в такую ночь тоже никак не могли уснуть, лежали и слушали разговоры дедов. Во-первых, гостиная, которую они занимали, приезжая в Закамск, вплотную примыкала к кухне, во-вторых, нетрезвые друзья говорили не так уж тихо — вполне можно было слышать каждое слово. Не единожды баба Нюра выходила из спальни и шипела на них, пытаясь успокоить, всё бесполезно. Те забывались и снова начинали говорить в голос.

— Расслабились мы в Восточной Пруссии, когда вышли к Балтийскому морю, — рассказывал Александр Петрович. — Фашисты стояли в километрах двадцати пяти от нас с кораблями. Немцы сначала тихо, а потом как дали по нам: взрывной волной всех ударило. Командира нашей танковой бригады, что вылез проверить обстановку, тут же убило, а мне «повезло» — отбросило от моей боевой машины далеко. Погибших и контуженных тогда и не сосчитать сколько было, а я живым остался. Пехота меня нашла и в госпиталь отправила. Чуток не успели — гангрена началась, вариантов не было. Какая-никакая, а всё же жизнь у меня была! Не как у тех моих друзей, что навсегда на поле боя остались... Давай за память о них ещё по одной, Василий!

Наговорившись вдоволь, дед Василий шёл курить на улицу, заодно провожал друга до его квартиры, помогая тому спуститься по лестнице со второго этажа. Гармонь оставалась у Сизаревых.

В один из своих приездов на майские праздники уговорили-таки девчонки деда Василия сходить с ними на парад. И Александра Петровича решено было взять с собой. Баба Нюра встала пораньше, срезала свежих тюльпанов, что росли в их огороде, выгладила белую рубашку деду Василию, пробежалась платяной щёткой по его костюму с орденскими планками и приготовила завтрак. Пока внучки и муж её одевались, сбегала к безногому Саше, накормила и его.

После завтрака отец Ани и Оли Павел усадил всех в свою машину, на которой они приехали в гости к старикам. А баба Нюра и мама Мария остались в квартире готовить и накрывать праздничный стол к возвращению большой компании.

Прошло уже два часа. Мужчины и девочки должны были вернуться с парада, но их всё не было. Женщины волновались, ходили из угла в угол, места себе не находя. Нюра даже бегала к соседям звонить в скорую — узнавала, не привозили ли они ветерана-сердечника и безногого инвалида... Не привозили... Пытаясь отвлечься от плохих мыслей,

Анна и Мария усаживались смотреть военный парад в Москве и в который раз подряд пили чай за накрытым столом. Есть уже не хотелось, но надо было перестать думать о плохом. Анну Ивановну сморил сон, она ушла полежать в свою комнату. Мария переживала — мысли одна хуже другой роились в её голове.

Неожиданный звонок в дверь заставил молодую женщину вздрогнуть. «Наконец-то!» — подумала она и побежала к входной двери. Рывком открыла. На пороге стоял её муж Павел и девочки. А отца и Александра Петровича не было.

— А папа где? — спросила она испуганно.

— Чтоб я ещё раз поддался на эту авантюру, везти стариков на парад, да ни за что на свете! — кричал её муж, входя в квартиру. За ним семенили девочки с поникшими головами. — Так, Маша, одевайся немедленно! Едешь со мной. Аня с Олей остаются с бабой Ньюрой.

— Не поняла, что случилось? Да скажите же мне в конце концов! Где Василий, где Саша? Где вы их оставили? — вышла из своей спальни перепуганная баба Ньюра.

— Не переживайте, дорогая Анна Ивановна! Они в центральном отделении милиции. Сейчас я и Маша за ними съездим и доставим прямо к праздничному столу.

— Ох, на сердце у меня неспокойно что-то. Господи, что же они натворили, Павлуша? Ты их одних там оставил? — продолжала расспрашивать его с пристрастием пожилая женщина.

— Ну, во-первых, они там не одни, а под бдительным оком родной милиции. А во-вторых, я нарочно приехал за Машей, чтобы она подтвердила, что приходится родной дочерью Василию Михайловичу. Маша, возьми паспорт и поехали быстрее, по дороге всё расскажу, — договаривал Павел, обращаясь к жене, выходя из квартиры Сизаревых.

А как только переступил порог, повернулся к Марии и, понизив тон почти до шёпота, произнёс:

— Плохи у нас дела: какие-то хулиганы толкнули инвалида на параде, он упал и разбил лицо о брусчатку, а твой отец заступился, приструнить дебоширов пытался, ну и...

— Что «ну и»? Говори немедленно, говори же! — крикнула ему чуть не в самое ухо Мария.

— Да тише ты! Мать ещё, не дай бог, услышит, — шикнул на жену Павел. — Не в милиции они — в больнице. Отцу с сердцем плохо стало. В машину скорой помощи его прямо на параде посадили вместе с дядь Сашей. Поехали скорей, сама всё увидишь.

Василия Сизарева после двухнедельного лечения в стационаре наконец отпустили домой. Дома и родные стены помогают, не говоря уж о заботе любимой Нюрочки.

А вот Александр Петрович Мальцев больше не увидел ни праздничного стола, ни заботливых соседей Сизаревых, ни их внучек, ни даже ворчуна Тобика... В больнице узнали, что никого у безногого фронтовика из родных не осталось, а жив он только благодаря опеке своих равнодушных соседей. Те уж и сами далеко не молоды, да хозяин семейства к тому же «сердечник». Безжалостно вынесли вердикт: забрать Мальцева в дом инвалидов, где вот такие, как он, инвалиды-одиночки свой век коротают.

Спустя пару дней подлечивания в стационаре привезли старика в его квартиру. Вещи собрать. Дали пару минут попрощаться с родными стенами. Вся жизнь пронеслась у Александра перед глазами, когда он оглядывал свою квартиру в последний раз. «Поеду, какая жизнь здесь одному, без Нины моей? Там, может, кому-то еще нужен буду. Устали со мной возиться Сизаревы, особенно Нюра. Поеду...» Вздохнул, развернулся на своей каталке, решительно выехал в открытую дверь.

Нюра с Василием, как дознались в больнице, где их сосед Александр Мальцев находится, письма ему писать стали. Ну то, конечно, Нюриной заботой было. Оба не оставляли мысль съездить к Александру повидаться, хоть единожды. Все попытки забрать того обратно в город, в его квартиру успехом не увенчались.

— Сами не сегодня-завтра помрёте, что делать будем? Опять туда-сюда его возить? — спрашивали их в больнице. — А в доме для инвалидов за такими, как он, хорошо присматривают: кормят, опять же одевают в чистое и даже простую работу дают, кому что по силам. Ваш Александр Петрович не только «рукастый» оказался — всё может починить и приладить, несмотря что без кистей, а и талантливый. Хор, говорят, там организовал! После работы собираются: кто попеть, кто просто послушать... Им бы инструмент туда еще. Мальцев, говорят, на гармони мастак играть?

— Да, да, верно, мастак! А гармонь его у нас осталась! Так мы поедем и привезём туда инструмент, да, Вася? — обрадовалась Анна Ивановна, обращаясь к мужу.

— Отвезём, конечно, Вы только адресок нам черкните, отвезём! — поддержал жену Василий.

Гармонь была тяжёлой. Тащить её далеко — на пристань, до парома. Василий позвонил от соседней дочери Марии в другой город. Те примчались с Павлом и девочками на машине. Решили, что поедут к Александру Петровичу вместе. Но без Василия. Расчувствуется ещё, сердце, не дай бог, не выдержит. К чему такой риск? Нюру же не стали отговаривать от поездки. Она рвалась в «Дом ветеранов войны и труда», чувствовала, что другого раза у неё может и не быть...

Купили билеты, заняли места на верхней палубе, приготовились смотреть вдаль. Аня с Олей, в предвкушении поездки, никак не могли успокоиться, болтали без умолку, бегали по палубам — с верхней на нижнюю и наоборот, смеялись громко, радуясь предстоящему путешествию. Нюра поставила рядом с собой на сиденье Сашину гармонь, поглаживала её нежно по корпусу, слегка прикасалась к кнопкам и мехам пальцами, от чего та неожиданно вздрагивала, издавая негромко разные звуки. Анна Сизарева представляла, как обрадуется и заиграет на ней Саша...

Плыли недолго, меньше часа. Завидев вдаль стены древнего белокаменного монастыря и большие дубы, стали готовиться к выходу. Всмотривались ещё пристальнее в даль.

— Смотрите, смотрите, что там на деревьях висит? — громко закричали девочки и стали показывать пальцами на противоположный берег.

Присмотрелись, и правда, на ветках деревьев словно коконы какие — висят, колышутся от ветра большие плетёные корзины... А из корзины головы человеческие торчат... Отчётливо были видны их головы и плечи. Рук и ног не было.

Услышав крики детей, все пассажиры устремились на правый борт парома и никак не могли оторвать взглядов от представившегося им непонятного зрелища. Судно даже накренилось вправо от перевеса. Капитан строго предупредил всех в рупор, что так они неизбежно затонут. Пассажиры успокоились, расселись по местам, продолжая рассматривать правый берег реки. Паром медленно, но верно приближался к монастырю.

Монастырь, приспособленный под «Дом для инвалидов войны и труда», в лесах даже и не прятался, наоборот, выделялся своей ослепительной белизной на фоне малахитового бора. Словно сам в гости кого зазывал, только ехал сюда особый контингент.

Собирали инвалидов по всей стране. Для начала убеждались в том, что ухаживать за ними некому и отправляли на баржах или паромах в

один конец... Страшное это было зрелище: полный паром человеческих обрубков. Стук костылей, скрип колёсиков самодельных тележек, кресел-каталок, везших ополовиненные тела, стоны ...

Из многих сотен инвалидов, привезённых на мыс, мало кто в живых остался. Некоторые из них в самые первые месяцы пребывания здесь померли: ни тепла, ни электричества в полуразрушенном монастыре. Бывшие кельи были калеками перегружены.

— Тех, что без ног, мы «танкистами» зовём, а других, что совсем без конечностей, «самоварами». У «самоваров» при туловище только один «краник» и остался, — встречала всю семью Сизаревых у стен древнего монастыря немолодая уже, но очень шустрая, невысокого роста нянечка. Пока вела через двор, успела рассказать про условия содержания, распорядок дня и привычки обитателей местного дома инвалидов. — Здесь же до того, как всё для них, горемышных придумали, метеопост был, потом военный госпиталь, рыболовецкие артели... Всего одно двухэтажное здание, где все вперемешку. Монастырь некому было восстанавливать. Это сейчас для туристов постарались, помыли-побелили, условия для содержания людей создали. Ой, а тогда сплошная разруха была! Собрали сюда в сорок восьмом, сразу после войны из близлежащих городов и калек на костылях, и с протезами, и совсем без конечностей... Отсюда, знаете, не убежать! Хотя никто никого заперти не держит. Но души их будто в клетки временем заточены и вряд ли когда из них выберутся. Вон как те «самовары», что в гнёздах на деревьях болтаются. Кто-то придумал их в таких вот корзинах «выгуливать»... Ну, вы сами видели с парома. А ваш Александр Петрович ещё молодцом держится! «Рукастый» оказался: всё, что мог, у нас тут починил. А потом вот хор организовал. Вижу, вы и гармошку ему привезли? Рад будет! Ну, заболтала я вас что-то, вы посидите вот тут, в коридорчике, а я за Сашей сбегая, позову его.

Но Сизаревы ждать решили во дворе, перед кельями — чего в маленьком коридорчике уютиться? На свежем воздухе лучше! Вышли на улицу. Девочки придумали побегать. Детство не удержать!

— Аня, Оля, далеко не убегайте! — крикнула им баба Нюра строго. — Не сыщешь вас после!

Забегали за угол, чтобы от бабушки строгой спрятаться, а там... Увиденное вогнало их в полный ступор. Там на раскладушках эти самые «самовары» лежат, «загорают» под весенним солнышком. Один из них, укрытый маленьким одеяльцем, смотрит на девочек немигающим взглядом, глаз не сводит. Страшно девочкам. На вид — молодой парень.

— Он уж дед совсем, это лицо его не стареет — застыло так, когда его контузило, — это ещё одна нянечка, помоложе первой, подошла к ним и стала объяснять. — Он ничего не говорил, его привезли таким откуда-то. С тех пор он и живёт в нашем доме. Документов никаких при нём. Кто он, откуда, где служил — неизвестно. Смотрит на всех своим ясным взглядом, живёт какую-то свою жизнь и...не стареет.

Тут же в белых подушках — ещё один «самовар». Разговорчивый.

— Девчата, что стоите? Подходите ближе! Не бойтесь! Лицо моё, конечно, не шибко красивое. Следы пороха и осколков на нём до сих пор. И глаза вот одного нет. Но это же не повод не быть весёлым, правда? Четыре раза меня фашисты хоронили под землёй во время боя. Держим мы оборону, значит, а немцы нас свинцом поливают. Ни отдыха, ни передышки! Взрыв, и нас накрывает землёй полностью. Откапываемся, делаем переключку, кто живой остался. И так четыре раза! Меня засыпает, а я из-под земли вылажу, как из могилы. Жестокие бои шли. Как они нас бомбили, как обстреливали, и сколько народу погибло тогда — не счесть. И всё-таки мы не пропустили немцев. Вот я и улыбаюсь, радуюсь. Чего не радоваться-то? Живой я, видите? Живой!

— А Вы давно тут за ними приглядываете? — это уже баба Нюра подошла к внукам и к этой нянечке.

— Да я же живу тут, в соседней деревне, — вздохнула та. — Работы в колхозе не стало, я сюда и подалась. Тут её завсегда навалом. Рук на всех не хватает. Утром — обход как в обычной больнице. За лекарствами и бинтами — в город на лошадях. Кормим их, таких вот, с ложки, успеть бы на ведро посадить, обмыть, вытереть, переодеть... За всеми не успеваешь. Вот они запелёнутые и лежат, своим г... перепачканные, терпят молча, ждут своей очереди... Война их молоденькими совсем пообтесала, лет в двадцать — двадцать пять. Дома-то некоторые из них побирались по рынкам, по улицам, нищенствовали, голодали без родственников, без жён. Все по-разному сюда попали. Ну, сами понимаете. Кого насильно привезли, кто сам попросился — никто из них не хочет обузой родным быть. А тут личная беда каждого стала общей — и не беда эта вовсе. Кому-то из них и вовсе повезло: бабоньки из соседних сёл их, ополовиненных по своим избам позабирали. Мужиков-то после войны и не осталось совсем. А в своём доме должно мужицким духом пахнуть! Посадят в «красный угол» и любят, а мужик-инвалид хозяйством управляет. Да я и сама замужем за местным. И деток у нас уже двое.

Вскороги вернулась та женщина, что за Александром Петровичем уходила. Но без него.

— А где Саша? Говорите же! Ну?! — рванулась к ней Анна Ивановна.

Нянечка ничего не ответила, только отрицательно покачала головой.

— Не ждите, поезжайте домой с Богом. А гармонь мы ему передадим. Не выйдет он. Велел только сказать вам всем «спасибо» за инструмент.

— Как же так, Сашенька? — всплеснула руками Анна Ивановна и украдкой смахнула слезу с ресниц. — Значит, не судьба нам больше свидеться, не судьба. — Передайте ему, что мы его помним. Пусть не держит на нас зла!

Пожилая женщина развернулась и, громко вздохнув, пошла по двору. За ней — и Павел с девочками.

Шли к мосткам, на которые высадил их паром, молча, с тяжёлым чувством недосказанности... Даже Аня с Олей притихли, взяли бабушку под руки с обеих сторон. Так же молча сели на вернувшееся за ними судно. Проезжая мимо белых стен монастыря, Нюра вдруг заметила, как из густой высокой травы крутого берега показалась кисть мужской руки. Мелькнула и исчезла, растворившись в листве широких дубов. И через мгновение после громогласного «Запевай!» над закамским раздольем, над белыми стенами старого монастыря, что на горе, над пристанью с теплоходами и паромами внизу, раздался голос солиста под грустные звуки гармони. А сразу за ним грянул нестройный хор мужских голосов, даривших морскую песню отплывающим в иную, счастливую жизнь туристам:

*«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали,
Товарищ, мы едем далёко
Подальше от этой земли».*

Хорошо одетые и сытые пассажиры туристических пароходов, теплоходов, паромов, проплывавших мимо Зелёного мыса, каждый раз, услышав песню, вздрагивали от неожиданности и от силы звучавших мужских голосов. Снизу не было видно, кто это так сильно и уверенно выводит песню. Не знали пассажиры и того, что хор из обрубков человеческих тел расположился в траве в четыре яруса: на самом верху — запевала, ниже — высокие голоса, ещё ниже — баритоны, и ближе к реке — басы. Не догадывались даже, что руководит хором «танкист»

на тележке с маленькими колёсиками Александр Петрович Мальцев, орденоносец Великой Отечественной.

— Слышите, это наш дядь Саша поёт! Это точно он! — закричали девочки. — Бабушка, слышишь?

— Слышу, слышу, — сказала Анна Ивановна и обняла своих внушек. — Вот мы и встретились с тобой, Саша! — сказала Анна Ивановна, уже не скрывая слёз. Чуть заметная улыбка тронула её губы.

Анна Ивановна Сизарева умерла через полгода после поездки на Зеленый мыс.

Александра Петровича Мальцева похоронили на кладбище монастыря в братской могиле без креста и памятника.

Василий Петрович Сизарев жил долго, пережив супругу и друга.

6 — 21 апреля 2024, Ижевск

Георгий Кулишкин

Харьков

СВИДАНИЕ

Ромка и представить себе не мог, что такие поезда ещё где-то бегают по рельсам. С мамой он дважды ездил в Крым, встречал и провожал бабушку, гостившую у них. Там были новенькие вагоны с холщовыми дорожками вдоль проходов, которые злили его, путаясь в чемоданных роликах. А здесь пахло неопрятными людьми и даже на вид всё было липким — и поручни, и столики под окнами, и реечные деревянные диваны, голосащие, как кузнечики в поле, из-за того, что, шаткие, они качались, как и пассажиры, в противоход с болтанкой вагона.

Нет, Ромку ничуть не удручала неряшливая ветхость состава, совсем наоборот. Здесь позволительно было то, чего ни в коем случае не разрешили бы в поезде обихоженном и присмотренном. Например, распахнуть двери в тамбуре и нестись, стоя на подножках, задиристо подставляя себя встречному ветру.

Смекнув, что техника попривлекательнее служит на магистральных направлениях, а старенькая докатывает свой век по тупиковым веткам, таким вот, как эта, что ведёт к колонии, в которой сейчас мама, он с интересом разглядывал прокопченные борта и бурые кровли. Но не мог знать, что копоть, въевшаяся в покраску и во все стыки и крепления, является исторической реликвией, памятью по чаду из паровозной трубы.

Потому что никогда не видел паровоза. Они вымерли ещё до его, Ромки, появления на свет.

Нелепо и спрашивать, жалел ли он маму. Жалел до слёз. Но жизнь без мамы, когда сам себе голова и никто тебе не указ, была несравнимо заманчивее той в одночасье канувшей в небытие жизни под маминной рукой. С мамой было как в тех вагонах с ковриками. Во всём надлежало оставаться благовоспитанным паинькой. Без мамы — как здесь — сорванцом на подножке и ветру.

— Вот ты где! — вышла в тамбур Света, старшая сестра.

Он покосился неприязненно и с норовом отвернулся, заранее отмахиваясь от поучающих наставлений.

— Держись крепче! — зная, что он не послушается, потребуй она вернуть его на место, только и сказала Света.

И тоже осталась на площадке. Едва скользнув взглядом по уходящей мимо местности, она смотрела на сомнительной чистоты его руки, впившиеся в поручни. И на рубашку, пузырьём раздувшуюся у него за спиной. И на жилистую, высокую шею, в которой уже угадывался юноша, на упругие волосы, торчмя вздымаемые набегавшим воздухом.

Почему-то вспомнилось, что его волосы, если припасть к ним лицом, едва уловимо и остренько пахнут муровейником. И она ощутила щемящую нежность к этому неслуху, о котором с исчезновением мамы некому больше думать и заботиться, только ей.

Буровато-зелёные железные ворота цветом напоминали обшивку вагона, в котором они ехали. Справа от запертой наглухо калитки в воротах чернела кнопка, прикрытая от осадков резиновым лопушком, какие крепят на черенок, чтобы бить мух. Светлана опасливо коснулась кнопки и отдёргнула руку, испуганная трезвоном, грянувшим по ту сторону ограды.

Отворила женщина в синем берете и в форме, похожей на форму железнодорожницы. С полуслова поняв сбивчивое толкование Светы, скупно кивнула, приглашая войти. Что-то повелительное, обязывающее подчиняться было в её безмолвной мимике.

Миновав путаный коридор, они попали в комнату с четырьмя столами по углам и стульями, стоящими визави у столов. Заразившись, должно быть, немногословием провожатой, они, долго дожидаясь маму, помалкивали и старались не прошуметь, двигаясь.

В первую секунду мама увиделась чужой — какой-то неузнаваемо простенькой в сравнении с её привычной внешностью и очень постаревшей. На её лице не было косметики. Как не было и её домашней причёски. Ещё сбивал с толку невообразимый на ней чёрный рабочий халат с бязевой белой нашивкой на нагрудном кармашке, помеченной её и их, детей, фамилией.

Целуя их, тиская Ромку, она старательно улыбалась. И робко, с виноватой пытливостью заглядывала им в глаза.

— Как ты? — спросила Света, когда они уселись, невольно отделившись от мамы столом.

— Нормально. Привыкаю помаленьку, — ответила она скороговоркой, чтобы спросить:

— Вы-то как?

— Что с нами делается! Слава богу, не маленькие.

Ни ей, ни им не хотелось говорить обо всём тоскливом и тягостном, постигшем и мать, и детей, и они помолчали, ответив друг другу общими словами.

Тогда дочь тронула пакет с передачей, заговорила, будто оправдываясь:

— Мы не знали, что взять, что нужнее. Ты пишешь «не вздумайте» и «ничего не нужно», а нам и спросить не у кого, что передают...

— С ума сошли?! Меня же тут кормят, а вы там — на какие шиши?

— Я работать пошла.

— Господи, а учёба?

— Перевожусь на вечерний.

— А работать — куда?

— На пятый ЖБК. Там готовые плиты перекрытия, колонны и ригеля, чтобы скорей набирали прочности, поливают водой. И я с помоста из пожарного шланга... Полюю всю площадку готового и бездельничаю, пока просыхает.

— Надо же! И кто тебя надоумил?

— На практике там были. Туда и пошла.

— И взяли?

— С руками оторвали. Никто почему-то не хочет. А мне даже забавно. Ромик два раза прибежал — пострелять из моей пушки.

— Понятно. Желающих нет, потому что платят копейки. Не носите сюда ничего! Мне вас повидать... А это заберёте домой, вам нужнее. И я подала заявление, чтобы, какие крохи заработаю, — вам переводили.

— Ничего мы домой не понесём! Сама посуды — ну, дикость же, несуразица какая-то!

— Ладно! — нашлась мать. — Давайте тут вместе покушаем. Давненько мы не сиживали за одним столом!

И потёрла ладонью о ладонь — таким знакомым детворе её жестом над праздничной сервировкой. А Ромке бросились в глаза бледные, будто бы полуживые её руки без маникюра.

Не имея под рукой ножа, кольчатую колбасу они разламывали, как разломали и свежий пахучий батон. Сестра ноготками ловко сняла кожицу с колбасы, подала очищенное Ромке. Тот угрюмовато принял и с настроем крепко проголодавшегося отхватил зубами копчёной вкусно-сти, сопроводил откушенное хлебом.

Угадав, как он голоден, мать сказала лишь:

— Руки давно мыл?

— Мыл! — буркнул он, подгибая, припрятавая чумазые пальцы.

— Чудо ты моё! — сорвано шепнула она, пригладив его вихры и пережидая колючий ком, застрявший в горле. Думая о предстоящем свидании, она посчитала нужным сказать им: «Простите меня, деточки!» Но слова эти никак не ложились на душу.

Она всё ещё не могла смириться с тем, что наказана сама и так наказаны её дети за то, что делалось и делается всеми, связанными с системой, в которой она трудилась. Делалось и делается ежедневно и ежечасно. За то, без чего не бывает и быть не может её вчерашней работы. Кто-то позарился на бойкий бизнес вельможного собственника их страховой компании, которого лично она и в глаза-то никогда не видала. И последовала проверка, а затем и дело — на неё, ничтожную офисную сошку. А вот чего она действительно простить себе не могла, так это отчаянной отповеди, вырвавшейся по адресу судьи. Та на разные лады знай себе вопрошала. Вопрошала чисто патетически, не требуя ответа, лишь восклицая:

— Как вы могли, нет, ну как вы могли систематически, изо дня в день обкрадывать государство и доверившихся посулам вашей конторы людей?!

И она спросила встречно:

— А кто бы меня держал на этой работе, не делай я, как заведено?! Вы же видите, что это не я — это моими руками. Я никогда ничего не имела, кроме зарплаты!

— И не уволились, не ушли оттуда?.. — прозвучало с умудрённой усмешкой.

— Но мне же — мне одной тянуть двоих детей!

И жизнь её была сломлена именно после этих слов. Она почувствовала это сразу же, тогда же, и знала наверняка, что судья в душе приговорила её точнёхонько в ту минуту, точнёхонько после тех её слов. Приговорила мстительно. Потому что принимала чрезвычайно болезненно встречные укоры. Те из них, которые бывали справедливы и говорили ей в лицо, что она, судья, в сущности, поставлена служить палачом.

— Ты сумочку-то поперёд себя держи! — в ответ на Светино «спасибо» и «до свидания» бросила женщина в форме, выпуская их за калитку. — Тут у нас... Смотри да оглядывайся!

Внутри станционного строения к приходу состава скопились люди. Погода портилась, обещающий стать затяжным дождик настоятельно попросил всех с платформы. Минут за десять до поезда из ниши между двумя кассами позвал звучный голос:

— Пирожки! Пирожки!

И повеяло горячей выпечкой. Казалось, что не зов, а именно этот дух, заморозив, повлёл к себе ожидающих. В гурьбе, стеснившейся у соблазнительной корзины, не опомнившись, очутились и Ромка со Светой.

Усатый дед, из первых, кто купил, при отсутствии передних нацелился куснуть боковыми, но вынужден был воздержаться — сглотнуть набежавшие слюнки. Света, забыв, что это невежливо, не могла отвести от него глаз и потянулась за деньгами. На ощупь, как тянутся впотьмах и спросонок за чашкой воды на ночном столике, она поискала рукой сумочку и, не найдя, глянула себе подмышку. С плеча сзади и спереди свисали хвостики отхваченного чем-то невероятно острым ремешка.

-Ой! — вскрикнула она. — Ой! — повторила, в отчаянии показывая повернувшимся к ней людям осиротевший ремешок.

Торговица толи виновато, толи раздосадовано увильнула взглядом, пробормотав:

— Раззява...

И стала отсчитывать сдачу, которую должна была отдать покупателю.

Справа и слева зазвучали досужие вопросы, в которых угадывалось там сочувствие, а там — смехок.

— Как же ты так! — с укором, будто никто иной, а только она и виновата, беззубо жуя, прошамкал дед, на которого она минуту назад так опрометчиво загляделась.

Но вот слышался скрежет тормозящего состава, и люди дружно заторопились к подкатывающим вагонам. Какая-то женщина мимоходом указала на двери с табличкой, подсказав:

— Милиция! Или как их там теперь...

Света метнулась было туда, но её с возгласом: «А поезд?!» — удержал Ромка.

— Но у нас же ни билетов, ни денег, ни паспорта! Кто нас пустит?!

— Объясним, попросимся! А нет — зайцами! — не сдавался он.

— Какие из нас зайцы! — чуть не плакала она. И решила: — Нет, заявим куда следует и попросим помочь!

Дверь с синей продолговатой вывеской оказалась запертой.

— В уборной он! — с непонятной неприязнью пояснила пирожница.

— Ща объявится.

И точно — из туалета с ветхой, захватанной нечистыми руками дверкой вышел молодой человек в помятом мундире правоохранителя и в форменной рубашке с несвежим воротником. Он хмурил и задира л кверху брови, изображая непонимание и отряхивая воду с умытых рук, а Света говорила всё быстрее и сбивчивее и трясла перед ним обрезком, оставшимся от сумочки. Наконец она прокричала умоляюще:

— Помогите хотя бы сесть на поезд!

На что последовал кивок, означающий нечто похожее на согласие, а в глазах возникла устремлённость, направленная к выходу на платформу. Но тут прозвучал сигнальный гудок и состав, прохрустев поочередно сцепами, тронулся с места. Ожившая было к действию фигура уполномоченного обмякла, а руки развелись в стороны, показав ладони и уведомляя об опоздании.

— Что же нам де-елать? — растянула Света, не удерживая больше слёз.

— А вы здесь по какой надобности?

— К маме приезжали-и.

— Ну так к ней и таво...

— Она... она в колонии, мы на свидание...

Здесь служивый снова оживился, явно не впервой сталкиваясь с подобным и имея про запас обкатанный практикой план действий:

— Вертайтесь в колонию! Вертайтесь, вертайтесь! Доложите на вахте всё как есть — вас на ночь устроят. А с утречка начальство распорядится в счёт мамкиных заработков купить вам билеты.

Встретив сомнение в глазах у Светы, он прибавил с неколебимой убеждённостью:

— Проверено! Говорю — вертайтесь!

— Нелюди! — с чувством вымолвила нынешняя женщина в берете. — Надо же так бога не бояться! Он же обокрал, он же и к нам посылает...

— Нет, сюда нас — полицейский...

— А я о ком? Ох, выродки! Выродки! — бормотала она, кивком зазывая входить поскорее и морщась на надоедливый дождь.

Знакомым коридором они проследовали к двери, на которой значилось: «Комната длительных свиданий». Яркая, грушей, лампочка осветила убористое пространство, где у стен стояли две кровати с новеньким постельным, заправленным, как в спальне летнего лагеря, и тумбочка между ними.

— А и промокли! — охнула дежурная, разглядев их при свете. — Фью-ю! — дунула, почти присвистнув, рассматривая Ромкино лицо с потёками и его руки. — Нет, такого замазурю к чистой койке — на пушечный выстрел! — и жестом, не терпящим возражений, позвала за собой.

— Душ умельцы хреновы никак не наладят, — говорила она, входя в душевую. — Благо воды тёплой припасено. Управимся!

Взмахнув пальцами, хозяйка показала, чтобы Ромка освобождался от рубашки, бросал её на крашеную длинную лавку под стеной, а со Светой переставила на реечный трап наполненную на треть выварку с водой и подала черпак, показывая, чтобы Света пополнила выварку, добавляя из бака.

— Что застрял?! — между делом прикрикнула на Ромку. — Скидай давай портки, разувайся!

Мальчишка нога об ногу сбросил разношенные кроссовки, снял джинсы, а трусы поддёрнул повыше, предполагая за этот предмет одежды стоять до последнего. Никто, впрочем, на его окончательном оголении не настаивал. Ромку зазвали на склизкие брусья трапа, и хозяйка, испробовав, не слишком ли горячо, ловко облила сверху его голову, плечи, спину и грудь из черпака, а Света, следуя безмолвной подсказке дежурной, принялась намыливать ему голову. Зажмурившись от мыльных потёков, Ромка потерял уверенность в равновесии и баланса ради приподнял руки. Вскоре почувствовал, как трусы сами собой соскользнули книзу, а властная рука толкнула под коленку, и он переступил безропотно вышагнув из них.

Оглушённый стыдом, он стиснул веки так, будто угодил в катастрофу, и напрягся всеми своими мускулами одновременно. Угадывал руки сестры, мылящие и помогающие смывать, а голоса доносились, словно возвращаемые эхом.

— Промежину, промежину получшей! — наставляла старшая. — Открывай петуха-то, открывай! Там, поди, катыхи белые, как червяки. Ну! Как знала! У меня самый такой обормот, точно такой самый. Ни в жизнь не прополощет!

С ним, обездвиженным, обходились, как с куклой. Просушив полотенцем, одели в халат, неотлично похожий на тот, что был на маме, — просторный, обернувшийся двойным запахом. И отправили укладываться в постель.

Сидя на кровати, он старательно пытался осмыслить, что же с ним произошло и как с этим произошедшим жить дальше. По всем видимостям, событие должно было восприниматься как нечто немыслимое. Но то ошеломляющее, невообразимое, что было там, на дощатом трапе, уже отбушевало, перегорело в нём. И теперь усталая нервозность нашёптывала лишь, что ничего такого уж смертельного с ним не случилось. Жить, в общем-то, можно.

С большим закоптившимся чайником в руках, с влажной головой и в таком же, как на нём, халате вошла Света. За ней с нарезанным серым хлебом на тарелке следовала хозяйка.

— Нашей, внутренней пекарни, — поставила хлеб на стол. — А витамин мой, домашний, — вынула из кармана узкую банку из-под грузинского соуса к мясу. — Перекусите, чтобы цыгане не приснились!

В комнате было тепло. Лампу погасили, но свет сторожевого прожектора, под острым углом ложась вдоль строения, затекал в окно. Ромка лежал поверх одеяла, думалось обо всём вперемешку. О маме, о том, как упоительно было нестись на подножке. И как он станет хватать тем, что так прокатился. Но вдруг всё заслонило собой жуткое предположение, что во дворе узнают, как его отмывали здесь. Да, ну, конечно! Светка по секрету поделится с неразлучной своей Майкой-Лушпайкой. А та раззвонит по всему району.

От такой догадки у него вдруг пересохло в гортани. Он надсадно проглотил эту сухость, позвал:

— Свет!

— Да? — не сразу откликнулась та, тоже думавшая о чём-то.

— Не рассказывай никому — ладно?

— Чего не рассказывать? — спросила она отрешённо, не угадав, о чём он.

— Сама знаешь.

Она поняла и, беспечно хмыкнув, отозвалась:

— Что мы помылись с дороги? Тоже мне событие!

Поднявшись, она сделала шаг к его кровати и бёдрышком потеснила брата, требуя себе местечка — в точности как когда-то, когда они были младше и она любила наброситься, чтобы озоровато потискать его. Сейчас, шутиливо потормошив Ромку, она крепко поцеловала его в макушку. Целовала, натопорщив ноздри и не слыша теперь, но помня остренький, дразнящий неуловимостью запах.

Потом она молчала какое-то время, а он чувствовал мечтательный настрой, лучами растекавшийся от её сознания. Что грезилось ей в эти минуты? Грезилось счастье. Без событий, без содержания — чистое, как свет, беспричинное счастье, обещаемое юностью.

— Завтра, — вернувшись немного погодя к реальности, сказала она всё с той же мечтательностью, которая не отпустила её. — Завтра получим твою половинку папкиных алиментов. Картоха у нас есть, купим селедочки, лучку, постного маслица, хлебца чёрненького свежего... Пир закатим на весь мир!

Евгений Савченко

Ростов-на-Дону

НАСТЯ¹

Однажды в полдень в почти пустом ресторанчике мы обедали и в лёгкую отмечали с одним предпринимателем успешно закончившийся небольшой бизнес-проект. Наш столик обслуживала официантка по имени Анастасия.

— Анастасия... Настя... — в задумчивости произнёс предприниматель, глядя куда-то в окно.

— Кого-то напомнила? — больше из вежливости поинтересовался я.

— Кто?

¹ основано на реальных событиях.

— Анастасия...

— Ааа... Что вы. Нет! Впрочем, если хотите, расскажу. Это недолго.

— С удовольствием послушаю.

— Тогда, с вашего позволения, я закажу ещё двести?

Я согласно шевельнул плечами.

Он подозвал официантку.

— Пожалуйста, того же двести и минут через пятнадцать-двадцать десерт. Мне — зелёный чай... Вы?

— Составлю вам компанию.

— O`key! Тогда, Анастасия, чайничек на двоих...

— Я поняла.

— ...Знаете, — сказал он, наполняя рюмки. — На самом деле, Настя была... И, в сущности, благодаря ей я стал тем, кем сейчас являюсь. Ну, давайте за всё хорошее...

Мы выпили.

— Так вот... Был у меня приятель, бомж.

— У вас? Бомж?

Я с откровенным удивлением посмотрел на хорошо одетого, аккуратно постриженного и гладко выбритого мужчину лет пятидесяти, сидящего передо мной.

— Да, у меня. Я ведь ещё год назад сам им был. Не верится?

— Если честно, нет.

— Мне самому порой... Но это так. Как всё случилось, история длинная, для другого раза, если хотите. В общем, оказался я на дне и был уверен, что навсегда. Естественно, довольно скоро обзавёлся новыми знакомыми и более-менее близкими приятелями...

Предприниматель замолчал. Было видно, как непросто даются ему эти воспоминания. Я сделал было слабое движение остановить его, он меня понял:

— Не беспокойтесь, я в порядке. Я же сам начал. А скажите, вас не удивило моё приглашение отметить успешное завершение, принципе, незначительного проекта?

— Если честно, немного было.

— Ранее я и гораздо большие не отмечал... А теперь, после возвращения, так сказать, всплытия, мне самому надо до конца поверить, что я не ползаю по дну.

— Вполне вас понимаю и ничуть не жалею, что принял ваше приглашение...

— Ну, чтобы вполне понять, надо там оказаться... — он посмотрел на меня с чуть заметной усмешкой. — Упаси бог, я вам такого не желаю. Простите, я отвлёкся... Да... И вот зашёл к одному из моих новых... Как говорится, с неофициальным визитом. Сидел на глубокой мели и заглянул к нему, чтобы из еды чем-нибудь разжиться... С собою у меня была банка «Балтики», подобрал в парке, пацаны бухали и забыли.

Короче — шел не с пустыми руками, надеясь поменять пиво на еду. Я знал к кому иду: еда его интересовала меньше, чем спиртное. В бомжи попал из-за наркотиков. Ну, а в бомжах этим особо не побалуешься — добыть не за что, так постепенно и отвык, разве чифирил, да выпивал, когда было... А по натуре — души добрейшей! Жил в подвале хрущевки под снос. В ней почти всех расселили, один крайний подъезд остался. Он на противоположном конце обосновался... Добровольно исполнял обязанности дворника, при том, что был штатный, таджик. Но двор большой, из нескольких домов... Он шефствовал над околodomной территорией. С таджиком дружил. Звали его... А впрочем, не важно.

И вот пробираюсь я по подвалу к его закутку... С таджиком они с мусорника приволокли выброшенную коробку с дверью и приладили. И у него вроде отдельной квартиры получилось. Подхожу и слышу, он не один. Разговаривает с кем-то... Не с кем-то, а с женщиной!.. Никаких женщин до этого за ним замечено не было. Даже из нашего «аристократического» круга. А тут:

— Настюха, не ломайся, тебе говорю.

Услышав такое, хотел развернуться и уйти, но вдруг про еду донеслось:

— Вчера ты за обе щёки это уплетала, а сейчас нос воротишь? Другого сегодня не будет.

Разговор про съестное добавил мне смелости, и я решил войти. Однако, перед тем в дверь постучал. Стук услышали и замолчали. После короткой паузы заговорили снова:

— По-моему, к нам гость, Настя, или гости. Ну-ка, постой, пойдугляну.

Старый топчан заскрипел, видно, вставал... Не дожидаясь, пока подойдёт, я осторожно открыл дверь. Мы едва не столкнулись.

— Ты!? — воскликнул он. — А какого чёрта не заходишь?

— Пардон... но ты не один, насколько я понимаю.

— С чего ты взял? Один совершенно.

— Пардон... А Настя? Или ты с собой беседовал, или мне померещилось. Кто из нас сумасшедший?

— Ну, тут ты, брат полного конфуза дал. Что это у тебя в кармане? Он увидел мой оттопыренный боковой карман пиджака. Я достал пиво.

— Троечка... Лучше бы «девятка»...

— Извини, чем богаты. Так знакомить будешь?

Я попытался через его плечо увидеть таинственную Настю, с которой дал «полного конфуза».

— Заходи. Тебя познакомлю, — добродушно сказал он, раскупоривая банку. — Туда смотри.

И показал на дальний угол. Я посмотрел и никого не увидел.

— Иди, иди. Там она.

Я подошел к большому ящику, который служил ему обеденным столом, и заглянул за него. В отгороженном углу никого не было.

— Ты меня под...ь? — поинтересовался я, имея ввиду, что издевается надо мной.

— Ничуть...

Он приблизился.

— Да... убежала...

Я ошалело уставился на него. Он заметил это и засмеялся.

— Смотри внимательней... Дырку в стене у пола видишь?

— Нору?

— Вход в жилище. Будем, по возможности, вежливы.

И тут я наконец заметил жестяную банку из-под шпротов с молоком, кусочки хлеба и колбасы. Всё это было у «входа в жилище».

— Ты хочешь сказать...

— Да. Настя — это крыса.

— Ну, знаешь, всё-таки из нас двоих сумасшедший это ты, — сообщил я ему.

Он допил из банки.

— Одна только?

— Чем богаты...

— Скорее, бедны!

— О, брат, как ты заговорил... — с некоторым удивлением сказал я ему. — Уж не появилась ли у тебя богатая невеста или наследство в Америке отыскалось? То-то, смотрю, даже пиво тебя не так, чтобы уж обрадовало...

— Обрадовало, что ты! Не обижайся. Бери ящик, перекусим.

Я уселся на ящике, служившем стулом, у ящика, служившего столом. Набор предложенных закусок мало что, не потряс — я даже не успел порадоваться, какой удачный визит у меня вышел, — настолько

любопытство пересиливало. На расстеленном чистом листе бумаге, щедро оторванном от рулона, появилась банка «Ивасей», ржаной батон, стеклянная банка кабачковой икры и... глазам не поверил... небольшая палка полукопченой колбасы...

Я почувствовал, что внутри меня заиграл увертюру изголодавшийся симфонический оркестр... Он услышал аккорды, несущиеся из моего желудка, понимающе ухмыльнулся и широким жестом пригласил откусать тем, что бог послал. Хотя, поправился он, бог мне только Настю послал. А уж она всё остальное...

— Что!? — не выдержал я. — Продолжаешь издеваться? Честное слово, достал.

Он, не спеша, порезал батон, настрогал колбасу, консервы открыл...

— Имей ввиду, будет и десерт: яблочный сок с пряниками и грушевым повидлом, а вот спиртного нет, извини, не держу. Приступай!

Не скрою, в отличие от него, который жевал, размеренно и не торопясь, я накинулся и глотал всё подряд. А он рассказывал...

...Ну, жил я и жил... Ни о чём не задумывался. День прошел, живой, и слава богу. На дурь, как догадываешься, денег не было. Их ни на что стабильно не было. Худа нет без добра, помаленьку, не без ломок, конечно, но отвык, только чай, ну, в смысле, чифирь, да бухло. Что повторяться, сам знаешь.

И вот в феврале, в самом начале... а может и в конце января... пошла полоса у меня и такая хреновая! Еле-еле к хлебу что-то добывал. Завалилась как-то в кармане мелочь, или на банку пива, или на хлеб. Всё равно не наемся, решил я, а пиво хотя бы душу погрееет.

Подошел к дверям «Пятерочки», а был, понимаешь, во фраке, да без бабочки, и душ утром не успел принять, поэтому заходить не стал, а остановил бабулю с зонтиком, протянул ей мелочь... Она не взяла, но попросила подождать. Спешить мне некуда было, я согласился. Скоро она вышла с полной сумкой, вынула из неё пакеты молока и кефира, солодовый батон и кусочек колбаски... По тем временам, мой едва не недельный рацион. Отдала и, ни слова не сказав, исчезла в темноте. Я так и остался с открытым ртом, забитым благодарностями.

Вернулся к себе. От труб теплом, уютom веет... В лампе оставался керосинчик, запалил я лампу... Решил шикануть и романтически, при свечах, позавтракать, пообедать и отужинать за вчера и сегодня. Подхожу с лампой к обеденному столу, вот к этому самому... И тут тень с него метнулась вниз. Успел только конец голого хвоста заметить... Ну, осветил лампой, разглядел нору. Не знаю, почему, может старушка

так своей добротой на меня подействовала, не стал я дырку затыкать. Нашел банку, молочка налил, рядом поставил, накрошил хлеба и чуть колбаски. И в общем-то забыл.

На сытый желудок сон прямо за столом меня свалил... Голова упала, так, сидя, и захрапел. Утром глаза открываю. Слышу шорох внизу... Вспомнил, глянул вниз... глазки-бусинки из норки поблескивают. Вокруг чисто, жестянка пуста... У меня опять инстинкт сработал. Налил, накрошил... и забыл. Вспомнил вечером. Посмотрел — опять чисто. И тут странное для моего положения чувство меня охватило — и я, оказывается, о ком-то могу позаботиться! Нарёк эту подружку Настей, накрошил... молоко кончилось, налил кефиру. И понял, что на мой бюджет дополнительная нагрузка образовалась. И, не поверишь, какую-то ответственность на себе почувствовал, даже обрадовался — нужен я кому-то, пусть и... А когда она на Настю стала откликаться, так и вовсе разомлел.

Вот мы и стали с Настей жить. Теперь, если у меня хватало только на выпить или на хлеб, я, без раздумий, покупал еду. И, опять не поверишь, когда возвращался в нашу нору, а берлогу свою я тоже в нору переименовал, она меня снаружи дожидалась. Пряталась, когда наливал в жестянку и еду раскладывал, но всё равно нос наружу выглядывал.

Постепенно и от бухла отвыкал. Сам почти не покупал, если угостит кто, типа, как ты, а сам... только когда на душу через край надавит.

И, наверно, дней десять... может даже недели две, прошло. У меня очередной голяк. Денег ноль, только кой-какой едой разживался. Спасибо, дворник наш, таджик, приятель мой хороший, выручал. Правда, с деньгами у него самого не ахти, всё туда, в семью отправлял...

Прихожу с половинкой «Бородинского», банкой кильки в томате и молоком, правда, целых два пакета. Говорю Насте, смотри, погано себя чувствую, озноб у меня, на пару дней точно слягу, потому — не шиковать, это пока все наши запасы. На том и порешили. А слёг я конкретно — не то, что на второй, на третий день меня ещё трясло, мокрый весь лежал. Посмотрела на меня Настя, мне показалось, жалостливыми глазенками своими, ничего не сказала, а спрыгнула со стола и в нору. Я тогда ещё подумал: вот и всё, лежи себе, старче, подыхай, кому ты, на хрен, больной нужен!? Вон... даже Настя от тебя слиняла.

И точно. Вечером она не пришла, а я, не поверишь, хотя и понимал всё, не сумасшедший же наконец, но забеспокоился и совсем одиноким себя ощутил...

А наутро шорох... Ухо у меня на этот звук натренированное — Настя вернулась! Иду к столу, от слабости шатает, облокотился... Гляжу: Настя, хвостом вильнула и в нору, а рядом бумажка на полу, небольшая, на купюру похожа. Глюки, что ли, начинаются, подумал я и, чтобы проверить, полез за бумажкой.

Взял... и во рту, и так пересохшем, всё деревянным стало. Глазам не верю. Баксы! Купюра на сто долларов. Я имел дело с баксами, пощупал, настоящая!.. Дополз обратно до топчана, баксы рядом положил. Трясёт ещё больше — уже не от простуды. Страшно стало. Мысли вразнос... Где взяла? Неужели украла?! Господи, не подарили же ей!

Спрятал под подушку и лёг. Если придут и спросят, скажу, не ведаю, не знаю... Бог, ты мой! Кто придёт?! Кто спросит?! В общем, полежал, успокоился. Мелькнула мысль, может всё-таки не настоящая? Может фальшак подкинули?! Боже мой, кому подкинули?!

Не выдержал, собрал все силы, оделся, пошёл к таджику. Он разбирается, когда домой едет, баксами везёт. Пощупал он, повертел, на свет глянул и вердикт выдал: подлинная. И сам предложил купить. А я не знаю, за сколько отдать... Он успокоил, не бойсь, по курсу, ну, малость ниже, если я не против. Я что, я согласился. Идти в обменник, могут и ментов вызвать, а то и охранники запросто отнимут. Короче — получил я кучу денег, каких давно не видал, и в магазин...

...Мой собеседник на минуту замолчал, рассеянно мешая ложечкой в пустой чашке.

— М-может ещё чаю? Или надоело?

— Ещё, конечно, ещё...

— Настя... Простите, Анастасия, повторите, нам, пожалуйста. Что-нибудь добавить? Вы не стесняйтесь.

— Чай! У Насти... фуу... — я вытер вспотевший лоб. — У Анастасии он поразительно вкусный.

— ...И вот он продал первые сто долларов и отправился в магазин, чтобы славно отметить...

— Первые?! Были ещё?

— В том и фишка. Стала ему Настя таскать стодолларовые бумажки не каждый день, но регулярно! Где она их доставала, по понятным причинам, не распространялась. И начались у моего товарища в жизни перемены...

Он сократил круг общения, кроме меня, насколько я знаю, остались двое-трое, с кем он поддерживал. Вредные привычки опять же

почти к нулю свёл. К дури не вернулся, только изредка чифирил с одним из тех двоих-троих. И в ту нашу встречу, выпив одну-единственную банку пива, поделился своей мечтой: подсобираю денег и попробую с чистого листа. Квартиру сниму, документы восстанавливаю... А то и в профессию вернусь.

А он историк-краевед и, на минуточку, не последний в своем деле — в каком-то известном краеведческом музее был главным специалистом по... по...этим... Не вспомню. С археологией что-то. В экспедиции ездил постоянно. Там мало-помалу и пристрастился... Не знаю, как так можно, я не расспрашивал.

— И сколько ж она ему натаскала?

— Вот и вы о том же... А разве важно? Даже если одну... Вы над другим задумайтесь: как вообще быть такое могло? Где-то я читал, что у крыс высокий интеллект, но чтоб...

— Согласен с вами, история до чрезвычайности занятная. Я тоже слышал, что эти звери запоминают свои прозвища и легко поддаются дрессировке, но вообразить подобное... Нет, не могу. И поверить тоже.

— А придётся. Перед вами очевидец.

— Ну, — заметил я осторожно. — Как она притаскивает купюры вы же, положим, не видели?

— Не видел. Зато купюры видел. Он показывал. Отодвинул ящик, под ним в полу он тайничок оборудовал, и показал.

— Ну, может...

— Соврал? Тогда объясните, для чего? Мне-то какая разница, откуда у него баксы? Легко мог сказать, что на мусорнике нашел или ещё где. Но дальнейшее по логике не клеится — хорошо, нашел, решил по новой начать, так и вали из подвала, чего вшей кормить?! А он остался, кормил... А почему? Надеялся, Настя ещё принесёт.

— Принесла?

— Наверняка что-то притаскивала, иначе чего там сидеть? По виду пакки, которую я в тот раз заметил, пара штук у него уже была...

— И как, получилось у него, как вам, всплыть?

— Нет. Только мне.

— Жаль. А почему, если не секрет?

— Не секрет. Убили его. Трепаться меньше надо было. Я-то ладно, увидел и забыл. А он похвалился одному из тех троих...

— С которым чифирить продолжал?

— Да. Я заглянул к нему... в конце июня... или в июле. Месяца три прошло. Дверь опечатана. Что за дела? Выхожу на улицу, а навстречу таджик с тачкой мусора катит... Решил спросить у него, может в кур-

сах? А таджик меня знает, видел не раз с ним и у него, темнить не стал, так, мол, и так, грохнули твоего товарища.

Ну и рассказал, как дело было. Приехал он из дому, таджик то есть, на неделю отпрашивался с работы, смотрит, что-то не видно помощника... Мусора вокруг подъезда навалено... Опять захворал, что ли? Решил навестить. А там чифирист этот. Спросил, а где?... Отлучился вот только что, отвечает. Ладно, ещё зайду. Выждал дня три... снова не застал. Только в этот раз не поверил таджик, потому что уж как-то похозяйски этот тип на топчане разлегся. А главное, второй ящик для сидения снаружи двери валялся. Ничего не сказал. Но тревожно стало. И он тревогой с участковым поделился. Вместе они туда и пошли. Вечерком специально, когда, по идее, все дома должны быть.

Заходят. А тот опять один. Участковый говорит, ваш знакомый мне очень нужен, я подожду. Тот заметно заерзал... И уходить засобирился. Участковый ему, уважаемый, документики покажите и задержитесь-ка на минуточку, у меня к вам парочка вопросов. Таджик переноску принес, включили, при нормальном свете, даже без обыска, понятно стало — криминалом пахнет. Ушел этот приятель вместе с участковым. Участковый дверь опечатал, предупредил, что скоро с обыском придут. Но так и не пришли. А того больше не видели.

Через месяц участковый в жилищную контору принес благодарственное письмо от районного управления МВД за то, что их сотрудник, работник чистоты, такой-то помог раскрыть тяжкое преступление. Таджика премировали за бдительность. Дело оказалось не из запутанных. Участковый рассказал таджику, что на первом же допросе задержанный признался, убил из-за денег. Правда, в историю с крысой никто не поверил, мотив свели к личной неприязни и отчасти к корыстным побуждениям. Поэтому и обыск не потребовался.

Тело он ночью в мусорный бак выкинул. Когда на городской свалке машина разгружалась, труп обнаружили, вызвали полицию. В морге потом опознали. Экспертизы всякие поделали. Всё сошлось. Так закончилась эта история с Афанасием и Настей.

— Афанасием?

— Убитого Афанасием звали.

— А вам-то как Настя помогла?

— Тут всё просто. Поговорив с таджиком, я в подвал отправился. Сорвал бумажку и к ящику-столу направился. Сдвинул его, убрал кирпичи. Деньги были на месте. Я взял их себе... Считаете, не должен был? Осуждаете?

— Почему? Не в райотдел же их сдавать! Кому-то же они должны были сослужить добрую службу? Не ваша вина, что с Афанасием случилось. И Настя не зря старалась. Кстати, а с ней что?

— Кто его знает... Исчезла. Я так думаю, этот... после убийства стал её также прикармливать в ожидании денег. А она его не признала.

— Скорее всего, так и было.

Предприниматель позвал официантку.

— Анастасия, рассчитайте нас, пожалуйста.

Через минуту она вернулась и положила на стол папку со счетом. Предприниматель положил в неё деньги, и мы направились к выходу. У самых дверей нас догнала Анастасия.

— Извините, — она протянула предпринимателю тысячную купюру. — Спасибо, но это чересчур...

— Возьмите, Настя, прошу вас. Поверьте, от чистого сердца. У вас такое прекрасное имя!..

Дмитрий Игнатов

Воронеж

МЕДУЗА

Кристиан замер, уставившись на распахнувшую плащ фигуру, в которой с трудом угадывался Херберт.

— Ты самый занятный эксгибиционист, которого мне приходилось видеть,— наконец пробормотал он, снимая с друга шляпу и продолжая, не отрываясь смотреть на Херберта, а потом всё-таки позвал жену,— Маридж, дорогая, иди-ка сюда. Ты должна это видеть!

— Кто там? Херб зашёл?— появилась с кухни высокая бледная девушка с худыми руками и недокуренным косяком в зубах. Она как вкопанная застыла рядом с мужем, глядя на гостя и даже перехватила самокрутку пальцами, боясь выронить её из непроизвольно открывшегося рта.

— Выглядишь как медуза,— с трудом выдавила из себя Маридж.

— Ну, спасибо,— кивнул Херберт, уже полностью снимая с себя плащ.

— Ты видишь тоже самое?— спросила девушка у мужа, невозмутимо забирающего у гостя одежду, чтобы аккуратно повесить её на тремпель.

— Определённо.

— Хорошо... А то я уж думала, что в траву подмешали какой-то жёсткой синтетики.

— Зато я вас в этом состоянии почти не вижу. Так что, вы бы помогли мне...

Только сейчас Кристиан заметил, что его друг всё время тихонько ощущивает стену и крутит головой, словно пытаюсь найти дорогу в темноте.

— Конечно, Херб,— Кристиан взял гостя за плечи и повёл на кухню.— Пошли, расскажешь нам, что произошло.

В ярком свете кухонных ламп неожиданного вечернего визитёра можно было разглядеть во всех деталях. И хотя внешне, особенно для знакомых, он по-прежнему был опознаваем как «дружище Херби» — светило европейской фармакологии, известный биохимик Херберт Гриффин Фицджеральд-Уолш — то, что сейчас сидело в мягком полукруглом стуле, очень отдалённо напоминало человека, а больше походило на какой-то диковинный экспонат из анатомического музея. Тело его вместе с кожей, волосами, мускулами, органами и костями было практически полностью прозрачно и угадывалось лишь по границам, отделяющим его от окружающего воздуха, как мы видим обычно чисто вымытый стеклянный стакан или кусок лёгкого желатинового желе на тарелке. Все составные части организма просматривались насквозь, лишь слегка уплотняясь по мере вложенности друг в друга: внутри прозрачной грудной клетки надувались и съёживались прозрачные лёгкие, рядом билось прозрачное сердце, перегоняя по прозрачным сосудам лёгкую розоватую дымку прозрачной крови, чуть ниже сжимался прозрачный и явно пустой желудок.

— Господи боже мой, Херби, что ты с собой сделал на этот раз?— постепенно приходя в себя спросила Маридж, присаживаясь напротив и глубоко затягиваясь дурманящим дымом.

— Что? Сильно страшно? Просто я сейчас почти не вижу...

— Ты похож на медузу,— повторила девушка.

— Замечательно...— грустно проговорил Херби и тяжело вздохнул, сжав прозрачные лёгкие.— Это всё из-за моего нового препарата... Который по идее должен был давать невидимость.

— Невидимость?— с подозрением спросила девушка.— Но мы же тебя видим.

— Да, я в курсе, но... Крис тебе лучше объяснит. Короче, всё дело в коэффициентах преломления тела и окружающей среды. Если они сов-

падают, то свет не меняет своего направления и тело становится невидимым.

— Да,— кивнул Кристиан,— как алмаз, погружённый в воду. Или, знаешь, можно взять тонкую папиросную бумагу, из которой ты крутишь свои косяки, натереть маслом и она станет более прозрачной.

— Это понятно,— остановила девушка мужа, оседлавшего своего излюбленного физического конька.— Ты-то, Херб, как это с собой сделал?

— В этом была суть моего открытия. Полилипид — синтетическое вещество из набора высокомолекулярных жирных кислот. Оно цепляется к клеточным мембранам, повышая светопроницаемость тканей.

— Ну...— протянул Кристиан,— у тебя почти получилось. Только, прости, один вопрос: зачем ты сразу же попробовал его на себе?

— У меня не было дома лабораторных животных... И потом, вещество не токсично... Я подумал, что это не слишком опасно и эффект окажется местным. После того, как я нанёс его на кожу руки, вообще ничего не произошло, поэтому я попробовал ввести состав внутривенно, через капельницу. Но, похоже, отрубился...

— И сколько ты себе влил?— Маридж положила недокурный косяк в пепельницу и со всем своим врачебным осуждением посмотрела на Херби.

— Около литра...

— Сказочный идиот... Удивляюсь, как ты вообще сюда дошёл. Скажи спасибо, что у тебя не затромбовались все сосуды от такого количества жиров.

— О! А слышали эту историю, когда один чужак из интернета тоже накачал себе в руки масла?— активно подхватил Кристиан, но не получил поддержки.

— Мой препарат обладает феноменальной биодоступностью. Он почти моментально всасывается в ткани и разносится по лимфатической системе,— вяло возразил Херберт.— Лучше... Дайте мне поесть, я не ел со вчерашнего вечера.

— Умник... На вот!— раздражённая Маридж поднялась, поставила на стол перед желеобразным гостем объёмную тарелку со сладкими эклерами и принялась разливать чай по чашкам.

Нащупав угощение, Херберт принялся есть.

— Станный вкус. С чем они?

— Купила сегодня в кофешопе неподалёку.

— Вообще-то я не употребляю продукты с марихуаной,— прозрачный человек замер на секунду, но потом всё-таки отправил пирожное в рот.

— Ну, вообще-то мы тоже... Не каждый день... Но ты ешь. Тебе сейчас это будет полезно от нервов,— ответил Кристиан, с интересом наблюдая, как еда измельчается во рту его друга, а потом, проходя по пищеводу, оказывается в прозрачном желудке.— Выглядит это, конечно...

— Интересно да?— усмехнулась Маридж.— Когда он начнёт всё это переваривать, будет ещё противнее.

— Отвратительно... Кстати, Херб, почему ты без одежды?

— Я её не нашёл...— с набитым ртом ответил незадачливый учёный.— Я очнулся после капельницы, меня сильно тошнило, но никакого внешнего эффекта не проявилось. Я просто испытывал сильную слабость и поэтому как обычно лёг спать. Кажется, я проспал больше 18 часов. А как проснулся, понял, что почти ничего не вижу. Устроил в квартире настоящий погром, пока не сориентировался и не обнаружил плащ и шляпу. Отыскать в таком бардаке телефон оказалось совсем невозможно, похоже, я просто куда-то его уронил. За окном ещё виднелись еле различимые силуэты, поэтому я надел, что смог, вышел на улицу и почти на ощупь пошёл к вам...

— Я всегда говорил, что твоя привычка спать голым когда-нибудь тебя подведёт. А слепота вполне объяснима,— отпивая чай, важно произнёс Кристиан, со всем своим авторитетом школьного учителя физики.— Став прозрачным, ты и свои глаза сделал прозрачными, а значит, невосприимчивыми к свету. Странно, что ты этого не учёл заранее...

Херберт снова грустно вздохнул.

— Хорошо ещё, что тебя не забрали полицейские.

— Они его испугались,— засмеялась девушка,— зато теперь ни один бот в инстаграме не заблочит его голые фотки. И прозрачный член кажется больше, чем раньше.

— Это от того, что он рад нас видеть... Точнее, не видеть,— подержал было шутливый настрой жены Кристиан, но осёкся и с подозрением посмотрел на неё.— Постой! Откуда ты знаешь, как выглядел его член?

— Пфф! Господи боже мой, да всё наше хирургическое отделение видело его член. Ещё в тот раз, когда он защемил его в...

— Я думал, вы соблюдаете врачебную тайну,— прервал девушку Херберт.

— Ах, да, прости! Я молчу.

— Расслабься, Херб. Видишь, мне она ничего не рассказывала,— Кристиан тихонько толкнул жену в бок.— Потом, когда он не будет нас слышать.

— Лучше бы придумали, что мне теперь делать,— проговорил прозрачный человек, без особого удовольствия заливая в себя ярко-красный чай.

— Нужны токсикологические анализы,— пожала худыми плечами Маридж.— Волосы, эпителий, кровь, моча... Может и смогу что-то выявить.

— Я готов,— кивнул Херберт.

— Ещё бы понимать, чем ты себя накачал.

Поколебавшись пару минут, учёный взял салфетку, лежавшую под чайным блюдцем, и развернул перед собой.

— Хорошо. Я напишу формулу. Дайте ручку.

***

Как минимум ближайшую неделю бедолага Херберт решил провести у немного взбалмошной, но довольно гостеприимной четы Флогстоунов, хотя все понимали, что это может затянуться на неопределённый срок. Лишённый зрения, но не потерявший всех прочих человеческих чувств, он днями сидел в кресле в любезно предоставленной ему клетчатой пижаме и слушал аудиокниги. Тем временем Маридж озадачивала лаборантов клиники, где она работала помощником хирурга, различными анализами. Кристиан же в свою очередь тоже озадачивал, но уже самого Херби — своими многочисленными экспериментами над неудачливым экспериментатором.

— Всё! Готово! Можешь опускать рубашку,— скомандовал Крис и выключил лазер, до этого насквозь проходящий через живот его прозрачного друга.— Почувствовал что-нибудь?

— Нет,— учёный невозмутимо вернулся в своё кресло.

— Тем не менее, я измерил коэффициент преломления твоего тела. И он не сильно отличается от воды, что, в общем, понятно — мы в основном состоим из неё, а твой полилипид воздействует исключительно на клетки. Но даже сейчас я неплохо вижу зубы, кровавые тельца, не говоря уже об оболочках всех органов. Думаю, в воде твоя прозрачность будет практически абсолютной, а если тебя полностью высушить, то ты станешь скорее матово-белым.

— Это не может не радовать,— мрачно отозвался Херби, но вечно увлекающийся Кристиан продолжил разглагольствовать, судя по звукам, расхаживая взад и вперёд по комнате.

— Если бы ты добился полной прозрачности тела, то ты никуда не смог бы девать воду. И даже если приблизить коэффициент преломления воды в твоём организме к коэффициенту преломления воздуха... То всё равно твоя идея невидимости была наивной. Хочешь знать почему? Да потому что оптические свойства окружающего воздуха зависят от массы факторов: микроскопическая взвесь, влажность, температура... Для сохранения невидимости тебе пришлось бы постоянно контролировать их и подстраивать под них своё тело, что невозможно.

— Крис... Даже слепой я чувствую, как ты маячишь у меня перед глазами.

— Не думаю, что ты окончательно слеп,— проговорил физик и вдруг щёлкнул чем-то почти перед носом Херберта. Тот рефлекторно отвернулся от неожиданной вспышки.

— Чёрт! Что это?

— Просто зажигалка,— Кристин спрятал серебристую коробочку в карман.— Считаю, что тебе повезло с твоим экспериментом.

— Да, куда уж больше...

— Стань ты полностью невидимым, то действительно бы ослеп. А так... Твои глаза по-прежнему воспринимают свет, просто делают это хуже. Вероятно, излучения нужно больше, или оно должно быть коротковолновым, более фиолетовым, или, точнее сказать, ультрафиолетовым. Поэтому ты не видишь света от светодиодных лампочек, но замечаешь вспышку от пламени. И этим объясняется, почему на улице ты различал тёмные и светлые пятна.

— Логично,— устало кивнул Херберт, закидывая ногу на ногу и стараясь найти, куда же он задевал наушники и плейер.

— Конечно, логично! Ведь даже полностью прозрачные морские твари ощущают тепло от солнца, поднимаясь в верхние более прогретые слои воды. Как, например...

— Медузы,— закончил Херберт за своего друга.

— Да!— обрадовался он.

— Спасибо тебе, Крис...

Учёный наконец-то нашёл наушники, но не успел надеть их на голову, чтобы дослушать очередную главу Чеховской «Чайки», как в квартиру с шумом громко распахнутой двери влетела Маридж. Воздух сразу же наполнился горьковатым ароматом её духов и запахом каких-то антисептических препаратов.

— Развлекаетесь, мальчики?— игриво спросила она, громко чмокая Кристиана в щёку.

— Ты сегодня поздно.

— Ага... Под конец смены экстренно резали одного типа с запущенным перитонитом. Столько зелёного гноя вылилось...

— Фу...— брезгливо поморщился Крис.— Мы, утончённые аристократичные мужчины, предпочитаем заниматься чистой наукой. Не то, что вы, грубое бабье...

— Ой, вот же гомики!— рассмеялась девушка, давно привыкшая к подобным провокационным выпадам мужа, и зашуршала бумажным кулком, который вытащила из сумки.— Раз вы такие сладенькие, то я угощу вас прикольными желешечными мармеладками.

— Прозрачными?— поинтересовался Херб.

— Не такими прозрачными, как ты, дружок!— мгновенно отреагировала Маридж, и тут же своими тонкими пальцами засунула конфету в рот прозрачному человеку.— Но ты вёл себя хорошо. На, жуй, оранжевую апельсинку!

— А мне?— возмутился Кристиан, но сразу тоже получил конфету.

— А тебе зелёную... Как гной.

— Ребят, вам кто-нибудь говорил, что вы отвратительные?— улыбнулся Херберт.

— Нет,— с показной серьёзностью ответила девушка.— А тебе, Крис?

— Разве вот только что,— так же подчёркнуто серьёзно ответил физик, чавкая липкой конфетой, оказавшейся на поверку яблочной.

— Да,— кивнула Маридж и строго протянула руку к Хербу.— А ну верни апельсинку! Ты только что заслужил мармеладку с гноем.

— Поздно! Я уже её проглотил.

— Не пытайся меня обмануть. Я вижу тебя насквозь! Она у тебя во рту!

— Чёрт!— давась от смеха, учёный чуть не подавился ещё и угощением, а поэтому действительно поскорее проглотил его.— Ну вот теперь всё. Отстаньте от меня!

— Даже не спросишь меня про свои анализы?— Маридж отдала пакет с покупками мужу,— поставишь чайник? У нас тут снова медицинская тайна.

— Окей,— Кристиан усмехнулся, уходя на кухню.— Только поаккуратнее с членами.

— Да ну хватит! Уже не смешно,— возмутился прозрачный человек, и на слух повернул голову к девушке,— какие там новости?

— Даже две. С которой начать?

— Думаю, обе плохие, поэтому всё равно...

— В общем-то ты прав,— Маридж расположилась напротив Херба и зашелестела бумажными распечатками, бережно сложенными в пластиковый файл,— твой синтетический жир почти не выводится из организма. Не участвует в метаболизме. Цепляется за клеточную мембрану и уже не слезает с неё до самой смерти клетки. Я надеялась, что он будет уходить хотя бы вместе со слизистыми, мёртвым эпителием и волосами. Такие ткани обновляются быстрее всего. Но после разрушения одной клетки твой полилипид успевает перезакрепиться на соседних. В итоге его концентрация в твоём теле снижается крайне медленно. Программер из лаборатории обещал мне сделать прогностическую модель, но и так понятно, что ждать — это не решение.

— Понятно,— Херберт страдальчески подпёр прозрачную голову прозрачной рукой и закрыл свои прозрачные глаза, что в принципе было бессмысленно,— вторая новость, полагаю, ещё менее оптимистичная?

— Ну, такое... Так как в первую очередь нас волнует не твоя кожа, а твои глаза, то мы рассматриваем вариант разрушения вещества в твоём теле.

— Да, это уже интереснее.

— К сожалению, твоя иммунная система на него не реагирует, значит, нужно будет использовать какие-то грубые методы.

— В каком смысле?— напрягся учёный.

— Возможно, суровая химия. Возможно, лучевая терапия. Я пока не знаю... Наши прикидывают, что можно попробовать.

— Похоже на то, что вы там прикидываете, как скорее меня угробить,— скептически проговорил Херберт.— Превращаете меня в объект для опытов...

Он встал и аккуратно прошёлся по комнате, уже хорошо запомнив положение всей мебели.

— Ну, извини. Ты сам начал эти эксперименты над собой. Не стоит останавливаться. К тому же, сначала мы всё будем опробовать на образцах тканей.

— Хорошо...— учёный замер перед окном, словно силясь разглядеть что-то в ночном городе. Через его прозрачную голову проходил свет уличного фонаря, из-за чего весь мозг казался светящимся и переливающимся. Загипнотизированная этой чарующей картиной, девушка вдруг подумала, что даже такой светлый ум порой совершает ужасные глупости, но не стала озвучивать эту мысль.

***

— На твоём месте я бы не стал выглядывать на улицу, Херб,— стро-го проговорил Кристиан, задерживая плотные шторы, когда вернулся днём и обнаружил друга, стоящим возле окна.

— Я просто смотрел на солнце. Я вижу светлое пятно и чувствую его тепло на лице. Это довольно... занимательно,— меланхолично по-яснил учёный.

— А я чувствую, что так твоё занимательное лицо окажется на странице какой-нибудь жёлтой газетёнки. Мало того, что в инсте уже гуляет парочка твоих фоток, где ты идёшь по городу прозрачный и без штанов, как доктор Манхэттен.

— Доктор Манхэттен был голубым...

— Поосторожнее с этим! Тебе повезло, что Маридж тебя не слышит... И с окнами поосторожнее.

— Всё равно все решили, что это фотошоп,— Херберт с недоволь-ным видом растянулся на диване, сложив руки на груди, словно про-тестуя в этой горизонтальной позе против несправедливой действи-тельности, и своим невидящим прозрачным взором уставился в пото-лок,— это невыносимо трудно. Я не могу работать. Не могу ничего де-лать. Даже выйти на улицу. У меня начинается информационный го-лод. Чувствую себя закрытым в банке.

— А если ты привлечёшь к себе внимание, эта банка сразу же пре-вратится в аквариум,— заметил Кристиан.— Понабегут зеваки, коррес-понденты, начнётся сущий дурдом, в котором будет просто невозможно работать. Напомню, что наша задача вернуть тебе человеческий вид, а не сделать звездой вечернего телешоу.

— Человеческий вид...— задумчиво повторил Херберт.— В этом ви-де я никогда особо не интересовал журналистов. Разве что пара строк со ссылкой на научно-популярный журнал. Такой-то открыл такое-то... И на следующий день все об этом забыли. Им всем интереснее, какой новый фрик победит на Евровидении.

— М-м-м, посмотрите-ка... Дамы и господа! Разрешите вам предста-вить! Впервые и только сегодня на этом диване! Мистер Херберт Гриф-фин Фицджер-а-а-льд-Уо-о-о-лш. Он мечтает о мировой славе и пока-жет вам всё своё нутро.

— Очень смешно...

— Абсолютно серьёзно. Мечтаешь о популярности? Я ещё могу дог-нать ту проныру с фотоаппаратом, которая вынюхивала что-то на пар-ковке у нашего дома, и которую я выпроводил,— нахмурившись, Кри-стиан посмотрел в просвет между портьер.

— Кто это был?

— Говорю же... Журналистка из какой-то жёлтой газетёнки. Искала странного «стеклянного человека». Но можешь не переживать... Я запугал её. Тобой.

— Как?

— Сказал, что ты непременно придёшь к ней ночью и выключешь ей мозг, а потом её саму превратишь в рака.

— Занимательно. Инъекциями в позвоночник, полагаю?

— Реши сам. Надеюсь, она больше не появится,— Кристиан, судя по шагам, собирался уже было выйти из комнаты, но вдруг обернулся.— Чуть не забыл... Я накачал тебе аудиокниги, которые ты просил. Вот. Оставляю на столе у лампы.

— Уходишь?— спросил Херберт с лёгкой тоской в голосе.

— Да, Маридж просила забрать её из клиники, чтобы съездить к одному перцу из онкоцентра. Между прочим, по твоей теме.— Кристиан посмотрел на приятеля, который, казалось, растекался по дивану, и мягко проговорил.— Не нравишься ты мне в последнее время, Херб... Правда. Мы волнуемся за тебя.

— Да я и сам себе не нравлюсь в последнее время,— мысленно согласился учёный.

Не дождавшись ответа, Кристиан торопливо вышел из квартиры. Дверной замок щёлкнул как-то необычно, но Херберт не придал этому особого значения. Ещё какое-то время он безвольно провалялся на диване, пытаясь разглядеть что-то в серой пелене перед глазами. Потом всё-таки поднялся, придерживаясь рукой за стену, прошёл на кухню, нащупал чашку и чайник, и сел пить чай со вкусными цветными мармеладками. Их цвета Херберт, конечно же, не видел, но сейчас в общем-то и не жалел об этом, ведь иначе некоторые из них совершенно точно напоминали бы ему гной.

Закончив чаепитие, он вернулся в комнату, взял с журнального столика плеер и опять было устроился на диване, чтобы послушать аудиокнигу. Но господин Гончаров почти сразу вызвал у мистера Уолша чувство дискомфорта. Несколько раз перевернувшись с боку на бок, учёный всё-таки пересел в своё кресло, потеплее укутался в стёганный халат и, периодически затягиваясь кальяном, продолжил слушать о размышлениях несчастного Ильи Ильича, постепенно погружаясь в свои собственные не менее тягостные мысли.

Из оцепенения Херберта вывел еле слышный из-за наушников щелчок и яркая вспышка, светлым пятном возникающая перед глазами. Он выключил плеер и повернул голову по направлению к свету, почувст-

вовав, как кто-то в тот же миг отпрыгнул на шаг. Щелчок и вспышка повторилась уже чуть с другой стороны.

— Кто здесь?— спросил Херберт, стараясь сохранять самообладание, и хотя ему никто не ответил, в комнате по еле слышному частому дыханию и запаху булочек с корицей ещё ощущалось чьё-то присутствие, поэтому ученый повторил.— Кто здесь? Не бойтесь, я ничего вам не сделаю.

— Вы человек?— услышался, наконец, голос какой-то незнакомой Хербу девушки.

— Как ни странно, да. А вы?

— Да...— не ожидав такого поворота, незнакомка слегка замялась.— Вы меня не видите?

— Увы, нет. Но вспышка вашей камеры меня раздражает. Предполагаю, вы журналистка?

— Простите, я больше не буду снимать. Да. Ребекка Полсен. Отдел необычных новостей «Дейли Палантир»,— ответила она, переместившись куда-то влево.

— Ну, раз уж вы пришли, то присядьте. Не очень-то удобно, когда собеседник бегаёт по комнате,— учёный сделал гостеприимный жест рукой и, судя по звуку скрипнувшего дивана, девушка воспользовалась этим приглашением.— Вообще-то я не планировал общаться с прессой, но раз уж так... Можем поговорить. Надеюсь, вы не представите меня каким-то чудовищем?

— Ну что вы... Чудовищ не бывает,— проговорила журналистка и, кажется, слегка улыбнулась.

— Поймите правильно. Мне не хотелось бы, чтобы в меня тыкали пальцами на улицах.

— Я думаю, у вас нет повода опасаться. Мы живём не где-нибудь в России... Наше общество достаточно толерантно, чтобы воспринимать вас и вашу историю.

— Ну, что ж,— Херберт немного помедлил,— тогда задавайте свои вопросы...

***

Голоса Кристиана и Маридж раздавались ещё с лестницы, но приблизившись к квартире и обнаружив незапертую дверь, они тревожно замолчали. Услышав щелчок выключателя и шаги друзей в коридоре, Херберт показался из комнаты, словно привидение выплыв в коридор.

— В чём дело, Херб?— первым нарушил молчание Кристиан,— почему дверь квартиры не заперта?

— Очевидно потому, что ты её не запер, Крис,— спокойно ответил тот.

— Чёрт... Ведь кто-нибудь мог прийти и увидеть тебя!

— Собственно, так и произошло,— невозмутимо сообщил прозрачный человек.

— Проклятье, Херб! Ты в своём уме?!— мгновенно взвинтился Кристиан, как он делал обычно в те моменты, когда что-то шло не по плану.

— Угомонись, Крис. Не кричи на него!— постаралась успокоить мужа Маридж.— Это твой косяк. А мне теперь нужен мой... Неудачную я неделю выбрала, чтобы бросить курить траву...

— О нет... И кто это был?

— Надеюсь, не миссис Андерсен,— продолжила девушка уже откуда-то с кухни, щёлкая там зажигалкой,— иначе, нам точно придётся съехать. Безумная бабка и так считает нас какими-то наркоманами.

— Странное дело, с чего бы...— саркастически бросил жене Кристиан, но сразу же снова насел на своего друга.— Так кто это был?

— По всей видимости... Та журналистка, которая больше никогда не должна была здесь появиться,— ответил Херберт.

— Проклятье! И почему ты ничего не предпринял?

— А что я мог сделать? Прости, не сумел превратить её в кого-нибудь. И потом, я предполагал, что нахожусь в гостях, а не исполняю роль сторожевой собаки,— парировал учёный в убийственно спокойной и отрешённой интонации.— Я человек интеллектуального труда, у меня нет для этого необходимых навыков.

— Если это была она, то это низкорослая толстая глупо улыбающаяся девица. Даже ориентируясь на звук, ты легко смог бы поймать её, повалить на пол и придушить мелкую дрянь!

— Было бы очень невежливо...— заметил Херберт.— И потом, Крис, ты преподаёшь физику детям... Откуда в тебе столько агрессии?

— Херб, сразу видно, как ты далёк от школы...,— снова возникла рядом Маридж, распространяя сладковатую дымку и вновь пытаясь вернуть в дом рациональность.— Ребята, давайте сядем и успокоимся.

— Нет, я желаю слышать, что было дальше!— продолжал почти кричать Кристиан, тем не менее, следуя за женой на кухню.— А ты бы лучше проверила столовое серебро, которое нам подарили на свадьбу!

— Успокойся, оно по-прежнему в той подарочной коробке. Как и восемь лет назад.

— Ну, в общем, у неё был довольно приятный голос,— продолжил Херберт, присоединяясь к друзьям и сядясь на уже закреплённое за

ним место за столом,— поэтому я решил ответить на её вопросы. Рассказал немного о биохимических процессах и вообще постарался занять её беседой, в надежде, что вы успеете вернуться и... разобраться с ней... по-своему.

— Ты рассказывал ей о биохимии?— переспросила Маридж.

— Ну, да. Я же биохимик.

— В таком случае, можно считать, что бедняжка уже наказана,— рассмеялась девушка.— Надеюсь, после этого у неё не начнётся рак мозга.

— Не думаю, что у журналистов есть этот орган,— пробурчал медленно успокаивающийся физик, с шумом наливая себе воды из графина.

— Прекрати бухтеть, Крис! Конечно, формально это проникновение. Если ты считаешь нужным, давай позвоним в полицию.

— Сейчас самое время звонить в министерство обороны.

— Не слишком круто? По-моему ты драматизируешь вторжение этой барышни, дорогой...

— Я говорю уже не о ней, а о том, что мы выяснили про Херба...

— Ах, да...

— Что ж, теперь я хочу услышать, что было дальше,— подал голос из своего уголка прозрачный человек, которому уже порядком надоела эта бесконечная перебранка Флогстоунов.

— Видишь ли Херб, похоже, ты действительно гениальный биохимик...— издали начала Маридж, присаживаясь напротив него и беря за руку.

— Это для меня не новость.

— Но проблема в том, что синтезированное тобой вещество очень стабильно. Мы попробовали воздействовать различными методами на образцы твоих тканей. И каждый раз оно разрушалось одновременно или даже позже, чем твои собственные клетки.

— Хочешь сказать, что его невозможно разрушить, не убив меня?...

Маридж убрала руку и, ещё раз громко затянувшись от своей папирсы, как показалось прозрачному человеку, молча и озабочено посмотрела на мужа.

— Не думаю, что это принципиально невыполнимо,— сказал Кристиан после секундной паузы,— но мы сильно ограничены. А теперь... Когда, похоже, ничего скрывать не получится, частичная огласка, возможно, пойдёт нам на пользу...

— Что ты имеешь в виду?— не поняла девушка.

— Я попробую связаться с ребятами из правительства. Представим технологию Херба, как военную. Если они заинтересуются, то мы сможем получить финансирование или хотя бы доступ к их лабораториям и оборудованию. Так возможностей будет побольше, чем на нашей кухне.

— А ты не думаешь, что это рискованно?— нахмурилась Маридж.— Не попытают ли они его, разрезав на части, в каком-нибудь подземном бункере?

— Прекрати! Поэтому я и привязываю это решение к общественному резонансу, вокруг нас, который теперь непременно начнётся. Эти ребята с головами для касок не смогли скрыть даже тот случай, с потерей американских водородных бомб в Гренландии. Что они сделают мировому светиле биохимии, раздающему интервью направо и налево?

— А с самим мировым светилом не желаете посоветоваться?— вновь прервал учёный рассуждения своих друзей.

— Ох, да... Простите... Так что вы думаете по этому поводу?— съязвил Крис.— Какая у вас есть светлая мысль, доктор Уолш?

— Думаю, что... Да,— многозначительно ответил Херберт,— стоит попробовать. К тому же года два назад я участвовал в одном проекте по устойчивым репеллентам для военных... У меня дома должна была остаться визитка. Да и мои материалы: бумаги, записи в компьютере. Раз уж мы решили, надо привести всё порядок, чтобы можно было продать подороже...

— Будут ли другие распоряжения, доктор Уолш?— всё так же язвительно уточнил Кристиан.

— Ключи от квартиры в кармане плаща,— ответил Херберт, закинув ногу на ногу, чуть подняв подбородок на манер античных статуй и окончательно приняв вид самодовольного студня.

***

Решение о грядущем сотрудничестве с правительством согрело Херберта, как медузу, колышущуюся в тёплых лучах пронзающего воду солнца. И хотя его дневной распорядок в основном не претерпел изменений, он, тем не менее, пребывал в приподнятом настроении, ведь по вечерам в полной мере мог насладиться своей излюбленной научной деятельностью, получив в своё распоряжение в лице семейства Флогстоун двух сговорчивых лаборантов. И пока Маридж с завидным усердием пыталась прочитать неряшливые и неразборчивые записи учёного, а Кристиан не менее усердно старался превратить их в разборчивую и стройную научную работу, Херберт хотя бы на пару часов ощу-

щал себя тем самым светилом биохимии, которым являлся для всех всего лишь какую-то неделю назад.

Снова и снова прокручивая в своём прозрачном мозге формулу, раз за разом мысленно проводя реакцию синтеза, буквально видя своими ослепшими глазами, как в воздухе перед ним из отдельных атомов строится его биополимер, Херберт вдруг осознал решение. Хитрый транс-изомер, похожий на оригинал каждым своим атомом, лишь с одного конца свёрнутый в другую сторону. Как воровской ломик, он подковыривал и отрывал проклятый полилипид от клеточной мембраны, связывался с ним, делая его вдвое больше, вдвое неповоротливее, а самое главное — совершенно бесполезным.

Учёный так воодушевился этим новым открытием, что уже не мог думать ни о чём другом, а уж тем более о том, что там станется с несчастной девушкой в «Грозе» Островского. Услышав громкий щелчок нового дверного замка, он буквально сорвал с головы наушники и выскочил в коридор.

— Ну, что там?— нетерпеливо спросил он вошедшего в квартиру Криса, источающего запах мокрого асфальта и влажной от дождя одежды.

— Плохие новости,— ответил тот, и даже по одной только интонации стало понятно, что физик сейчас чернее тучи.

— За окном стоит машина ЦРУ и меня хотят забрать в лабораторию для опытов?

— Нет. Прозрачность их не интересует,— неутешительный ответ Кристиана словно удар грома прозвучал в голове Херба.— Был бы ты полностью невидим, тогда другое дело. А так тебя даже ночью видно через термовизор. Да и сам ты к тому же почти слепой.

— Но... Ты описал им перспективы?

— Безусловно, Херб! Я описал им всё в самых радужных красках. Но всем нужны результаты прямо сейчас. Они сокращают военные расходы. Всё, что их интересует — ракеты и роботы, роботы и ракеты, роботы с ракетами и роботы в ракетах... Когда я заявил, что это касается биохимии, они поначалу вообще все обосрались, решив, что мы хотим предложить им оружие массового уничтожения.

— Понятно...— сразу поник прозрачный человек.— Чувствую себя настоящим британским учёным. Бессмысленным и беспощадным...

— М-м-м, кто у нас тут загрузил такой прозрачный? Наше домашнее дружелюбное привидение?— Маридж нежно обняла учёного за плечи своими тонкими, но тёплыми руками,— хочешь, сделаю горячего шоколада? Станешь чуть более коричневым, но чуть менее унылым.

— Спасибо.

— И правда, не унывай,— перешёл Кристиан на заговорщический шёпот, хотя Маридж уже ушла.— Я связался с одним хакером, который знает хакера, который знаком с чуваком, который связывался через TOR с Ассанджем. И он сказал, что ему известно, как можно выйти на русских, чтобы продать нашу технологию им.

— Ассандж?

— Нет. Тот чувак.

— Думаешь, русским я буду нужен?— всё с той же безнадёжностью в голосе спросил Херберт.

— Ну не знаю... Сноуден же им зачем-то был нужен?— Кристиан вдруг неожиданно повысил голос.— Дорогая! Как насчёт того, чтобы стать изменниками Родины и свалить из гниющей Европы с педиками и арабами в более тоталитарную страну с традиционными ценностями?

— А там будут кофешопы с конопляными печенюшками?— уточнила Маридж с кухни, уже громко помешивающая в кастрюльке какао.

— Не уверен. Но там точно будет водка.

***

Маридж на цыпочках вошла в комнату. Тусклый желтоватый свет лампочек накаливания наполнял её какой-то особой мягкой ретро-атмосферой. Ещё на прошлой неделе Херберт заявил, что так ему будет проще ориентироваться в пространстве и даже собственноручно всё поменять. Сейчас он как обычно сидел в своём кресле у журнального столика вполоборота к окну, завернувшись в халат и вытянув длинные ноги в клетчатых пижамных брюках на круглый пуфик, и, кажется, слушал очередную аудиокнигу.

Девушка обошла вокруг неподвижного учёного, кинула взгляд на журнальный столик, осмотрела письменный стол, тихонько подняла подушку, небрежно брошенную на диван.

— Ты что-то ищешь, Маридж?— неожиданно спросил прозрачный человек. Он был очень спокоен, но девушка всё равно вздрогнула от неожиданности.

— Ой! Напугал. Не хотела тебе мешать. Думала, ты слушаешь свою русскую литературу.

— Нет, я просто молча размышлял,— ответил Херберт.

— О чём?

— Подумываю сделать карьеру пианиста.

— Это интересно,— заметила Маридж.— Но ты же совершенно не умеешь играть...

— Но ведь у Стиви Вандера и Рэя Чарльза получилось же...— грустно проговорил учёный.— Хотя ты права. По сравнению с ними я недостаточен чёрный. Так что ты искала?

— Да так... Одна старая газета,— чуть смутившись, ответила девушка.— Хотела скрутить себе косячок. Ты же знаешь мою небольшую слабость.

— Странно. Обычно ты используешь для этого специальную папиросную бумагу. Наверное, она просто внезапно закончилась.

— Да, ты прав,— чуть улыбнулась девушка,— закончилась в самый неподходящий момент.

— Странно...— повторил Херберт.— Ведь буквально позавчера ты радовалась, что Крис купил тебе две большие упаковки «Джуси Джейс» с ароматом клубники и ванили.

Возникла долгая неловкая пауза, но прозрачный человек чувствовал, что девушка по-прежнему стоит перед ним и пристально смотрит в его слепые прозрачные глаза.

— Вероятно, ты ищешь вот эту газету,— наконец продолжил он, достав из кармана халата плотно скрученный бумажный рулончик, который до этого прикрывал широким рукавом.

— Да, эта вполне подойдёт,— ответила Маридж и хотела было забрать газету у учёного, но тот крепко зажал её в руке.

— Газета — такая редкость в вашем доме, ведь вы с Крисом никогда не выписывали газет. Откуда она?

— Не знаю... Какая-то рекламная белиберда из тех, что бесплатно бросают в почтовые ящики.

— Интересно... Прежде они не доходили в квартире дальше мусорного ведра. А эта была на столе в гостиной.

— Я не понимаю, Херби... К чему ты ведёшь?— пролепетала девушка.

— К тому, что я слепой, но не тупой,— в голосе прозрачного человека послышалось лёгкое раздражение.— Это не просто газета, и она тут не случайно. Там написано что-то обо мне?

— Пффф... Господи боже мой! Не слишком ли ты много о себе думаешь?— натянуто рассмеялась Маридж.

— Не ври мне!— вскричал Херберт, и глухо ударил своей прозрачной ладонью по мягкому подлокотнику кресла так, что девушка, никогда прежде не видевшая его в таком состоянии, чуть отшатнулась.

— Я не...— её голос слегка задрожал.

— Просто прочитай вслух,— уже спокойнее сказал Херберт, протягивая газету своей напуганной собеседнице.

— Не стоит, Херб,— неуверенно возразила Маридж, забирая свёрток из его рук.— Мало ли какую чушь пишут журнальшюшки...

— Просто прочитай мне чёртову газету!— зло повторил учёный, и девушка увидела, как на его висках запульсировали полупрозрачные сосуды.

— Ну хорошо,— сдалась она, присаживаясь на диван и шелестя страницами.— Но потом мы вместе пойдём на кухню и выпьем чай с пирожками. Окей?

Херберт молча кивнул, и Маридж начала читать, стараясь делать это предельно ровно, никак не выделяя голосом эмоциональных фрагментов. Но всё же по мере того, как она продвигалась по тексту, прозрачное лицо учёного становилось всё напряжённее и мрачнее. Наконец она дошла до последнего абзаца:

«... Жалкий и бесполезный, как и само его открытие. Учёный, наказанный за свою глупость. Теперь он сам может служить лишь наглядным пособием, которое демонстрирует, во что обходятся человечеству слишком высокомерные попытки вмешаться в божьи дела».

Маридж замолчала и сочувственно посмотрела на Херберта, на котором уже буквально не было лица.

— Это всё?— спросил он.

— Да. Всё.

— И кем подписана статья?

— Зачем тебе это?— спросила девушка с лёгкой тревогой в голосе.

— Назови её имя!— твёрдо повторил Херберт.

— Её имя Роберта Полсен,— чуть помедлив, ответила Маридж.

— Да...— утвердительно прошептал прозрачный человек, и обессилено распластался в кресле, словно только что был полностью раздавлен и опустошён, как беспомощное морское существо, выброшенное волной на берег.

— Я, пожалуй, заварю мятного чая,— проговорила девушка, поднимаясь с места и сминая в тонких пальцах злосчастную газету, но Херберт ничего ей не ответил.

***

После этого случая мистер Уолш стал ещё более молчаливым и отрешённым. Сгорбившись и вжавшись в кресло, словно высохший прозрачный комок, он подолгу слушал свои аудиокниги, изредка курил вейп и смотрел в наполненное ярким солнцем окно.

Иногда Крис и Маридж тихо обменивались на кухне короткими фразами, но их обрывки еле долетали до прозрачных ушей учёного. Есть ли ещё какие-то новости из министерства обороны? Что показали очередные эксперименты над образцами тканей? Ответил ли тот чувак, который общался с русскими хакерами? Все эти вопросы уже почти не интересовали Херберта. Неподвижно глядя в окно, он как будто ждал подходящего дня.

И однажды такой день настал. Утром Флогстоуны, громко щёлкнув дверным замком, как обычно ушли на работу. Полежав на своём диване ещё какое-то время, Херберт открыл прозрачные веки и поднялся. Покопавшись в сумке с вещами, которую Кристиан любезно захватил из его квартиры, учёный нашёл свои джинсы и толстовку с капюшоном, которые незамедлительно натянул на себя.

Потом он достал из под письменного стола коробку с лампочками, купленными на прошлой неделе по его просьбе и осторожно прошёл по коридору. Скользя рукой вдоль стены, он довольно легко нашёл большое винтажное гримёрное зеркало, которое Маридж однажды приобрела на распродаже, но в виду своего характера и стиля жизни практически никогда не пользовалась им по назначению. Нащупывая прозрачными пальцами круглые пластиковые корпуса светодиодных ламп, он неторопливо, одну за другой, заменил их на лампы накаливания, а затем нажал на тугую кнопку торшерного выключателя, свисающую на проводе тут же рядом.

Яркий свет семисотваттной гирлянды пронизал прозрачную голову Херберта. Испытывая сильный жар на коже, он, тем не менее, впервые за последнее время рассмотрел себя. Смутно, практически как расплывающийся и исчезающий в дымке силуэт, но он видел своё стеклянное лицо. Знакомое, но уже не человеческое.

— Медуза, говорите?— усмехнулся прозрачный человек.

На нагретом лампами стеллаже за его спиной, учёный быстро обнаружил большой контейнер с медикаментами, своеобразный аналог домашней мини-аптеки, в который Маридж со свойственной ей врачебной педантичностью складывала разное — «на всякий случай». Найдя там плотно скрученный эластичный бинт, Херберт аккуратно перед зеркалом виток за витком намотал его на голову и приобрёл вид египетской мумии. Удовлетворившись результатом, он выключил свет, набросил на голову капюшон и, немного повозившись с замком, вышел из квартиры.

***

Солнце ярко освещало город, нагревая тротуарную плитку и аккуратно покрашенные чёрной краской оградки пешеходных дорожек. Херберт, провёл рукой по тёплому металлу, оглянулся по сторонам и, сориентировавшись, побрёл по улице.

Минут через двадцать он вышел к морю. В этом году припекать стало довольно рано, но вода у побережья всё ещё была холодной, поэтому на пляже в будний день практически никого не было. По крайней мере, учёный не слышал ни разговоров отдыхающих, ни визга резвящихся у берега детей, ни стука по мячу от любителей поиграть в волейбол, а только монотонный и умиротворяющий шум волн. Он присел на лавочку метрах в пятидесяти от воды и, стащив с ног старые кроссовки, зарылся ступнями в горячий песок.

Вдыхая солоноватый морской воздух и окончательно пригревшись на солнце, Херберт задремал. Его разбудил тонкий детский голос мальчишки лет восьми, которого нерадивая мамаша, оставила играть на песке, пока сама выбирала что-то в магазинчике неподалёку.

— Эй! Э-эй!— негромко окликнул ребёнок учёного.— С вами всё в порядке?

— Вообще-то... Не совсем,— ответил Херберт, вдруг обнаружив, что проспал очень долго, потому что над морем уже начинал оранжеветь закат.— Мама не говорила тебе, что разговаривать с незнакомыми нельзя?

— Вы не кажетесь опасным. Вы же инвалид,— заметил мальчишка, глядя на бинты, скрывающие лицо незнакомца.— Обгорели на пожаре?

— Нет.

— Вас изуродовали бандиты?— не унимался любопытный паренёк.

— Вообще, нет...— ответил Херберт, начиная невольно улыбаться.

— Тогда почему вы в бинтах?

— Чтобы людям было проще меня видеть и легче на меня смотреть.

— Вы что похожи на человека-невидимку?— неожиданно выдал новую версию ребёнок.

— Ну, почти...— учёный вытащил руку из кармана и раскрыл перед мальчишкой прозрачную пятерню, внутри которой виднелись прозрачные кости, а по прозрачным сосудам текла водянисто-розовая кровь.

— Вау! Круто!— восторженно отреагировал мальчишка.— А покажите голову!

— Уверен?— Херберт откинул капюшон, и виток за витком стащил с себя эластичный бинт.

***

— Ты не поверишь!— с порога громко воскликнул вошедший в квартиру Кристиан.— Русские заинтересовались твоим открытием! Если мы даём своё согласие, они готовы оплатить перелёт уже в августе, устроить там всё с видом на жительство и работой. Говорят, осень и зима в Подмоскovie прекрасны. Ты там уснул что ли?

Пройдясь по квартире и не найдя своего друга, физик обнаружил только пижаму, халат и раскрытую вещевую сумку. Мгновенно сообразив, что произошло, он выскочил на лестницу. К счастью, пенсионеры во всех странах мира занимаются в основном тем, что смотрят в окно. Поэтому после непродолжительных препирательств с миссис Андерсен Кристиан выяснил, куда направился «подозрительный тип в капюшоне», бывший, очевидно, «одним из ваших друзей-наркоманов». Столкнувшись на крыльце с женой, несущую из магазина пару бумажных экопакетов с продуктами, физик бросил ей пару торопливых фраз, а сам поспешил по улице, полого спускавшейся к морю.

Красноватое солнце уже начинало скользить своим диском по горизонту, окрашивая небо и море в багровый оттенок. Пляж был практически пустым, лишь редкие любители деликатного загара, улегшись на полотенцах и раскладных шезлонгах, ловили последние мягкие лучи солнца.

Оглянувшись по сторонам, Кристиан заметил недовольную мамашу, волочащую за руку и громко отчитывающую своего зарёванного пухлого сына.

— Простите,— остановил он её,— вы видели такого... необычного человека?

— Если вы о психопате без кожи на лице, то я его видела. Спросила, как таких уродов, вроде него, только земля носит!

— Что вы такое говорите?!— возмутился физик.— Это учёный! Весьма порядочный человек.

— Ну, конечно,— хмыкнула мамаша.— Он испугал своим жутким видом моего Патрика.

— Вашего Патрика?! Подумаешь! Он что?! Какая-то звезда?!— вскипел Крис.— Меня интересует человек! Он что-то ответил? Куда пошёл?

— Ничего. Заржал, как идиот, и поплёлся куда-то по пляжу...— женщина неопределённо махнула рукой в сторону.

Кристиан сердито плюнул и поспешил в указанном направлении. Вскоре он обнаружил на песке джинсы и толстовку. Физик замер, растерянно оглядываясь и чувствуя, как его начинает одолевать паника,

словно он впервые вошёл в аудиторию со старшекурсниками и напрочь забыл, куда задевал свои лекционные конспекты.

— Вы ищите... его?— неожиданно окликнула Кристиана девушка, загоравшая на полотенце неподалёку.

— Да! Его!

— Прозрачного мужчину?..

— Да! Где он?!

— Он был тут минут десять назад... Стоял и молча смотрел на море.

— Он не мог смотреть на море. Он ничего не видит!— возразил взволнованный Кристиан.

— Не знаю... Может слушал волны,— пожала плечами девушка.— Потом он разделся и пошёл в воду... Прямо в сторону заката. Я сначала не поверила своим глазам. Жаль, что у меня сел телефон... Лучи солнца проходили сквозь его тело. И он... весь сиял. Это было потрясающе! Так красиво...

— Чёрт... Почему же вы не сказали об этом... ему?!

Физик приблизился к кромке пляжа, где от берега вдаль уходила мокрая дощатая дорожка деревянного пирса. Сзади к Крису подбежала, с трудом догнавшая его, Маридж.

— Где Херб? Только не говори, что этот придурок снова натворил глупостей?

— Коэффициент преломления воды...— задумчиво проговорил физик.— Кажется, он всё-таки решил закончить свой эксперимент и стать, наконец, полностью невидимым.

— Что?! Он же никогда не умел плавать...

Ничего не отвечая девушке, Кристиан напряжённо вглядывался в рябящие на солнце кровавые волны и вдруг выпалил:

— Смотри туда! Кажется, что-то блестит за буйками? Видишь?!

— Я ничего не вижу, Крис... Ты же знаешь... Тут бывает очень сильное течение.

— Я знаю. Но надо проверить...

Кристиан начал решительно расстёгивать пуговицы на рубашке.

— Ты говорила, что в детстве ловила медуз.

— Да,— кивнула Маридж и, с полуслова поняв мужа, тоже начала раздеваться.

— Сейчас это нам пригодится.

Оставшись в одних трусах, Кристиан разбежался по мокрым доскам, нырнул, почти не подняв брызг и, рассекая волны, стремительно поплыл к буйкам. Через секунду девушка вслед за ним прыгнула в холодную воду.

ДОКТОР Б.
ИЛИ КАК Я ПЕРЕСТАЛ РАБОТАТЬ И ПОЛЮБИЛ ДОНАТ

* Посвящается Борису Бояршинову «со dna российской науки».
** Все совпадения случайны, а имена вымышлены.

Доктор Б. как обычно сидел перед камерой на фоне ковра. Лысый, но бодрый старик, сейчас, он походил на осовремененного Льва Толстого, потому что отпустил седую бороду, которую периодически почёсывал и лохматил рукой.

— В общем, бояться атомной бомбы не нужно. Не нужно. Она, конечно, самое мощное оружие, но не абсолютное. И это всё, что у меня есть вам сказать про атомную бомбу. Искренне жду вашей финансовой поддержки. Для этого под роликом опубликован номер карточки, номер банковского счёта, PayPal, QIWI-кошелёк, Яндекс-деньги. Вот сейчас закончу попрошайничество и нажму на кнопку. До свидания.

Доктор Б. протянул руку к камере, остановил запись и тяжело вздохнул. Прошло уже пять лет с тех пор, как он начал вести свой видеоблог. Успешное участие в нескольких научно-популярных передачах, помноженное на смертельную усталость от преподавания для студентов, которых практически ничего не интересовало, подтолкнули учёного к такому нетривиальному шагу. Здесь, в небольшой комнатке, во фрагменте реальности оцифрованной камерой, он мог создать собственную кафедру. Нет, даже собственный приход. Собственный храм науки, куда стекалась более или менее заинтересованная сетевая публика. Эта метафора понравилась Доктору Б. и, твёрдо решив в следующий раз непременно её использовать, он медленно поднял со стула своё грузное тело и пошёл на кухню.

За окном город начинал погружаться в темноту. В окно хлесткой крупной бил мелкий снег. Нетипичная для марта погода немного печалила Доктора Б.

— А что если рассказать про ядерную зиму? — размышлял он про себя, ожидая пока вскипит чайник. — Точнее о том, что её не бывает. Эти наивные теоретики не учли скорость осадения сажи, а потом и вовсе забыли о ней. Забавно, что это одновременно сотворили и наши, и американцы. Сговорились, наверное? Да нет... Точно сговорились. Везде любят душить своих граждан... Правда, в штатах при этом учёным всё-таки платят больше. Такие вот дела.

Доктор Б. вдруг представил себя где-то в Лос-Аламосе в окружении настоящих физиков-теоретиков, которые своим числом пока что все умещались на одно фото, и от этого ему стало ещё тоскливее.

— Да, кому я там нужен-то... Не очень-то у меня с английским. Даже просить подаяния в своём блоге не смогу. Плиз, гив ми мани, май лайф соу диффикулт... Вот и всё.

Тоскливые размышления бесцеремонно прервал свисток вскипевшего от негодования чайника. Тем не менее, Доктор Б. решил запомнить и этот печальный образ обречённого на нищенство интеллектуала-мигранта, чтобы использовать его при случае. Он налил горячего чаю, взял недоеденный с обеда и уже засыхающий кусок калача и вернулся в комнату.

Уютно устроившись со своим немудрящим десертом за ноутбук, Доктор Б. принялся читать комменты, оставленные к ранее опубликованным роликам. Среди большого количества сравнительно однообразных благодарностей, глаз периодически натыкался на довольно забавные, а иногда и раздражающие высказывания.

— Хватит гнать на Советский Союз! — изливался праведным народным гневом новоиспечённый нео-большевик. — Сам-то небось, квартиру от государства получил, а когда работал, мечтал свалить из «поганого совка» к пиндосам?! Ну что, нужен ты им теперь?!

— Профессор, зачем опять говорили про политику? Может, лучше про реактор, про любимый лунный трактор? — цитатой из Высоцкого вопрошала умная и, скорее всего, одинокая барышня.

— А вы мне докажите, что Вселенная недетерминирована! Почему отвергаете наличие скрытых параметров? Ещё сам Эйнштейн писал...— не унимался неугомонный молодой человек с поверхностным пониманием квантовой механики.

— Зря вы абсолютизируете своё навязанное вам так называемое научное знание, профессор! — уверенно, так что это граничило с безумием, вещал какой-то толстый тролль. — Известно, что в Древней Руси люди уже умели получать золото 999-й пробы, и выделяли они его из кала, предварительно выпивая ртуть. Назывался процесс «калохимией», которую потом намеренно исказили в «алхимию», а занимались ей золотари.

Доктор Б. снял запотевшие очки и потёр ладонью лоб.

— Наверное, пришла пора сделать ролик про советскую военщину, не реализовавшую свои планы на Третью Мировую войну. Так и хайп, может, возникнет... А, глядишь, и просмотры повысятся.

Утвердившись с мыслью о необходимости ролика по военной истории СССР, Доктор Б. снова нацепил очки, почесал кучерявую седую бороду и решил проверить своё финансовое положение.

— Не такое бедственное, как обычно, — сам про себя отметил он, не без удовольствия наблюдая сумму поступлений на карту, — 514,62... Однако, больше 500 целковых за сутки... Может, ну её эту советскую военщину?

Ухмыльнувшись своему собственному остроумию, которое в данный момент никто не мог оценить в денежном эквиваленте, Доктор Б. удовлетворённо закрыл крышку ноутбука и отправился спать.

Выспаться Доктору Б., однако, не удалось. Сначала посреди ночи комната вдруг наполнилась ярким сиянием, словно какой-то очумевший таксист, запарковавшийся в ожидании пассажиров, дальним ксенонным светом пронзил окна профессорской хрущёвки. Свет быстро потух, Доктор Б. недовольно перевернулся на другой бок и, казалось бы, практически сразу опять заснул, но раздался какой-то грохот. Снова повернувшись с боку на бок, профессор по-стариковски крикнул, медленно встал и с раздражением поплотнее задернул тяжёлые шторы.

— В этой стране не то что пенсию... даже поспать нормально не дают, — проворчал он, нащупав на прикроватном столике пару берушей, и основательно заталкивая их в свои ушные раковины, обрамлённые остатками былой шевелюры. — Как хорошо, что я бросил это треклятое преподавание...

Доктор Б. опять взгромоздился на свой изрядно пролёжанный диван, но, несмотря на воцарившиеся, наконец-то, темноту и тишину, сон к нему так и не пришёл. Проворочавшись в непонятной мучительной полудрёме до самого утра, Доктор Б. поднялся всклокоченный и помятый. Позавтракал на скорую руку двуглазой яичницей и сел за запись нового видео. После бессонной ночи, настроение Доктора Б. было не из лучших, но он быстро поднял его, хорошенько оттоптавшись на сетевом фрике, предлагающем синтезировать золото из ртути путём дефекации. Потом, чтобы не вставать, записал ещё один ролик, на этот раз про изотоп Гелий-3. А потом ещё один про Сталинские репрессии. Пока, наконец, не обнаружил, что уже настало время обеда.

Довольный своей продуктивностью, Доктор Б. решил в очередной раз проверить финансы, и к удивлению вновь обнаружил знакомую сумму. Нет, это не был застывший на месте баланс, но донат за истекшее время вновь составил 514 рублей 62 копейки. Слегка позабавившись такому совпадению, Доктор Б. традиционно отправился харчеваться на кухню, где совместил процесс поглощения физической пищи

с вкушением пищи духовной, в виде чтения очередной горячей порции комментариев к предыдущим выпускам своего блога. Впрочем, содержательных и забавных сообщений на этот раз было меньше...

— Не хватает колпака деду-звездочёту... — упражнялся в нехитрых одностишиях один из местных острословов.

— Не в обиду сказано, протирайте очки. Видно, что заляпаны пальцами... — делал замечание глазастый зритель.

— Дедуль, вот, когда вы о науке рассказываете, создаётся впечатление, что вы умный человек, но, когда в геополитику лезете, ну, ватник ватником! — подытоживал диванный политолог-либерал.

Однако, кроме этого, лента почему-то пестрила однотипными угрожающими посланиями про начало ядерной войны, рассказами о взрывах кобальтовых бомб, жертвах облучения и тому подобными страшилками. Сюжет для очередного выпуска видеоблога родился буквально мгновенно, поэтому Доктор Б. ухмыльнулся из-под усов и включил камеру.

— Здравствуйте! Вот, что я вам хочу сегодня рассказать. В 1938 году в эфире радиостанции Си-Би-Эс. Это происходило всё в США, Си-Би-Эс — это американская радиостанция. Не путать с Би-Би-Си — Британская вещательная корпорация. Так вот, в эфире американской Си-Би-Эс состоялась радиопостановка. Радиоспектакль, поставленный под руководством Орсона Уэллса по знаменитому роману Герберта Уэллса «Война миров». Надо сказать, что Орсон Уэллс помимо того, что потомок, правнук, кажется, писателя-фантаста Герберта Уэллса. Он ещё и талантливый режиссёр театра и кино. Да. Например, он снял замечательный фильм «Гражданин Кейн». Так вот, он поставил этот радиоспектакль в жанре, как бы сейчас его назвали, реалити-шоу. Ведущий выбежал из студии на крышу. Рассказывал, что видит надвигающиеся марсианские треножки, и всё в таком духе. И многие американцы — они же там все тупые, как любил говорить известный сатирик, поверили в это. Да, на полном серьёзе. Была даже некая, ну не паника, но волнение среди населения. Вот такая, значит, история. А зато потом после атаки японцев на Перл Харбор, многие наоборот не поверили сообщением, потому что решили, что их опять разыгрывают.

Он сделал паузу, глубоко вздохнул и улыбнулся:

— Вот и некоторые из вас, моих интернет-слушателей, интернет-зрителей решили сегодня меня разыграть прямо как Орсен Уэллс, но не по радио, а по Интернету. Меня это очень порадовало, и вот поэтому я вспомнил эту историю, которую сейчас вам рассказал. Но ещё больше меня порадует, если вы поддержите меня финансово, чтобы я смог и

дальше делать такие видео. Для этого внизу опубликован номер счёта, номер моей карточки, Яндекс-деньги, PayPal, QIWI-кошелёк. Всё. До свидания. Всех благ!

Доктор Б. выключил камеру и откинулся на спинку кресла. День сегодня определённо был очень результативным. Его остаток прошёл в привычном ритме, словно по накатанной. Он монтировал видео, как обычно, не особо утруждая себя эффектами, склейкой и обрезкой, потом выкладывал видео, читал комментарии под уже выложенными роликами и всё в таком роде.

Только один раз он всё-таки ответил на вопрос из тех, что касаются его личного персонального бытия.

— Профессор, вы что зомбоящик совсем не смотрите? Вдруг случится Третья мировая? — спрашивал один из пользователей.

— Совсем не смотрю, и вам не рекомендую, — написал Доктор Б., — от своего зомбоящика я избавился примерно 7 лет назад. До этого на протяжении лет 15-ти он был накрыт салфеточкой и исполнял роль тумбочки. А про Третью мировую в следующий раз расскажу.

Подумав ещё немного, профессор, всё-таки записал запланированный выпуск про советский милитаризм, прикинув, что тем самым обратит на себя внимание заклеянных проклятьями пользователей с Тупичка Гоблина и других сетевых нео-сталинистов.

— ... Третьей мировой так и не случилось. А наше поколение так и не поняло, почему мы всю жизнь должны были делать танки и ядерные бомбы, когда могли бы делать утюги и стиральные машинки. Вот так мы всю жизнь готовились к войне, а она так и не наступила... Такие дела, — немного грустно подытожил Доктор Б. — Благодарю вас за лайки, просмотры, правда, вот в последнее время почему-то совсем перестали комментировать. Ну, хоть финансово помогаете. Не даёте старику по миру пойти. Чтобы мне совсем хорошо стало, внизу опубликован номер счёта, номер карточки, PayPal, QIWI-кошелёк, Яндекс-деньги. Присылайте мне подаяния, а я продолжу совершенно безвозмездно делиться с вами знаниями на этой паперти храма науки. Всем удачи! Пока-пока.

Доктор Б. остановил запись и отправился спать. В эту ночь он заснул поистине младенческим сном. И тому было сразу несколько причин.

Во-первых, он был как никогда доволен собой, так как выяснилось, что он способен создавать интересный и содержательный контент буквально на лету.

Во-вторых, некоторые пользователи, похоже, поставили ему донат на автоплатёж. Коммерсант средней руки, владеющий тремя ларьками,

которые сам он называл «продовольственной сетью», вдруг представил себя меценатом и пожертвовал 100 рублей в сутки. Сердобольная работница библиотеки, у которой душа болела за культуру и образование, скрепя сердце, установила ежедневную выплату в размере 10 рублей. Бьюти-блогерша прикололась со «стёбного старикана», который тоже запиливает видосики, и решила задонатить ему полтинник к пенсии. Какой-то жадина, желая выказать своё презрение «ватному» профессору, бросил одинокий рубль. Наконец, язвительный молодой человек с поверхностным знанием квантовой физики и истории СССР, изображая псевдоинтеллектуала, подкинул профессору 3 рубля, 62 коп. Ведь в стабильных советских ценах такого доната как раз хватило бы на бутылку водки. Другие, куда менее примечательные личности из числа сетевых зевак, набросали виртуального подаяния в сумме 350 рублей. Доктор Б. не знал никого из них. Впрочем, всё это не имеет равным счётом никакого значения. Намного важнее, что он уже в который раз получил свои 514,62. И, это, конечно, приводило профессора в самое приятное расположение духа, делая его сон особенно сладким.

И, наконец, третье, и, наверное, самое главное. На заснеженной улице было так темно и так тихо, что, казалось, весь город вошёл в бедственное положение старого и усталого блогера и дружно решил дать ему возможность хорошенько выспаться.

Сергей Калабухин

Коломна

АНГЕЛ В ТРУБКЕ

- Алло, мне нужен Одиссей.
- Я слушаю. Кто это?
- Ты меня не знаешь. Нам нужно поговорить.
- Говорите.
- Не по телефону. Лично.
- О чём? Кто дал вам мой номер?
- Всё расскажу при встрече.
- Я сейчас занят. Когда освобожусь, не знаю.
- У нас полно времени — Лена вернётся не ранее, чем через полчаса: в магазине большая очередь в кассы.

- Лена? Вы — Игорь?
- Да. Она обо мне рассказывала?
- Много. Значит, и обо мне Лена сказала Вам?
- Рассказала. Сказку про ангела-хранителя в телефонной трубке.
- Это она дала вам мой номер?
- Нет. Я тайком скопировал её телефонную книжку, потом проследил за ней до твоего дома.
- Чего ж вы хотите от меня?
- Я хочу увидеть ангела, которому моя невеста звонит чаще, чем мне. О котором она ничего не хочет мне рассказывать, к которому тайком от меня бегаёт на свиданья, кому покупает продукты, стоя в очередях. Что она ещё для тебя делает и почему?
- Ревность, значит, тебя грызёт, Игорёк. Это плохо. Что ж, видимо, придётся нам действительно встретиться лицом к лицу. Заходи.
- Куда? Я знаю только подъезд. Но никто в вашем дворе не знает никакого Одиссея.
- Четвёртый этаж, прямо.

Спартак потряс Рим. Пугачёв встряхнул Россию, Наполеон — Францию. История кишит именами великих полководцев, завоевателей, потрясателей основ. Среди Великих есть и женские имена: Клеопатра, Сафо, Жанна Д'Арк, Екатерина Великая... Что они сделали такого, из-за чего их имена живут, хотя сами их носители давно превратились в ничто?

«Человек — это звучит гордо!» — провозгласил Горький.

«Человек — это винтик, незаменимых нет» — «поправил» классика Вождь всех народов.

И, действительно, если относиться к человеку как к винтику, то так оно и есть — заменить можно любого — ведь, результат-то замены рано или поздно устроит заменяющего. Рано или поздно. Тем более, что менять можно бесконечно...

Почему же наши города заставлены статуями «завоевателей», «освободителей», «мыслителей» и прочих «великих людей»? Оставим сейчас в покое имена тех, кто обеспечил людям жизнь: учёных, изобретателей и т.п. Их имена как раз мы знаем хуже всего, а имя изобретателя колеса вообще осталось неизвестно! Зато имена вояк, уничтоживших массу ни в чём не повинных людей, усердно сохранены и почитаемы потомками даже тех, кого они уничтожали. За что мы столь долго помним Чингисхана, Аттилу, Тимура, Александра, Ричарда Львиное Сердце, Наполеона? Что хорошего сделали они для людей? Что хорошего сде-

лали они хотя бы для собственного народа? Награбленное со временем утекло сквозь пальцы немногочисленных наследников, а народы лучше жить не стали. У всех этих «чингисханов» по сути слава Герострата. Они уничтожали чужое, не сумев создать своего, ибо все их завоевания рассыпались с их уходом. Однако Герострата презируют, даже настоящее имя его намеренно предано забвению, а «чингисханы» — в почёте!

Игорь в растерянности стоял посреди комнаты. У окна в кресле-каталке сидел молодой мужчина в полосатой тельняшке, рельефно облегающей мускулистый торс, и шортах, почти полностью скрывающих обрубки ног.

— Садись, в ногах правды нет, — улыбнулся калека.

— Серёженька, я бельё постирала. Побегу, а то муж волноваться будет. — Симпатичная девушка, впусившая Игоря, легко чмокнула безногого в щёку, улыбнулась Игорю и ушла.

— Ну вот, теперь ты знаешь моё настоящее имя, — вздохнул, проводив ушедшую взглядом, Одиссей.

— Кто это была?

— Не жена, как ты уже понял. И не сестра. И не любовница. Просто ещё одна женщина, для которой я был «ангелом в трубке». Теперь вот она мой ангел-хранитель. Когда может, забегает, стирает, готовит или ещё как-нибудь помогает. Ты, небось, думаешь, что я завёл себе этакий гарем рабынь? Нет. У меня мама есть, она обо мне заботится. Сейчас к соседке ушла, чтобы не смущать моих гостей, сериал какой-нибудь смотрит. Девушки сами хотят что-нибудь сделать для меня, а я не препятствую. Зачем? И им приятно, и мне. И маме помощь.

— Да кто ты такой?!

— Ангел в трубке. А Лену твою я увидел сегодня впервые, как и тебя. Она настояла на встрече, хотела лично пригласить меня на вашу свадьбу. До сегодняшнего дня мы общались только по телефону.

— Я не понимаю...

— Несколько лет назад я тоже собирался жениться. Был молод, красив, здоров, служил в десанте. Но случилась Чечня. И ты видишь, что со мной стало. Невеста исчезла, денег нет, работы нет, будущего нет! Друзья устроили мне путёвку в санаторий. Тот же Кавказ, но другая республика. И вот сижу я как-то на балкончике своего номера и думаю: сейчас кувыркнуться вниз или ночью, когда никто не увидит и не бросится спасать. И вдруг звонок телефона. Незнакомый женский голос. Ошиблись номером.

Две оставшиеся недели, что я прожил в том санатории, этот голос в телефонной трубке удерживал меня на этом свете. И удержал! Каждый вечер она звонила, и мы говорили обо всём, о том, что даже матери не скажешь. Оказывается, незнакомому человеку легче поведать горе, чем близкому. Она звала меня Одиссеем. Это был её любимый герой. Он жил не для себя, преодолел невероятные трудности на пути домой, к своей любви, к своей семье.

В последний вечер мы встретились. Это оказалась женщина из соседнего номера. Мы виделись каждый день, но мне и в голову не приходило, что мой ангел живёт за стенкой. Она дала мне смысл жизни. Я ехал домой и напевал:

«А у неё такая маленькая грудь
И тело гибкое, как шея гуся.
Уходит Одиссей в далёкий путь,
Но не забудет девушку из Беларуси!»

Когда я вернулся домой, раздался звонок. Она сказала, что звонит с чужого телефона. Я всё понял: есть человек, которому плохо, и требуется помощь. Так я стал Одиссеем, ангелом в телефонной трубке. Так мы познакомились однажды и с твоей Леной. Ей было очень плохо тогда, и незнакомая женщина попросила у неё телефон, чтобы позвонить. Определитель номера почти всегда срабатывает...

Хлопнула дверь, и в комнату вбежала Лена с полной сумкой продуктов...

Животное тоже строит дом (нору, берлогу, гнездо) и выращивает детёныша. А некоторые и «сажают деревья» — опыляют цветы, «разносят» семена съеденных плодов и т.п. То бишь, программа-минимум у всех (и у людей, и у зверей) одинакова — размножение, сохранение вида. Все прочие просто вымирают. И те самые требования — родить сына, посадить дерево, построить дом — это просто выполнение самых минимальных условий выживания. Выживания не тебя, любимого, а твоих потомков, твоего вида на этой планете. Если судить по насекомым, то программа успешно работает. Они воюют порой за жизненное пространство, но вряд ли один паук хвастает перед другим узором своей паутины, а один муравейник посылает солдат против другого муравейника из-за красоты матки.

Насекомые пережили динозавров, неужели переживут и нас?

— Игорь, давай зайдём в Мемориальный парк.

— Зачем?

— Скоро нам с тобой предстоит возлагать здесь цветы у Вечного огня. Обычай такой — сразу после ЗАГСа молодожёны идут сюда. Ты, ведь, не передумал на мне жениться?

— Конечно, нет!

— Эх ты, Отелло!

— Прости меня, Ленок...

— Да ладно уж! Тебе понравился Одиссей?

— Понравился. Кстати, его зовут Сергей.

— Это для тебя! Для меня он навсегда останется Одиссеем, ангелом в трубке. Он успел рассказать тебе свою историю?

— Да. Вот и парк. Знаешь, мне никогда не нравилась эта скульптура скорбящей матери. Уж больно жалкая она какая-то, похожая на нищенку с дореволюционных картин. То ли дело могучая фигура Родины-Матери на Мамаевом кургане!

— Глупый. Та — Родина, а эта — Скорбь, та — зовёт на бой, а эта — оплакивает павших в том бою.

— Ты, конечно, права. Пойдём к огню.

— Смотри, здесь написано: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». Я вот только сейчас поняла, что не знаю имени той девушки из санатория, спасшей Одиссея. И его настоящее имя не узнала б, если б не твоя ревность. А, может, и у той девушки из санатория тоже был свой «ангел в трубке»? Может, эта цепочка ангелов тянется в глубь веков аж до пещер первобытных племён!

— Фантазёрка ты моя! Телефон и существует-то лет сто всего...

— Это не важно! Телефон — только средство общения, данное нам прогрессом. Одно из. Но есть, ведь, письма, священники — исповедники, личные психотерапевты и, наконец, подушки, в которые мы, девушки, испокон веков выплакиваем свои беды. Человеку необходимо иногда высказаться — выплакаться. Разве у тебя не было в жизни таких моментов?

— Бог миловал. Пока. Знаешь, Ленок, у Ленгстона Хьюза мне нравится один блюз. В нём есть такие строки:

«Пришла я к милому и говорю:

Тоскливо мне, пожалей.

А он мне — могла бы придумать

Что-нибудь повеселей!

Эх, если бы мне крылья
Такие, как у орла,
Вот если бы мне крылья
Такие, как у орла, —
Накинулась бы на милого,
Всю бы морду разодрала!»

— Здорово! Надо послушать, как придём домой.

— Я рад, Леноч, что в твоей жизни появился Одиссей. Мне не хочется ходить с ободранной мордой.

— Ты всё шутишь, Игорёк. К Одиссею я приду с бедой, а не плохим настроением. Так что...

— Не будет у нас никаких бед! Я не допущу. А почему ты продолжаешь звонить Одиссею и теперь. Разве тебе плохо со мной?

— Глупый! Конечно, я счастлива, что в моей жизни появился ты. А Одиссею звоню, чтобы поделиться счастьем. Раньше делилась горем. Представь, каково Одиссею было бы принимать на себя только негатив. Долго бы он выдержал? Я, ведь, наверняка не единственная, кто ему звонит. Надеюсь, моя радость хоть немного его подзаряжает, компенсирует те слёзы, что он разделяет с другими.

— А что у тебя было за горе?

— Не хочу сейчас даже вспоминать. Смотри, Люська! Сидит на лавочке, плачет...

— Не подходи к ней. Мы не сможем ей помочь.

— А что случилось?

— Сашка её бросил.

— Когда? Почему? Они ж два года уже счастливо живут вместе!

— Счастливо? Я тоже так думал до сегодняшнего дня. Утром повёз им приглашение на нашу свадьбу, тут меня Сашка и огорошил. Люська «залетела» и хочет оставить ребёнка, а Сашка категорически против. Поставил ей условие: либо он, либо ребёнок.

— Вот сволочь!

— Ну, почему сразу «сволочь»? Он мне сказал, что они с Люськой сходились с таким условием: жить для себя, ради секса и удовольствий. Никаких обязательств и детей.

— Всё равно, он — скотина! Не знаю, какие там у них изначально были соглашения, а Люська всегда любила Сашку, ещё когда они вместе в школе учились. Не хочу его видеть на нашей свадьбе.

— Так я приглашение и не отдал. Тем более, что Люська уже с ним не живёт: вернулась к родителям.

— И правильно сделала! Вот её надо пригласить обязательно. Пусть хоть немного отвлечётся от своей беды. Пойдём к ней, я хочу пригласить её в «подружки невесты».

— Может, не надо? Сомневаюсь, что ей в её положении станет лучше от вида нашего счастья...

— Ерунда! Я по себе знаю, что Люську нельзя сейчас оставлять одну.

— Привет, Люська! Как хорошо, что мы тебя встретили. У меня к тебе два дела. Во-первых, дай скорее твой телефон — в моём аккумуляторе «сел». Алло, Одиссей, это Лена, я звоню тебе с чужого телефона...

ОБРЯД

Палач не выразил удивления, увидев входящего вслед за мною принца Гервасия.

— Ваше Величество! — Привычно склонился он, почтительно целуя мне руку. Потом повернулся к принцу и поклонился менее почтительно. — Ваше Высочество!

Тщательно закрыв и заперев дверь на массивный засов, палач невозмутимо стал ждать дальнейших распоряжений. Последние двадцать лет, за единственным исключением, в Грановитую башню кремля имеют доступ только палач, его жена и сын. Они поддерживают здесь чистоту и порядок, а также на их попечении находится единственный узник подвальной камеры, но последнее является государственной тайной.

Принца Гервасия явно возмутило то, что палач отнёсся к нему менее почтительно, чем обычно, и он наверняка сделал соответствующую отметку в своей поистине бездонной памяти. Но палача это ни в малейшей степени не волновало: он и вся его семья прекрасно знали, что вряд ли надолго переживут меня. Новая метла, как известно... Или же новый Государь оставит их на прежних должностях, простив все обиды. Верных слуг, способных многие годы хранить тайны своего господина, найти не так-то просто!

Сдержав недовольство, принц Гервасий начал с любопытством осматриваться. Его не поразило царское убранство бывшей камеры пыток, ведь я провожу здесь каждое воскресенье больше часа. Толстые ковры на каменном полу и исходящую жаром печь принц принял как

должное — зима на дворе! Огромный рабочий стол, заваленный бумагами, его немного удивил.

— Ты здесь ещё и работаешь, отец?

— Времени безумно не хватает, — вздохнул я, усаживаясь в кресло и пододвигая поближе пачку срочных донесений.

Но Гервасий мой ответ, кажется, даже не услышал. Потому что наконец-то увидел то, что долгие годы вызывало его жгучий интерес и являлось причиной чёрной зависти, толкнувшей, в конце концов, моего сына на роковой поступок. Это было простое металлическое кресло, обтянутое шкурой какого-то морского зверя и почти встроенное в нишу, выдолбленную в толстой крепостной стене.

— Это оно? — спросил дрогнувшим голосом принц, мгновенно утрав всё своё высокомерие. Его дрожащие руки стали жадно ощупывать железное кресло. — А зачем здесь на подлокотниках, ножках и спинке эти толстые ремни?

— Узнаешь, если ты ещё не передумал, — ответил я.

Гервасий вновь надменно выпятил челюсть.

— Я никогда не меняю своих решений, отец!

— Что ж, тогда не будем терять время. — Я повернулся к палачу. — Синеус, мой старший сын и наследник престола принц Гервасий пожелал досрочно взять в свои руки управление государством...

— Ты уже тридцать лет сидишь на троне! — яростно выкрикнул принц. — Мне через несколько дней исполняется сорок лет. Мои сыновья, твои внуки, давно достигли совершеннолетия, а ты всё не собираешься уходить на покой!

— Устал ждать моей смерти? — с горечью спросил я.

— Надо мной уже открыто смеются придворные и за спиной называют «Вечный Принц»! — в бешенстве заорал Гервасий. — Так не может больше продолжаться...

— Вот видишь, мой верный Синеус, как складываются дела. — Мои руки машинально перебирали лежащие на столе бумаги. Обычный набор: письма, отчёты, прошения, доносы. — У принца Гервасия, оказывается, много сторонников среди молодых дворян, и чтобы избежать Гражданской войны, я предложил моему сыну заменить меня сегодня во время Обряда Единения царя и народа. Приготовь кресло, люди на площади ждут.

— Но, Государь, — осмелился возразить палач. — Пять лет назад...

— И я, и принц Гервасий прекрасно помним всё, что случилось пять лет назад, — резко перебил я его. — На этот раз всё будет иначе: если мой сын с честью выдержит Обряд Единения, я немедленно отрекусь от

престола в его пользу. Не могу сказать, что данный шаг будет сделан мною с лёгким сердцем, но я дал слово Гервасию и не нарушу его.

Палач молча подошёл к железному креслу, убрал заглушку, закрывающую отверстие в сиденье и с почтительным поклоном обратился к кусающему в нетерпении пухлую, как у женщины, нижнюю губу принцу Гервасию:

— Соболаговолите снять штаны, Ваше Высочество и сесть на этот трон.

Мне не составило труда уловить во внешне бесстрастном голосе Синеуса оттенок насмешки, и я незаметно подмигнул ему, одновременно осуждающе погрозив пальцем. Негоже палачу, пусть и царскому, насмехаться над наследником престола.

Усевшись, принц попытался принять величественную позу, но не смог: его довольно объёмистый зад всё же провалился в дыру, и Гервасий испуганно схватился за подлокотники.

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество, — невозмутимо произнёс палач. — Вы не провалитесь.

И он ловко затянул широкие ремни из жёсткой толстой кожи, надёжно привязав принца к креслу. Тот и глазом не успел моргнуть, как его руки оказались прижаты к подлокотникам, ноги в высоких ботфортах — к ножкам кресла, а мясистая грудь — к спинке.

— Что ты делаешь, болван?! — испуганно вскрикнул принц. — Отец...

— Не волнуйся, сын, — не отрываясь от просмотра очередной бумаги, ответил я. — Это обычная процедура. И я так же сидел. Не думаешь же ты, что этот железный трон сделан специально для тебя? Откуда же мне было знать, что ты решишь устроить государственный переворот именно сегодня? Как я мог предугадать, что ты согласишься войти вместе со мной в Грановитую башню, чтобы заменить меня во время церемонии Обряда Единения?

Гервасий заметно ободрился, но всё же процедил угрожающим тоном:

— Не забывайте, что за дверью меня ожидает отряд верных дворян. Если со мной что здесь случится, и я не выйду целым и невредимым из этой камеры, то и им терять будет нечего.

Я с сожалением посмотрел на сына и твёрдо отдал приказ:

— Приступай, Синеус!

Палач привычно дёрнул на себя торчащий из стены железный рычаг. Где-то под полом заскрипели шестерни механизма. Ниша в стене превратилась в окно, сквозь которое колючий ветер швырнул внутрь

камеры облачко снежинок и гул собравшейся на площади толпы. Железный трон с привязанным к нему принцем с лязгом въехал по направляющим в нишу, закупорив образовавшееся отверстие. Перед собравшейся снаружи толпой, изнывающей от нетерпения, появился «Высочайший Зад». Обряд Единения Государя и народа начался.

На площади раздался оглушительный грохот двух огромных барабанов, задающих ритм церемонии. Сквозь коридор стражников люди поодиночке взбегали по прямому деревянному пандусу к отверстию в стене башни, исступлённо лизали или лобызали торчавший в нём голый зад и по настилам, идущим влево и вправо вдоль стены, сбегали вниз, исчезая в узких улочках Города. Вторично встать в очередь никто из них не мог — за этим строго следила стража.

— И что тут сложного? — насмешливо хмыкнул Гервасий. — Даже приятно...

— Тебе нужно выдержать всего лишь один час, — спокойно ответил я, указывая ему на быстро сыпавшийся песок в часах. — И трон Тартарии — твой.

— Брось эти бумажки и начни готовить прощальную речь, отец, — самоуверенно посоветовал мне Гервасий и захохотал.

Обряд Единения возник почти двадцать лет назад, и тогда в нём участвовал только самый близкий ко мне круг придворных. Но чем больше дворян узнавало о новой привилегии, наглядно свидетельствующей о близости её обладателя к Государю, тем стремительнее росла на моём столе гора прошений о её даровании. Вскоре тронный зал моего дворца перестал вмещать всех, кого я облагодетельствовал правом участия в Обряде Единения, и церемония стала проходить на городской площади при стечении простого народа. Тут уже на моём столе начала расти гора прошений от воинов, купцов и ремесленников. Дворяне пробовали протестовать, но я твёрдо заявил, что негоже ни им, ни тем более Государю отрываться от народа. Мы все должны быть едины, и тогда никакой враг нам не страшен!

Явные протесты утихли, но мои агенты доносили о всё более усиливающимся среди аристократов ропоте: дворяне не должны быть хоть в чём-то уравнены с простолюдинами. Чтобы пресечь возникшее недовольство, я издал Указ о том, что отныне во время проведения Обряда Единения дворяне будут лизать Высокий Зад, а все остальные сословия — целовать. Это несколько снизило накал страстей, однако начались иные трудности.

Довольно скоро городская площадь не могла больше вместить всех желающих участвовать в Обряде Единения, а я не желал тратить на

него целый день. Было создано министерство Единения, которое занялось подсчётом и установлением квот от различных категорий граждан: кто, когда, в каком количестве и в какой последовательности будет допущен к Обряду. Конечно немедленно начались спекуляции билетами на площадь, которыми обеспечивались участники церемонии. Предлагалось тех, кто продавал свой билет, казнить за измену и оскорбление Государя, но я запретил. Обряд — дело добровольное, и если кому — то деньги важнее привилегии, то это его личное дело. Государству от этого убытка нет, а я не желаю навязывать кому-либо близость к своей Особе насильно. Совершенно иное дело, когда кто-то торгует поддельными билетами. Таких негодяев надо приравнять к фальшивомонетчикам и казнить без всякой жалости.

Однако чем больше людей принимало участие в Обряде, тем чаще приходилось его проводить, чтобы удовлетворить всех желающих. Заволновалась моя охрана: не хватало сил, чтобы уследить за всеми, кто толпился на площади. Нельзя было исключить того, что под видом верноподданного к особе Государя вплотную приблизится враг. Вот тогда и была соответствующим образом переоборудована бывшая камера пыток Грановитой башни кремля, одна из стен которой выходит как раз на площадь. В башню из моего дворца я спокойно прохожу по специально сооружённому подземному ходу, приветствую с её верхней площадки собравшийся на площади народ и спускаюсь в бывшую камеру пыток. И вот сегодня меня здесь вновь захватили в плен...

— Ой! — вскрикнул принц Гервасий. — Меня кто-то укусил!

— Ничего удивительного! — Я ухмыльнулся. — Не все подданные любят Государя. Уж тебе ли и твоим дружкам этого не знать? Укусами эти люди выражают своё отношение. Чем больше укусов, тем доходчивей сигнал, что Государь что-то делает не так, и народ им недоволен.

Я откладываю бумаги и внимательно вглядываюсь в обеспокоенное лицо своего старшего сына. Это теперь Гервасий — старший. До него наследным принцем был Ярослав. Тому тоже надоело ждать моей смерти. Пять лет назад его сторонники проникли в Грановитую башню, и когда, поприветствовав народ, я спустился сюда, меня схватили и отвели в одну из мрачных камер подземелья. Как и Гервасий сейчас, Ярослав провёл Обряд Единения вместо меня! Он выдержал до конца, у него всегда была железная воля. Так считали окружающие его приятели и он сам, но я думаю, это скорее было ослиное упрямство, а не сила воли. Как бы там ни было, он выдержал испытание и даже, как мне потом доложили, самостоятельно вновь поднялся на башню. Народ всё

ещё толпился на площади, потому что по приказу Ярослава, переданному от моего имени стражникам, те никого не выпускали в Город.

Ярослав объявил народу, что ввиду преклонного возраста царь Святослав, то бишь я, отстранён от власти, и отныне в Тартарии новый Государь. То, что он, принц Ярослав, достоин трона доказал только что проведённый Обряд Единения, в котором народ не заметил разницы между Высокими Задами бывшего и нового царей. Говоря всё это, Ярослав гордо выпятил грудь, в которую тотчас вонзились стрелы стражников, дежуривших на кремлёвской стене. Самозванец рухнул к подножию Грановитой башни, видимо, так и не успев понять, что своим поступком оскорбил не только меня, но и весь народ. Вслед за мятежным принцем рухнули вниз и его приспешники, где все они были разорваны в клочья обезумевшей толпой. Когда стража навела порядок, и все куски удалось собрать в одну кучу, определить, что кому принадлежало, было невозможно. Останки сожгли, а пепел развеяли за пределами Города.

Гервасий учёл опыт Ярослава. Он потребовал, чтобы я сам, якобы по своей воле передал ему престол.

— Или что? — спросил я его.

— Или ты умрёшь, — отведя глаза, но довольно твёрдо ответил мой сын. — Народу сообщат, что твоё старое сердце остановилось, не выдержав напора чувств во время Обряда Единения.

— Но ведь правда когда-нибудь всплывёт, — стараясь казаться спокойным, сказал я. — Кто-то из твоих сподвижников обязательно проговорится.

— Ну и что? — пренебрежительно отмахнулся принц. — Когда это произойдёт, я уже буду твёрдо сидеть на троне Тартарии, и никто не посмеет ничего сказать, а тем более сделать. В любом случае тебя-то уж точно вернуть на трон будет невозможно.

— А если я соглашусь на отречение, что меня ждёт?

— Я дам тебе слово, что на твою жизнь и свободу никто не будет покушаться. Ты в свою очередь дашь мне слово, что не будешь делать попыток вернуться на трон. Сбрось с себя бремя власти, отец! Отдохни, поживи хоть на старости лет в своё удовольствие.

Я сделал вид, что задумался. Мы с Гервасием стояли на узкой площадке где-то посреди Грановитой башни. Принц встретил меня здесь, когда я спускался с верхней площадки, где перед этим, как обычно, приветствовал собравшийся на площади для проведения Обряда Единения народ. Мимо меня вверх по винтовой лестнице проскользнуло несколько вооружённых дворян с лицами, закрытыми масками. Снизу

тоже доносились приглушённые голоса и лязг оружия. Люди принца отрезали мне любую возможность для бегства.

— Ты должен дать ответ немедленно, отец, — хрипло сказал Гервасий. — Что ты выбираешь: немедленную смерть или спокойную жизнь в одном из своих дворцов?

— А кто проведёт Обряд Единения? Люди на площади ждут.

— Почему это тебя волнует? — Принц с удивлением посмотрел на меня и вдруг понимающе ухмыльнулся. — Не можешь без привычных почестей, как пьяница без вина? Или таким образом выторговываешь себе дополнительный час жизни? Успокойся, Обряд проведёшь ты. В последний раз. Вне зависимости от твоего ответа.

— Да, я хочу жить! — Я не стал отпираться, и Гервасий вздохнул с явным облегчением. — Поэтому я принимаю твоё предложение, но у меня есть одно условие.

— Ты ставишь мне условие? — нахмурился принц.

— Оно простое: проведи сейчас Обряд Единения вместо меня.

Гервасий натужно рассмеялся.

— Заманиваешь меня в ловушку, отец? Надеешься, что меня убьют, как Ярослава?

— Совсе нет! — поспешил я его успокоить. — Ты же не будешь, как Ярослав, сообщать об этом обмане толпе! И я тоже себе не враг.

— Мы не одни...

— В камере мы будем одни. Палача Синеуса можно не опасаться, да ему и нет смысла выдавать нас. Да, кто-то из твоих людей сейчас слышит нас, но никто из них не сможет поклясться, чей именно Высокий Зад участвовал в Обряде.

— Не понимаю, зачем тебе это?

— Я хочу убедиться, что ты действительно готов заменить меня на престоле Тартарии. Если ты успешно пройдёшь испытание, я сегодня же публично отрекись в твою пользу. Даю тебе в этом своё слово. Если же нет, я сохраню свой трон до следующей церемонии Обряда. И так до тех пор, пока ты делом не докажешь, что готов меня заменить.

— Не понимаю, в чём подвох? — нервно прикусил нижнюю губу принц. — Ярослав, говорят, справился без особого труда...

— Теперь выбор за тобой, сын! — Я насмешливо изобразил почтительный поклон. — Ты можешь в свою очередь дать мне слово. Или убей меня прямо сейчас. Но рано или поздно детали моей смерти станут известны, и кто-нибудь из твоих сыновей тоже может решить, что его отец слишком долго зажился на этом свете. Дурные примеры зара-

зительны! К тому же, тебе и в этом случае придётся самому проводить Обряд.

— Отец, — хрипит Гервасий, — я больше не могу! Останови это!

Указываю ему на часы, в которых песок успел пересыпаться сверху вниз только наполовину.

— Я не могу прервать Обряд, — укоризненно качая головой, отвечаю я. — Терпи, раз уж ты решил занять моё место.

— Как ты это выдерживаешь, отец?

— Сейчас уже легко. Человек ко всему привыкает, знаешь ли. Изначально Обряд Единения проводился раз в год и длился столько, сколько необходимо. Но чем больше становилось желающих, тем чаще мне пришлось устраивать церемонию, и сейчас Обряд проходит каждое воскресенье, но не дольше одного часа. Языки у людей бывают настолько шершавыми, что буквально сдирают кожу с твоей задницы, что ты сейчас и ощущаешь. Когда твой брат Ярослав встал с железного трона, стойко выдержав всю церемонию, его зад напоминал окровавленный кусок мяса, с которого кое-где свешивались ленточки кожи.

— Но зачем терпеть эту пытку? — в недоумении воззрился на меня Гервасий.

— Любовь народа — тяжкое бремя, принц! Да, сначала она весьма приятна, но со временем становится всё труднее соответствовать её растущим размерам. Всё больше усилий приходится прикладывать, чтобы не разочаровать народ. Ненависть, Гервасий, очень редко переходит в любовь, а вот обратное случается довольно часто. И если народ возненавидит государя, то дни того на троне сочтены. Обряд Единения наглядно демонстрирует степень любви народа к Государю. Ради этого можно и потерпеть некоторые неудобства...

— Первым же Указом я отменю Обряд! — корчась от боли, прорычал принц.

— Это будет твой последний указ, сын. — Я с сочувствием посмотрел на Гервасия. — Можно отнять привилегию у провинившегося перед Государем дворянина или даже целого сословия. Но нельзя без веской причины лишить Обряда Единения весь народ!

— Тогда я отказываюсь от трона! Лучше я останусь «Вечным Принцем», чем буду каждую неделю терпеть подобные муки...

Я сделал знак Синеусу, и тот, подойдя к двери, отодвинул металлическую шторку смотрового окошка и посмотрел, что творится снаружи. Потом опять закрыл окошко и, повернувшись ко мне, кивнул. Со вздохом облегчения, я откинулся на спинку кресла. Итак, мои люди уже

уничтожили настоящих заговорщиков. Принц Гервасий очень бы удивился, если бы хотя бы мельком просмотрел те бумаги, что я читал, пока он корчится от боли на железном троне. Ведь это — доклады моих агентов, внедрённых в ближайшее окружение принца. Почти половина заговорщиков на самом деле работают на меня. Так что, стоя недавно с принцем на площадке винтовой лестницы и слушая его ультиматум, я знал, что кроме врагов рядом с оружием в руках находятся и мои защитники. Это конечно не давало полной гарантии безопасности, но я сознательно пошёл на риск. И он оправдался!

— Отец, ты слышишь? — из последних сил хрипит Гервасий. — Я отказываюсь от трона!

— Дай принцу вина, Синеус! — приказываю я. — Это немного облегчит его муки.

Да, половина заговорщиков была моими агентами, поэтому ликвидация другой половины произошла практически мгновенно и незаметно для народа. Никто не должен знать, что заговор вообще имел место. Имя наследного принца останется незапятнанным. Да и так ли уж велика его вина? Ведь это я на самом деле являюсь вдохновителем и организатором заговора. Это мои агенты подзуживали принца на захват трона и раздували его спесь. Зачем?

Всё просто: я действительно старею и очень устал. Мне нужен не просто наследник, а единомышленник, человек, который продолжит моё дело, а не разрушит всё созданное мною за долгие годы правления Тартарией. Я возлагал все надежды на Ярослава, но того, к сожалению, больше привлекали битвы, а не повседневные заботы о государстве. Ярослав мечтал о славе завоевателя, а я стоял на его пути...

А Гервасий рос, зная, что трон Тартарии не для него. Всё его время занимали развлечения: пиры, охота и женщины. Он вырос изнеженным и избалованным. Я надеялся, что став наследником престола, Гервасий изменится, но этого не произошло. И тогда я придумал и организовал этот заговор. Одним выстрелом убил двух зайцев: пробудил в Гервасии честолюбие и выявил своих недругов.

Последняя песчинка упала, и Синеус рванул рычаг. Железный трон с лязгом выехал из ниши, и плита вновь закрыла окно на площадь. Палач быстро освободил обмякшего принца от удерживающих ремней и, кряхтя от натуги, перетащил на лежанку. Уложив стонущего Гервасия на живот, Синеус стал осторожно покрывать его кровоточащий зад лечебной мазью.

— Вот так-то, сын! — с удовлетворением произнёс я. — Теперь ты знаешь, каково приходится мне.

— Я не хочу...

— Ты — наследник престола! — резко прервал я его. — Не хочешь быть Государем Тартарии, отрелкись в пользу своего сына. Теперь ты знаешь, что его ждёт.

— Нет, — простонал принц. — Даже врагу я не пожелаю такого...

— Тогда прекрати нытьё! — прикрикнул я. — Ты дал мне слово, не забыл? А это значит, что через неделю мы вновь встретимся здесь, и ты опять заменишь меня на железном троне. И так будет продолжаться, пока ты с честью не выдержишь Обряд Единения, доказав, что готов заменить меня на престоле Тартарии.

— Пощади, отец! — взвыл Гервасий. — Я не смогу...

— Хорошо, я освобожу тебя от данного мне слова, если ты поклянёшься с завтрашнего дня оставить свои пирушки, охоту и женщин. Будешь всё время рядом со мной, начнёшь вникать в государственные дела и по возможности принимать на себя ответственность за решение возникающих проблем. Сначала конечно под моим непосредственным руководством, а потом и самостоятельно.

— Я согласен! Даю слово, отец, что отныне стану твоим самым прилежным учеником и самым преданным подданным. Но как же быть с моими...

— Заговорщиками? — безжалостно уточнил я. — Это проблема Государя, и я её уже решил. Да-да, не удивляйся. Ты многому должен научиться, сын! Радуйся, что у тебя будет такой учитель, как я.

Когда вернулся Синеус, передавший принца Гервасия в надёжные руки моего личного лекаря, я бросал в огонь печи последний документ. Мой рабочий стол был пуст, на нём не осталось никаких письменных свидетельств существования заговора принца Гервасия против своего Государя. В молчании самого принца, моего личного лекаря и Синеуса я не сомневаюсь.

— Как дела у нашего узника? — спросил я палача. — Рад небось, что сегодня его зад отдыхает?

— Да, Государь, — поклонившись, ответил Синеус. — Он просто счастлив. Его раны что-то плохо заживают, и выпускать его в таком виде на церемонию было бы нежелательно. Я даже на всякий случай подыскал ему замену.

— Да, бедняга Гервасий! — Я невесело рассмеялся. — «Отец, как ты такое выдерживаешь?» Как думаешь, Синеус, как скоро мой сын начнёт подозревать правду?

— Не думаю, Государь, что принц Гервасий догадается.

— Что ж, значит, когда-нибудь мне самому придётся рассказать ему, для чего мы держим тайного узника в подземельях Грановитой башни. Много уцелело заговорщиков?

— Всего трое, Государь.

— Маловато. Уж больно часто мрут твои тайные узники! Скоро в моих тюрьмах и преступников не останется. Заговорщики хотели меня заменить? Скоро им представится такая возможность. Каждому! Вот только трон окажется железным...

Андрей Саломатов

Москва

МЫС ДОХЛОЙ СОБАКИ

Над домами, за грязными октябрьскими тучами проревел реактивный самолет, и по оконным стеклам близлежащих домов пробежала дрожь. В некоторых квартирах со стен и потолков осыпалась штукатурка, с крыши свалился рулон рубероида и чуть не убил пробежавшую мимо кошку, восемь скаутов у памятника великому кормчему механически подняли руки в салюте и, проводив железную птицу мира, так же опустили их. С востока на город катило утро, тысячи репродукторов на фонарных столбах приветствовали сонных граждан "Маршем погибших партизан", а те, людоедски зевали и стройными колоннами, трусцой разбежались по своим работам.

Нечайкин вышел из дома на улицу, постоял под козырьком, постукивая томиком Пушкина по бедру, затем сунул книгу в карман сильно поношенного пальто и оглядел двор. Рядом с помойкой, которая давно разрослась до размеров свалки, на корточках сидели два малыша и сосредоточенно ковырялись веточками во вчерашних отбросах. Иногда кто-нибудь из них вытягивал из кучи яркую бумажку или тряпочку, после чего находку долго рассматривали, обстоятельно обсуждали все ее достоинства и недостатки и только потом выбрасывали или отправляли в карман.

По мусорным барханам лениво расхаживали жирные, как индейки, голуби и вороны с мутными сытыми глазами. Как и дети, они искали здесь не пропитания, а развлечений и общения с соплеменниками. Птицы бестолково бродили пьяные от сладкого помойного духа, изредка переговаривались между собой короткими птичьими фразами и иногда вытягивали шеи, как бы желая посмотреть, далеко ли тянется эта благословенная помойная целина.

Глядя на жирных голубей, Нечайкин с удовольствием подумал, что чем больше этих птиц будет бродить по помойкам, тем больше на Земле будет мира. Нечайкин люто ненавидел всякого рода милитаристов и в душе очень переживал за народы тех стран, где, судя по газетным сообщениям, всю бесчинствовали фашисты. И если бы ему предложили пожертвовать своей жизнью ради всеобщего мира на планете, он не задумываясь отдал бы ее, да еще прибавил бы к ней несколько жизней своих соседей по квартире и сослуживцев.

Солнце на горизонте на секунду выглянуло из-за туч и, будто испугавшись открывшегося вида, тут же скрылось. "Бля", — подумал Нечайкин, вытащил из кармана пачку Дымка, негнуцимися пальцами вытянул из нее окурочок и с удовольствием закурил.

Обогнув помойку, Нечайкин вышел в переулочок и вскоре уткнулся в гигантскую шоколадную лужу, которая делала этот довольно значительный отрезок переулочка похожим на венецианский канал. Разница была лишь в том, что вместо гондолы посреди лужи уже две недели плавала большая дохлая собака с лысым раздувшимся животом. Мальчишки с криками кидали в нее камни, и те отскакивали от тугого брюха в разные стороны, а собаку крутило между высоких облупившихся стен словно в водовороте.

Вспомнив, как когда-то сам он вот так же постигал основы навигации и баллистики, Нечайкин ностальгически вздохнул, помахал окурочком перед носом у ближайшего мальчишки и дружелюбно спросил:

— Мальчик, хочешь докурить?

— Не могу, — ответил мальчуган. — Мамка из окна увидит. Ругаться будет.

— А почему это твоя мамка на работу не ходит? — удивился Нечайкин.

— Она на сегодня больничный взяла, — ответил мальчишка. — У нее на нервной почве выпадение кишки произошло и вестибулярный аппарат барахлит.

— Ну как хочешь, — проговорил Нечайкин и подумал, что, наверное когда-нибудь этот маленький оболтус вырастет и станет, например,

бульдозеристом. Будет приносить пользу своему народу и может даже дослужится до бригадира. Нечайкин представил себе бульдозер, в кабине которого сидит за рычагами повзрослевший сорванец. Как выглядит бульдозер, он так и не вспомнил, а мальчик почему-то предстал в его воображении мертвецки пьяным и очень грязным. Тогда Нечайкин попытался представить народ, которому тот будет служить, но навоображал лишь несколько своих знакомых в заводской раздевалке за столом.

После этого Нечайкин почувствовал, что сильно устал. Такое с ним уже случалось и не раз, особенно когда, глядя в черное ночное небо, он задумывался над тем, что же такое бесконечность. Мысленно пытаюсь абстрагироваться от расхожего мнения, будто бесконечность — это неограниченное многообразие материального мира в пространстве и во времени, он на какое-то неуловимое мгновение умудрялся схватить постоянно ускользающую суть этой самой бесконечности, но почти сразу забывал, что это такое и как выглядит. После таких неосторожных экспериментов Нечайкин подолгу мучился от головной боли и давал себе клятвенное обещание больше не задаваться подобными вопросами, любить конечность и жить в ней как добрый гражданин своего отечества в любви и согласии с собой и видимым реальным миром.

Попрощавшись с мальчиком, Нечайкин полез вдоль стены через лужу, где вода доходила лишь до щиколоток, да и то не везде. Оказавшись напротив собаки, он внимательно посмотрел на ее мертвую оскаленную морду. Собака словно улыбалась ему, задумавшись о бренности всего живого в этом мире, и Нечайкин пожалел, что у него в руках нет ни палки, ни арматурины, ни даже камня.

На работу Нечайкин опоздал на двадцать восемь минут. В это время трудно было сесть в автобус, и ему нередко приходилось добираться до завода пешком — по бульжной мостовой, заросшей бурьяном набережной, мимо зеленоглавых церквей с бородами вождями вместо вульгарных лепных херувимов на фронтонах. Как-то Нечайкин решил подсчитать, сколько бульжника ушло на дорогу от его дома до завода, но через неделю сбился где-то на седьмом десятке и бросил. После этого он долго радовался тому, что в этой стране никто никого не заставляет считать эти дурацкие бульжники, и можно просто идти на работу, получая наслаждение от созерцания окружающих пейзажей.

В проходной завода вахтер в чистой телогрейке отметил ему опоздание — четвертое в этом месяце — и пригрозил лишить его прогрессивки и тринадцатой зарплаты. Нечайкин расстроился, закурил целую сигарету и крикнул в маленькое окошечко:

— Ну, бля...

Эта гневная фраза вызвала у вахтера мгновенную ответную реакцию. Окошко резко захлопнулось, и из-за тонкой фанерной перегородки послышался отборный пятистопный мат с мифологическими аллюзиями относительно матери Нечайкина и его собственного происхождения. Стукнув для порядка по фанерной заслонке кулаком, Нечайкин покинул проходную, вышел во внутренний заводской дворик, заваленный ржавыми трубами и пустыми ящиками, и здесь остановился докурить сигарету.

Надо сказать, что завод, на котором трудился Нечайкин, выпускал лейблы — черные шелковые листочки с серебряной люрексовой надписью: "Маде ин Париж". Нечайкин никогда не видел продукции, на которую нашивали эти лейблы, и не очень интересовался, куда они идут. Правда, однажды он купил себе черные сатиновые трусы и на них обнаружил лейбл соседнего завода. Золотой нитью по голубому шелку там было написано: "Маде ин Лондон". Нечайкин долго носил эти трусы наизнанку, чтобы при переодевании в раздевалке был виден лейбл. Но один раз он соврал, что эти трусы ему прислали из самого Лондона, после чего их украли — стянули с пьяного Нечайкина в той же раздевалке, оставив ему такие же, но без лейбла, и неправдоподобно грязные. Нечайкин догадывался, кто подменил ему трусы — от них шел тяжелый знакомый дух — но уличить злоумышленника боялся, поскольку тот слыл на заводе крутым мафиози. Его несколько раз застукивали на проходной с готовой продукцией в карманах и ботинках, и все как-то сходило ему с рук. Мафиози сбывал лейблы какому-то барыге из магазина "Картошка" по три копейки за штуку, а тот лепил их на шкатулки, которые сам изготовлял из открыток и по воскресеньям продавал у Дома Культуры "Вперед". По рублю шкатулки расхватывали мгновенно. У Нечайкина тоже была такая шкатулка с городскими видами по бокам. Он хранил в ней шнурки, пуговицы и ржавые ключи от давно выброшенных замков.

Связываться с заводским "Коза ностра" Нечайкину не хотелось. Он лишь решил для себя больше не пить с этим человеком, но вскоре позабыл о своем решении.

Докурив сигарету, Нечайкин поднялся на второй этаж в раздевалку и переоделся из грязного домашнего в еще более грязный рабочий комбинезон. Переодевался он всегда быстро, потому что запах мафиозных трусов во время переодевания душил его, и тогда Нечайкину приходилось подбегать к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха. Кроме того, Нечайкин боялся вместе с отвратительным запахом вдохнуть в се-

бя какую-нибудь венерическую заразу. О том, как лечат эти болезни в больнице, Нечайкин был наслышан и страшно боялся попасть туда. Знакомый рассказывал, что каждый вновь прибывший в кожно-венеро-логическую лечебницу обязательно первые несколько дней служит наглядным пособием для студентов и студенток медицинского института, и те без зазрения совести часами разглядывают заболевший предмет, крутят его и так, и эдак, да еще спрашивают больного о его интимной жизни. Последнего Нечайкин боялся больше всего, потому что половой жизнью жил очень нерегулярно, а если и случалось такое по пьянке, то на следующий день он совершенно ничего не помнил, а потому и рассказывать ему было не о чем.

В цехе Нечайкин поздоровался с ближайшими к нему женщинами, сел на свое рабочее место и минут двадцать исправно работал: обреза ножницами концы ниток, которыми прошивали лейблы. Ножницы были такими тупыми, что лишь жевали нитки, и Нечайкину чаще приходилось их откусывать. Он уже месяца два просил мастера наточить орудие производства, и тот обещал посодействовать, но точильщик почему-то всегда оказывался пьяным. Только один раз Нечайкин застал его трезвым у электрического точила, и пока крепко поддавший электрик менял вилку на проводе, точильщик успел похмелиться, а похмелившись, послал Нечайкина в магазин за добавкой. Они выпили и про ножницы вспомнили только на следующий день, когда у точила почему-то сгорел мотор.

Откусив в очередной раз нитку, Нечайкин крепко выругался, взял ножницы и отправился к точильщику, в его отдельный кабинет, обклеенный фотографиями полуголых женщин и детей из журнала "Здоровье". Но до кабинета точильщика Нечайкин так и не дошел. В углу цеха, за огромной горой картонных коробок из-под тушонки и макарон, он увидел Прохорову — швею-вышивальщицу, которая пришла работать на завод всего неделю назад и за это короткое время успела вскружить головы всем мужчинам из бригады обрезальщиков и тянущиков люрекса.

Прохорова была здоровой красивой бабой с мощными покатыми плечами, колоссальной грудью и пористым носом, похожим на большую очищенную картофелину с синими глазками. Единственное, что портило Прохорову, это ее зубы. Их не то чтобы не было, когда-то они, конечно же, были, но в процессе жизни сильно испортились, почернели и стали похожи на редкие обгоревшие зубья старой ножовки.

— Ну что, бля? — поздоровался Нечайкин с Прохоровой и, оглядев-шись, нырнул в проход между коробками и стеной. Прохорова доволь-

но заулыбалась, погладила обеими руками необъятный живот и сахарным голосом ответила:

— Слыхал, дилектора сняли. В тюрьму сажать будут. Лейблы налево гнал. Правильно его. Разве ж можно так пить?

— Пить можно, — уверенно проговорил Нечайкин. — Только пить надо с умом. — Он погладил ее по замечательной груди, ткнул пальцем в живот и с уважением добавил: — Эк, тебя!..

Затем осторожно, будто Прохорова могла упасть и разбиться, он обнял ее руками за талию и притянул к себе. Осторожничал Нечайкин больше из боязни, что Прохорова слишком положительно отнесется к его ухаживаниям. Трезвый Нечайкин неохот был до женщин и если приставал к кому, то лишь по привычке или из желания казаться настоящим мужиком. Он даже не сумел бы ответить, действительно ли ему приятно обнимать эту большую, роскошную женщину, тем более, что изо-рта у Прохоровой пахло чем-то давно лежалым и не совсем съедобным.

— Ну-ну, не балуй, — поощрительно сказала Прохорова. — Чегой-то тебя с утра пораньше на баб потянуло?

— Мимо такой разве пройдешь? — ответил Нечайкин и с восхищением добавил: — Королева!

Нечайкин прижался своим высохшим туловищем к мягкому животу Прохоровой и изобразил на лице блаженство.

— Домой бы пригласил, — сказала Прохорова. — Я баба одинокая. Вы же мрете как падлы.

— Приглашу, — без энтузиазма пообещал Нечайкин. Он вспомнил свою раскладушку, которая досталась ему после раздела имущества с бывшей женой, и подумал, что это хлипкое спальное сооружение не выстоит и минуты под могучей Прохоровой.

— А хочешь, в Муром поедем, на выходной? — предложил Нечайкин. — У меня так кореш живет. Прямо у вокзала, рядом с центральной пивной. Или пойдём в кино. У нас во "Вперед" новый фильм крутят. По Камю.

— Я не люблю экзистенциалистов, — ответила Прохорова. — Меня блевать тянет от всей этой интеллигентской туфты. Все эти Кьеркегоры, Буберы и Ницши сами не знают, чего хотят. Надо не преодолевать интеллектуализм рационалистической философии и науки, а работать. Вон, у нас в цеху все время тянутьщиков не хватает. — Прохорова положила свои мясистые руки на плечи Нечайкину, ощупала его ключицы и сочувственно сказала: — Худенький ты какой-то, и волосы у тебя сесутся.

— Это от сублимации, — отворачиваясь, чтобы не слышать тяжело-го дыхания Прохоровой, ответил Нечайкин. — Возраст, бля. Тридцать четыре скоро стукнет.

За нагромождением коробок послышались шаги, Нечайкин быстро отскочил от Прохоровой, но опоздал. Обернувшись, в проходе он увидел Кузьмина — жестокого и мстительного мужиченку с заячьей губой. Тот нехорошо ухмыльнулся и с каким-то зловещим присвистом на весь цех шутливо сказал:

— Нечайкин, сука, опять ты мою бабу лапаешь? Смотри, гендонист хренов, я тебе руки поотрываю и глаз на жопу натяну.

— Иди ты, тоже кавалер нашелся, — довольная тем, что стала предметом спора, сказала Прохорова.

— Ну да, твоя баба, — уныло ответил Нечайкин. Он люто ненавидел Кузьмина и презирал его за то, что Кузьмин считал, будто гедонист, или как он выражался — гендонист, это человек, занимающийся онанизмом через презерватив.

Нечайкин боялся Кузьмина за подлый жестокий нрав и был уверен, что теперь этот плешивый хмырь обязательно будет мстить ему и без разборки не обойтись. Нечайник с тоской подумал, что ему наверняка придется поить Кузьмина вермутом и может даже не один раз. Он прикинул, в какую сумму ему обойдется мировая, но быстро запутался в арифметических расчетах и невпопад проговорил:

— Ножницы никак наточить не могу. Где точильщик? Опять с утра нажрался?

— В Брюссель твой точильщик укатил, — с тем же зловещим присвистом ответил Кузьмин. — В командировку послали ножи точить. Вчера с филиала позвонили, сразу и уехал.

— А Брюссель это далеко? — игриво спросила Прохорова.

— Под Казанью, — ответил Нечайкин. — Там недавно еще один химкомбинат построили. Брательник у меня там. Срок мотает. Пишет, ничего кормят, как в санатории, только волосы лезут и зубов почти не осталось. Химия, эти ее мать!

— А за что его? — поинтересовалась Прохорова.

— Да, блядь одну пришил. Он ее три дня как порядочную в столовую водил, клипсы ей купил, ханку каждый вечер приносил, пополам пили. А она, сука, в доверие вошла и однажды увела у него сумку. Новую, дерматиновую, с портретом Фридриха Энгельса. Она бы, блядь, и одежду увела, но его дома не было, а кровать и стол не осилила. Он ее потом в пивной нашел и пришил. Нож как всадит в брюхо, а из него — пиво фонтаном. Видать, много выпила. Правда, сумку так и не нашли

— успела кому-то передать. А брательник срок мотает. Судья не разобрался, что к чему, или подмазали. У нее то ли шурин, то ли сноха в судейском буфете посудомойкой работает. Отомстили гады. Да ничего, он еще молодой. Вернется, зубы вставит. Вон, как у меня. — Нечайкин оскалился и провел грязным пальцем по неровному ряду посиневших железных зубов.

— У меня братан тоже сидит, — похвастался Кузьмин. — В Австралии. Десять лет усиленного режима вкатили. Машину бутылок налево пустил. Гудели три дня, потом взяли его с поличным, а уже все пропито и прожито. — Кузьмин радостно рассмеялся. — Вещи, конечно, конфисковали и тут же унесли. Теперь уж скоро выйдет. Говорят, амнистия будет к празднику трудящихся.

— А у меня сосед недавно в Австралии был, — в свою очередь похвастал Нечайкин. — Говорит, прямо на вокзале мыло давали и шифер. Мыла ему не досталось, а шифера он набрал на все деньги. Наделал из него полок для пустой посуды, да еще несколько листов осталось. Тебе нужно? — спросил он Кузьмина.

— Я посуду на пол ставлю, — ответил Кузьмин. — Мне штаны новые нужны, а то в пивную сходить не в чем.

— В магазине купи, — посоветовала Прохорова. — У меня знакомый в фирменном магазине "Штаны" работает. Говорит, там бывают.

— Там только сатиновые, — ответил Кузьмин. — Их на три года хватает, не больше. А если стирать, то и на два не хватит. Я вон прошлым летом постирал рубаху, теперь на нитки расползается. — Кузьмин сунул палец в дырку на рукаве и продемонстрировал непрочность ткани, увеличив тем самым дырку раза в два.

— Ладно, я пойду работать, — с напускной безмятежностью сказал Нечайкин и срывающимся голосом запел: — "Какой хорошей, свежей будет водка, моей страной мне вылитая в гроб".

Вернувшись на свое рабочее место, Нечайкин долго сидел, целкал ножницами и открыто наблюдал, как соседка за своим столом, задрав халат, чешет ногу. Она сладострастно царапала кожу вокруг малиновой язвы величиной с медаль и иногда кричала своей подружке, сидящей через несколько столов:

— Храпова! А Храпова! Кайф! Если бы болячек не было, их надо было бы придумать. Как ты считаешь?

"Бля, — подумал Нечайкин. — Погорячился Иван Сергеевич, нашел кому дифирамбы петь. Неужели он, образованный писатель, не видел, кого возносит на пьедестал?" Нечайкин представил себя идущим по бу-

лыжной мостовой с Прохоровой под ручку, в сердцах плюнул и попал себе на колено.

— Храпова, а Храпова, — крикнула соседка. — Кайф! Никакого мужика не надо! Во! Во! Оргазм пошел!

— Будет уходить, пошли ко мне, — откликнулась Храпова. А Нечайкин с тоской подумал, что в сущности эти женщины правы: для того, чтобы получить удовольствие, человеку совершенно не обязательно тратить время, а иногда и деньги на противоположный пол. В жизни достаточно вещей, способных доставить наслаждение не менее сильное, чем от полового сношения. Вот если бы кто-нибудь у него на глазах сильно избил Кузьмина, Нечайкин недели две чувствовал бы себя так, словно все цеховые женщины одновременно обслужили его по первой категории. "А вообще, — размышлял Нечайкин, — люди безнадежно глупы, а потому обречены извлекать из жизни лишь самые примитивные радости. Все это происходит из-за того, что результат слияния Инь и Ян в каждом отдельном случае непредсказуем, и наоборот, всегда предсказуем в конечном результате. Если бы в жизни действовал математический закон, — думал Нечайкин, — когда плюс на плюс дает только плюс, мужики погрязли бы в гомосексуальном разврате, и это все равно дало бы минус. Стало быть, человеческие взаимоотношения, как их не тасуй: Инь на Ян, Ян на Ян или Инь на Инь, могут дать только минус и ничего больше. А значит вся китайская философия не только вредна, но и нежизнеспособна, а математика — есть порождение распушенности буржуазной научной мысли".

Грустно стало Нечайкину от этих размышлений. До того грустно, что он смахнул с рабочего стола гору необработанных лейблов, встал и, закрыв лицо руками, выскочил из цеха.

Сбегая на первый этаж, Нечайкин чуть не сшиб человека с вязанкой дров на спине. Тот еле успел увернуться, в негодовании выплюнул себе на грудь окурок и выкрикнул какое-то страшное матерное заклинание, от которого Нечайкин споткнулся и на улицу вылетел на четвереньках.

Выбравшись из густой маслянистой лужи, Нечайкин вытер лицо мокрым грязным рукавом и свернул за угол.

Он шел по узкому проходу, стараясь не замечать раскисшие коробки из-под тушенки и макарон, которые были навалены вдоль обеих стен. Когда кончились коробки, их сменили пустые бочки из-под постного масла и овощные ящики. Изредка эти скучные ряды разнообразили гигантские бочки из-под квашеной капусты и переполненные мусорные контейнеры. Дорогу Нечайкину часто перебежали худосочные кош-

ки, огромные жирные крысы, и совершенно непонятно было, кто за кем охотится.

Наконец, миновав котельную, нефтяное хранилище с провалившейся кровлей и сгоревший недавно дровяной склад, Нечайкин добрался до всем известного заводчанам закутка, где в летнее время распивали и частенько отдыхали после распития. Сразу же за ограждением из колючей проволоки, по которой проходил ток, в гранитном ложе плескались грязно-фиолетовые воды реки Москвы.

К большому неудовольствию Нечайкина на овощных ящиках уже сидели трое его знакомых, среди которых был и Кузьмин.

Кузьмин, до сих пор мешавший в ведре клей БФ с солью, поднял голову и, расплывшись в нехорошей улыбке, проговорил:

— Тю, Нечайкин. Сам пришел.

Нечайкин догадался, что его будут бить, пожалел о своей способности предугадывать события и со слабой надеждой спросил:

— Четвертым возьмете?

Не задай Нечайкин этот неосторожный вопрос, может все бы и обошлось. Ну, пострадал бы его Кузьмин, возможно влепил бы оплеуху или швырнул в него поленом, но Нечайкин переборщил. Здоровый детина в онучах и клеенчатом фартуке подтянул его за воротник поближе, крикнул: "Бля!" и несильно ткнул ему кулаком в зубы. От этого удара у Нечайкина в голове как будто разорвалась бомба, и он как подкошенный упал рядом с ящиками.

Очнулся Нечайкин от того, что коллеги начали бить его ногами по ребрам и животу. Выплюнув с десяток железных зубов, он прикрыл лицо руками и громко хрюкнул, получив особенно болезненный пинок в солнечное сплетение.

— По рожу не бейте! Рожу не трожьте! — охая при каждом ударе, умолял Нечайкин.

— Знаем. Не звери, — окучивая кирзовыми сапогами бока Нечайкина, ответил Кузьмин.

— Ничего-ничего, — тяжело дыша, проговорил здоровяк в онучах и клеенчатом фартуке. — Мордобой для мужика, все равно что менструация для бабы — дурная кровь сходит.

— Это точно, — поддержал его Кузьмин. — Еще в древности кровопусканием многие болезни лечили. Лихорадку, например. — Кузьмин размахнулся и со всей силой ударил Нечайкина ногой в живот. — Самсонова помнишь? — продолжал он. — Помнишь, месяц назад он пришел на работу с температурой тридцать восемь и семь? Мы с ребятами ему всю рожу разворотили, юшки стакана два из него вытекло. Так

температура сразу упала до двадцати восьми градусов. Это же старое китайское средство от жара.

— Мужики, по печени-то не надо, — уворачиваясь от ударов, просил Нечайкин.

— Да у тебя она все равно гнилая, — ответил здоровяк в онучах. — Ей уже хуже не будет.

— Бляди вы, — кряхтя проговорил Нечайкин. — Твари, волки позорные, падлы ссученные... — Чтобы как-то отвлечься от болезненных ударов, Нечайкин начал выкрикивать все известные ему ругательства и проклятья. Брызжа кровавой слюной, он вертелся на земле как уж, сучил ногами и норовил попасть кому-нибудь из мучителей по ноге.

— Наглеет, — сказал здоровяк в онучах после того, как Нечайкин попал ему по колену.

— Он, падла, сегодня Прохорову лапал, — пожаловался Кузьмин, захав Нечайкину сапогом по шее.

— А кто ее не лапал? — резонно взвыл Нечайкин.

— Молчи, гнида, — возмутился Кузьмин.

— Что ж ты, сука, у товарища девушку отбиваешь? — спросил здоровяк.

— Может, в бочку его и в реку? — предложил до сих пор молчавший начальник смены. — Помните, как у Пушкина:

"И царицу в тот же час

В бочку с сыном посадили,

Засмолили, покатили

И пустили в окиян —

Так велел-де царь Салтан".

Бочку выбрали большую, крепкую, с четырьмя ржавыми обручами и выбитым сучком для поступления свежего воздуха. Нечайкина запихнули внутрь, забили отверстие крышкой и для верности укрепили крышку четырьмя гвоздями.

Нечайкин сидел внутри тихо, как мышь. Ему достаточно было уже того, что его перестали бить. Единственное, о чем сейчас жалел Нечайкин, так это о том, что с ним не было томика Пушкина, который он оставил в кармане пальто. Александр Сергеевич был его любимым писателем, и если бы когда-нибудь Нечайкин встретил его на улице, он сказал бы ему: "Александр, у меня никогда не было няни вроде твоей Арины Родионовны, и в детстве мне рассказывали отнюдь не сказки. Наверное поэтому я вырос таким крепким. Мне раз двадцать вышибали зубы, восемь раз ломали ребра, четыре раза закатывали в бочку, и все

же я остался жив. Ты бы такого просто не выдержал и попросил бы Дантеса пристрелить тебя задолго до вашей роковой встречи".

В этот момент кто-то постучал в бочку, и через выбитый сучок послышался голос Кузьмина:

— Слышь, Нечайкин, не обижайся. Видать, судьба у тебя такая.

— А я и не обижаюсь, — пробубнил Нечайкин. — Все что ни делается, все к лучшему.

— Это начальник смены, гад, куражится, — прошептал Кузьмин. — Его клей, он и музыку заказывает.

— Да, я понимаю, — ответил Нечайкин. — У богатых свои причуды. Поплыву в дальние страны. Давно мечтал.

— Пока, друг, — торопливо попрощался Кузьмин. — А Прохорову я тебе прощаю. Плыви спокойно.

Снаружи послышались голоса. Нечайкина докатили до ограждения, и после того как палками приподняли нижний ряд колючей проволоки, бочку сильно пнули ногой, и она полетела с гранитного парапета в холодную маслянистую воду.

— Уй, бя..! — вскрикнул Нечайкин, ударившись лбом о доски. Удар был таким сильным, что Нечайкин потерял сознание.

Бочка словно детская колыбель, тихонько покачивалась на мелкой речной волне. Нечайкин давно уже потерял счет дням и не знал, сколько времени он находился в пути. Он давно уже съел свои старые ботинки из кожзаменителя, и чтобы как-то обмануть голод, сосал большую пластмассовую пуговицу. Иногда он вынимал ее изо рта, подносил к отверстию и смотрел, уменьшилась она в размере или нет.

Нечайкин почти все время пребывал в полубессознательном состоянии. Так было легче переносить вынужденное плавание и, собственно, неизвестность. Иногда ему начинало казаться, что он не Нечайкин, а Александр Сергеевич Пушкин. Тогда, почесывая воображаемые бакенбарды, он принимался сочинять стихи. Затем Нечайкин вдруг понял, что он уже и не Пушкин вовсе, а философ Лейбниц. Сделав это открытие, он начал спорить сам с собой и доказывать себе, что будучи субстанциональным элементом мира, то есть, монадой, он прекрасно взаимодействует физически с другими монадами, о чем говорят его многочисленные синяки и ноющие бока. И наоборот, развитие каждой такой монады, будь то Кузьмин или этот мудака в онучах, отнюдь не находится в предустановленном Богом соответствии с развитием всех других монад. Кузьмина, например, он вообще считал недоразвитым, а потому и не может между ними возникнуть даже самой плохонькой гармонии. От этих мыслей Нечайкину становилось грустно, и он начинал

мечтать о "звездной душе" Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма, который когда-то трудился под скромным псевдонимом Парацельс. Именно размышления о параллелизме микрокосмоса и макрокосмоса натолкнули Нечайкина на мысль, что человек может воздействовать на природу с помощью тайных магических средств.

Подумав об этом, Нечайкин необыкновенно взволновался, перебрал в уме все известные ему магические заклинания и в конце концов остановился на наиболее подходящем. Откашлявшись, он загробным голосом проговорил:

— "Ты волна моя, волна! Ты гульлива и вольна: Плещешь ты, куда захочешь, ты морские камни точишь, топишь берег ты земли, поднимаешь корабли — не губи мою ты душу: выплсни меня на сушу!"

Едва он закончил, как почувствовал, что бочка поднимается. Это произошло так быстро, что у Нечайкина захватило дух. Затем он услышал свист ветра в отверстии и, предчувствуя катастрофу, крепко зажмурился.

Удар был таким сильным, что бочка мгновенно рассыпалась, и Нечайкин с обручами на ногах и шее укатился метров на десять от места приземления.

Некоторое время он лежал и приходил в себя. На небе светило не по-осеннему яркое солнце, где-то поблизости ворковали голуби и каркали вороны. Пейзаж был вполне подходящим и до боли знакомым. Дома вертикально тянулись вверх, чахлые деревья сорили на ветру жухлыми листьями, откуда-то несло помойкой, и только бульжники под ногами казались какими-то не такими. Камни были крупнее.

Наконец Нечайкин встал и огляделся. Метрах в пятнадцати от него, на ящиках из-под иностранного компота, сидели два мужика и что-то пили из квадратных бутылок.

— Здорово, мужики, — издали крикнул Нечайкин и направился к аборигенам. — Это что, Австралия что ли?

— Мыс Дохлой Собаки, — ответил мужик в грязном треухе. — Африка, едрена мать. Хочешь кокосовки?

— Да нет, с утра что-то не хочется, — ответил Нечайкин.

— А кто тебе сказал, что сейчас утро? — удивился мужик. — У нас здесь все время солнце светит. Как ни проснусь, оно светит. Африка, мать ее ети.

— Мда, — почесав затылок, сказал Нечайкин. — Так в Африке ж негры живут.

— А мы и есть негры, альбиносы, — отхлебнув из квадратной бутылки, сказал мужик. Он достал из кармана грязную бумажку, раскрыл

ее и показал. — Вот, здесь написано: "Василий Чомба. Негр". А это — Петька Лумумба, — показал он на собутыльника. Мужик убрал бумажку за пазуху, вытер со лба пот треухом и пожаловался: — Жарко здесь. Одно спасение — кокосовка.

— А что, устроиться здесь можно? — осматриваясь, спросил Нечайкин.

— А почему нет? — ответил Василий. — Иди к нам на завод. У нас как раз тянущиков люрекса не хватает. Лейблы делаем — "Маде ин Россия". — Мужик встал и, указывая грязным корявым пальцем вперед, объяснил: — Пойдешь туда, увидишь большую лужу с дохлой собакой, повернешь направо...

— Знаю-знаю, — перебил его Нечайкин. — Через два квартала за баней?

— Правильно, — поразился Василий. — Может, все же хлопнешь кокосовки? Успеешь устроиться.

— Потом, уже на ходу ответил Нечайкин.

Проходя мимо лужи с раздувшейся дохлой собакой, Нечайкин плюнул в мертвое животное и с удивлением проговорил:

— Везде, бля, люди живут.

Он повернул направо и бодро зашагал к заводской трубе, которая делила голубое небо на две абсолютно равные части. Жара стояла невыносимая.

1992

Игорь Бёзрук

г. Иваново

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЕЗД

Капостазионе, дежурный небольшого богом забытого железнодорожного полустанка, маленький плотный забитый человечек вздрагивал при каждой вспышке молнии за окном и резкими оглушительными раскатами грома.

Шёл десятый час вечера, хлестал дождь, поездов в это время суток до самого утра не предполагалось. Ему бы ляг и спи, но у Капостазионе душа не на месте — он напряжённо сидел за облупленным деревянным столом, на котором возлежали лишь по-

трёпанный станционный журнал, ручка, да с краю неуютно примостился старый громоздкий телефонный аппарат, трещавший обычно так звучно, когда кто-то пытался прорваться на станцию, что Капостазионе бросало в дрожь. Но сегодня никто не звонил и не мог позвонить. В небольшой дежурной комнатке, где за столом жалко ник Капостазионе, тихо. Мертвенно тихо.

Капостазионе было страшно. Гнетущая тишина убивала. Красный сигнальный фонарь на противоположной стене у входа сегодня не должен загораться, и всё же Капостазионе упорно не сводил с него глаз. Он и не хотел бы на него смотреть, но взгляд то и дело невольно скользил от стола к стене, от стены к порубленному дождем стеклу, от стекла к потолку и снова спускался к фонарю.

С каждым часом (ближе к полуночи) тревога его возрастала.

Предчувствие редко когда обманывало Капостазионе, и оттого сегодняшнее волнение было особенно острым. Он был один. Ни пассажиров, устало ждущих своего поезда, ни случайного прохожего — никого теперь не увидишь на полустанке. В такой день — а он бывал всего раз в неделю — лишь промелькнет на полной скорости литерный и быстро скроется в тумане за горизонтом.

Раньше такие дни для Капостазионе были самыми лучшими: днем один-два пассажирских состава, два-три грузовых и полная безмятежная ночь — чем не мечта всякого дежурного по станции. Ночью хорошенько выспишься и следующие три выходных дня до смены чувствуешь себя замечательно.

Но то было раньше, а теперь подобная смена не только изматывала Капостазионе, но, казалось, просто лишала жизни. Какой нормальный человек способен выдержать бесконечные часы ожиданий, предчувствий и ощущения ужаса?

До этой ночи Капостазионе ещё как-то выпутывался. Тогда ещё на станции случались одинокие пассажиры, забредали переютиться озябшие нищие или осоловелые от вина прохожие. Теперь же Капостазионе с ужасом думал о том, что будет с ним. Страх не давал уснуть.

Дождь лил, не переставая, третий час и стучал по перрону с каждой минутой сильнее и сильнее. Наверное, шум за окном и то огромное волнение, которое охватило Капостазионе в конце концов свалили его. Капостазионе отключился, но спал недолго. Резкий стук входной двери (её захлопнуло порывом ветра) разбудил его.

Сквозь поволоку ещё не проснувшихся глаз Капостазионе увидел туманный силуэт какой-то фигуры, застывшей на пороге дежурной ком-

наты. Он медленно приподнял голову, потёр опухшие глаза и взгляделся в неё пристальнее.

Вошедшим оказалась девушка лет восемнадцати-двадцати, в чёрном длиннополом плаще с капюшоном и маленьким чемоданчиком в руках. Она виновато улыбалась, со лба и висков её свисали мокрые пряди, нижняя полная губка слегка подрагивала, взгляд был растерянный и печальный. Плечи сникли под плащом так, будто плащ весил не меньше десяти килограмм.

Капостазионе сначала принял девушку за сон, но, приглядевшись, убедился, что это не так. Девушка была самой что ни на есть настоящей.

Как тут забилося его сердце!

Он оторвался от стола и с нескрываемой радостью подскочил к ночной гостье:

— Синьорина, синьорина, откуда вы здесь? (Взял из её озябших рук чемоданчик.) В такой дождь, в такое ненастье — вы с ума сошли!

Девушка ничего вразумительного сказать не могла — её трясло от озноба.

Капостазионе подвел её к небольшой раскаленной железной печи и усадил на маленький колченогий табурет.

— Ничего не говорите, сначала согрейтесь. Время терпит, — слегка потрепал девушку по плечу Капостазионе. — У меня где-то в шкафу была тёплая куртка, я вам сейчас её найду, и вы быстро согреетесь. Снимайте свой плащ, он совсем сырой.

Капостазионе накинул девушке на плечи куртку и предложил чашечку кофе. От выпитого кофе и огня, танцующего в раскалённой топке печи, глаза девушки немного оживились.

— Как вас зовут? — спросил Капостазионе.

— Стефани, — ответила девушка.

— Простите меня, синьорина Стефани, но могу ли я поинтересоваться, каким образом в такой поздний час и в такую ужасную погоду вы оказались на нашей станции?

Стефани расплакалась. Капостазионе поспешил успокоить её:

— Нет, нет, если не хотите, можете не отвечать. Скажите хоть, куда вам ехать?

Стефани, всхлипывая и стирая со щёк рукой слёзы, тихо отвечала:

— Мне всё равно, всё равно...

Капостазионе аж с места подскочил и нервно заходил по комнате. Это было как нельзя кстати! Он не удержался, чтобы не выплеснуть восторга:

— Могу вас обрадовать, синьорина Стефания! Сегодня обязательно, обязательно будет поезд, и вы уедете. Обычно на нашем маленьком полустанке редко когда останавливаются поезда, но сегодня, уверяю вас, он остановится непременно! Мне уже звонили... По телефону. По этому телефону. Вы же видите, — я не сплю. В такой поздний час мы обычно десятый сон видим, но в такую ночь разве уснёшь?

Капостазионе разгорячился:

— Не отчаивайтесь, синьорина Стефания. Вот смотрите, — он подскокил к сигнальной лампе на стене, — красная лампочка загорается, и я уже знаю — поезд идёт, его нужно встретить, проводить или перевести стрелку. Так что, когда она вспыхнет и раздастся прерывистый сигнал, знайте: он мчится на всех парах, мчится к нам, сюда, чтобы забрать вас, милая Стефани...

Зажигательный рассказ Капостазионе полностью растрогал Стефани. И хотя слёзы ещё не совсем высохли на щеках, она слегка улыбнулась, и лицо её озарилось светом.

— И когда он будет? — спросила Стефани.

— Скоро, скоро, милая синьорина. Мы подождём. Мы будем сидеть здесь — я за столом, вы возле печи — и смотреть на этот крохотный маячок, на наш маячок, вы и я.

Стефани ещё раз улыбнулась Капостазионе и снова уткнулась в раскрытую топку печи, где так весело и волнующе полыхали разбухшие от огня поленья.

Капостазионе не стал её больше беспокоить и вернулся на своё место за столом. Он ликовал. Стефани была в эту ночь как подарок судьбы.

Только бы они приехали сегодня!

Капостазионе уставился на сигнальную лампочку. Почему она не загорается? Ну почему не загорается! И как всегда, словно в сказке, будто почувствовав безмерное желание Капостазионе, лампочка вспыхнула ярким алым цветом, и вслед за вспышкой раздался резкий прерывистый сопряжённый зуммер сигнального звонка — поезд рядом.

Капостазионе вскочил:

— Он идёт, идёт, синьорина Стефания! — заметался по комнате, сорвал с вешалки девушкин плащ, небрежно набросил ей на плечи, потирая:

— Скорее, скорее, синьорина, идёте скорее, на нашей станции поезда стоят недолго!

Но Стефани заколебалась. Она посмотрела, словно извиняясь, на Капостазионе и произнесла:

— Я вот думаю: может, я не права? Может, мне нужно вернуться? Никуда не уезжать?

Капостазионе чуть не потерял дара речи.

— Да где ж это видано, синьорина Стефания, вдруг ни с того ни с сего передумывать? Вы ведь твёрдо решили. Вас же оскорбили, выбросили на улицу, в дождь, ненастье, в мокрядь! А вы ещё думаете, сомневаетесь!

Однако Стефани всё не решалась.

— Мне кажется, я поступила слишком опрометчиво. Тут и я, признаться честно, отчасти виновата.

Капостазионе места себе не находил. Непрекращающийся предупредительный сигнал только подхлестывал его нетерпение.

— Синьорина Стефания, всё это глупость, вы же не маленькая девочка, давно пора стать взрослой: взрослые никогда не колеблются. Вы приняли решение, значит, поступаете верно, значит, так угодно судьбе. Утрите нос своим обидчикам. Смелее же, смелее!

Он потянул девушку к выходу, на ходу прихватив ручной фонарь, но не взяв её чемоданчик. Стефани спохватилась:

— Мои вещи!

Но Капостазионе никак не отреагировал на её слова:

— Скорее, идемте скорее! — потянул решительно за собой на перрон.

Поезд уже стоял. Вагоны наполняла темень. Дождь хлестал как из ведра справа и слева, и позади вагонов, но над ними дождя не было. Капостазионе подтолкнул Стефани к стоявшему у открытой двери вагона проводнику в чёрном.

— Вот, вот ваш пассажир и оставьте меня, наконец, в покое!

Проводник ничего не сказал. Стефани заметалась, когда он взял её руку своей, холодной, как лёд, рукой.

— Я не хочу, синьор дежурный. Не хочу уезжать. Скажите ему, пусть меня отпустят, скажите! — стала умолять девушка Капостазионе, но тот думал только о своём. Он тоже умолял проводника: — Когда вы оставите меня, наконец, в покое? Я больше не могу так, не могу!

Но проводник скрылся в вагоне, насильно втащив за собой Стефани. Вслед за её истошным криком, заглушаемым ускоряющимся стуком вагонных колёс, на Капостазионе сразу обрушился дождь. Но Капостазионе будто и не замечал его, жадным взглядом провожал крохотные огни последнего вагона.

Когда в пелене дождя поезд совсем скрылся из виду, Капостазионе очнулся и как потерянный поплёлся обратно на станцию. Войдя в де-

журную комнату, сел за стол и снова тупо уставился на сигнальную лампочку. Бог знает, что творилось в его голове. Взорвавшийся среди кромешной тишины телефон только взбесил. Капостазионе сорвал аппарат с провода и швырнул что было мочи в сигнальную лампочку, разбив её вдребезги. «Когда же всё это кончится!» — только успел подумать, как входная дверь неожиданно отворилась и на пороге появилась... Стефани. Платье её было изодрано в клочья, лицо разбито в кровь, на плечах и руках ссадины и синяки.

Капостазионе привстал со стула, от удивления чуть не задохнулся.

— Синьорина Стефания? Как! Вы же должны быть в поезде! Вы ведь должны...

Он наискось непроизвольно глянул в окно. На перроне стоял всё тот же незабываемый зловещий состав. Капостазионе ошеломлённо застрекотал:

— Синьорина Стефания, синьорина Стефания, вы опоздаете!

Он, казалось, обезумел.

— Идёмте скорее, скорее: поезд стоит всего несколько минут. Он не будет ждать.

Капостазионе, как и в первый раз, быстро потянул девушку за собой на платформу. Теперь она не препиралась. Капостазионе подвёл её всё к тому же проводнику в чёрном и забормотал безостановочно:

— Вот она, вот. Наверное, сбежала. Но вы же видите — я стараюсь. Надо было, я привёл. Как договаривались. Оставьте, наконец, меня в покое, умоляю вас...

Однако молчаливый проводник вместо того, чтобы забрать Стефани, удержал его руку.

Капостазионе непонимающе посмотрел на него, но проводник с недюжинной силой толкнул его в спину, и Капостазионе исчез в мрачном чреве вагона. Проводник шагнул за ним следом, дверь закрылась. Через секунду раздался душераздирающий крик Капостазионе. Поезд тронулся, с места набрал скорость и стал быстро уноситься вдаль от сырой платформы, на которой удручённо замерла Стефани, проводя взглядом его исчезающий во мраке силуэт.

ПРОСТО ДРУГ

Как обычно Гарри, вернувшись домой, сразу же включил настенный телевизор.

Он жил один. Жена давно покинула его, дети, казалось, совсем забыли о существовании отца, и в последнее время он так остро стал ощущать одиночество, что гнетущая тишина его небольшой (пять на четыре, не считая ванной) квартирке порою просто убивала. Поэтому, придя домой, он сразу включал либо телевизор, либо радио, а иногда и то, и другое одновременно, лишь бы только рядом что-то говорило, пело, играло или шипело, разгоняя жуткую тишину холостяцкого жилища. И так, Гарри голосом включил свой огромный — почти в треть стены — телевизор и неожиданно услышал слегка приглушенный, словно гортанный голос с экрана:

— Если вы одиноки, и одиночество тяготит вас, придите ко мне, я стану вашим другом. Всемирная сеть «Глоубал», сайт — «Друг». Жду вас. Не почувствуйте себя одиноким!

Гарри стало любопытно. Компьютерные игры, как только он набивал в них руку, тут же надоедали. Переписка по «Интернету» наскучила еще в первые две недели: все однообразно и банально — «Кто вы?», «Как ваши дела?», «Чем увлекаетесь?» (женщины тут же норовили узнать количество его кредитных карточек и приблизительную сумму на них). Телевизионные фильмы еще как-то трогали, но и то в большинстве случаев он мог достаточно однозначно определить развитие сюжета, а нередко и развязку. Теперь новая забава — «Друг». Войти в эту программу? Быть может, новинка внесет что-то свежее в его жизнь, а может — хотя Гарри не очень-то обольщался, — и что-то изменит в его унылом, скучном существовании.

Виртуальная реальность всегда поражала Гарри. Недавно он даже приобрел модернизированный шлем, позволяющий одним движением мысли общаться со своим компьютером, и теперь ему не нужно было нажимать клавиши клавиатуры, он мысленно отдавал команды, отвечая на запрос компьютера.

Гарри придумал для себя Дану, молодую красивую секретаршу, управляющую всеми его пожеланиями в компьютере. Создал ей рабочий кабинет, подобрал по вкусу мебель, развесил по стенам картины и комнатные растения. Дана осталась довольна. Да и сам Гарри был рад каждый раз общаться с такой привлекательной девушкой.

Когда он надел шлем и запустил компьютер, сразу же появился кабинет Даны. Дана сидела за своим рабочим столом и что-то писала.

Поняв, что вошел Гарри, подняла голову и обворожительно улыбнулась:

— Здравствуйте, мистер Гарри. Рада вас видеть и всегда общаться с вами.

— Милая Дана, — мысленно произнес Гарри. — Я увидел сегодня по телевизору новую программу. Она меня заинтересовала.

— Желаете войти в нее?

— Да. Сайт «Друг» в системе «Глоубал».

— Минутку.

Дана повернулась к своему монитору и набрала необходимый код. Через секунду доложила:

— Программа бесплатная, но вы должны указать свое полное имя, дату рождения, место работы и адрес проживания для анкеты. Вы готовы войти в программу?

— Готов, — сказал Гарри. — Сообщи им мои данные.

Пока Дана выполняла команду, Гарри подумал, что бесплатная программа была, скорее, исключением, чем правилом. Может быть, сама проблема одиночества вызвала альтруизм людей, создавших эту программу, ведь даже за самую простую игру типа «Пещерные львы» или «Космический патруль» Гарри выложил ни много ни мало 200 гринов — почти пятую часть его нынешней месячной зарплаты в «Грейв-санли корпорейтед».

Вскоре Дана снова обратилась к нему.

— Все исполнено, требуется только ваше согласие для запуска программы.

— Я согласен, — мысленно произнес Гарри.

— Подключаю вас к системе «Глоубал», — сказала Дана. — Желаю вам приятно провести время.

— Спасибо, моя родная, запускай.

Дана нажала одну из клавиш своей клавиатуры, и тут же изображение её кабинета исчезло. Перед мысленным взором Гарри начала разворачиваться многоцветная заставка, потом появились сияющие позолотой титры:

ПРОГРАММА «ДРУГ».
ЗАБУДЬТЕ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ!
ТЕПЕРЬ ВЫ НЕ ОДИНОКИ!
ЕСЛИ ХОТИТЕ ОБЩАТЬСЯ С НАМИ,
ПОДТВЕРДИТЕ СОГЛАСИЕ.

«Сколько можно», — подумал Гарри, но все же подтвердил свое желание войти в программу:

— Согласен.

Тогда возник великолепный пейзаж: сочная зелень, неподалеку небольшой водопад. Гарри оказался на берегу прозрачного, кристально-чистого до голубизны озера с небольшим водопадом. Щебечут птицы, разносится аромат цветов.

— Я не один? — спросил несколько удивленный Гарри.

— Уже не один. У вас есть друг.

— Это вы?

— Я.

— Почему я вас не вижу?

— Вы меня еще не создали, — произнес тот же мягкий вкрадчивый голос.

— Я должен вас создать?

— Вы должны создать себе друга. Он будет вашим настоящим другом, потому что вы создадите его таким, каким захотите.

Гарри заинтересовался.

— Это может быть кто угодно?

— Кто угодно.

— И женщина?

— И женщина тоже: это ваше желание, вы создаете себе друга.

— Хорошо, но мне не очень нравится ваш голос, я могу изменить его?

— Можете, но сначала выберите пол.

Гарри раздумывал недолго. Конечно же, это должен быть мужчина.

— Исполнено.

— Как изменить голос?

— Задайте тембральную окраску, интенсивность, частоту.

Гарри растерялся.

— Я, собственно, не совсем понимаю... Впрочем, пусть будет так, сойдет и такой голос, только немного мягче и не такой командный — страх как не люблю, когда командуют.

— Как хотите. Комплекция?

— Пусть будет худощав, но не худ, выше среднего роста, физически достаточно развит, интеллект выше среднего.

Потом Гарри выбрал цвет волос, глаз, форму ушей, носа, глазниц, губ. Вскоре перед ним вырисовался определенный образ нового друга. Гарри дополнительно видоизменил его остро выступающие скулы и заставил компьютер поменять ему прическу. Когда другу были подобрана

одежда, Гарри почувствовал воодушевление. Он неторопливо подошел к созданному им образу, осмотрел со всех сторон, улыбнулся и протянул руку для пожатия:

— Безмерно рад.

Вновь созданное существо тоже улыбнулось и мягко ответило на пожатие Гарри.

— Как тебя называть? — подумал Гарри, но существо сказало само:

— Зови меня просто Друг.

— Хорошо, — согласился Гарри, — пусть будет так. Мы не знакомы?

— Почему же незнакомы? Мы учились с тобой в одном колледже, вместе ходили в горы.

— Да-да, ты там погиб в тринадцатом году, но я рад, что мы снова смогли увидеться. Тебя, кажется, звали Филиппом?

— Если хочешь, называй Филиппом.

Гарри почувствовал себя несколько скованным. Подсознательно он создал для себя образ своего старого погибшего приятеля, с которым когда-то был близок как ни с кем другим. Но был ли созданный образ на самом деле тем самым человеком?

— Филипп... Мне как-то не по себе. Может, ходим куда-нибудь?

— Я могу показать тебе мой мир.

— Твой мир? Буду очень рад.

— Здесь рядом моя машина. Поедем в мой город. По пути я подробнее расскажу о нем.

Они сели в пеструю «кобру», машина легко приподнялась над землей и плавно понеслась вперед, оставляя позади журчащий водопад и мелодичное пение птиц.

Заинтригованный таким поворотом, Гарри не удержался и спросил:

— Любопытно, кто создал эту программу?

Филипп не стал ходить вокруг да около:

— Мы зовем его Друг. Я могу познакомить тебя с ним. Но только если захочешь: в этой программе все основано на собственном волеизъявлении.

— Конечно же, я хочу повстречаться с человеком, который попытался решить проблему одиночества, — искренне заверил Гарри.

— Тогда едем в его Дом.

Не прошло и минуты, как они подлетели к подножью величественного храма из стали и стекла, подпиравшего, казалось, крышей небо. Гарри разочаровался.

— Идолы, храмы, мамоны, — все это человечество неоднократно проходило. Неужели твой Друг наивно полагает, что сможет снова ко-

го-то этим заинтересовать? Я уже начинаю жалеть, что вообще зашел на ваш сайт. Где у вас выход? — спросил Гарри, но Филипп остановил его:

— Ты не говорил еще с Другом.

— Я с ним теперь даже видаться не хочу — знаю ваши сказки о лучшей жизни! Дана, Дана! Ты где? Выведи меня из этой программы, — мысленно скомандовал Гарри, чувствуя, как что-то препятствует ему уйти. Но Дана не отзывалась. Гарри забеспокоился, попытался снять шлем, но что-то обезволило его, словно парализовало, проникнув в мозг. И тут же изображение храма завертелось, закружилось как в шальном вихре. Вся картина перед мысленным взором растворилась в нем, унося в небытие и Филиппа; и кто-то из ниоткуда стал настойчиво и монотонно повторять одно и то же:

— Теперь вы не будете одиноки... Теперь вы не будете одиноки...

— Дана! — заволновался Гарри. — Дана! Где же ты?

Но Дана будто совсем исчезла, не попытавшись даже пробиться к нему сквозь сеть чужой программы. Гарри не знал, что делать: кто-то придумал коварную шутку, остановить которую, казалось, совершенно невозможно.

А голос все звучал:

— Теперь вы не будете одиноки... Не будете одиноки... — каждой последующей фразой словно вязким сверлом болезненно ввертываясь в его еще пытающийся сопротивляться мозг.

— Дана! — как мог громко закричал Гарри, силясь хоть как-то пошевелиться, но кто-то, очевидно, блокировал путь команд, посылаемых его мозгом к собственным мышцам. И от осознания этого, от осознания своего полного бессилия, Гарри охватил страх. По телу поползли мурашки, волосы на голове встали дыбом. И все, что он теперь мог — только кричать так же истошно, как кричало его охваченное ужасом сознание...

***

Пат Моррисон, пухлый, похожий на борова толстяк, со своей женой Лесли, маленькой, высохшей бабенкой неопределенного возраста, смотрели «Уютное гнездышко», сериал, в котором играла их любимая актриса Кони Дейлвингер, когда за стеной раздался пронзительный крик Гарри.

Пат и Лесли испуганно и вместе с тем удивленно переглянулись. Что это могло быть? Гарри Линча, их соседа, они знали как вполне порядочного молодого человека, который вел, хотя и довольно уединен-

ный, но скромный образ жизни, исправно платил за квартиру и не со-вал нос в чужие дела. Хотя семейство Моррисонов с ним практически не общалось, — ну, разве что только по-соседски здоровались при встречах, — о Гарри Линче они были хорошего мнения. И поэтому не сильно задумывались над своими действиями: разом поднялись с дивана и поспешили на крик. Пат — решительно, впереди, Лесли — позади него, шаркая тапочками по полу, прижав тонкие костлявые руки к худосочной груди и настороженно прислушиваясь к каждому звуку.

Когда они приблизились к двери соседа, протяжный вопль прекратился. Пат постучал в соседскую дверь и громко спросил:

— Мистер Линч, у вас что-то случилось?

Но ему никто не ответил. Моррисон постучал еще и снова окликнул Гарри. Тот же результат. Однако стоило только Пату поднести ухо к двери, как она внезапно распахнулась, открыв взору супругов Гарри.

От неожиданности Пат отшатнулся, а у Лесли непроизвольно вырвался глухой стон и крепче стиснулись маленькие кулачки, все еще прижатые к груди.

— М-м-мистер Линч, — немного заикаясь, начал Моррисон, еще не пришедший в себя. — Мы слышали в вашей комнате крик. С вами все в порядке?

Восковое лицо Линча перекошилось слабой усмешкой.

— Все в порядке, мистер Моррисон. Не стоило беспокоиться, меня просто слегка ударило током. Я нечаянно коснулся оголенных проводов.

— А мы уж думали... — протянул Пат Моррисон, повернув голову к жене и как бы ища ее поддержки, — что у вас что-то серьезное. Вы точно уверены, что вам не нужна медицинская помощь?

— Нет-нет, я же говорю вам: не стоит беспокоиться.

— А... Тогда мы, наверное, пойдем, мистер Линч?

— Друг. Зовите меня просто — Друг.

— Что? — не понял Пат Моррисон.

— Я говорю: зовите меня просто — Друг.

— Хорошо, мистер Линч, то есть, Гарри... Друг, — машинально отступив назад, произнес не своим голосом Пат.

Лесли удивленно посмотрела сначала на него, потом на соседа. Казалось, Линч заморозил ее мужа. Тот не отрывал глаз от его остановившегося взгляда.

— Друг, — снова беспристрастно повторил Гарри. — Просто Друг.

— Хорошо, мистер Линч, я буду называть вас просто Другом, — сказал Пат Моррисон и попятился к своей квартире.

Дверь жилища Гарри Линча закрылась.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2052 ГОДА

Если бы кто сказал мне пару месяцев назад, что в одночасье можно в корне изменить привычную жизнь, я бы ему не поверил. Сложившаяся в стране политическая система, умелые рычаги администрирования, заинтересованные в развитии экономики профессионалы, на глазах выросшие доходы населения, — все указывало на то, что обстановка стабилизировалась и мы двигаемся в правильном направлении.

Это стало возможным благодаря кардинальному курсу нынешнего премьер-министра Альберта Неймана, баллотирующегося в этом году в президенты. Но, как говорили древние: «Не верь ни летнему дождю, ни зимнему солнцу». Я теперь натуральный изгой, и будущее не только моей страны, но и всего человечества поставлено под угрозу. А началось все не далее как вчера. Вернее, сегодня утром. Ранним-ранним утром.

Солнце не взошло, как сигнализатор на компьютере разбудил меня прерывистым гудком о сообщении, которое я должен немедленно прочесть. И хотя вставать в два часа ночи не больно хотелось, я вынужден был успокоить проснувшуюся жену и все-таки подняться — такой звонок был установлен мной только для поступающих документов и писем особой важности.

Письмо было от Глеба Лебовски, моего близкого друга и в прошлом коллеги по работе над андроидными системами.

Глеб был гениальным ученым, получившим в прошлом году Нобелевскую премию по биологии за разработку ингредиентов для окраски кожи андроидов.

Мы познакомились с ним в студенческие времена, подружились, заинтересовались искусственной эпидермой для пересадки человеческой кожи. Проект вскоре перерос в огромную программу по созданию кожи для андроидов, и теперь все кибернетические организмы современности, благодаря нашей разработке, щеголяют в коже, совершенно не отличимой от человеческой. После этого мы с Глебом занялись собственными проектами. Я — кожными покровами для работы человека в инопланетной среде (космосе, под высоким давлением в глубинах океана и т. пр.), Глеб — дальнейшим усовершенствованием кожи андроидов.

Впрочем, связи с ним мы не теряли, по-дружески общаясь в недельной обстановке. Что говорить — у нас было много общего, мы видели мир одинаково.

Но, повторюсь, Глеб Лебовски был гением, и он первым, как Иерихонова труба, взревел на весь мир, что, очеловечивая киборгов, мы рискуем уничтожить человечество!

Ужасное предчувствие, сродни тому, что почувствовал Эйнштейн, создавая атомную бомбу. И у Глеба хватило мужества, как Сахарову, сказать об этом всенародно. По сути, мы сами роняли себе на ногу камень. Переступая с одной ступеньки уровня цивилизации на другую, спотыкаясь и хромая, двигаясь от одной промышленной революции к другой, мы создавали вокруг себя системы и приспособления, которые могли бы облегчить наш труд, вычленив хоть немного времени для досуга, освободить от тяжелого физического труда, приравнивающего нас к животным; окружили себя всевозможными машинами и роботами, которые стали всю физическую нагрузку выполнять за нас, но нам было мало того, что сделано. Мы захотели, чтобы окружающие нас роботы стали похожими на нас, людей. Машины стали нам ближе, родней.

Так в прошлом человечество с той же целью очеловечило богов и все природные явления, что позволяло ему жить в окружающем мире в ладу с собой. Затем появились киборги, которые мало чем отличались от человека, и мы с Лебовски создали для них синтетическую кожу, как две капли воды похожую на нашу... И вот Лебовски закричал, когда благодаря высокоразвитым технологиям, у киборгов появились эмоции, пусть еще и на примитивном уровне.

«Вы не понимаете, к чему ваши заигрывания с машинами могут привести!» — горячо отстаивал он свою мысль в прениях с нейрофизиологами, которые вживили киборгам нервную систему. И он добился того, чтобы киборгов повсеместно стали одевать в новую кожу, разработанную Исследовательским институтом Лебовски — кожу, которая меняет цвет в зависимости от проявляющихся у них эмоций. Теперь любой человек мог без всяких приборов определить, киборг сидит возле него в театре или человек.

Гениальное открытие! За него Лебовски и получил Нобелевку. Человечество должно сохраниться как вид. Еще никогда так остро не стоял вопрос существования человеческой расы. Ведь до изобретения самопроизвольно окрашивающейся кожи, были случаи, когда киборги пытались прорываться даже в политику. Мало того, киборгов на земле появилось такое огромное количество, что они стали создавать собственные общества, профессиональные союзы, партии. И некоторые лю-

ди стали активно помогать им в этом, нисколько не задумываясь о последствиях своего безрассудства.

Тот же премьер-министр Нейман, подобно Лицинию и Секстию, своим законом сравнивавшие в правах плебеев и патрициев в Древнем Риме, начал добиваться равноправия киборгов и людей, под тем предлогом, что с каждым годом число андроидов увеличивается и они практически заменили человека во всех отраслях промышленности, торговли и сферы обслуживания.

Человечество добилось свободы от физического труда благодаря киборгам, пусть же оно будет к ним снисходительно.

К тому же все больше и больше возникало случаев совместной жизни людей и киборгов. Это ли не явный пример ассимиляции андроидов!

К счастью, мировое сообщество прислушалось к голосу Разума — голосу Лебовски. Проект закона Неймана был отклонен, люди остались людьми, андроиды — машинами. И нашим правительством (а вслед за ним и правительствами других стран), с подачи того же Лебовски, незамедлительно был принят закон, обязывающий всех производителей киборгов использовать «эмоциональную» эпидерму Лебовски для производства кожи андроидов.

Причем, Лебовски, помня о глобальных последствиях непринятия подобного закона, не выдвигал со своей стороны никаких коммерческих претензий. Это нужно было человечеству. Это было сделано для человечества. Лебовски можно было только восхищаться!

И вот его странное письмо среди ночи. Что еще мешало ему спокойно спать?

Я успокоил проснувшуюся на миг Анну и прошел в кабинет, где неистово надрывалась голосовая почта.

Стоило войти в комнату, как моя электронная секретарша Лиза негромко поприветствовала меня и сразу же сообщила, что пришло закодированное послание от доктора Лебовски.

— Выведи на экран, — сказал я, все еще продирая глаза.

Лебовски, казалось, места себе не находил. Лицо его осунулось, под глазами набрякли мешки, волосы были взлохмачены. А ведь мы не виделись всего пару месяцев.

— Андрей, ты еще не забыл, что через полгода президентские выборы?

— Об этом трубят на каждом углу. Ты ничего не хотел поведать мне более значимого в два часа ночи?

Я утопился в своем любимом глубоком кожаном кресле и с удовольствием закинул ноги на рабочий стол.

— Не ерничай, Андрюша, все не так просто, как тебе видится. Я понял, как мы вляпались, доверив пост премьер-министра Нейману.

— Ты снова за свое. Что опять? Год назад приняли твой закон, теперь мы точно знаем, кто киборг, а кто нет. В процессе эволюции на Земле самовывживание у человека всегда было на высоте.

— Теперь стоит вопрос о самовывживании киборгов.

— Тут нет проблемы. Мы создали их не для того, чтобы уничтожать.

— Да, но они теперь понимают, что существуют на вторых ролях. И я не уверен, что им не захочется стать первыми и единственными обитателями нашей планеты.

— Глеб, тебе не кажется, что твои слова отдают паранойей?

Глебовски снисходительно улыбнулся.

— Согласен с тобой — во мне достаточно безумия и эксцентрики, но я не параноик, тебе это прекрасно известно. Однако разговор не об этом. Когда два дня назад из своего женского клуба вернулась моя жена и сказала, что к ним приезжал Нейман, я задумался. Она сказала это вскользь, как бы между прочим, но ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не смотаю все факты в один клубок. Начну с того, что с неделю назад я не узнал Викторию. После очередного посещения клуба она словно изменилась, держалась сдержанно, не раздражалась, как раньше по мелочам, не обратила внимания даже на оставленные мной в спальне носки.

Я усмехнулся. Встал, достал из бара початую бутылку коньяка и плеснул себе немного в бокал.

— Продолжай, — удобно уселся я обратно в кресло.

— Я попытался выяснить причину такого странного поведения Виктории, ее внезапного охлаждения ко мне. Хотя ты помнишь, что до замужества она чуть ли не боготворила меня.

— Ну, молоденькие ассистентки всегда на тебя вешались, — подначил своего друга я.

— Но тут не было и намека на эмоции! Даже в постели!

— И ты сразу запаниковал? — улыбнулся я. — Не подумал, может, она заболела или чем-то расстроена? Почему не спросил?

— Не знаю. Наверное, остановила интуиция. Я взял у нее соскоб кожи на исследование. И знаешь, что обнаружил? Поверить не мог! Виктория, оказывается, андроид!

Я чуть не поперхнулся коньяком, услышав такое от друга.

— Да, да, Андрюша, самый настоящий андроид, только умело скрывающий свои эмоции.

— Не может быть, — я поднялся в растерянности. Глеб не мог ошибиться. В исследованиях кожных покровов всех видов и существ ему не было равных.

— А как же эмоциональный окрас? Нигде не проявился? Или она изготовлена подпольно?

— Ты совсем не слушаешь меня. Я тебе простым языком говорю: они научились скрывать свои эмоции.

— Значит, весь твой проект насмарку?

— Человечеству будет конец, если президентом изберут Неймана. Потому что Нейман тоже андроид! Я поднял все архивные материалы по наращиванию кожи андроидам за последние пять лет. Нейман, оказывается, был в числе первых.

— А как он избежал внедрения окраса?

— Этого я не знаю, как не знаю и того, каким образом ему удалось пролезть в политику и стать премьером.

— Но Виктория?

— Думаю, ее мне подменили на киборга, чтобы всегда держать на виду. Причем подменили, как мне кажется, именно в том клубе, куда накануне приезжал Нейман. Тебе это ничего не говорит?

— Я не понял.

— Твоя жена, Анна. Разве она не член того же клуба?

Я похолодел, поднялся.

— Глеб, ну, у тебя и шуточки.

— Я не шучу. Приглядишься-ка к ней внимательнее. И...

Внезапно голограммное изображение Глеба и звук исчезли.

— Лиза, — стал вызывать я электронную секретаршу. — Что произошло?

— Сообщение закончено. Связь с доктором Лебовски прервана.

— Почему? Немедленно свяжись с ним.

— Уже пыталась. Абонент недоступен.

— Что такое, дорогой? — вошла в кабинет Анна. — Почему не ложишься? Кто с тобой связывался?

— Глеб, — сказал я. — Ты же его знаешь, вечно у него что-нибудь неординарное на уме.

Я попытался говорить как можно спокойнее. То, о чем сообщил мне Лебовски, заставляло задуматься. Связать Неймана с Викторией, Анной и массой андроидов я мог с трудом. И уж с огромной натяжкой представить их киборгами. Может, Глеб ошибся и все его версии — чистой воды домыслы?

Я не знал, что делать. Анна сладко зевнула, вытянувшись в струнку. Ее красивое ухоженное тело восхищало меня, как и прежде. Нет, Глеб явно был не в себе. Надо посоветовать ему отдохнуть где-нибудь на Кайманах или Средиземноморье, а то совсем сойдет с ума.

— Пойдем спать, дорогая, — обнял я жену за хрупкие плечи и повел обратно в спальню.

— До утра меня, пожалуйста, Лиза, не беспокой. Отключи сигналы входящих звонков, а сообщения откладывай в архив. Завтра с ними ознакомлюсь, — сказал я напоследок электронной секретарше и вышел с Анной из кабинета.

Нет, точно Глеб сошел с ума — разбудить в два часа ночи из-за каких-то навязчивых страхов. Свяжусь с ним позже, а может, даже доеду к нему. Что-то не нравится он мне в последнее время. Старееет, что ли?

— Спокойной ночи, дорогая, — сказал я, поцеловав Анну в теплые губы.

— Спокойной ночи, любимый, — ответила она жарким поцелуем, после чего я плавно погрузился в сон.

Утром Лиза прокрутила мне утренние новости. На всех каналах только и говорили о самоубийстве прошлогоднего лауреата Нобелевской премии по биологии доктора Глеба Либовски, который выбросился из своего офиса на восьмом этаже, когда народ еще смотрел третьи сны.

Я был потрясен. Рта не мог раскрыть, когда Анна спросила меня, что случилось.

— Глеб погиб, — кое-как выдавил я из себя.

— Сочувствую, — сказала Анна с таким нескрываемым равнодушием, что мне стало не по себе. Он же был моим лучшим другом!

— Ты всегда недолюбливала его. Почему? — я посмотрел на жену в упор. Она смотрела мне прямо в глаза, но словно не видела.

— Я должна была его любить?

Холодней голоса я, наверное, никогда не слышал. Меня это взбесило.

— Расскажи мне про клуб, в который вы ходите вместе с Викторией. Там же был не так давно Нейман? Зачем он к вам приезжал? Ответь!

Я готов был разнести всю мебель вокруг.

Анна смешалась. Имя Неймана подействовало на нее, как ожог. Участки ее шеи сразу порозовели. Неужели Глеб был прав?

— Ну-ка, иди сюда, на свет, — потянул я ее к окну. — Раздевайся!

Анна посмотрела на меня с вызовом.

— Живо раздевайся! — рванул я что есть силы с нее блузку. Мелкие пуговицы звучно посыпались на ламинированный паркет.

Плечи и живот Анны оказались покрыты темными багровыми пятнами.

— Ты — киборг? Лебовски был прав! Но где Анна?

Я не знал, что делать. Но и думать было некогда. Анна, вернее, андроид с лицом и телом Анны, неожиданно резко ударил меня в грудь, и я как бестелесный отлетел к стене и рухнул на пол.

Андроид быстро приблизился ко мне, схватил за шею и высоко поднял вверх. Только меткий выстрел, разнесший голову в клочья, смог его остановить. Андроид отпустил меня и рухнул как подкошенный.

Я посмотрел в сторону двери и в который раз за сегодняшний день удивился. В дверях с пистолетом наголо стоял Глеб Лебовски.

— Андрей, прости меня, что я подверг тебя опасности, беспечно послав сообщение, не мог предположить, что они настолько агрессивны, — сказал он, помогая мне подняться с пола. — Я еле избавился от Виктории, которая тоже чуть меня не убила.

— Но во всех новостях... По всем каналам... Ты ведь выбросился из окна!

— Надо быть полным кретином, чтобы не предвидеть последствий происходящего. Из окна выпал заранее заготовленный мой клон. Я над ним собственноручно поработал, и теперь даже никакая экспертиза не установит, что это не я.

— А Нейман?

— С ним нам придется немного повозиться, чтобы доказать всему сообществу, что он на самом деле киборг. Пока не состоялись выборы президента. Не хотелось бы новой войны. Земляне давно забыли, что такое война.

Я был согласен с Глебом. Человечеству война ни к чему. И еще вопрос, кто выйдет из такой войны победителем — люди или машины.

Мы тайком покинули мое жилище, становясь изгоями. Но ради спасения человека и человечества я был готов теперь на все. Тем более, рядом со мной такой гениальный представитель рода людского, как мой друг Глеб Лебовски. Наверняка он что-нибудь придумает.

ЖИТЕЛИ ТЬМЫ

Перед выходными студент Жигалов неожиданно получил из деревни телеграмму: «Приезжай скорее, бабушке плохо».

Делать нечего, Жигалов быстро собрался, предупредил друзей о том, что последующие два дня его на лекциях не будет, и поспешил на автовокзал, чтобы успеть хоть на последний автобус в свою сторону.

Билеты, к счастью, были. В пять вечера, как и следовало по расписанию, сине-белый «Лаз» неторопливо вырулил на трассу.

Надо сказать, от областного центра, где в одном из вузов учился первокурсник Жигалов, до райцентра, в округе которого располагалась его родная деревня, четыре часа езды, потом часа три ходу. Но Жигалова это мало беспокоило: для них, деревенских, отмахать восемь-десять километров по бездорожью с детства было делом привычным. Даже в школу каждодневно он ходил за три километра.

Единственное, что угнетало его, так это встреча с бывшей подругой, оставшейся жить в деревне и не так давно брошенной им ради бойкой и смазливой горожаночки, охмурившей его на дискотеке.

Когда он с месяц назад рассказал деревенской Тамарке о своем новом увлечении, она вспыхнула, как копна прошлогоднего сена, зыркнула на него озлобленно и, метнув короткое «я не прощу тебя», пулей выскочила за дверь.

Ему показалось даже, что в ее черных, как уголь, глазах, сверкнули яркие жгучие огоньки.

— Зря ты ее так, — упрекнула тогда его бабушка. — С Тамаркой надо ладить, в ее роду одни ведьмы были, не случилось бы чего.

— Да чего может случиться, — сказал ей на это бесшабашный Жигалов. — Пусть только попробует что сотворить, я ее в порошок сотру!

Сказал и забыл о Тамарке, едва вернулся обратно в город. Теперь вспомнил и никак не мог отогнать мысль о ней всю поездку к райцентру.

Образ ее, как какое-то наваждение, постоянно возникал перед глазами: то проявлялся в кронах постепенно темнеющих опушек леса, то маячил в отраженном свете за окном, то возникал расплывчатым видением на перекрестках.

Но вот и райцентр. Жигалов спустился с автобуса на въезде в город и направился по шоссе в сторону Троицыно. Там была его деревня, там ждала его родня — мать и бабушка.

Опустившиеся сумерки и затянутая облаками луна Жигалова не испугали. Все вокруг знакомо с детства: проселочная дорога, каждая деревенька на пути, каждый холм и развилка.

Можно было махнуть через лес и сократить километра три, но Жигалов надеялся, что кто-нибудь все-таки проедет по трассе в его сторону, и он доберется домой быстрее. Однако он шел и шел, шел и шел, но ни одна попутка так и не появилась за спиной.

Меж тем луна неторопливо выползла из-за облаков, слегка позолотила верхушки угрюмых елей и хмурых осин, высветила край поля и тропинку, уходящую в глубь леса.

Бесстрашие молодости и свет полной луны направили Жигалова по тропинке.

Миновав через полчаса ходьбы заброшенную заимку деда Игната, Жигалов облегченно вздохнул — осталось недолго, еще минут сорок-пятьдесят. Но за поворотом луну в который раз затянуло серой массой. Жигалов свернул куда-то не туда, и когда просветлело, справа от себя он опять обнаружил знакомый охотничий домик. Это было странно, но Жигалов пошел дальше, и тропинка вновь привела его на прежнее место.

«Словно черт путает», — подумал, но не остановился, а продолжил путь. Когда же и в четвертый, и в пятый раз ему на глаза попалась заимка деда Игната, Жигалов понял, что заблудился и что будет разумнее переночевать здесь в домике, чем блуждать таким образом по лесу до рассвета.

По ссохшимся скрипучим ступеням он поднялся на невысокое крыльцо, открыл дверь и настороженно посмотрел во тьму. Из избышки, однако, не донеслось ни звука. Тогда Жигалов нашел небольшую лучину, зажег ее и только тогда переступил высокий порог.

Все внутри избышки говорило о запустении: затянутые густой паутиной окна, толстый слой пыли на столе и лавках, нечищенный открытый очаг. Только сухие дрова за печью да посуда на полках напоминали о том, что когда-то здесь останавливались люди. Но не стало деда Игната, заросла тропа и к его заимке.

Жигалов разжег в очаге дрова, сел за стол и стал смотреть, как село они горят.

Убаюканный легким потрескиванием и ласковым теплом, он вскоре уснул, и спал безмятежно, сладко, так, как не спал, наверное, никогда в жизни. Скорее всего, сильно устал или переволновался.

Неожиданно что-то прервало его сон. Жигалов открыл глаза, вспомнил, где он находится, и увидел, что поленья совсем догорели в очаге, распались на отдельные угольки и едва тлеют.

Тут из темноты позади него выступил черный человеческий силуэт, неторопливо приблизился к очагу, взял из него один уголек, проглотил и пошел обратно.

Жигалов похолодел. Он заметил, что когда человек из тьмы проглотил уголек, его глаза загорелись тусклыми красными точками. Только смотрели они мимо Жигалова.

Полностью слившись с темнотой, черный силуэт сел позади Жигалова. Две крохотные красные точки продолжали гореть.

Отделилась от тьмы вторая фигура, такая же бесплотная, такая же безликая; приблизилась — как подплыла по воздуху — к очагу, взяла другой едва тлеющий уголек и тоже проглотила. И ее глаза засветились слабым светом, и она пристроилась позади Жигалова так же, как и первая фигура.

Когда четвертая фигура вслед за третьей проглотила уголек и скрылась во тьме, Жигалова пронзила беспокойная мысль, что так мрачные тени поглотят все оставшиеся угли и он окажется в жуткой темноте.

Испугавшись этого, Жигалов как ошпаренный выскочил из-за стола, схватил лежавшие возле очага щепы, быстро кинул их на угли и стал исступленно раздувать огонь.

К счастью, щепы оказались достаточно тонкими и сухими, чтобы сразу разгореться и ярко осветить пространство вокруг очага.

Жигалов подложил еще несколько дров и пару крупных поленьев, которые нашел под печкой. Дрова довольно затрещали, пламя оживленно заплясало и, как показалось, ласково улыбнулось ему.

Вернувшись на прежнее место, Жигалов криво усмехнулся четырем парам тупо уставленных на очаг красных точек — он теперь знал, как с ними бороться.

Огонь разгорался, постепенно отнимая у темноты то угол печи, то край стола, то дверной косяк. Его свет вселял в Жигалова надежду, что скоро за окном наступит рассвет, поднимется солнце и всё закончится.

Умиротворенный этой мыслью, Жигалов и не заметил, как снова уснул.

Снилась ему приглушенная дискотека, ненавязчивая музыка, безмятежной волной плывущая под потолком, и та самая девушка, которую он предпочел Тamarке и которая теперь в танце нежно прижимается к его широкой груди. Одна рука Жигалова слегка обнимает ее хрупкий

стан, другая лежит на маленьком холмике бедра. Приятное тепло обволакивает их, льяной запах ее волос одурманивает...

Тут будто что-то толкнуло Жигалова. Он резко пробудился и с оторопью увидел, что в очаге остались одни угольки, и очередная темная фигура проглотила один из них.

Жигалов бросился заново раздувать очаг, несмотря на то, что из темноты выступила еще одна фигура. В этот раз удалось опередить незваного гостя.

Увидев вспыхнувшее пламя, черная фигура отступила и полностью слилась с темнотой.

Жигалов подложил в огонь несколько поленьев, но они, на удивление, сгорели слишком быстро. Еще одно полено превратилось в угли на глазах.

Жигалова охватил страх — так ему не хватит дров до утра!

Он посмотрел на пять пар уставившихся из темноты на очаг красных точек. Казалось, своим взглядом они усиливают испепеляющее действие огня.

Жигалов огляделся. Кроме пяти-шести небольших поленьев возле печки дров больше не было. Но с такой скоростью они сгорят в одну минуту. Надо еще чего-нибудь разыскать.

Жигалов ринулся к двери, однако ее на месте не оказалось — сплошная стена, задрапированная темнотой. Но ведь есть еще лавки, стол; в одном из темных углов приютился колченогий табурет, — все это отлично горит, и, он надеется, поможет ему продержаться.

Жигалов бахнул табуретом об пол, тот развалился на несколько частей, и он без промедления сунул их в очаг. Туда же отправил и оставшиеся поленья. Они позволят ему выиграть время, пока он будет ломать лавки. Нет, не на того напали! Жигалов так просто им не сдастся. Накося выкусите!

С лавкой, однако, пришлось немного повозиться — та оказалась довольно крепкой, несмотря на кажущуюся ветхость. Но и ее в конце концов Жигалов разбил и обломки тоже препроводил в очаг.

Пламя начало постепенно поглощать дрова.

Жигалов обернулся. Красные точки в темноте немного поблекли. Может, с приближением рассвета они утрачивают силу? Или я, думал Жигалов, просто заслоняю им свет очага, от которого они подпитываются?

Он не знал, что и думать. Придвинул стол поближе к огню и взгромоздился на него, не отрывая глаз от пламени. Только сон оказался сильнее и в который раз смежил ему веки...

Жигалов вскинулся, когда ему показалось во сне, что очаг совсем потух. Но там еще тлел крупный алый уголек.

Пока уголек тлеет, ему бояться нечего.

И все же Жигалов с опаской покосился назад. Оттуда — из темноты — на очаг глядело уже шесть пар ярких красных точек. Они успели стянуть еще один уголек?!

Тут из темноты выступила гораздо большая, чем прежние, фигура, неторопливо подплыла к очагу, взяла оставшийся уголек и проглотила. Когда она обернулась, Жигалова сковал ужас: на него в упор смотрели горящие ненавистью глаза Тamarки! И как только он встретился с ними взглядом, сразу почувствовал, как они стали жечь ему глаза. И шесть пар красных точек позади будто тоже увидели Жигалова и направили на него лучи своих разящих глаз.

Жигалов и подумать ничего не успел, как тело его вспыхнуло, будто бумага, и в считанные секунды обуглилось.

СТИХИ

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

ПАМЯТЬ (2000)

Как перед камерой — буфет,
Два кресла,
Этажерка,
Столик...

И вдруг в ладонь
Летучий свет
Вонзился
тысячей иголок.

И ты поднёс к губам цветок
Звучанья
И предошущенья —

И весь поёшь,
Как водосток,
Томимый
Лунным излучением.

Не проронив ни слова,
Ждёшь
Лишь
Музыкального
Запала, —

И мысль первая —
Как нож,

И на руки

Лицо упало.

СОН О БЕРЕЖКЕ (1999)

Округу патрулирует зима.
Рукой мне машет, издали узнав,
Продрогшая березка у холма.
Суровый сторож подает мне знак —

И я к ней поднимаюсь сквозь буран,
Вооруженный зорким фонарем
И, как метель, кружу по всем углам,
Но вижу на пути лишь бурелом.

ОСТОРОЖНЫЙ (2005)

Будущее — как музыка
в дальнем конце коридора.

Хочу узнать мотив,
но не спешу навстречу:

вдруг эхо моих шагов
заглушит музыку?

К МОЛОДОЙ ЯБЛОНЕ (2000)

Всему живому с первых дней творенья
Близка загадка песенного строя.
А ты, мой свет, — зачин стихотворенья,
Дай на старинный лад тебя настрою.

И листья мне, волнуясь, рассказали:
Ты дочью приходишься рассвету,
И ввечеру родство томит и жалит,
А голос крови предвещает беды.

Ждёшь ветерка — повеса длит разлуку,
Гадаешь на песке — изменит доля...
И помнят ли заломанные руки
Касанья дрожь хотя бы в сотой доле?

Ты просишься на музыку, запомнив
Со слов травы, что только шаг от полдня
Июльского до тишины осенней,
От воскрешенья речи — до спасенья...

ДАР (1999)

«Прими от унесшихся предков
И солнечной Лавры дары,
И в бахчисарайской беседке
Виденье волшебной горы...»

Мне только б не выронить грифель,
Глаза не смежить на бегу...
Перо от подводного рифа
Я как-нибудь уберегу.

Но страшно подумать, что кто-то,
Пока я гощу на земле,
Скрываясь за стенкой аорты,
В цветаевской гложет петле...

ЛИХОЛЕТЬЕ (2007)

Дерево-счастье,
ливнем разрытое до корней,
затерялось
на узкой аллее прощения...

Люди,
вороны
и поезда!

Потревожите попусту,
разрезая его сон
на дольки —

брызнет огнём.

Сгорите.

СЛОВО (2008)

...И сон отходит,
Как пар от термоса.

А Слово
То затихнет,
То вдруг заплачет
В рассветном полусне...

И зябкими ручонками
Трёт глаза
Среди густо расцветающего
Света.

Помедли, Свет!

Дай оглядеться
И раздышаться...

Куда там!

Опять он стоит рядом
И заглядывает через плечо,
Пытаясь прочесть страницу
Книги Жизни...

Такой характер.
Такая эпоха.

Евгений Савченко

Ростов-на-Дону

ВСТРЕЧА

Подражание С. Есенину

...Я не сознаю лет мне сколько
И не скажу, откуда я.
Я промолчу, вздохну и только...
Но нет, признаюсь: ты моя!

И пусть сгущает вечер тени,
И сын в потёмках закричит,
Когда, наверно от волнений,
По крыше дождь вдруг застучит.

ПРИВЕТЫ ПРОШЛОГО

Приветы прошлого волнуют душу,
И мир вокруг вдруг кажется иным.

Года меняют нас и в чём-то рушат,
Но ход времён, увы, необратим.

ЗАКОН НЬЮТОНА

Живу, цепляясь за планету,
Закон Ньютона в памяти храня.
Коль я вцепился в землю эту,
Она, в ответ, вцепляется в меня.

ВЕЧЕР

Подражание М. Лермонтову

Люблю я редкое безмолвье вечеров,
Когда пространство вечность заполняет.
Тогда молчанье будет лучше всяких слов,
Дыханье лишь пустыню оживляет.

МГНОВЕНИЯ

Бывает, не зима и не весна —
Случается такое у природы.
Она одна и видит из окна,
Как утекают в реку бурно воды.

Ей чудится, что так уходит жизнь,
Безжалостно и всё куда-то мимо...
Мгновение моё, остановись!
Ведь ты одно. И ты неповторимо.

* * *

Должно быть жить я не умею,
Но я не выжег всё до дна.
И знаю, в главном не старею,
Беда моя или вина?

...И тонкость чувств, проклятая, осталась,
Которой и пора бы затвердеть.
Мне это ведь за что-то же досталось
На старости с тобою молодеть?

МЫСЛЬ

Вечер. И как-то мне пустынно,
Но я сдружился с пустотой,
Мне так спокойно, даже дивно —
Я с миром целым, как с самим собой.
...И мы в пространстве друг без друга,
Я вижу звёзды, вижу круг Луны...
Беззвучна вся в окрест округа,
Все, как и я, в себя погружены.
Нам тут апрель весна явила,
Ни вашим и ни нашим канул март...
Нам Мысль задачу предложила,
Поэтому желает видеть старт.
То старт порывов, устремлений,
Чтобы с тобой одной, как два крыла,
Чтоб каждый в мире вдруг стал гений
И знал, сколь много Мысль ему дала.

Юрий Мартишин

Электросталь, Моск.обл.

Воспоминание о детстве

Я глаза закрываю и вижу
Белый домик за старой ветлой,
Ржавый велик, на нем — деда Гришу:
Едет встретить — приехал малой.

Обнимается, колет щетиной,
Табакком провонял весь, вот жуть.

Говорит, возмужал, стал мужчиной,
Я на раму, толкает — и в путь.

Он глухой и хромает немножко —
Инвалид той великой войны.
Когда песни ревела бомбежка,
Дед — герой сорок пятой весны.

Ему в ухо шепчу: «Спрыгнуть надо?
Тяжело тебе, старый, крутить?»
«Что ты, внучек, ну как же не рада,
Ждет нас бабка, убавь свою прыть».

«Как там Шарик, живой?» — что есть мочи,
Надрываясь, кричу старику!
«Пес твой в будке и тише, короче,
Как петух, кричишь кукареку».

Потихоньку добрались до дома.
Посерел низкий дедушкин двор.
Куры, гуси — как все здесь знакомо,
За деревней поля и простор.

Раскрывая дверь, петли запели.
На пороге — бабуля: «Привет!»
Ее волос белее постели.
Говорит: «Что так плохо одет?»

И что, парень, так пишешь мне мало?
У старухи ведь сердце болит.
Похудел вон, и щечек не стало.
Мы поднимем здесь твой аппетит».

«Как собака, ждет меня, бабушка?»
Дверь раскрыл — и вперед, в огород.
«А поесть, лихая головушка?
Ни куда твой кобель не уйдет!»

Скрип калитки — и вот в огороде.
После города здесь благодать.

Все цветет в деревенской природе,
Под клубникой земли не видать.

Вот мой песик, дружище лохматый,
Дай-ка лапу и брось, не скули,
Да не прыгай на кошку, зубастый,
Наш заступник. Ну, брат, не шали.

В голове это все, не забуду
Дедов голос и Шарика лай,
Крик бабули, зовущий к обеду.
Деревенское детство, прощай!

Не вернется, ушло без возврата,
Развалилась от молний ветла.
Нет ни дома, ни грядок, ни сада —
Все исчезло, такие дела.

Проступок

На весь дом заревела гармошка,
Растянул дядя Ваня меха.
С подоконника спрыгнула кошка,
И под печку забилась — ха-ха.

Старший Виктор тянул задушевно
Про мороз и судьбу ямщика.
Жёны вышли на пляску степенно,
Оборвал грусть удар каблука.

Тётки громко орали частушки,
Грохотала от страха доска.
Бабка Таня настроила ушки,
Почесав седину у виска.

Наплясавшись, блестели от пота
И со смехом валились за стол.
У меня приключилась зевота,
Дед как выпьет — и рюмку об пол!

Про войну и про старое время
Затевал он душевный рассказ.
Говорил: «Вы зелёное племя,
Но открыты все двери для вас».

С уважением слушал я старость,
Чуть дыша на коленях его.
Самогонка будила в нем радость,
В моё ухо, неся е-го-го!

Продолжалось веселье у речки,
Мне медали принёс старичок
И сказал, что их прятал на печке,
Я пол-лета найти их не мог.

Моя глупость не знала преграды,
В детстве кажется всё не всерьёз.
Взял и выбросил в речку награды,
Доведа ветерана до слёз.

«Что ты сделал, внучок неразумный, —
Он кричал со слезой на глазах. —
Думал я, ты стал взрослый и умный,
Те медальки добыл я в боях».

Долго дядьки искали, до ночи,
Славу деда в холодной воде.
А ушли, когда не было мочи,
Разводя руки, нет, мол, нигде.

Жизнь проходит, и нет в ней уступок,
Память война скрыл вязкий ил.
До сих пор я стыжусь за проступок,
Мой старик без медалей ходил.

Дядя Витя

Вспоминаю домик белый,
Скрип ворот в наш огород,

Лук на грядках перезрелый,
Яблонь дивный хоровод.

Дядя Витя у амбара
Иж* Иванов разобрал.
Нам сказал, что божья кара,
Брат бездельник и нахал.

Деду поручил паяльник
Накалить и принести.
Старец понял, кто начальник
Без малейшей грубости.

И, как мальчик — порученец,
В триста метров огород
Пролетел, как пехотинец,
Будто древний вертолет.

„Юрка, дай на восемь ключик“, —
Стукнул в ухо пьяный бас.
Я вскочил, задев за стульчик,
Лежа выполнив приказ.

„Тише, тише, зверь зубастый“, —
Заступилась бабка-мать.
Но не слышит сын горластый.
Посопел и вновь орать.

„Где отец? Работать живо.
Потерялся как в лесу“.
Тут калитка вжик игриво.
„Я несу, несу, несу!“.

Все затихли. Мастер в деле.
Деда дышит, как Трезор.
Тетя Валя, вумен в теле,
В платье дергает узор.

НЕ паяет, хоть ты тресни.
Нервно трогает рукой.

„Он холодный!“ Снова песни!
Про дедулю и покой.

Часов пять еще работа,
Вдруг пойдет, то раз никак.
Потемнело, спать охота.
Мамин брат сказал: «Пустьак”.

Но часов в двенадцать все же,
Мотоцикл затрещал.
Дядька счастлив, грязь на роже.
Ожил старенький металл.

Вот и кончилась забота.
Умывальник, дом, кровать.
Кушать вовсе не охота,
Завтра с дядькой стоговать**.

*Иж — мотоцикл

**стоговать — укладывать, метать в стога (высохшее сено, солому, злаки)

Мечты детства

Три огромных ветлы у дороги
В моём детстве, как сёстры, стоят.
Мы залезли на них, свесив ноги,
Кучка худеньких юрких ребят.

А за нами шальные девчонки.
Оседлали древесных коней
И устроили шумные гонки,
Даль пронзая копытом корней.

В синем небе ругается тучка,
Хочет нас мокрой ручкой поймать.
На неё лает серая Жучка,
Заливаясь, как Машкина мать.

Но не страшен нам дождь, гром-мятежник.
Вётла мчат по дороге вперёд.
Моя память — великий насмешник —
Снова в прошлом мечты создаёт.

Чебуреки

Подмосковье в моем малолетстве.
В тихом городе сталинский дом.
Хорошо было в розовом детстве,
Где пивная была за углом.

Как вкусны были те чебуреки,
Что отцом приносились домой.
Закрывались от сытости веки,
Когда хлюпал бульончик мясной.

Я любил встретить батю у двери,
Потянуть за широкий рукав.
Он, шатаясь, кричал: «Люди звери»,
Меня нежно за чуб потрепав.

А потом шел ругаться с соседкой,
И на кухне, устав, падал в сон.
Щи, картошка с холодной котлеткой,
Замерзали под сдавленный стон.

Убегал я на улицу к Кольке,
Наш досуг с ним был на высоте.
Дёргал косы Шендяпиной Ольге,
Возвращаясь, домой в темноте.

Помню школу, ребят, дискотеки,
Батин крик, слёзы мамки родной.
А ещё я запомнил навеки,
Чебуреки из старой пивной.

Старики

Беленький домик, из шифера крыша,
Бревна лежат у стены.
На них восседает дедушка Гриша,
Пленник седой старины.

Шустро скрутил дед свою самокрутку,
Смачно заклеил слюной.
Кончик отгрыз, запыхтел и с минутку
В дым погрузился густой.

Бабушка Таня задвигала дверью,
Вышла, стоит у ворот.
В глазах ее блеклых матовой тенью
Жизнь к завершенью идет.

Пыль поднимая, несутся ребята,
В лицах — огонь и задор.
Им еще долго бежать до заката,
Молодость — старым укор.

«Дайте дорогу, старинные люди,
Нам все открыты пути».
С грустью супруги вздыхают: «Эх, дети,
Вам бы еще подрасти».

Лёд

Ушла, не бьётся сердце, но тревожно.
Февраль. Снег белит улицы, дома.
Я вёл себя предельно осторожно.
Всему виной коварная зима.

Иду один, потерянный, усталый.
Мне в личной жизни явно не везёт.
А по дороге скользкий и удалый,
Блестящей змейкой кружит чёрный лёд.

Ему чужды тревоги и страдания,
Скользит, роняя взрослых и детей.
Мечты, надежды, разочарования
Кидают в снег незримый чародей.

Упал и я, поехал, как ребёнок.
Не удержался, вжик и лёг в сугроб.
Лежу, смеюсь: мне рыженький котёнок
Лохматой лапкой гладит красный лоб.

Осенняя печаль

Осень, осень, дожди и туманы.
Опадает засохший листок.
В сонном небе из птиц караваны
Покидают родной уголок.

В желто-серый немножко крови
Добавляет осенний божок.
Небо хмурит свинцовые брови
На промокшие нитки дорог.

Сердце плачет с унылой тоскою,
Навещая на кладбище мать.
Умерла она этой весной,
Не успев мне о главном сказать.

Осень, осень, дожди и туманы.
Опадает засохший листок.
В сонном небе из птиц караваны
Покидают родной уголок.

В полете безумий

Позабыта зима и метели.
Свежий день манит теплой весной.
А еще меня губы согрели,
Твоя радость и взгляд озорной.

Я тебя, открывая, желаю.
Запах тела, залиvistый смех.
Восхищаясь волшебному маю,
Предвкушаю полуночный грех.

Ты как будто чужая планета,
Не понятна, но так хороша,
Что мне хочется ласки и света.
Я смотрю, на тебя, не дыша.

С твоих глаз не понятных раздумий
Отлетает любовь в небеса.
Обнажая в полете безумий,
Мои чувства, как душу слеза.

Обломовщина

Пустота режет сердце и вены.
Больно жить мне в глухой тишине.
Разбудите, земные сирены,
Мою душу, живущую вне.

Вне мирского спокойного быта,
Вне страданий на грязной земле.
Моё счастье мечтами размыто.
Моя жизнь протекает во мгле.

Я плыву в ожидании чуда
По унылой и сонной судьбе.
Я пришёл в этот мир ниоткуда,
Вдохновенье черпая в себе.

Сколько ж плыть, восторгаясь мечтами.
Я хочу изменить этот мир.
Но прощупав реальность глазами,
Растворяюсь в проёмах квартир.

По гранитной плите

Ты ушла в вечный мир от усталости,
Боль ломая душой много лет.
Не дождавшись обещанной старости,
Привалила землей белый свет.

По гранитной плите блики осени
Режут бледно-печальный портрет.
На нем волос твой черный, без проседи,
Но от этого радости нет.

Ветер памятник трогает листьями,
Тихо плача озябшим дождем.
Разум в коме валяется с мыслями:
Для чего в этом мире живем?

Расплата

Иду по кладбищу, ступая осторожно.
Таинственно и тихо грусть в душе.
С тревогой думаю, что это невозможно,
Что ты придёшь вот-вот, спешишь уже.

Но нет. Душою вижу среди плит могильных
Тебя на камне, розы по краям.
А над тобою ангел божий, страж всесильных,
Читает жизнь суровую по дням.

Тепло по кладбищу блуждает в чёрном лето.
От ветра у венков по листьям дрожь.
Мне кажется, ты тень от алого рассвета.
Но снова в мир, как Боженька, придёшь.

Нет. Не забыть тот взгляд, твой смех, худое тело.
Себя я презираю без конца
За то, что ты мне в этой жизни надоела,
За то, что превратился в подлеца.

Валентина Карпушина

Москва

СИРЕНЬ В СНЕГУ

Расцвела и сиреневым цветом
Разукрасила серость аллей.
Соответственно майским сюжетам
Где-то в роще запел соловей.
На зелёной листве так эффектно
Гроздьё смотряся в сени кустов.
Словно вышел их крестиком некто,
И вложил в данный труд всю любовь.
Но принёс неожиданно ветер
Вместо дождика тёплого — снег.
И мороз вдруг ударил под вечер
След оставив на стылом окне.
Расцвела ты, сирень, прежде срока,
От наставшего рано тепла.
И замёрзла в сугробе глубоком.
Как не вовремя ты расцвела!

Я НЕ СТАНУ СЛАБЕЙ

Я не стану слабей. Надо — сделаю.
Лучше ты стань намного сильней.
Не хочу быть пушистой и белою.
Ну а глупой казаться — вдвойне.
Это шанс твой — подняться и вырасти.
Слабых проще спасать от судьбы:
Из огня даму хрупкую вынести,
И на фоне её кем-то быть.
Слабым легче живётся. Им попросту
Не даются большие веса.
Не проси стать меня слабой попусту.
Стань сильней и твори чудеса.

Я ЗАБЫЛА

Я голос забыла твой очень давно,
И запах завядших бордовых тюльпанов.
По принципу всё, как в игре в домино,
Разрушил ты после нелепых обманов.
Нейроны один за другим всё сотрут
И память отправят навеки в корзину.
Безмолвен её уничтоженный труп
И высох плевок, что направлен был в спину.
А дальше — покой. А потом — тишина.
Осколки души мною собраны в груды.
Я голос забыла твой. Полночь черна.
Молчание только твоё не забуду.

ВЕРА В ЧУДО

Ты сказал очень много,
Не сказав ничего,
Молча встав у порога...
Слава Богу! Живой.
Взгляд немного уставший,
Вздых заметный едва
Скажут больше, без фальши,
Чем иные слова.
Это с чудом сравнимо —
Ты и сад за окном,
Где витает незримо
Грёз несбыточных сонм.
И моя сила веры,
В то, что беды теперь
Жизнь оставит за дверью,
Коль откроешь ты дверь.

НЕ МОГУ

Я безумно устала от этой бессмысленной гонки
За призами и призраком новых побед.
Вить по-волчьи овце там, где в стае присутствуют волки,
Не могу, чтоб не съеденной быть на обед.
В тягость мне позолота, что сгнившие доски покрыла
На помосте, где рушится чья-то мечта.
И не держат меня в поднебесье уставшие крылья.
Нет ни сил, ни мотивов. Одна пустота.
Все бегут на ристалищах, ставя подножки друг другу,
Чтоб взобраться любую ценою на Олимп.
А потом, что? Тупик! Или бег неустанный по кругу,
Заржавевший от пота, свалившийся нимб.
Я устала бежать, соблюдая пределы дистанций.
Я хочу с них сойти и всей грудью вздохнуть.
Сбросить с плеч и души занемевшей, невидимый панцирь
И продолжить по жизни свободной свой путь.

ТИШИНА

Имя это скажи — и исчезнет она.
Замолчишь, и тогда непременно
Всё окутает снова собой тишина,
Мир заполнив собою мгновенно.
Вновь её позови, и её больше нет.
Твой её аннулировал голос.
А ещё звук шагов от заблудших теней,
И не спящий за окнами город.

ПОДУМАЙТЕ ОБ ЭТОМ

Не всегда, если ты потерял, будет значить, что ты проиграл.
Не всегда, если ты приобрёл, будет значить, что ты победил.
Многим людям дорога и в Тартар, как путь в обетованный Рай.
А иным и цветы, словно мусор на холмиках свежих могил.
Только то, что потеряно, может вернуться обратно опять.
Как награда сторицей за боль от бессчётных тревог и потерь.

Коль угодны победы судьбе, то нетрудно в итоге понять,
Что откроется форточка там, где закрыта для выхода дверь.
Все утраты окажутся стимулом для несомненных побед,
Дав бесценнейший опыт, лежащий в основе трудов и аскез.
И давая себе не сдаваться зарок и священный обет,
Нужно помнить: Христос был распят на кресте
перед тем, как воскрес.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПЕРЕМЕН

Если хочешь перемен, просто оглянись.
Может быть, пока ты спал, всё само решилось.
Утро ночи мудреней. И готов сюрприз:
Вдруг сменился сам собой гнев судьбы на милость.
Или вышло в этот раз всё наоборот:
Домик карточный мечты кем-то был разрушен.
Нет любви. Она прошла. Новый поворот.
Ведь любой самообман лишь калечит душу.
Если же пошла давно прахом эта жизнь,
То менять её пора без сомнений нужно.
А коль хочешь перемен, просто оглянись,
И увидишь — старый мир полностью разрушен.

ДВА ДАРА

Наш мир спасёт не только красота.
Она бывает злобной и пустой.
Один лишь только довод есть из ста
В том, что спасён он будет красотой.
Защитой служат в пору злых годин
Два дара — это юмор и любовь.
И коли есть в душе из них один,
То можно всё стерпеть, любую боль.
А также будет страх преодолим.
Но если оба эти чувства есть,
То станет человек непобедим,
И мир спасать ему не надоест.

ЗНАК КАЧЕСТВА

Талант — знак качества от Бога.
А красота — бесценный дар.
Права иная недотрога,
Его, не превратив в товар,
Не разбазарив, и на ветер,
Не выбросив Его дары.
За все поступки мы в ответе
До времени и до поры.
Кто скупое сеет, тот получит
В итоге скудный урожай.
К вершине путь идёт по круче,
Сквозь чувств невидимый пожар.
Талант — знак качества от Бога
Бессмертной и живой души.
Но всех судить Он будет строго —
По мере, кто и как грешил.

ГОРСТКА ПЕПЛА

И после того, как погаснет пламя,
То пепел ещё излучает тепло.
Огонь язычком, свечку долго плавя,
Огарку дарует горячую плоть.
Но где всё давно навсегда сгорело,
Там больше не будет любви и безумств.
Одно пепелище... Но горстка пепла,
Ещё горяча от потухнувших чувств.

БЕЗЫМЯННАЯ ЗВЕЗДА

Я — самая холодная звезда,
Которая лишь светит, но не греет.
И парус алый, прикреплённый к рее,
Реальнее, чем эта глыба льда.
В космическом пространстве я как блик
Неведомого яркого светила,

Из мрака луч как будто из могилы,
Пробившийся, как мой безмолвный крик.
Снаружи я — холодная звезда.
Внутри — взрыв термоядерных реакций.
Я для кого-то — ложный плод абстракций,
Холодный свет, что лишь в окно видать.

АД И РАЙ

Мы живём не в раю, а на грешной земле,
Где соседствуют бесы и ангелы рядом.
Там, где наши сердца превращаются в тлен,
Оттого что ключи покупаем от рая.
И живём мы с тобой как-то так, наугад.
Отведённые роли нам свыше, играя.
Обещая мне рай, не устраивай ад,
Прогоняя потом из фальшивого рая.

МЕЧТЫ ДЛЯ НОВИЧКОВ

Мечты для новичков. И радужные планы
Ещё пока их опыт в прах не обратил.
В душе пока ещё нет ни единой раны,
А на плечах креста, что нужно пронести.
Пытливый ум ещё обидой не загажен,
И зависти в нём нет смертельных метастаз.
Заветную мечту исполнить есть лишь жажда,
Открытая душа да чувства напоказ.
Ухабист этот путь. В нём свет в конце тоннеля
На деле — лампы луч над дверью под замком.
И за неделей зря пройдёт ещё неделя,
А вслед мечты умрут. Таков судьбы закон.
Останется дыра в душе, и может стать,ся,
Позиции сдадут бывшие новички.
На полпути к мечте им свойственно сдаваться.
Но только не тому, чьи планки высоки.

НЕ СТЫДНО БЫТЬ БЕДНЫМ

Не стыдно быть бедным, а стыдно быть глупым.
Коль денег немного — совсем не беда.
А те, кто до цели шагает по трупам,
Те Богом наказаны будут всегда.
Мужам, убелённым сединами, стыдно
Продельвать то, что согдится юнцу.
И истина эта для всех очевидна —
Незрелость мужчине совсем не к лицу.
Не стыдно с достоинством выдержать муки
И с поднятой выйти из них головой.
Не стыдно иметь загрубелые руки,
Зазорно с моралью мириться кривой.
Не стыдно быть бедным. Рабом быть позорно,
Зависеть всецело от тленных богатств.
В деньгах нет свободы. И это — бесспорно.
Они недостойный её суррогат.

ОДНРАЗОВОСТЬ

Есть одноразовый шприц,
Есть одноразовый ножик,
Лает рассерженный шпиц
На одиноких прохожих.
Каждый себя кем-то мнит:
Кто-то вождём, кто-то — мачо.
Бездарь — что он знаменит
И что-то важное значит.
Кто-то засовывать секс
Гож в сто из ста предложений,
Весь у него интерес —
Масса любовных свершений.
Есть одноразовый шприц,
Есть одноразовый пропуск.
Барышням грезится принц...
Крутится сказочный глобус.

ГЕРОЙ И МУДРЕЦ

Герой доверчив и всегда
Готов дождю открыть лицо.
Он любит, как течёт вода,
Смывая пот с кривых рубцов.
Мудрец не любит долгий дождь.
Под ним намокнуть — не резон.
Он свой наденет макинтош,
Ну а потом раскроет зонт.

ГЛУПОСТЬ

Если б у глупости были бы крылья,
Стали б как бабочки люди порхать.
Если бы сказки вдруг сделались былью,
Принцем бы плут стал последний и хват.
Коль натуральными были б блондинки,
Вряд ли у модниц возникла бы цель
Светлые брови иметь. Как у свинки
Бледные глазки на блеклом лице.
Часто глупцы полагают, что вера
В сказки их делает в жизни умней.
Если бы глупость имела бы меру,
Люди бы знали, как справиться с ней.

ПУСТАЯ СТРАНИЦА

Пустая страница открыта. На ней
Возможностей спрятано много, пока
Не будет написана кем-то строка
И чьи-то пометки на кромке полей.
Пустая страница — как будто окно,
В мир формул, расчётов, поэм, может быть.
Но только его нужно просто открыть,
Вписав информацию, словно в блокнот.
Пустая страница как кладезь идей,
Которым лишь нужно придать должный смысл,

И чтоб все задумки в реале сбылись,
Текст вывести нужно всего лишь на ней.

Дмитрий Аникин

Москва

АНАХАРСИС СКИФ

1

Он ходил по чужим дворам,
по чужим углам,
он искал себе того, кто найдет и сам
дружбу. Ибо нет человека в степях великих,
а только среди афинян двуликих,
софистов, умеющих «да» и «нет»
на каждое слово, на каждый, любой предмет.

А он не стыдился ломиться в дома,
клянчить себе ума,
ибо тут у них полные закрома —
на всякий случай. Кто как обрящет —
кто жал, кто сеял, но и просящий,
крадящий даже, не обделены — сполна
мудрость такому, на все его дни одна!

2

Ходит-бродит, все воротят
от прибрешего носы,
философии проходят
отведенные часы,

он же тут как заведенный:
отчего да почему?
А учитель полусонный
знай всё отвечай ему.

***

Вот же ж варварская жадность,
ведь нельзя про всё познать,
всему срок, и эка важность,
что придется обождать.

На пирах — чередованье
возлияний и речей,
ну а скиф — как мертв по пьяни,
протрезвеет — всех бойчей.

3

Афиняне *(на разные голоса)*

Как позорно этим быть
из степей пришельцем!
Кобылиц ему доить.
Быть иным умельцем

в рабских, низменных делах.
Кто ж таких пущает?
Как не гонят в воротах?
Нас не защищают,

город?! Стянут кто чего.
Этот вот познания
хочет! Просит для того,
чтоб отвлечь вниманье!

А нахлынут всей ордой —
нас сметут. И вдвое
хуже, чем чужак простой, —
умник, все такое

перенявший. Всё ему,
варвару, наука —
усугубит сердца тьму
да усилит руку!

4

Анахарсис

Да, мне позор моя родина, Скифия, я из народа
темного, вы и не знаете, как извратиться природа
может, какие обычаи были в ходу, сколько черной
злости, тоскующей зависти, ненависти так упорной.

Все мы, когда родились, получили клеймо, но я с кожей,
с мясом сдирал — проступает на ранах рисунок, все тот же
после которого раза; я — глубже и глубже, больнее,
я — по костям, чтоб никак, никогда не быть связанным с нею.

Да, мне позор моя родина, но я покинул пределы,
данные мне изначально; здесь, как положено белым
людям, я жизнь проживу, свою Скифию вам предавая!
Что ж вам так надо меня мордой ткнуть в это, напоминая!

Кто ты такой, мой насмешник, мой яростный, злобный гонитель,
счастливый местом рождения лучшего города житель?
Сам ты позор своей родины, истинно скиф самозванный!
Так, как позволено нашим, ты почему пьяный, ссанный!

5

Анахарсис

Что ж вы, греки, так живете,
ваш Элизиум земной
что ж вы в мелочной заботе
упустили со страной?

Где уж мне, из тьмы бесплодной
к вам притекшему сюда,
спорить с истиной народной,
делом общего труда!

Что ж вы, греки, будто сами,
мимо собственных идей,
зрелищами, чудесами
увлекаемы скорей?

Не спасает постоянство
знаний, стали ветхий хлам.
Притесняет вас тиранство,
кто не верили словам.

6. Анахарсис и Солон

Они сошлись. Законодатель и
впервые о законах услышавший,
но этак даже лучше: нет привычных
превратных толкований.

Почему бы
не дать законы варварству? Мы, греки,
должны стать светоч в нас обставшей, вечной
земной тьме...

И, в Афинах свое дело
не завершив, старается для пришлых
Солон. Как будто общие законы
для всех времен, народов и богов.

***

Солон
Как он запоминал, как понимал!
Пойди найди в Элладе человека
с такую жаждой знаний.

Анахарсис

Это всё

от бескультурья: всякое зерно,
в не истощенную работой почву
упав, дает стократный урожай.

7

А своим чуть-чуть смешна
вся эта затея —
философия; она,
только богатея,

станет делом, и софист,
мысли затевая,
машет, на руку нечист,
простецов сзывая

в обученье, а пока
нам в делах мешает,
кто, зайдя издалека,
дело объясняет,

кто талдычит — прав, не прав —
нам про добродетель,
кто, теперь богов поправ,
будущих свидетель,

кто политику страны
видит не стесняясь,
кем созвездья сочтены,
по небу скитаясь.

8. Хор

СТРОФА

Всё, что могла дать
Эллада, он взял себе —

запомнил, чтоб излагать,
использовать там, в борьбе.

Всё, чем смогла дарить
Эллада! Из бездны чуть
почерпнул, а должно хватить
наивных людей пугнуть.

АНТИСТРОФА

Всё, чем смогла дарить
Эллада, — голая суть —
не облечь, применить,
но и назад не вернуть.

Всё, что могла дать
Эллада, — чего в степях
геометрией измерять?
Ритма нет в скифских словах.

8. *Главное — это мера*

Вот этому не учат. Это кровное,
по всем Афинам знание поголовное,
врожденное — и никому чужому
не передать, не вынести из дома
палладий наш, не помним мы о нем,
в его тепле и благодати живем.

И ни о чем стремленье их свободное,
познание досужее, бесплодное —
их степь лежит, гладь солнцем залитая,
для наших тем, для наших дел пустая,
и, мало получив, ничто вкусив,
ни грек ни варвар погибает скиф.

9

Солон

Скифам ни к чему наука —
варвар порченный от скуки
книги трудные возьмет,
ум за разум заведет,
никогда степной Эллады
вам не будет. И не надо!

Анахарсис

Знаю, скудные труды,
решетом носить воды —
не наносишь, но какая
есть забота нам другая?
Без надежды, без тоски —
так до гробовой доски.

Солон

Станешь им живым упреком,
незаслуженным, жестоким:
«Как мы жили, так не жить!»
И пойдут тебя винить
в непогоде, недороде,
даже в самой несвободе!

Анахарсис

Ненавистен стану всем
соплеменникам: «Зачем
баламутит, жить мешает?»
Каждый камень поднимает —
дар отеческой земли
тем, кто снова не смогли.

РАССКАЗ

Илья Криштул

Москва

ИЗЪЯТИЕ МЛАДЕНЦА

... «Нет, ну надо изымать...» — сказала чиновница из опеки и повернулась к участковому надзирателю, который жался у входа в пещеру: — «Будем составлять акт...».

Мария прижала младенца к себе и умоляюще посмотрела на мужа. Иосиф жестом успокоил жену, прокашлялся и подошёл к чиновнице: — «Извините, а как ваше имя-отчество?». «Я уже представилась! Старший специалист органов опеки и попечительства по городу Вифлеему Кац Елена Павловна.» — отвечая, старший специалист одновременно копалась в своей папке, вынимая оттуда нужные бланки: — «Мы изымаем ребёнка и слушать я ничего не хочу. Здесь младенцу находиться нельзя. Первый век на дворе, а вы как в каменном живёте. Ему будет прекрасно в Доме ребёнка, а вы пока постарайтесь улучшить свои жилищные условия. Дитё спит мало того, что в пещере, так ещё и в кормушке! Я в шоке просто! Детский врач про вас не знает, в молочную кухню вы, конечно, не ходите, кормящая мать голодная, продуктов нет, вонь ужасная, какие-то люди у входа толкутся, явно без определённого места жительства, явно злоупотребляющие... Всё, вы меня извините, в дерьме! И мама, она сама как ребёнок... Сколько вам лет, мамаша?». Мария не ответила, а где-то в тёмном углу пещеры тревожно заблеяла овца, отчего новорождённый проснулся и открыл блестящие глазки. «Господи!» — тут младенец вопросительно посмотрел на Елену Павловну: — «Овцы в одном помещении с новорождённым! Вы с ума сошли! Верочка!». В пещеру вошла вторая чиновница, щурясь от темноты. «Верочка, зафиксируй всю эту грязь! И животных не забудь! Вы же пожилой человек, как вы не понимаете, что овцы могут заразить ребёнка энцефалитом, мелофагозом, да пустулёзным дерматитом, в конце концов!» — это Елена Павловна обращалась уже к Иосифу. «У нас есть вполне хорошее жилище в Назарете, а здесь мы временно, всего на сорок дней...» — тихо ответил тот. «Ребёнок и минуты не может находиться в таких условиях! А если бы нам не сообщили, что здесь новорождённый? Вы знаете, чем это могло кончиться? И я так и не поняла, сколько лет матери?». «Мне ско-

ро пятнадцать...» — прошептала Мария. «Та-ак... Надзиратель! Что вы там мнётесть?». «Здесь пастухи пришли, хотяз взглянуть на младенца...» — ответил участковый. «Им тут цирк, что ли? Зоопарк? Велите им расходиться и давайте заполнять документы! Верочка! Зафиксировала? Бер акт, пиши...». Участковый надзиратель вышел из пещеры, а Верочка, достав ручку, приготовилась записывать. «Вы кем приходитесь новорождённому? Дедушкой? Нужны ваши возраст, место жительства, фамилия...». Иосиф, к кому были обращены эти вопросы, взял посох и вышел на середину пещеры: — «Обручник, Иосиф Ильич, плотник, живу в Назарете. Восемьдесят четыре года. Я отец... Ну как отец — скорее, приёмный отец...». «А кто у нас биологический отец? Он известен? Девочка, кто папа этого малыша? Он знает, что у него родился сын?» — Елена Павловна подошла к Марии, но та опустила лицо и молчала. «Ну что ж, ты только всё ухудшаешь... Приёмный отец в возрасте дожития, несовершеннолетняя мать, забеременевшая, стыдно сказать, ни пойми от кого, сама, наверняка, без профессии и образования... Кого ты воспитаешь, девочка? Вора, бродягу и мошенника? Тебя саму ещё надо воспитывать! Ты же не хочешь, что бы твой сыночек пошёл на виселицу или на крест? А в Доме ребёнка ему будет хорошо, он будет там одет, обут, накормлен, учиться будет... А если у тебя всё наладится, ты сможешь его забрать, мы же не лишаем тебя родительских прав. Пока не лишаем...». «Как зовут мальчика?» — спросила Верочка: — «И, Елена Павловна, что писать в «Обстоятельствах выявления несовершеннолетнего»?». «Иисус его зовут.» — громко сказал Иосиф: — «Царь Иудейский.». И он стукнул посохом о каменный пол, а в пещеру заглянул участковый. «Не расходятся пастухи.» — сказал он: — «Говорят, не надо в Дом ребёнка. Через несколько месяцев какие-то волхвы приедут и семью обеспечат. И кроватка будет, и коляска, и смирна...». «Да тут дело не только в коляске...» — вздохнула старший специалист Елена Павловна: — «Тут приёмный папаша сына царём наречь хочет... Тут угроза для психического здоровья младенца... Так и запиши, Верочка. А пастухам скажите, что у нас есть жалоба гражданина Ирода, который сообщает, что данная семья самовольно заселилась в принадлежащую ему пещеру, мотивируя это отсутствием мест в гостиницах. Вот, читаю вам: «Считаю себя обязанным сообщить органам опеки, что в пещере, которую мои работники использовали как хлев, незаконно заселившаяся неизвестная мне малолетняя беременная гражданка разрешилась от бремени, родив младенца безо всякой врачебной помощи и закутав его после родов в грязные тряпки. Прошу органы опеки принять меры по изъятию младенца и выпровождению малолетней гражданки по месту её посто-

янной регистрации.». А вы, я надеюсь, знаете, кто такой гражданин Ирод?». Участковый знал, пастухи тоже и, хоть и нехотя, разошлись по своим стадам.

И ребёнок был изъят и направлен в Дом ребёнка, где вырос, учился, получил от государства однокомнатную квартиру и стал простым и хорошим человеком. До самой смерти он работал в Иерусалиме ремесленником, заслужив уважение горожан.

Так, благодаря ювенальной юстиции и чутко реагирующим на жалобы работникам органов опеки, всё в этом мире пошло по-другому.

ВЧЕРА

Пришлось вчера в метро спуститься, так как машина в ремонте, а ехать надо было на «Тульскую», на клавишинный концерт знаменитого Боташа. Я хоть метро и не люблю, но «Яндекс» сказал, что так быстрее будет, чем в такси по пробкам. И дешевле, у меня ж удостоверение специальное. Зашёл в вагон, встал позади стайки гимназисток в белых полубухах и читать начал. «История керамики Древнего Рима», составитель Татаринов А. В., читиво увлекательнейшее, от «Пушкинской» до «Серпуховской» за минуту доехал, так показалось. И уже выходить скоро, я уже книгу убираю, как вдруг поезд замедлился, замедлился, прокатился по инерции и замер. И свет исчез, но не весь, дежурные лампочки остались и тишина такая наступила — не звенящая, но тревожная. Гимназистки между собой зашушукались, а женский голос в другом конце вагона громко-громко так: «Ну всё, Анзорик, мы в туннеле встали, не знаю, надолго, нет, без меня начинайте или Виолетте позвоните, она на машине, быстро приедет». И стоим в тишине, три минуты, пять, семь... И никакого объявления по громкой связи, и я хотел уже кнопку «Вызов машиниста» нажимать, но вспомнил, что в первом вагоне еду. Обогнул гимназисток, к двери кабины подошёл, постучал... «Благородный мужчина!» — говорю: «Объясните нам происходящее, уважаемый!». Дверь открылась, благородный и уважаемый мужчина вышел, весь в форме и с надкусанным яблоком. С настоящим, не от Стива Джобса. «Извините» — говорит: «Забыл совсем. Авария на подстанции, сейчас контактный рельс отключат и по шпалам на «Тульскую» пойдём. Ещё раз извините». И в микрофон продублировал. Спокойней как-то сразу стало, потому что машинист не будет яблоко есть, если что-то страшное случилось. Только мужик какой-то из сидячих возмущаться стал. Почему, говорит, я должен пешком до «Тульской» идти, если я со-

рок рублей заплатил, чтоб до «Нагатинской» срочно доехать? И что мне делать, спрашивает, если я опоздаю, а у меня бизнес и я деньги потеряю? Мы всем вагоном решили, что это курьер срочной доставки, а потом оказалось, что ничего срочного у него на «Нагатинской» нет, дом только с диваном и телевизором. А вскоре какие-то люди тоже в форме появились, в полумраке плохо видно — мужчины или женщины, стали двери между вагонами открывать, не паниковать просили и рация у кого-то из них верещала, что контактный рельс отключен, выводите пассажиров.

Через кабину спустились на рельсы, я первый оказался, за мной гимназистки, мужик этот с «Нагатинской»... Пошли потихоньку. Впереди как фея, или как Данко, или как светлячок, не знаю даже, девушка с фонариком, из метрополитеновских, потом мы и опять тишина, только шагов шуршание и вздохи от стен. Даже ребяёнок какой-то, он с мамой был, не капризничал, не пищал, а серьёзно шёл, как взрослый и не моргал совсем. Гимназистки всё по сторонам смотрели, телефонами светили, крыс, наверное, легендарных высматривали, а я в рельсы вглядывался. Интересно, думал, какой из них контактный, а какой простой, чтоб контактный не задеть ненароком. Отключить-то его отключили, но всё может быть, сейчас начальник метрополитена позвонит, заорёт на дежурного, что, мол, час пик, а вы электричество отключили, уволью всех, включить немедленно и включают же от страха и только потом про нас расскажут. Знаю я, как это бывает. И аварию уже устранили, и побежит ток по проводам и мало нам здесь не покажется. Хотя аварию только к утру устранят, можете мне поверить, часто с этим сталкиваюсь. Но мало ли что, и на ребяёнка я постоянно оглядывался, чтоб он не трогал ничего. Нас-то шибанёт — не жалко, а ему страной рулить. Гимназистки тоже молодые, но дисциплинированные, прямо по моим шагам шли.

И вот мы идём-идём, стены давят, звуки какие-то странные, эхо, никто даже не фотографирует ничего, селфи эти свои не делает, поникшие все, притихшие, а «Тульской» всё нет и нет и даже света впереди нет. И сорок метров земли над нами и кладбище старое, старообрядческое, тоже над нами. Нервирует всё, конечно, немного. Я гимназисткам историю весёлую про это кладбище рассказал, вычитал где-то. Развеселить хотел. Они, правда, даже не улыбнулись, гнетущее такое настроение и ребяёночек сзади подвывать начал. И мамаша его шипела, то ли на него, то ли на меня за историю эту. Тут ещё мужик с «Нагатинской» заныл, что он домой хочет и пусть ему деньги за проезд вернут, что он не собирается головотяпство метровское оплачивать, что он карту

«Тройку» не для того покупал, чтоб под землёй да ещё под кладбищем полжизни провести и даже чай горячий никто не предложит, а тут вдруг раз — «Тульская»! Она ж тоже неосвящена, тоже дежурные лампочки только, поэтому её и не видно было. По лесенке на платформу поднялись, там полицейские вежливые, успокаивали нас, хотя никто особо уже не нервничал. Мрачные все были, это да, зря я им про кладбище рассказал, как гробы истлевшие на рельсы падают и черепа на шпалах валяются.

Эскалатор не работал, но на «Тульской» он маленький, двадцать ступенек. Я перед ним хотел гимназисток вперёд пропустить и маму с ребёнком, но полицейский мне сказал, что не надо давку создавать и подвиги имитировать. Наверх, говорит, на автобусы бесплатные и вперёд, по своим делам. Я поднялся, в подземный переход вышел, а там... Свет мелькнул дневной, солнечный, я-то думал, что вечер уже. Я к этому свету так рванулся, споткнулся на ступеньках даже, и на небо смотрю, а там голуби, и небо голубое, и солнышко, и люди вокруг разговаривают и воздух свежий-свежий, будто на море. И одна гимназистка меня догнала и обняла, я смотрю, а она плачет. Ты что, говорю, зачем ты это, посмотри вокруг, все весёлые, и воробушки чирикают, и тепло-то как, и ширь какая с далью и жених у тебя принц будет. Она улыбнулась, меня в щёку чмокнула и они всей стайкой упорхнули куда-то, в «Шоколадницу», наверное. А я ещё постоял, подышал и пошёл потихоньку. Живой, здоровый, клавесин в душе играет, да и вообще настроение великопное. Облегчение какое-то, будто все грехи отпустили мне в том туннеле. На концерт не пошёл, зачем мне два клавесина, один в душе, а один на сцене. Такси вызвал и домой поехал. Даже интервью никому давать не стал, хотя телефон разрывался. Отключил его и всё. Я же главный энергетик московского метрополитена... Но они моё мнение и так знают, в прошлый раз им говорил. В подземелье, я считаю, света быть не должно, на то оно и подземелье. Уволюсь, наверное, завтра. Ну его, метро это. Зарплата хорошая, но эти глубины, мрак туннельный, кладбища сверху, аварии... Я б вообще его засыпал.

Уволюсь и буду клавесины делать. И керамикой для души займусь.

Как-то так вечер прошёл. А про гробы я всё-таки зря, наверное...

ВЗБЕСИВШИЙСЯ ТЕЛЕФОН, СЛОМАННАЯ ЖИЗНЬ
(мини-пьеса)

Акт первый

На сцене — два стула, стол, на столе лежит телефон, стоит пиво и бокал. В углу телевизор. За столом сидит мужчина. Мужчина наливает себе бокал пива и включает телевизор, где начинается футбольная трансляция. Как только он подносит бокал ко рту, раздаётся звонок телефона. По ходу пьесы телефон звонит постоянно, мужчина отвечает на звонки, пиво остаётся нетронутым. С каждым звонком мужчина всё больше и больше разъяряется.

— Да, аллё. Нет, это не Оксана. И не Марья Павловна. Нет, никакая Таня не звонила. И не заходила. Я не муж Оксаны, потому что я не женат. Я же сказал, что ни Оксаны, ни Марьи Павловны нет. У меня их нет. И не было никогда. И, надеюсь, не будет. Да, это мой номер. Что странно, что это мой номер? Мне его выдали в офисе продаж, я не виноват. Да, до свидания.

— Да. Чего я утилизирую? Холодильники? Я как-то не думал даже... А зачем вам мой адрес? Холодильники привезёте? Записывайте... Пойдите, зачем мне ваши холодильники? Нет, я работаю в совершенно другой области! Я не знаю, кто утилизирует в вашей области! Я даже не знаю, какая у вас область! До свидания!

— Да! Что я смотрю? Какой телевизор? Какой опрос, девушка? Я не смотрю телевизор! У меня нет на это времени! Из-за вас! Я сжёг телевизор! И я занят! Я пообедал и занят! И я не нервничаю!

— Аллё! Что послать? СМС на короткий номер? И что? Выиграю миллион рублей? Я сейчас вас пошлю! На короткое слово! И вы на него пойдёте! И выиграете миллион ушибов и переломов! Забудьте этот телефон!

— Да, аллё! Что мне нужно? Неактивированный уголь? Привезёте в течение дня? По цене производителя? Дайте мне свой адрес! Я вам в течение дня производителей этого угля привезу! Неактивированных! Злых! Из Донбасса!! И они активизируются у тебя...

— Да!!! Да, это точно мой номер! Я не знаю, почему! Эту комбинацию цифр не я придумал! А это кто? Муж Татьяны? А-а... Она в душе! Следить за женой надо, ходит немытая! Я Марья Павловна, что, по голосу непонятно? А Таня помоеется и приедет. Убьёшь? И правильно сделаешь!!! И Оксану убей!!! И себя не забудь, идиот!!!

— Аллë!!! Таня не приеде... Кто? Стоматологическая клиника у моего дома? Откуда вы знаете, где мой дом? Откуда вы знаете мой телефон? Я зубы вам выбью там всем! Себе их будете со скидкой вставлять! И пародонтозом заражу всех, не знаю, что это такое!

— Слушаю!!! Что? Кто? Мой сын в ДТП? Где? У меня нет там сына! И в Измайлово тоже нет! Сшиб на машине? Нет у меня сына с машиной, к сожалению... За сколько отпустите? За сто тысяч? Так отпускайте! Так звоните его родителям! Да нет у меня сына, говорю! У меня вообще нет детей!!! Я их зарезал!! И съел!!!

— Слушаю, аллë!!! Из собеса? Здравствуйте... Скидка на биодобавки? Специально для меня? Ух ты... И на натяжные потолки? А вы точно из собеса? А вы знаете, куда я тебе натяну эти потолки? И куда засуну биодобавки? Вы дадите мне отдохнуть?!!!

— Аллë, кто? Какая Оксана? Таня оставила этот номер? Лучше бы она мозги тебе оставила, курица!! Я мужу её сказал — в душе она! И не выйдет оттуда никогда, что б вас не слышать никого!!! Поняла, овца неумная?!!

— Алë, что?!! Откуда? Мне кредит дать хотите? Вышлете кредитную карту? Давайте, высылайте!! И что б на ней был миллион евро! С курьером пришлëте? Всë, жду. Нет, паспорта нет. И квартиры нет. Не работаю. И не работал никогда. И не собираюсь. Да кто за меня поручится, я только из тюрьмы. Мой возраст? Сто три года. Я сдохнуть хочу миллионером! И проценты вам с того света перечислять!!! И во снах являться!!! И предлагать банковское обслуживание!!! В аду!!! Лично тебе, дура!!!

— Кто? Что? Что у меня заблокировано? Интернет? Код вышлете для разблокировки? За сколько? За тысячу рублей? Я за эти деньги сейчас гранатомëт разблокирую и к тебе подъеду... Дай мне свой адрес, подонки!!!

— Кто ещё? Какая Марья Павловна? Мама Оксаны? Таниной подруги? Танин муж на развод подаёт? Слушай, мама Оксаны... Я здесь холодильники утилизирую, и если я кого-нибудь из вас когда-нибудь встречу, я вас тоже утилизирую. Всех и насмерть! И никакой опрос не поможет! И зубы предварительно выбью! И машиной перееду! И замурую в натяжные потолки! Отниму паспорт и оформлю кредит! И засыплю неактивированным углëм! И заблокирую на фиг! А Таниному мужу выколю СМС на его коротком номере! И там будет одно слово...

— Алë... Что я хочу? Узнать ещё больше об Иисусе? А что, о нём есть какие-то новости? Слушай, божий человек... Приходи ко мне, расскажешь всё об Иисусе, я на тебя квартиру перепишу, машину, деньги все отдам, только приходи, пожалуйста! Я взглянуть на тебя, уroda, хо-

чу! И на твой телефон! И на твои пальцы, которыми ты на кнопки тыкаешь! Я их тебе отрубить хочу!!! Я распять тебя хочу!! Я...

— Алё!!! Кто? Таня? Вам некуда идти? Из-за одной цифры жизнь сломалась? Так приходите ко мне! Конечно жду, записывайте адрес! Только не перепутайте ничего! Первомайская, дом тридцать семь. Не тридцать шесть и не тридцать восемь, а тридцать семь. Квартира один. Не два, не двенадцать, а один. Всё, жду вас, Таня...

Акт второй

На сцене тоже самое, но за столом уже двое — мужчина и женщина. Мужчина наливает себе бокал пива и включает телевизор, где начинается футбольная трансляция. Как только он подносит бокал ко рту, раздаётся звонок телефона. Мужчина с ненавистью смотрит на телефон, женщина берёт у мужчины бокал, выпивает до дна, переключает телевизор на концерт Стаса Михайлова и садится поудобнее. Мужчина хватается за телефон, встаёт и уходит. За сценой раздаётся выстрел и звонок телефона.

Занавес

Андрей Мансуров

Ташкент

«ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!..»

— Ну и какой смысл в таком дурацком сооружении?!

Джо, рассматривая изображение на центральном экране, тоже недоумевал: конструкция напоминала не то хорошо укреплённый военный лагерь, не то — тюрьму. Но больше всего, конечно — Лабиринт. Минотавра. Потому что в центре располагалась довольно большая отгороженная от остального пространства высоченными стенами площадка, на которой имелись...

Монстры.

Нет: в буквальном смысле — монстры! Твари, явно созданные лишь с одной целью: крушить, терзать, и убивать. Других живых созданий!

Тут были и подобия грифонов — когтистые и клыкастые помеси льва и летучей мыши, и химеры почище — отвратительно выглядевшие смеси ящера, пеликана и росомахи, или крокодила и дикобраза, или носорога и тираннозавра... И даже гарпии: крылатые чудища с телами орлиц и головой — как у женщин! Только с клыками, как у вампиров.

Имелись так же подобия бронированных черепах с шестью лапами и двумя головами, и отвратительные гигантские, высотой в добрый метр, пауки с волосатыми телами, и оранжевые кивсяки-многоножки длиной с удава, с омерзительно глянцево отблескивающими, словно намазанными маслом, туловищами, и жутко выглядящими челюстями-жвалами. С которых капал яд.

Не было только змееобразных.

Все эти чудовища ползали, семенили, топтались и прыгали по площадке, но, как ни странно, при всей своей разнообразности и явной агрессивности между собой не дрались.

И вид у всех был такой, словно они чего-то ждут. Или — кого-то?

Всё это, а особенно — смертоносное колюще-режущее-жующее «оборудование», которым были щедро оснащены создания, стало видно после того, как Мать подвела один из зондов в точку зенита над площадкой: по центру. Так, чтоб полуденное солнце не давало существам, snowавшим по ней, заметить странного чужого наблюдателя.

Зато его прекрасно заметили местные птицы, в весьма большом количестве парившие над Лабиринтом. Похоже — падальщики. Напоминавшие земных грифов: огромный размах большепёрых крыльев, голые шеи, чудовищные клювы на концах противных морд... Злющие глаза. Наверняка эти пернатые уверены, что сейчас будет чем поживиться!

Так вот: птицы, попробовав атаковать зонд, и выяснив, что он не отвечает на атаки, но и не проклёвывается и не сбивается вниз, даже если нападать стаяй, просто... отвяли. Что говорило.

И о некоем интеллекте, раз сделали логичные выводы. И о том, что непрошенных конкурентов за падаль, наверняка скоро появившуюся бы здесь, эти птицы не любят.

По периметру центральной площадки высились могучие, можно даже сказать, монументальные, толщиной метра в три-четыре, и высокие, в добрых двадцать метров, стены. Похоже, сложенные из бетонных глыб-блоков: в каждом таком «кирпичике», размером метр на метр на два, было, по прикидкам Джо, не менее пятнадцати-двадцати тонн. Ну а дальше, за этими стенами, начиналось собственно само странное сооружение: запутанный и, кажется, абсолютно бессистемно построенный, действительно — лабиринт. Из узких петлявших коридорчиков, прохо-

дов, перекрёстков-развилочек, тупиков и клетушек. Рассчитанный, кажется, уже только на людей: стены хоть и из таких же блоков, но не толще метра, и высотой — десять. Пол, как могли заметить напарники, и там и там был тоже — бетонным. («Подкоп не сделаешь!», как отметил в самом начале «изучения» Пол.) Джо же тогда буркнул, что на другом фундаменте такие массивные стены просто не устояли бы.

Однако никого во «внешнем» лабиринте сейчас не было. И пока приходилось довольствоваться пристальным изучением тварей, которые после того, как Мать приблизила картинку, предстали, так сказать, во всей неприкрытой омерзительности.

Наконец Джо проворчал, задумчиво пощкрёбывая подбородок:

— Если б дело не обстояло с точностью до наоборот, я бы сказал, что ситуация напоминает таковую из старинного фантастического романа и одноимённого фильма «Бегущий в лабиринте». Там группа как раз — людей, живёт и пытается разобраться в ситуации — в огороженной вот такими стенами центральной части сооружения. По описаниям в книге, и по тому, что видим — словно один в один скопировано оно отсюда.

И чтоб выбраться когда-нибудь всё же на свободу, люди засылают разведчиков в прилегающие и периферийные зоны за стенами. Для изучения и составления общего плана. Там, в стенах центральной зоны, имелись врата, которые открывались на определённое время. Ну а в собственно лабиринте — жили чудовища и монстры. Смертоносные, и непобедимые, поскольку адекватного оружия у людей не было.

— Здесь врата тоже есть. Целых четверо. И в центре, как мы видим, — Пол фыркнул, — монстры. Разные. Кстати, Мать. Сколько их там?

— Тридцать два.

— Между собой не дерутся. Значит, по-идее — будут драться с... Людьми? Гладиаторами? Но пока людей я вообще не вижу!

— Да, логики пока нет. Ведь если есть огромная «внешняя» часть катакомб, которая, насколько могу судить, раз в десять больше по площади, чем десять гектар центра, было бы понятней, если б в ней кто-то жил. Или хотя бы — находился. Или...

— Или они планируют — я имею в виду организаторов и строителей всего этого безобразия! — забрасывать людей сюда, как раз — в центр! И не по одиночке, а сразу — группами! А чтоб тем было куда скрыться, если б отряд потерпел поражение, организаторы могут открыть все эти врата, и дать народу разбежаться по норам и укромным уголкам! И затем следить, как там идёт охота на них! Причём охотятся — монстры! И

исход вполне предсказуем. Ведь недаром этот «внешний» лабиринт тоже обнесён ещё одной двадцатиметровой стеной! Сволочи.

Джо невольно глянул на эту наружную, тоже высоченную и толстенную, стену. Действительно: непреодолима: что для монстров, что для людей. И «врат» никаких в ней нет.

Странная ситуация. Как и вообще вся эта планета. Населённая только обычными животными: слонами-зебрами-тиграми-антилопами, и прочими мелкими и крупными травоядными и хищниками. Ну, и насекомыми: без них, вероятно, вымерли бы все те многочисленные и разнообразные растения, что имелись здесь на единственном, но гигантском, континенте. В центре которого, на пустынном и высокогорном каменистом плато, и был возведён тот самый лабиринт: квадрат полтора на полтора километра. Однако никаких признаков наличия Хомо сапиенса, как и следов его бывшего присутствия, не нашлось, даже когда Мать по приказу Джо просветила до глубины двадцати кэмэ толщу планеты гамма-сканнером.

Джо сказал:

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что тут мы имеем дело с самой банальной... Постановкой. Спектаклем. Шоу. А это — «декорации».

Какая-то, вот именно, супер-сволочь хочет снимать что-то вроде реалити-шоу, сталкивая каждый раз на вот этой, центральной, арене, разные, по разному вооружённые, и с разным числом участников-людей, отряды. Чтоб они дрались не на жизнь, а на смерть, с более-менее стандартным «набором» смертоносных монстров и чудовищ.

И готов поставить зубочистку против своей годовой выручки — этот «кто-то» — не человек.

— Ха! Ну ты странный. Или наивный. Мать: прошу зафиксировать! Я пари принимаю! Потому что я как раз наоборот — абсолютно уверен, что придумать такое гнусное свинство мог лишь — как раз человек! Всё то, что Джо столь красочно описал — как раз соответствует циничному и подлому подходу к подобного рода «шоу» — прямоходящих двуногих. С плоскими ногтями.

Да и описана была тысячу раз такая ситуация. В истории. И в тех же фантастических произведениях. И в фильмах... Ну всё, как в древнем Риме! «Хлеба и зрелищ!» И с тем, что за всем, что тут будет происходить, будут следить, и производить запись, я полностью согласен. Да даже мы сталкивались!*

*См. рассказ «Покоритель Мира и его окрестностей» в книге «Подкладка изнанки Ада!».

Джо почесал затылок. Ничего не скажешь: подловил его напарник! Но — слово — не воробей! Вылетит — не поймаешь! Сам предложил. Теперь остаётся уповать лишь на разгадку. Но...

Как её найти?!

Между тем внизу что-то явно стало происходить.

В центре арены, кишасей монстрами, вдруг открылся квадратный зев как бы шахты. Оттуда появилось облако, расходящееся в стороны, и возникший ветер поднял тучи пыли, разогнавшие щерящихся злобно чудовищ к стенам вокруг арены.

Облако рассосалось. На площадке лифта, вставшей вровень с поверхностью, остались лежать не менее ста...

Людей. К счастью — только мужчин. Джо не удалось сосчитать:

— Мать! Сколько их там?

— Девяносто шесть.

— Хм. И о чём это говорит?

— Ну, во-первых, о том, что кем бы ни были постановщики предстоящей баталии, исчисление они предпочитают вести в шестнадцатиричной системе. — Джо покачал головой. Пол возмущённо фыркнул — начала таять возможность выиграть нехилые деньги! — А во-вторых — что это количество явно подкорректировано в сторону увеличения по сравнению с предыдущей попыткой. Так как отряд даже не может встать плотно спинами друг к другу: их слишком много.

— А вооружение? Я правильно вижу: у них только копья, ножи, и мечи?

— Есть ещё и боевые топоры, и палицы, и клевцы. То есть — только то, что относится к классу «холодного» оружия. Защиты, даже элементарной, в виде кольчуг или панцирей, или хотя бы щитов — нет. Из всей одежды — ну, вы видите! — только набедренные повязки. И нет ничего «дальнобойного». Типа луков, или хотя бы пращей. Собственно, в последних смысла нет: пол бетонный, и камней нет.

— Понятно. Но почему они не встают? Ведь монстры уже пошли в наступление!

— Не волнуйтесь. Всё предусмотрено. Организаторами. Сознание на время переноса отключено. Сейчас они очнутся и встанут.

И действительно, люди вдруг поспешно вскочили. Затем, явно повинаясь чьей-то команде, встали в защитный строй: что-то вроде каре, с пустым пространством посередине. И Джо в который раз пожалел, что зонды у них не оснащены внешними микрофонами: всё дальнейшее происходило в полной, но от этого не менее зловещей, тишине!

Твари быстро достигли первых рядов, причём атаковали грамотно: со всех сторон, одновременно! Люди, оцетинившись рядом копий, отчаянно отбивались. На какое-то время сдержать порыв удалось. Но затем подоспела «бронированная техника» — огромные черепахи! Теперь силы оказались уж слишком неравны: черепахи и некоторые другие огромные монстры, а конкретно — носорого-тираннозавры, вклиниваясь в ряды обороняющихся, словно танки, пёрли вперёд! Они и весили поболее полутонны, и явно были как раз и предназначены проламывать людские линии обороны.

Ряды обороняющихся достаточно скоро оказались кое-где продавлены яростными атаками таких бронированных, и прущих прямо за ними в проломы остальных тварей, наверняка злых и голодных: их, скорее всего, долго не кормили. Потому что раненного, или поверженного наземь бойца монстры сразу оттаскивали в сторону от каре, и принимались кромсать и разрывать, глотая окровавленные оторванные или откусанные куски, ещё от живого, и бьющегося в агонии человека! Наверняка испускающего душераздирающие вопли!

А зрелище-то... Не для слабонервных! Джо покосился на издающего подозрительные звуки напарника.

И точно: позеленевший Пол вдруг ринулся в галюн, и тут же Джо услышал соответствующие звуки: напарника выворачивало наизнанку!

Джо вдруг «осенило»:

— Мать! По поводу «шоу». Отсюда, сверху — самая удобная точка. Для съёмки. А нет ли у нашего зонда — конкурентов?!

— Есть, разумеется. Целых шестнадцать штук. Эти дроны с видеокамерами торчали тут над ареной с самого начала. (Пол правильно сказал насчёт того, что всё будут снимать и записывать!) Но нашего зонда они не видят, — поторопилась объяснить и успокоить Джо их заботливая и прозорливая Хозяйка, — Во-первых, потому, что он выше их на целую милю, а во-вторых — потому, что у них нет видеокамер, обращённых вверх. Кроме того он защищён универсальным адаптивным камуфляжем.

И, похоже, наша оптика и программное обеспечение куда продвинутей: я перехватываю сигналы с этих дронов, и картинки с них сильно уступают нашей одной. Зато они могут снимать всё с разных ракурсов, и подлетать ближе, для крупных планов. Показать?

— Не надо. — Джо, сглотнув, заставлял себя продолжать смотреть на происходящее перед ним свинство, пытаюсь абстрагироваться. Но это удавалось плохо: кровь, отсечённые конечности, и вспоротые животы с сизыми петлями волочащихся по бетону кишок очень плохо способство-

вали спокойствию духа! — Значит, оптика и компьютерные программы у них слабее наших, а как же тогда они смогли построить всё это? Получается, строительная-то техника у них — получше?

— Нет. Получается, что весь этот комплекс для «гладиаторских боёв» построил кто-то другой. До них. А они — просто используют. Для, вот именно — съёмки. Реалити-шоу. Сам видишь: тут «постановочными трюками», как в кино — не пахнет. Всё — в реале! То есть — раз есть зрители, есть и те, кто готовит «шоу», отбирая преступников с соответствующим телосложением, обучая их владению оружием и элементарной тактике группового ведения боя. И выводит в каких-то инкубаторах-капсулах — и монстров. Взамен убитых.

Джо видел, как действительно: в тех местах, где людям, явно хорошо обученным искусству владения этим самым холодным оружием, удаётся занять удачные позиции, и действовать слажено — монстры падают, сражённые. И уже их кишки и конечности устилают бетон арены. Но к сожалению на большей части периметра каре происходило обратное: монстры явно брали верх! Вынуждая бойцов постоянно отступать, чтоб сомкнуть ряды, и чтоб хоть как-то продержаться и не дать отряд окончательно расчленишь, и добить поодиночке!

Но вот уже чертовски поредевшим рядам людей пришлось, опять-таки повинувшись чьему-то приказу, броситься бежать к ближайшим вратам. К которым они ещё в процессе битвы медленно отступали, и которые сейчас открылись. Монстры пытались перегруппироваться, но людям удавалось пока удерживать фланги и фронт.

— Смотри, Мать: они сразу стали отступать к вратам. То есть — уже имеют опыт? Получается — этот отряд получил какую-то информацию о предыдущих сражениях?

— Да, похоже именно на это. Но есть ещё вариант: те тела, у которых не будут сожраны головы, организаторы — восстановят. И вся память таких «реконструированных» сохранится.

— Тьфу, мерзость!

— Почему? Если вспомнить тот же Колизей, то и там гладиаторы имели возможность учиться на опыте других. И, если их не убивали в первом бою — на собственном. Ну а монстров явно никто не обучал. И у них — только инстинкты. Поэтому они и нападали хоть и очень яростно и агрессивно, но весьма бессистемно и неорганизованно. Что и позволило людям продержаться столь долго.

— Долго — это сколько?

— Девяносто девять секунд. До момента открытия врат и начала бегства туда, вовнутрь.

— И — что? Там, в лабиринте... Их ждёт спасение?

— Вот уж вряд ли. Но особо сильно расстраиваться, как я вижу по твоей энцефалограмме, не нужно. Поскольку наверняка все эти люди — преступники. И приговорены к смерти. И те, кто подлежит восстановлению, наверняка приговорены к «многократной» казни!

И поскольку всё это сооружение построено как раз для такого рода «Шоу», там, скорее всего, хитрые и смертельные ловушки, тупиковые маршруты, и неизбежная смерть от монстров, преследующих тех, кто пока спасся. Обоняние тварей явно на уровне: не спрячешься.

А ещё я думаю, что уж больно подозрительно всё это.

— Что?

— Ну, то, что на планете нет Хомо сапиенсов. И что у наших друзей, завезших сюда монстров и людей — явно слабая и примитивная строительная техника. Поэтому запустила я ещё два зонда — облететь лабиринт со всех сторон. А пока предположу с вероятностью в шестьдесят два процента, что этот Лабиринт, эта «крепость» — построена здесь специально. Как раз для чего-то именно такого. (Ну, как построен Ангар для «испытаний». Там, на планете «Того-кто-тебя-испытывает»*)

*См. рассказ «Остаться самим собой» в книге «Изнанка Ада!..»

И сейчас это сооружение...

Сдано в аренду!

— Вот тебе и здрасьте! — Джо оказался действительно удивлён, — И кто же его арендовал? И кто — сдаёт?!

— Нашла я на внешней стене «инструкцию пользователя». Вот, — на экране возникла огромная толстенная таблица из настоящего золота, с вырезанными на поверхности знаками, очень напоминавшими самые обычные... Буквы! — «Арендovala» наш Лабиринт цивилизация с уровнем развития примерно соответствующему земной, в двадцать первом-двадцать втором веке. То есть — есть вполне развитая биотехнология, позволяющая и клонировать и восстанавливать тела людей, и создавать генетических мутантов: чудовищных химер.

А ещё можно сказать, что правят у них — олигархи. Соблюдая видимость демократии, и показывая, что ждёт бунтовщиков и преступников. Подкидывая бесправному и наверняка чипированному во избежание «безобразий» народу, вот такие, и разные другие, шоу. Викторины. Плюс футбол, хоккей, и т.п. игрища. Ну и, понятное дело, золушкообразные и слезовыдавливающие женские сериалы!

Ну а сдала сооружение...

Цивилизация постарше. И посолідней. Имеющая возможность ре-монтировать и содержать в порядке это самое сооруже-ние.

— А озадачила. Но сейчас проблема, как мне кажется, в другом. Со-гласно нашему законодательству, — на этих словах Джо из туалета вы-шел всё ещё задыхавшийся и взъерошенный Пол, — мы не имеем права вмешиваться во внутренние дела цивилизаций людей Разумных. Прав-да, не сказано: можно ли вмешиваться, если планета, как вот здесь, принадлежит не им?

Мать. Как трактуется наш Закон в данном случае?

— Федеральное законодательство не оставляет нам никаких лазеек. Всё чётко оговорено в параграфе 3. 56. Части а-т. Даже если люди на-ходятся на чужой планете, на чужом корабле, или вообще — в космосе, вступать в контакт, или, тем более, «вмешиваться», имеют право только уполномоченные чиновники: представители Флота, или Колониальной Администрации, или уж — Федерального Правительства!

— То есть, поубивать со злости за издевательство над людьми мы никого не можем?

— Нет.

— Ну понятно. — Пол снова плюхнулся в кресло штурмана, — А что же мы можем сделать? Для этих несчастных? — он ткнул пальцем в гор-стку выживших, сейчас со всех ног улепётывающих по узкому тёмному и извилистому проходу от ломанувших за ними чудовищ. Пока люди были быстрее: монстров сдерживала ширина прохода, вынуждая самых рети-вых тварей мешать друг другу.

— Если не нарушать наше Законодательство, то — ничего.

— А если... нарушать?

— Если нарушать — так можно попытаться добраться до тех, кто приватизировал эту планету и права на неё, и построил само сооруже-ние. Хотя сам — не использовал! А лишь предоставлял возможность ис-пользовать — другим. Не бесплатно, разумеется!

— Идея не кажется мне плохой. И те, кто всё это построил, наверня-ка кайфуют вдвойне: наблюдая и за боями, и за теми, кто их организо-вал и снимает! То есть — как в анекдоте про бордель: подглядывание за подглядывающими! Так что для начала переведи-ка ты нам то, что записано в чёртовой «инструкции».

— Без проблем. «Предупреждение. Сооружение предназначено для проведения единоборств, спортивных, и зрелищных «шоу». (Это я так перевела то понятие, что здесь обозначает «прямой репортаж с места сражений и убийств».)

Врата и лифт управляются из Центра управления, расположенного в каземате на стене у арены. (Вот: полюбуйтесь! — на экране возникло небольшое, в ширину — как раз в три метра, и в длину — двадцать, при высоте всего в два, прямоугольное помещение, действительно пригнувшееся, словно некий зловещий нарост, как раз над одними из врат.)

Для приведения комплекса в действие необходимо загрузить не менее пятиста грамм элемента с атомным номером 235 в приёмную ёмкость в углу Центра управления. Время работы комплекса после этого будет составлять два полных оборота планеты вокруг центрального светила.

Загрузка сражающихся в Комплекс, и оснащение его аппаратурой для съёмок и видеозаписи — целиком на арендаторах».

Мать замолчала, Пол развёл руками:

— И — всё?!

— И всё. Никаких других подробностей или пояснений нет. Очевидно, строители рассчитывали, что раз уж Раса вышла в космос, и достигла этой планеты, методику работы Комплекса они уж как-нибудь расшифруют и освоят и сами. Ну а — принимать ли условия Владельцев собственности, или — нет, решить должны тоже сами потенциальные арендаторы.

— Ну, я смотрю, тут с этим проблем нет. Решение принято. И они загрузили в «куда-то-там» полкило урана. А, кстати: нельзя ли нам запустить микропа — туда? В «Центр управления»?

— Запросто. Второй зонд как раз совершил посадку на его крыше.

Пол с подозрением взглянул на центральную консоль пульта:

— Ты заранее знала, что мы об этом попросим?

— Разумеется. Однако посмотреть, кто же там наблюдает за происходящим, и открывает-закрывает врата, и активирует ловушки, интересно и мне. А то стекло в этом каземате — односторонне прозрачное. Видать, с покрытием из титана. Так — что? Запускаю?

— Действуй!

— Но открыть самую банальную бронедверь незаметно для тех, кто внутри, не смогу. Придётся впустить его туда через вентиляционное отверстие.

— Ну и ладно. В чём заминка-то?

— Заминка в предохранительной решётке из титана. И сетке от насекомых — из него же. И в вентиляторе с лопастями из него же. Правда, работающего не от электродвигателя, а от ветрового агрегата, — Мать вывела на центральный экран хитроумную схему, где привод этого са-

мого вентилятора, расположенного в почти полуметровой в диаметре шахте, проложенной в толще бетонной стены, осуществлялся через систему валов и шестерёнок, приводимых сравнительно небольшим действовительно — ветродвигателем, расположенном над этой трубой на крыше. Лопasti вентилятора как раз вращались, вытягивая «использованный» воздух из помещения.

— Какая сложная и идиотская система! — Пол покачал головой.

— А вот и нет. Поскольку все детали тоже из титана, а вместо смазки используются углепластиковые вставки, она практически — вечная. И ветер, в отличие от солнца, есть всегда! И днём и ночью.

— Погоди-ка. Если есть вытяжное отверстие, значит — где-то есть и входное. Внизу, у пола, не смотрела?

— Смотрела разумеется. Но там нет отверстия как такового. А есть система трубок, тоже, кстати, оснащённых решётками и сетками. — на экране возник как бы — пакет из этих самых трубок, с диаметром около дюйма. И было этих трубок не менее ста.

— Зачем им там так много трубок, и такой большой выходной зев? Ведь внутри может поместиться не более пяти-шести... Ну — десяти диспетчеров или операторов?

— А как же надёжная вентиляция для отвода тепла от компов, мониторов, серверов, и прочей аппаратуры?

— О! Н-да. Кстати, Мать! Эту аппаратуру они ввезли сюда сами?

— Разумеется. И видеокамеры, и дроны, и камеры в самом Лабиринте, и компьютеры и видеонакопители и прочую электронную компоненту арендаторы привезли сами. Наверняка до того, как загрузили уран. И, очевидно, всё это всё равно вышло им гораздо дешевле, чем если бы такое сооружение они строили сами.

— Ладно, понятно. Но через входные трубки микроп явно не пролезет.

Значит, остаётся только как-то затормозить вентилятор, и вскрыть решётки и сетку! Вскрыть, конечно, аккуратно! — Мать при этом замечании только возмущённо фыркнула, — Правда, как это сделать, чтоб не засекли те, кто внутри?

— А очень просто. Сейчас я высадила там же, на крыше, второго микропа со второго зонда. И зонд манипуляторами придержит лопасти, пока первый микроп будет залезать внутрь, и вскрывать решётку и сетку, после чего второй пролезет внутрь. Впрочем, нет: я введу их туда — обеих. Так, для подстраховки. Ну, и стерео-картинки.

План сработал: второму зонду в момент затишья ветра удалось отловить и зафиксировать одну из лопастей, микроп же в этот момент осу-

ществил «прорыв». И вот малыш-крабик внутри! За ним залез и второй: пошла стерео-картинка, сразу синтезированная и улучшенная Матерью. Видно теперь действительно было куда лучше, чем с одного микропа. Лопасть освободили, и действительно тёплый — на пять градусов теплее окружающего! — воздух снова стал выводиться из помещения.

Но вот крабики и вылезли из зева трубы. Картинка внутренности помещения пошла. Те, кто сидели за огромным, во всю длину помещения, пультом, даже не обратили внимания на перерыв в откачке тёплого воздуха: явно здесь и раньше случались такие перерывы в вентиляции. Разумеется, это были люди.

Пол довольно потёр руки, не скрывая плотоядной улыбки:

— Порядок! Теперь мой заработок за этот год увеличился ровно вдвое!

— А не спеши так с выводами, дорогой. — Джо хмыкнул не без ехидства, — Мы ещё не выяснили, кто на самом деле построил весь этот комплекс. И, поскольку он словно специально предназначен как раз для — людей, наверняка его создали — как раз нелюди!

Для изучения мерзких и кровожадных наклонностей и сволочной натуры прямоходящих двуногих! На определённом этапе их развития. То есть — когда в космос вышли, но ещё не изжили до конца из глубин души злобную и примитивную обезьяну!

— Ага. Уже прогресс. — Пол кинул на напарника ехидный же взгляд, — А раньше ты бы точно сказал: «Спорим на новый зонд против дохлого таракана, что тут-то — я прав!»

Джо усмехнулся:

— Я, конечно, прав, но подтвердить это мы можем только когда реально увидим этих самых создателей. Но здесь на орбите пока только корабль тех, кто привёз людей и монстров. А от него мы скрылись за нашими «сверхпродвинутыми» экранами. И их планета мне лично — неинтересна. Тираний мы наблюдали достаточно. А оригинальных артефактов там точно не будет!

Мать! Как нам добраться до чёртовых создателей? Или... — он глянул на напарника, — Или мы хотим вначале досмотреть, чем здесь кончится дело?

— Н-нет. Мы не хотим. — Пол оторвал взгляд от десяти «операторов», напряжённо всматривавшихся в многочисленные мониторы перед ними, и что-то на пультах перед собой включавшие-выключавшие, — Никакого смысла смотреть, как будут уничтожать очередную партию гладиаторов, пусть и убийц и насильников, у меня лично — нет!

— Тогда Мать. Пусть микропы пробегутся по потолку, и снимут всё, что можно тут отснять. Потом, на досуге, разберём. Ну и затем — пусть зонд снова подержит эту лопасть, а наши малыши — вылезут оттуда. И всё обратно заварят.

Чтоб уж следов не осталось!

— Без проблем. За полчаса зонды с манипуляторами всё снимут, вылезут, заварят решётки и сетку, и ликвидируют все следы. Ещё за десять минут я верну их на «Каракатицу». И ещё около двух суток придётся прыгать в форсированном режиме, чтоб добраться до места, где, по моим прикидкам, и базируются создатели всего этого безобразия.

— — А можно обойтись без форсированного режима? А то у меня от него... — Пол скривился, словно съел лимон, — плохо усваивается пища!

— Можно. Тогда — четыре дня.

— Устраивает. Действуй. Мы пока как раз пообедаем.

Взгляд, которым Пол наградил напарника после этих слов, дружелюбным и приветливым назвал бы только боевой верблюд. С Ламмии — 2. Но Джо взглядами было не пронять.

После обеда они вернулись в рубку. Джо попросил:

— Мать. Пожалуйста, выведи на монитор запись, сделанную микропами в Центре управления. И прокомментируй.

Если честно, почти ничего нового они не узнали. Мониторы, завезённые арендаторами, в количестве шестидесяти четырёх, показывали то, что передавали ими же завезённые камеры. В количестве восьмиста девяноста двух расставленные и развешанные по всему пространству «наружного» лабиринта. Сейчас работали лишь те, на которых хоть что-то происходило: бегство крупным планом. Точнее, это оно полтора часа назад происходило: когда этот репортаж был прямым...

— Вот это — панели с кнопками и переключателями, для управления съёмками. Их арендаторы изготовили сами, под «стандартные» отверстия, имеющиеся в столе пульта. Стулья они тоже завезли сами.

Как и холодильник с напитками. Работающий на аккумуляторах. А кстати — здесь всё оборудование работает от генераторов на дизелях, тоже завезённых арендаторами же. От строителей-создателей тут работающего — только вот эти восемнадцать кнопок, — Мать вывела их изображение в центр, — Вот эти восемь: верхний ряд — открывает врата. Нижний — закрывает. Вот эти — активируют лифт. — Мать поморгала изображениями, — А вот эти — активируют ловушки. Ловушки работают

сами. Автоматически. Так, как запрограммированы строителями-создателями.

— А молодцы. Гоните, называется, полкило урана, а мы вам — «целых» восемнадцать кнопок в распоряжение!

— Всё верно. Вот чтоб устройства Лабиринта работали, полкило урана и нужно. А то как бы эти приводные механизмы функционировали? Вот: как раз одна из ловушек сработала.

На изображении монитора, укрупнённом Матерью, возник один из коридоров, в бетонном полу которого вдруг открылся люк, до этого абсолютно незаметный, и туда провалилось три человека, бежавших впереди! Правда, картинка даже после компьютерной обработки Матери оставалась не слишком чёткой: как на старинном видеоманитофоне: полосы развёртки монитора было отлично видно, как и точки пикселей. Однако ужас и отчаяние людей, что падающих, что бежавших за ними, заметно было отлично. А тут ещё подлетел один из дронов, и показал внутренность колодца: упавшие оказались насажены, словно экзотические бабочки в коллекции энтомолога, на острые тонкие штыри-колья, устилавшие всё дно колодца на глубине около десяти шагов!

Вот теперь Джо порадовался, что на микропах тоже нет микрофонов: наверное, душераздирающие крики пробрали бы до корней мозгов!

Пол, держась обеими руками за рот, и побледнев, спешно отвернулся от экрана. Джо, хотя и чувствовал, что только что съеденному обеду там, в желудке, не комфортно, успел сказать:

— Переключи!

Картинка сменилась: теперь перед камерой оказался другой коридор, по которому бежала другая группа выживших. На высоте метра от пола вдруг возник некий огненный луч-лезвие: те, кто успел поднырнуть или перепрыгнуть, остались целы, но одного из зазевавшихся, раненного, как раз оглядывавшегося на преследователей, разрезало на уровне пупка — нижняя половинка с ногами ещё какое-то время бежала вперёд, но потом грохнулась, уливая равнодушный бетон кровавыми потоками! Зато одна из тварей, мчавшихся за людьми — как раз помесь носорога с тираннозавром! — оказалась располовинена ещё лучше: тут кровящи вытекло буквально море! Остальные монстры ломанули назад!

Джо прочистил горло, чтоб голос не дрожал:

— Методика действия ловушек понятна. А вот откуда столь подробное воспроизведение происходящего? Микроп же, вроде, уже на борту?

— Абсолютно верно! Но! Я не могла не подумать о вашем (И моём!) хроническом любопытстве!

Первый микроп оставил по центру помещения, на потолке, нашу мини-камеру. Портативную. Ту, что размером с напёрсток. С неё я и вела и веду записи. С изображений всех мониторов. А поскольку мы всё ещё на орбите, видеосигнал доходит всего за четверть секунды.

— Так, понятно. — Джо подумал, что их Главный Компьютер как всегда всё продумал. И предусмотрел. И позаботился о сборе «Экспериментального материала». Для возможной последующей продажи в Нью-Йоркский Университет ксеноистории и социологии. Пусть небольшие, но — деньги. Поскольку «нарить», а тем более — разжиться в этой системе и на этой планете точно — ничем не удастся! — Но не засечёт ли нас здесь, на орбите, их корабль? По сигналу с этой камеры?

— Нет. Из кораблей у них здесь только ретранслятор и транспортник. А у них нет задачи отслеживать, что происходит в окружающем пространстве. А и была бы: трансляция идёт по закрытому и необнаруживаемому каналу — мы, всё-таки — продвинутые!

А те — всего-навсего — полуавтоматы. То есть — один просто доставляет, операторов, гладиаторов, и монстров, а другой — просто ведёт запись всего, что ему передают операторы из Центра управления, и накапливает на флэш-носителях. Которые, когда всё закончится, заберёт прилетевший с родной планеты арендаторов, корабль. А уж он отвезёт всё снятое в Студию на этой самой планете. И тамошние Олигархи и Большие Боссы от Тиви обсудят, что можно показывать, а что — нет. И потешат своих рабов. Новым смертоносным шоу. Показывающим, чем чревато нарушение Законов, и банальное гражданское неповиновение!

— Спасибо за чёткое и доступное изложение. — Джо побарабанил пальцами по поверхности пульта перед собой, — И как часто их корабли привозят очередную партию заключённых, и увозят записи?

— Точно сказать невозможно. Это зависит только от того, сколько продержатся гладиаторы. С учётом этого, а так же «очистки» Лабиринта и его ловушек, таких партий, думаю, может быть не больше, чем двести в месяц. И, как я уже указывала, поскольку они пользуются шестнадцатиричной системой исчисления, скорее всего такие шоу выпускаются в эфир как у нас: в прайм-тайм, каждый уикенд. То есть — по-нашему — как раз дважды в месяц. А поскольку эта цивилизация уже владеет методикой гиперпереноса, проблемы с «долгой доставкой материала» у них нет. Их система всего в двадцати двух прыжках.

— Ага. Ну хорошо. — хотя Джо прекрасно понимал, что ничего хорошего в происходящем нет, и уже знал, что дома, на Земле, об этой планете, и её Лабиринте знать уж точно не надо, но продолжил, — Ну а те-

перь подстрахуемся: запусти режим самоуничтожения камеры, и полетели. К строителям-создателям.

— Сделано. Вылетаем.

Путь до места «обитания» создателей занял действительно чуть больше четырёх дней: Мать объяснила, что пришлось сделать небольшой «обход», чтоб не попасть под вспышку сверхновой.

Но если Джо надеялся, что «гады» обитают на какой-то планете, ему пришлось разочароваться: те жили прямо в космосе. Вольготно располагаясь на орбите у светила. Напоминали они гигантских — с пару миль в длину! — червей-нематод, и амёб диаметром в милю, и даже инфузорий-туфелек... Были полупрозрачны, и смотрелись в космосе, если честно, так же уместно, как папа Римский — в сексшопе.

Мать объяснила, что «эти существа настолько продвинуты, что могут принимать любую внешнюю форму, и усваивают излучение нужной им длины волны прямо кожей!»

Однако относительно метаболизма и интеллектуальных способностей сказать оказалось невозможно ничего:

— Их же не вскрыешь! А облучение гамма-сканнером они могут воспринять как агрессию с нашей стороны!

— Да уж... — Джо невольно сплюнул. Уже мог себе представить ответ на его очередной вопрос. И точно:

— Нет. Уничтожить нашими ракетами, даже термоядерными, мы их не сможем. Хотя бы потому, что они их сразу отследят, посчитают и это за агрессию с нашей стороны, и уничтожат. И ракеты и нас.

— Тогда почему они нас не трогают сейчас?

— А потому, что не видят пока опасности или проблем с нашей стороны. А то, что мы появились в их системе — им наплевать. Тут до нас наверняка появлялась не одна гуманоидная раса! Вон: я вижу за поясом астероидов целых три корабля!

— В смысле — три корабля?! И почему же они не... Улетают домой?

— А потому, что с вероятностью девяносто два с половиной процента, пытались как-то, вот именно, уничтожить наших друзей-червей. И, с вероятностью в семьдесят три с половиной процента их расы тоже были как-то... Обижены червями. Или — их проделками.

Влез Пол. Как сразу понял Дож, тому уж очень не хотелось расставаться с зубочисткой:

— А как ты определила, что это именно эти черви-амёбы построили, ну, или создали этот... Лабиринт? И как они его построили? У них же нет никаких рук-ног-щупалец! И никакой строительной техники!

— Щупальцев и рук нет, это верно. Да они в них и не нуждаются. Поскольку явно могут воздействовать на окружающий мир так же, как наш эгоистичный гад.* Поскольку владеют телепортацией и телекинезом.

*См. рассказ «Эгоистичный гад» в книге «Изнанка Ада!..»

А насчёт строительной техники... Это сейчас её нет.

Строительная техника за ненадобностью была вся распылена на атомы по окончании строительства. Которое, кстати, вели люди! Но не те, что сейчас арендуют Лабиринт, а — наши. Земляне. И оттуда же, кстати, и была перенесена эта самая техника.

— Мать?! Что за чушь?!

— Вовсе не чушь. Не забывайте: я могу сложить два и два. И если в моём архиве есть информация о том, что в самом конце двадцать первого века из пустыни Негев таинственным образом пропали одновременно три строительных подразделения, занимавшихся прокладкой огромной трубы для орошения земель этой пустыни, прямо со всем персоналом и тяжёлым и дорогим оборудованием, теперь я могу вычислить, куда они делись. И чем занимались.

А занимались они строительством Лабиринта, после чего их, согласно моим данным, отправили по домам, стерев память: согласно тем же архивам все строители вернулись к семьям спустя три года после пропажи, но не могли объяснить, где были и что делали. Даже под гипнозом. (В-принципе — вполне гуманно. А ведь черви — создания практичные и циничные. Так что могли и ставших ненужными людей тоже — того. Распылить!) Однако!

При каждом строителе имелся слиток золота в пятнадцать кэгэ. «Заработанный».

— Прикольнo. А я даже не слышал про такую историю.

— Я тоже. Но я ничуть не удивлён. Потому что это было шестьсот лет назад. А мы иногда чихали и на то, что было в прошлом году.

— Значит, и Лабиринт, и все его примочки, прибамбасы, и ловушки — продукт «земных технологий»?

— Не всех, но — большинства.

— То-то я смотрю, как-то уж очень всё близко, знакомо, и почти привычно. Словно попал на съёмки как раз — голливудского фильма. Но почему они строили именно — Лабиринт? Ведь чёртовым червям-амёбам он абсолютно не нужен?!

— Думаю, ответ на этот и другие вопросы мы найдём на тех самых кораблях за поясом астероидов. Потому что один из них — точно земной.

— Ух ты! Откуда узнала?

— Могли бы и сами догадаться, откуда. Зонд послала.

— Умничка ты наша. Вот за что тебя люблю — так это за трогательную заботу о наших задницах. В смысле — как бы они без спросу куда не надо — не влезли!

— Это неправда. Я стараюсь только обезопаситься от внешних угроз. А вы всё возможное делаете для того, чтоб уже самостоятельно найти неприятности и приключения. На то место, которое ты указал.

Джо заржал. Пол надулся. Джо сказал:

— Здорово она тебя уделала. Но поскольку мы всегда норовим ещё и найти ответы на вопросы, и разрешить загадки и раскрыть тайны, деваться некуда. Полетели!

Полёт занял полтора часа: шли на планетарных движках, чтоб не прыгать внутри системы, и не напороться на какой-нибудь космический мусор.

Корабли не разочаровали. Для этой системы они были точно — инопланетные. То есть — прибыли издалека.

Один действительно оказался «земного» типа — такими какой-то древний миллиардер пытался осваивать Марс и прочие астероиды.

Два других выглядели непривычно, вероятно потому, что летали на них явно не люди: как объяснила Мать, из обеих посудин через гигантские проломы-дыры вытекла... Вся вода!

— Гидроиды, значит?

— Да.

— Не интересно. — Джо пожал плечами, — с артефактами таких мы уже сталкивались. Ну и ничего путёвого тогда не нашли.*

*См. рассказ «Кубики и погремушки» в книге «Разумная раса № 843».

— Неправда. Кое-что нашли такого, что даже продали!

Джо только фыркнул:

— Мелочи! Поэтому предлагаю начать с нашего корабля. Он же тоже наверняка числится каким-нибудь... Пропавшим! Мать?

— Действительно, в 2079 году один из кораблей, везущий продукты и кислород колонистам Марса, таинственным образом исчез. И не найден до сих пор. (Ну, вернее, это теперь он — найден! Нами.)

— Вот и отлично. И — почти без сюрпризов. Даже не будем выпускать челнок. Подлетим к этому седому ветерану прямо на «Каракатице».

Джо оказался неправ, как он сам признал позже.

Сюрпризы нашлись.

На корабле, после того, как манипуляторы Матери помогли вскрыть внешний люк, и напарники уже сами справились с внутренним, обнаружился один труп. Самого обычного человека. Космонавта.

Сидел он в кресле капитана, перед пультом управления крохотным корабликом, и выглядел как иссохшая мумия древнеегипетского фараона. То есть — омерзительно. Но Джо осторожно протянул руку и забрал то, что явно могло помочь им в понимании того, что здесь произошло, и как этот несчастный попал в эту далёкую систему.

Дневник. Ну, или — бортовой журнал.

Чернила шариковой ручки сильно вылиняли за шестьсот лет, и почерк у писавшего был отвратный, но Мать сказала, что сложностей для неё в расшифровке нет никаких. Так что когда Джо закончил перелистывать шуршащие ломкие страницы, заботясь лишь о том, чтоб они попадали в поле зрения его наплечной камеры, их Главный компьютер подытожил:

— Ну вот. Теперь у нас есть действительно — ответы. На большую часть наших вопросов. Вам читать подряд, или только — пересказать суть?

— Давай — вначале с начала.

— Хорошо. Начинается дневник 31 августа 2079 года.

«Меня зовут Джордж Харрис. Я астронавт космического корабля «Стар шипс» № 97. Как мне кажется, я должен записать, что со мной случилось. И продолжать записывать основные моменты того, что происходит. Пока всё произошедшее свежо в памяти. Чтоб всё было максимально объективно, и точно. Как для себя, так и для возможных спасателей.

Хотя кого я обманываю: какие на ...рен спасатели: я в пятнадцати с чем-то там (Цифру мне назвали с точностью до трёх знаков после запятой!) тысячах парсек от Солнечной системы, как мне «любезно» объяснили похитившие меня. А я даже не знаю, для чего на самом деле они это сделали. Потому что их объяснение — что якобы им нужна моя консультация! — выглядит неубедительно. А началось всё так.

Мой корабль вместе со всем, что было на борту, и мной, мирно и спокойно летел к Марсу, и до него было не более двух суток лёту. И вдруг мой «Шипс» словно нырнул в чёрный тоннель: свет пропал, и посудину тряхнуло! После чего мне стало больно: сильно давило на уши и глаза, и на грудь словно сел слон! Я стал задыхаться!

Но длилось всё это не больше нескольких секунд. И вот я — в совершенно незнакомом месте, хотя вокруг тоже имеются звёзды. Только вот не складываются они ни в одно знакомое созвездие.

А тут ещё прямо в голове зазвучал чей-то голос. Женский. Приятный и спокойный. Он сказал буквально следующее: «Джордж Харрисон, уважаемый житель планеты Земля. Мы позволили себе на время забрать вас из вашей солнечной системы, потому что нам нужна ваша консультация. Консультация эта связана с гуманоидами, во всём подобными вам, Джордж, и находящимися примерно на той же стадии эволюции и технического прогресса.

Поскольку голос смолк, я, от души ущипнув себя за ляжку, и зашипев от боли, убедился, что не сплю. И ощущая себя последним идиотом, спросил. Вслух:

— Если вам нужна консультация о других гуманоидах, почему вы не спросите одного из них?

— Потому что нам нужно мнение независимого эксперта. Из другой расы. И планетной системы. И пусть оно будет не абсолютно объективным, и не совсем беспристрастным, зато — альтернативным тем мнениям и консультациям, которые мы уже получили именно таким путём, как вы предложили, уважаемый Джордж. И, кстати, вам не обязательно говорить вслух. Достаточно подумать ответ.

Я отлично помню, что тогда говорилось, и что я тогда подумал. Телепаты!!! Да ещё могущие переносить людей и корабли прямо сквозь «кротовые норы»! «Продвинутые»!!! И уж от них-то точно — ничего не скроешь! И не обманешь... Ну, если вдруг возникнет необходимость как-то... Выгородить собратьев-гуманоидов!

— Совершенно верно, уважаемый Джордж. Высказать заведомую неправду, или, как вы её называете, ложь, не получится.

Я тогда невольно возмутился — и подсознательно, и сознательно: а где же она, пресловутая «свобода»? И свобода выбора. И демократия!

— Судя по исследованиям наших учёных-социологов, ничего этого вашим собратьям-гуманоидам в исследуемой нами сейчас системе не нужно. Они абсолютно добровольно отдали себя под власть тоталитарного и жёсткого режима. Говоря в понятных вам терминах — они под игом Тирана. Или Хунты.

И хотя попадают иногда случаи неповиновения и протестов, основная масса людей — мы это видим, потому что легко читаем и в их головах! — вполне довольна стабильностью и материальным достатком, имеющимися в этом всепланетном Социуме.

Я тогда едва успел подумать, что это чушь, и тут же пришёл ответ:

— Да, здесь все страны оказались завоёваны Первым Императором, и сейчас везде — единый язык, единый строй, единая система управления, и продуктовых и товарных карточек. И единое пространство теле вещания. Государственного.

И вот по поводу этого самого теле вещания мы и хотели с вами, уважаемый Джордж, проконсультироваться.

Разумеется, мы понимаем, что вот так, сходу, не изучив все тонкости и специфику, ответить на вопросы, интересующие нас, невозможно. Но мы подготовили ознакомительный «ролик», этакий «обзор» всех каналов. А они тут носят преимущественно развлекательный характер. Поскольку Император не без оснований считает, что никаких «новостей», или катаклизмов, или социальных потрясений в его стабильном Обществе быть не может. Все работают, все счастливы, всем есть где жить и что кушать, и что носить.

А теперь, если не возражаете, мы вам краткий как бы — реферат всех этих развлекательных передач покажем.

Не успел я спросить, как они это сделают, у меня в глазах снова потемнело, а затем вдруг возникла картинка: цветная, объёмная. Со стерео-звуком! И понеслось!

Как мне думается, они всё же как-то воздействовали на моё сознание: гипнозом, что ли. Или ещё каким-нибудь образом. Потому что когда всё закончилось, я автоматически снова кинул взгляд на хронометр на приборной доске: прошло всего три минуты!

А я словно несколько часов провёл перед экраном... И запомнил почти всё показанное — ну так: профессионал же! С тренированной на всякого рода «мелочи» и «детали» памятью.

Ну что могу сказать.

Были там всякого рода конкурсы. Где нужно было решать бытовые и логические задачи. И победители получали доп. пайки и карточки на товары и одежду. Были и спортивные соревнования, где все бегали, прыгали, и метали всякие снаряды: кто дальше, или толкали штанги — кто тяжелее — с теми же призами. А были и «шоу скандалов» — когда кто-то с кем-то разводился. Или наоборот — женился... Тут призы распределялись по зрительским опросам.

Ну а больше всего было передач про то, как приготовить вкусную еду из того не слишком разнообразного, хоть и богатого калориями ассортимента, что полагался по карточкам. И как затем похудеть. В случае переедания. Чтоб снова влезть — в полученную по карточкам же типовую — для мужчин! — и нескольких вариантов — для женщин — одежду.

Были и другие передачи, про природу, охоту, рыбалку, и прочие такого типа. Но не имелось ничего такого, что было, скажем, у нас в Древнем Риме, или позже, в наших жёстких и жестоких играх, вроде боёв без правил, боевых единоборств, или гладиаторских боёв, или бокса, или, скажем, такого, что показывалось в наших фильмах фантастики: про то, как люди друг друга изобретательно и коварно... Убивают.

Что меня несколько удивило: ведь именно жёсткие и жестокие «шоу» пользуются у мужской, и у определённой части женской аудитории, огромной популярностью, позволяя сублимировать подсознательную агрессию — в безопасные формы: болея за «своих»!

И самое подлое — едва я вспомнил о старинном фильме «Бегущий в Лабиринте», и то, как группа подростков пыталась там выжить, и спастись от монстров, у меня в голове снова зазвучал голос:

— Благодарим за помощь, уважаемый Джордж. Этих ваших воспоминаний нам вполне достаточно.

— Вы хотите сказать, что получили свою «консультацию»?!

— Именно.

— И... Что вы теперь собираетесь делать?

— Не видим смысла скрывать. Мы построим Лабиринт, подобный тому, что имеется у вас в памяти, с монстрами и смертоносными ловушками, и будем сдавать его в аренду руководству этой планеты. С её тоталитарным режимом.

Предложим и возможные варианты его использования, места наилучшего расположения видеокамер и микрофонов, и даже типы и виды монстров, которых можно было бы, например, сталкивать в гладиаторских боях. Друг с другом. А затем — и с... Преступниками! Или бунтовщиками.

А репортажи таких схваток, разумеется, прошедшие цензуру, подготовленные и смонтированные, Император мог бы показывать зрителям телевидения. Государственного, всепланетного. Преследуя свои цели — а именно, на более качественном и зрелищном уровне отвлечь всех от ненужных мыслей. Например — о «свободе». А преступников и бунтовщиков — предостерегая от возможных выступлений и протестов.

Кровь бросилась мне в лицо: это я заметил в отражении его в зеркале сбоку пульта! И чувствовал я себя, с минуту, или больше — отвратительно! Не знаю, расшифровали ли мои эмоции эти гады, «нуждавшиеся в консультации», но они пока помалкивали. А я — думал. И было мне, ох, стыдно!!! И мерзко!

Получается, я, пусть и сам того не желая, обрёл на мучительную смерть целую кучу ни в чём не повинного народа! Точнее — ну как — неповинного...

Конечно, кормить даром за государственный счёт всех этих насильников и убийц смысла особого нет. Но бунтовщики-то!..

Они же нормальные. Только «идейные».

Но пришлось у моих «притихших» друзей спросить. Пусть и «мысленно»:

— Для чего вам всё это нужно?

— Мы — социологи. В какой-то степени. В твоём языке и мозгу нет подходящих определений, чтоб мы могли объяснить, а ты — понять. И нам, как абсолютно чуждым присущей вашим расам ментальности, интересно изучать вас. В критических обстоятельствах. Ваши мысли, реакции, эмоции. Боевые навыки.

И, разумеется, мы тоже любим «шоу».

Джо стиснул челюсти: что-что, а понять «мысли и эмоции» невольного «консультанта» Джорджа Харриса, он вполне мог. Только вот...

Сделать с гнусными «социологами» ничего нельзя!

И они явно продолжают и собираются продолжать свои «исследования» и наблюдения!

— Мать. Нам, в-принципе, всё понятно. Дальше читать не нужно. Просто перескажи суть. И скажи, почему он остался здесь.

Только — своими словами. — Джо вовсе не хотелось читать или слушать подробно — о предсмертных муках, или душевных терзаниях, которые наверняка испытывал насильно вырванный из родной среды, и нагло и цинично обманутый древний космонавт.

А в том, что он их испытывал, и довольно долго, сомнений не имелось.

Потому что кончался дневник-журнал только двадцать девятого мая следующего года.

— Хорошо. Вот суть.

Он сам не захотел. Возвращаться. Рассказав, а точнее — вспомнив об этом фильме, и поняв, что идея действительно понравилась его почитателям, и они принялись рьяно воплощать её в жизнь, он...

Стал терзаться жуткими угрызениями совести!

Потому что понял: никто, как было в книге и фильме, помещаемых в Лабиринт людей пытаться «генно модифицировать» для получения «приспособленной к любым условиям и обстоятельствам расы» не будет. Поскольку это попросту — чушь, и невозможно добиться такого результата, гоня бедолаг-людей по катакомбам с чудовищами.

А работники ТиВи Императора будут только снимать реалити-шоу о том, как этих несчастных «красиво и зрелищно» убивают!

Чтоб затем показать другим несчастным, чтоб те поменьше думали о своём положении рабов. Ну и заодно понимали, что ждёт тех, кто попытается бунтовать, или совершать преступления.

Так что Джордж какое-то время честно пытался отговорить своих похитителей от воплощения плана. Упирая на то, что это «негуманно». А когда понял, что не удастся, сильно затосковал.

Но вернуться, повторяю, не пожелал.

— Так он умер не от голода?

— Нет. Его щедро снабжали любой едой и напитками из привычного для двадцать первого века ассортимента. Кислородом и всем остальным обеспечивали. Предлагали даже переселить его на подходящую ему по условиям жизни, другую планету.

Но он опять отказался. Похоже, судя по отрывочным и агрессивным записям последних страниц, которые вам действительно лучше не читать, у него началась шизофрения. И невротические и панические атаки. Плюс мания преследования. Так что он скончался, насколько могу судить по виду трупа, от сердечного приступа. Обширного инфаркта, проще говоря.

Ну а поскольку свою функцию «консультанта» он уже выполнил, и выбор своей дальнейшей судьбы сделал сам, черви-амёбы и не стали его реанимировать и оживлять. Хотя могли бы.

Некоторое время в рубке «Каракатицы» царило молчание. Даже поугайчики, словно проникшись общим настроением, помалкивали. Или просто спали.

Джо тяжело вздохнул. Сказал:

— Мы точно никак не можем убить этих сволочных червей?

— Абсолютно точно.

— А вообще — наша цивилизация, или Флот — как-то могут это сделать?

— Абсолютно нереально. Они находятся на качественно новом и «продвинутом» уровне технического и духовного развития.

— Но вот с моральным уровнем у них явно проблемы! — это влез Пол.

— Отнюдь. Нам трудно судить о том, какие нормы морали у высших, бесполовых, и бестелесных энергетических образований. К тому же явно презирующих примитивных гуманоидных. Так же, как мы презираем мушек-дрозофил, или лабораторных крыс. Или всякого рода дикарей-аборигенов, вроде тасманийцев, или индусов, или индейцев. Которых «выс-

шая» белая раса когда-то тоже покорила. Превратив выживших — в рабов. Или... Продолжать?

— Н-нет. — Джо поиграл желваками на скулах. Мать всё верно говорит. Люди не считались с жизнями и судьбами себе подобных — так нужно ли удивляться, что черви-амёбы презирают таких «низших собратьев», как эти самые «гуманоидные». Может, и разумными-то не считают...

— Нет, считают. Именно поэтому и изучают. Как вы — дельфинов.

— Мать?!..

— Нет, я мысли не читаю. Просто всё это написано у тебя на лице.

— Ага. Те самые «эмоции», которые так интересны нашим друзьям. Будь они неладны. — Джо устало откинулся на спинку капитанского кресла, — Ну — что, напарник?

Как всегда?

— В-смысле — как всегда?!

— А всё очень просто. Рассказать о червях, и их «социальном» эксперименте мы нашим не можем. Потому что сразу поналетят корабли Флота, и попытаются «отомстить». А заодно и планету Императора — оттяпать. Прикрываясь лозунгами о защите людей, и внедрении «демократии».

А чем такое с гарантией кончится — Мать нам предсказала. Боюсь, как бы и Землю с нашими колониями под горячую руку не уничтожили... Да и не нужна местным людям эта самая демократия. Продали они свои шкуры и души за...

Продуктовые и товарные карточки. И «покой, кров над головой, и уверенность в будущем».

И смертельные шоу — чтоб не лезли в голову ненужные мысли.

Так что остаётся сделать всё как всегда — засекретить инфу, похоронив у Матери в архиве, и свалить отсюда к такой-то матери.

— И — что? Мы даже не посетим посудины гидроидов?!

— Ну почему же. Посетим. Хотя... Вряд ли мы там чем-то особо интересным разживёмся. Пробовали уже.

Не тот «менталитет»!

Джо оказался прав. И через двое суток, набрав минимум «сувенирчиков» и артефактов, они покинули навсегда странную систему.

Черви-амёбы, как ни странно, не препятствовали.

Похоже — действительно...

Презирали!

Обидно. Но, как это дело обозначил Пол — «безопасно»!

Джо же про себя подумал, когда Мать уже уводила «Чёрную каракатицу» прочь, что сунься они с Полом действительно — воевать, запросто могли бы быть убитыми. Причём — на законных основаниях.

Или — оказаться со стёртой памятью!

Что, в-принципе, гораздо хуже...

Поэтому остаётся засунуть туда, где солнце не светило, свою «человеческую гордость», амбиции, и жажду мести, и лететь дальше.

К новым приключениям и загадкам.

Надеясь, что они окажутся не столь... Унизительными!

Салтанат Рахимбекова

Астана

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Дождливый вечер испортил мне настроение, мрачно подумала я, глядя на свинцовые тучи. На экране телевизора тоже была примерно такая же погода. Как все в этой жизни также тяжело и ужасно, вздохнула я, раздумывая, когда же все могло докатиться до такого состояния. Не то чтобы все было плохо. Вроде была неплохая работа, правда, без какого-либо карьерного роста. Но я не была карьеристкой, стараясь больше времени уделять себе, чем работе. Это не помешало мне закрутить служебный роман, ведь я, как и любая девушка мечтала выйти замуж. Но, как оказалось, он мне изменял и причём давно. Докатилось до того, что наша коллега в открытую мне во всем призналась. Я не винила ее, не винила и себя. Все мужчины такие, говорила я себе, стараясь не расплакаться в очередной раз. Мои припухшие веки видели почти все, вплоть до охраны на работе. Я объясняла все бессонницей, хоть у меня никто и не спрашивал. Тогда мне казалось, что все обо всем знают и даже сочувствуют мне, неудачнице с периферии. То, что я была из деревни я не скрывала, видимо, это и не понравилось моему бывшему. Хорошо хоть не расписались, не жили вместе. Хоть хватило ума не зайти далеко, думала я, но память тут же услужливо подсовывала те воспоминания, где бывший парень был зашибись как хорош. Это я во всем виновата, неотесанная деревенская девушка, мечтающая о городском парне. Так ду-

мала я, не находя себе оправдания. Если бы я писала о своем отчаянии, не сомневаюсь, я бы накатала большой роман. А тут еще как назло бывшая подруга тоже подливала масла в огонь, говоря, что мы с ним все равно не будем парой. Она говорила, что он слишком хорош для меня. Порой говорила в шутку и даже при нем. С такими подругами и врагов не надо. Конечно, мы с ней поссорились тоже из-за него. Ее раздражало, что я хожу вся счастливая, она говорила, что добром это все не закончится. Как она сейчас была бы горда собой, мрачно подумала я. Словом, мне не везло там, где повезло бы любой девушке с нашей корпорации. Несостоявшиеся отношения, а точнее полное фиаско, сложило мнение о моей неполноценности и всякий раз стеной выстраивалось между мной и успехом. Да, такое бывает. Я ждала, когда же кончится эта полоса невезения, обещая, что больше не стану ошибаться. Я решила не обращать внимания на мужчин, тем более на работе. Кстати, я ушла с работы и сейчас работала уже на новом месте. Новое место работы влияет на твой гардероб. Все наряды для всех кажутся новыми, ведь они их еще не видели. Не сказать, что я люблю наряжаться, но все же приятно думать, что уже не первый год тебя видят в одном и том же.

С трудом дождавшись конца выходных, я вышла на работу. Дело в том, что на выходные я все время провела дома, отдыхая от большого города и большой корпорации. Я еще не совсем вникла в свои функциональные обязанности. Было ясно, что я пока на подхвате, а это меня не совсем устраивало. Ведь прежде я была ведущим специалистом отдела и, если бы не злосчастный служебный роман, закончившийся полным фиаско, я бы взяла рекомендательные письма. Но что было, то было. Заново стелилась дорожка, ведя меня именно сегодня на главный этаж огромной корпорации. Мне и раньше доводилось работать в подобной, но я не представляла, что именно эту возглавляет самый строгий руководитель. Он был молод и достаточно амбициозен. Я знала свое место и потому не лезла с советами, как это обычно делают новички, стараясь выделиться. Мой вам совет, никогда не старайтесь проявить себя, так как инициатива всегда наказуема. Итак, я стояла в тени помощника большого босса, пытаюсь припомнить где покупала тот самый дешевый салат из грибов, который оказался вкусным. Да, когда на работе думаешь о подобных отвлеченных предметах, тебя точно не заметят. Так и вышло. На этот раз меня в упор не заметили, и я автоматически зашла в лифт вслед за большим боссом. За минуту до этого, секретарь босса передала мне его портфель, вот почему я зашла в лифт. Я думала, что провожу его как обычно до машины и вернусь на место.

Но именно сегодня, размышляя о грибах, вспоминая всевозможные салаты на ходу, я не заметила пристального взгляда большого босса. Алексей Петрович Богач, а звали его именно так, как-то странно посмотрел на меня и, подумав, пригласил в машину. Я сразу вспомнила, что одежда на мне стандартная, вовсе не для деловых встреч, но после решила, что, видимо и он это понимает. И тут я поняла, что докатилась так сказать до самого плинтуса. Он, видимо, уже воображает, что может попросту держать меня за какого-то носильщика своего портфеля. Такого унижения я еще не испытывала, не считая того злосчастного служебного романа. Испытывала, убеждал внутренний голос, делая мой взгляд сосредоточенным и серьезным. Удивив меня, он сел рядом и протянул какие-то бумаги.

— Проверьте, все ли визы стоят, — сказал он, — ничего не напутали?

Я пролистала документ, вернув, заверила, что все в порядке. Богач грустно улыбнулся и внимательно посмотрел на меня. Я подумала, что ему, как большому начальству, видимо часто приходится присматриваться к новеньким.

— А почему вы прошли со мной на парковку? — вдруг спросил он.

— Ну, я несла ваш портфель, — растерялась я, — думала вручу его вам и уйду, но вы сами сказали сесть в машину. Вот я и села.

— У вас все в порядке?

Я вопросительно взглянула на него, понимая, что вопрос прозвучал серьезно и уверенно. Он на самом деле интересовался моим состоянием. Как будто ему есть дело, горько подумала я, мог бы и не включать мнимое добродушие. Видимо, это все отразилось на моем лице, так как он даже сдвинул брови, пытаясь увидеть в моих глазах хоть какой-то ответ.

— Молчите? — спросил он.

— Да, у меня все в порядке, — выдавила я, — может, мне сойти?

— На какой вы позиции в корпорации?

Мне хотелось сказать, что на самой последней, совсем как стажерка, но я решила не ерничать, тем более перед руководством и рассказала все как на духу. Он заметил, что такой специалист просто не может прийти вот так с улицы без рекомендаций. На что я напомнила, что я пришла на самую слабую позицию помощника его помощника.

— В вашем возрасте и все начать сначала, — удивился он, — что же произошло? Рассказывайте только короче, пока мы стоим в этой ужасной пробке.

Я не стала скрывать о своих неудачах, рассказав о служебном романе. Я даже подумала, что теперь меня точно уволят. Кому нужны неудачники, недоумевала я, жалея, что вообще села в машину. Я не собиралась исповедоваться, но весь его вид так располагал, что я и не заметила, как выложила все как на духу. Богач умел слушать и вникать, не перебивая, с бычьей терпимостью и мышинной покорностью. Я и не заметила, что пробки давно уже нет и машина подъехала к ресторану.

— Ладно, я все понял, — перебил он меня, — вы пройдете собеседование и получите более подходящее место. И это хорошо, что вы умеете держаться стойко. А еще у вас характер. Вот так уйти в никуда, бросив престижную работу не каждому под силу. Хотя, это сродни глупости, конечно. Ну, это ваше дело. Приходите завтра на собеседование ко мне. Там и решим все. А сейчас можете вернуться в офис на общественном транспорте.

Он зашел в ресторан и даже не оглянулся, давая понять, что я точно не человек его уровня. Я и не надеялась на что-либо, я даже была рада, что он решил как-то поспособствовать мне по работе. Но все же мне было обидно. Я выложила ему все как на духу, вывернула всю душу наизнанку, словно на исповеди, а он счел все это какой-то глупостью. Хотя, быть может, со стороны все так и есть.

На следующий день меня вызвал Богач и я уже раз сто пожалела, что вообще поддалась какому-то порыву и выложила ему все о пресловутом служебном романе. Теперь он будет думать, что я легкомысленная особа, к которой можно легко подкатить. Внутренний голос начинал пугать, рисуя немые сцены, в которых большой босс делится моей проблемой со своими заместителями. Мол, присмотрите за ней, чтобы впредь такого не было. Или проведите собеседование с персоналом, чтобы избежать подобного. Или еще хуже, пусть все узнают, что с ней случилось и будут бдительны. В общем я накручивала и накручивала, но слово то не воробей и за очередную ошибку придется платить. То, что платить придется я знала, но даже не догадывалась как. Вообще во всем вчерашнем раздражало то, что я позволила себе в очередной раз выставить себя дурачком. Представляю, какого он обо мне мнения! Хотя, чего я накручиваю? Быть может он вообще обо мне не думает. Я прошла в приемную, и секретарь сразу провела меня в кабинет. Я и охнуть не успела, как оказалась лицом к лицу с боссом. Он хмуро посмотрел на меня, чем лишь подтвердил самые ужасные догадки, и протянул карту.

— Прикупите себе дорогой офисный костюм сегодня же, — сказал он, — так как после обеда у нас встреча. Вот там себя и проявите.

— Мне можно ознакомиться с материалами? — осторожно спросила я.

— Нет. Вы будете лишь присутствовать и учиться. Свободны, — он отвернулся к окну, и я вышла.

Взглянув на корпоративную карту, я подумала, что неприятности уже начались. Он даже не спросил, может у меня уже имеется костюм. Почему не спросил, размышляла я, понимая, что за этим что-то кроется.

После обеда я была уже в новом офисном костюме в той же приемной. Богач вышел из кабинета и без лишних слов направился в малый конференц зал. Я пошла следом, за нами последовали заместители и юристы. Уже в зале босс велел нам рассаживаться, поглядывая на часы, заметил, что гости опаздывают. Я села в углу, но меня быстро пересадили прямо возле босса. Недоумевая, я села рядом, чувствуя легкий аромат его парфюма. Наверное, стоит почти как мой годовой оклад, мелькнула в голове и улетучилась мысль. В следующую минуту я вообще не могла ни о чем думать, и так почти всю встречу. Когда прибыли гости, мужчины пожали друг другу руки и сели за стол, я же сидела, словно меня пригвоздили к месту. Я даже глаз не могла поднять, так как гостями на встрече оказались мой бывший шеф и мой бывший парень со своими коллегами юристами. При виде меня они отчего-то занервничали, поглядывая друг на друга. Я понимала, что они опасались худшего, а именно, той информации о работе корпорации, которая была мне доступна. Богач сидел спокойно, словно все тузы были в его рукаве. Встреча прошла быстро и вскоре гости ушли.

— Всем спасибо. Все свободны, — сказал босс, и направился к выходу.

Я чувствовала себя ужасно, понимая, что меня попросту использовали. Держа гостей в каком-то напряжении, действуя на моего бывшего, который кстати, был юристом, не самым лучшим образом, Богач выиграл необходимые несколько секунд, заставив их потерять бдительность. Я подумала, что это уже перебор. По красноречивым взглядам заместителей было понятно, что они в курсе и просто поддержали игру босса. Я не заметила, как прошла в кабинет Богача и закрыла за собой дверь.

— Ну и что вы намереваетесь сделать? — спросил он, — уволитесь снова?

— Как вы могли использовать меня вот так!

— Ну вы же могли рассказать мне о своем фиаско в личной жизни. Я использовал эту информацию на благо корпорации.

— Это неприлично. Это безнравственно. Вы выставили меня беспринципной предательницей. Они подумали, что я вам сдала информацию.

— Каждый когда-то поступает безнравственно и нечестно. Что до них, они подумали, что вы довольно таки быстро нашли свою нишу в моей корпорации. На вас был дорогой костюм. Кстати, у вас хороший вкус.

— У меня и дома есть такой же костюм, — вспыхнула я, — незачем было покупать этот.

— Но они ведь уже видели его, не так ли? А я хотел, чтобы именно ваш дорогой костюм и место возле меня впечатлили их.

— Вы использовали меня.

— Да, совсем, как и вы. Или вы думаете, мне нравится выслушивать спливы истории о неудавшемся служебном романе? Вы битый час рассказывали мне об этом. Заметьте, я тогда проявил чуткость. А сейчас, когда работа проделана, вы можете занять место ведущего специалиста в отделе.

Вероятно, он думал, что, бросив мне такую новость, осчастливил, но я упрямо стояла на своем.

— Вы рассказали мою историю заместителям!

— Не рассказывал! Вы просто мнительная. И почему я должен оправдываться?

И тут меня пробрало так, что я разревелась. Я все плакала и плакала, пропуская через себя все то, что хотелось бы забыть. Было горько и обидно, что я опять сама же себя унизила, рассказав о своей беде. Именно, беде. Ведь это беда, когда рушится роман, на который возлагаешь такие надежды! Я уже и позабыла о всяческих надеждах, понимая, что обожглась и теперь буду дуть даже на воду. А еще я подумала, что мне уже далеко не двадцать и даже не тридцать. В мои тридцать пять лет оказаться в таком положении считалось настоящим бедствием. Богач нахмурился и просто ждал, когда я успокоюсь.

— Простите, я просто не ожидала что увижу его снова и что так отреагирую, — я стала приходить в себя, понимая, что не стоит испытывать терпение начальства.

— Вы так расстроились, словно он и есть любовь всей вашей жизни, — с некоторой иронией заметил он, — а между тем задумайтесь, может вас судьба спасла от такого ханжи.

— Теперь он еще знает где я работаю!

— Не думаю, что он будет вас преследовать. Ведь он ушел от вас, — добил он меня, — а сейчас возьмите себя в руки и будьте готовы к вечеру.

— К вечеру? — я от неожиданности даже затаила дыхание, — а что еще и вечером какая-то встреча?

— Я заберу вас в девять вечера. Думаю, нам стоит отметить сегодняшний контракт, согласно которому именно нам принадлежит право выбора территории постройки нового торгового центра. Вы сыграли бесподобно, заставили на несколько секунд замешкаться и даже отвечать невпопад.

— Вы использовали меня, — я укоризненно покачала головой.

— Идите. Вы уже не так юны, чтобы без конца вспоминать всякую ерунду.

Я вытерла слезы и вышла. Он назвал всякой ерундой желание быть любимой, выйти замуж и создать семью. Я подумала, что мне теперь точно терять нечего. И я решила доказать, что я действительно хороший специалист. Ближе к вечеру я отказалась от ресторана, сославшись на головную боль. Богач просто повесил трубку, как будто знал, что я так и поступлю. А как бы я пошла в ресторан с мужчиной, который знает, что меня бросили? Это было выше моих сил. Вооружившись свежими журналами и газетами, я провела остаток вечера на полу, разложив все самые актуальные для себя заметки. Когда работаешь юристом, всегда надо отслеживать последние изменения и дополнения. Этим я и убила весь вечер, понимая, что также добиваю и всю свою жизнь. Совсем скоро мне стукнет сорок лет и все, думала я, жалея, что не хватает духу родить без отца. Меня не тормозило то, что ребенок может спросить где папа. Мне просто было стыдно показаться в деревне в отпуске с ребенком. Я боялась пересудов соседей, на глазах которых выросла. Да и от кого теперь родишь, думала я, понимая, что этот вопрос не решается так быстро. В общем я понимала, что мне важен больше ребенок, чем мужчина. Наверное, все так думают. Вспомнив, что завтра суббота, я достала вино и, подумав, что неделя была действительно тяжелой, разбавила коньяком. Мне хотелось забыться, я впервые полезла за бутылкой, решив полностью отключить мозги. И как это бывает, в такие моменты срабатывает закон подлости, подставляя человека в самый неожиданный момент. В девять вечера в дверь позвонили, и я удивилась, увидев на пороге Богача. Он строго посмотрел на меня, на накрытый за моей спиной столик в зале.

— Вы что еще не готовы? — спросил он.

— Я ведь звонила и говорила, что у меня болит голова и что я точно не пойду в ресторан, — у меня уже слегка кружилась голова.

— И вы решили, что спиртное самое лучшее лекарство от головы? — он прошел в зал и увидел еще одну бутылку, — вы что, смешали коньяк с вином?

— У меня завтра выходной, — я решила сесть, но он стоял как раз между мной и креслом.

— Связь плохая была, я вас совсем не слышал, — сказал он, — вижу, в таком виде вы точно никуда не пойдете.

— До свидания, — я направилась к двери, чувствуя, что голова уже идет кругом.

Внезапно меня подхватили на руки и я отключилась. Конечно, когда я хотела отключить мозги, я вовсе не хотела отключиться сама. А если и думала об этом, то точно хотела бы быть в гордом одиночестве. Утром я проснулась от ужасной головной боли. Мне вовсе не хотелось вспоминать вчерашний свой позор, который почти затмил все мои беды. Выйдя из спальни, я чуть не заорала, увидев Богача на диване перед телевизором.

— Что вы здесь делаете? — спросила я, запахивая халат.

— Я не нашел ключей, а копаться в сумке не стал, — ответил он, — мне уже пора. А вы долго спите.

— Что было вчера?

— Вы часто задаете этот вопрос мужчинам?

Конечно, я бы вlepила ему оплеуху, совсем как в кино, за такой вопрос. Но я жила в реальной жизни и потому лишь утвердительно кивнула.

— А вы догадливый, — сказала я.

— Может, выпустите меня?

Я прошла к двери и открыла. Молча проводила его взглядом, думая, что все страшное уже произошло. Через пять минут зазвонил телефон. Я подумала, что Богач попросту решил доконать меня сегодня с самого утра. Он сказал нечто пространное о том, что клин клином вышибают. А любой стресс вышибается другим стрессом.

— Если вы хотите таким вот образом встряхнуть меня и не сделать алкоголичкой, считайте, что вы достигли своей цели! — рявкнула я.

— Вечером я заеду за вами. Ресторан никто не отменял. Я заранее заплатил за столик, так что не пропадать же деньгам.

— Зачем вам это нужно? — спросила я, понимая, что лучше не задавать вопросов.

— Я заранее заплатил за столик. А вам необходимо здоровое питание после вчерашнего.

Я мысленно послала к черту Богача и согласилась на его предложение. Выбрав самый скромный костюм, к вечеру я уже была готова. Он заехал к девяти, и мы двинулись в ресторан.

Он выбрал не просто ресторан, он выбрал элитный ресторан, где на самых отдаленных островках сидели пары. Я насчитала пять пар, представляя какие здесь заоблачные цены. Сделав заказ, мы наблюдали, как официант зажигает свечи за нашим столиком.

— Вы вчера выпили из-за него или из-за той встречи? — спросил он.

— А вы теперь всякий раз будете напоминать мне о минуте слабости, — не удержалась я, — как будто другие не пьют.

— Это был просто вопрос. Давно я не видел такого отчаявшегося человека. Вас ведь буквально вывернуло.

— Этого могли бы не напоминать, тем более за столом, — краснея прошипела я.

— На вид вроде бы такая хрупкая, а весите много. Вы носите свободные блузки. Не можете позволить облегающие?

— В нашем с вами возрасте облегающие многие себе не позволяют, — я красноречиво взглянула на его живот, — у всех есть что скрывать.

— Хорошо. Не будем вспоминать. Хотя, лично мне есть что вспомнить.

— А вот мне нет, — отрубил я.

— Кто надоумил вас решать проблемы бутылкой?

— В кино показывали, — проворчала я, подумав, что тема стихийно продолжается.

— Так это произошло из-за вчерашней встречи?

И тут я решила, что раз уж он знает о моем бывшем служебном романе, раз так расспрашивает, надо ему все рассказать. Не то, чтобы я хотела, просто мне нужно было с кем-то поделиться. А человек, видевший меня пьяной, да еще и несший на руках сгодится для исповеди. И так я наступила на грабли вторично, поведав о давней проблеме завести ребенка.

— Так вам нужен мужчина только за этим? Ну так у вас вообще ничего не выйдет.

— Если уж не получается замужество, то хотя бы хотелось бы родить ребенка. Вот только как я это объясню в деревне? — расстроилась я.

— То есть вас смущает только деревня?

— Думаю, коллеги меня поймут. Им вообще нет дела до других. Сейчас, сами понимаете, у каждого есть проблемы.

— Надеюсь, вы не станете искать потенциального папашу в нашей корпорации. Помните, у вас уже был горький урок.

— Хватит с меня одного служебного романа.

— Правильно. Кстати, я вас пригласил не просто так. Думаю, вы вполне сможете возглавить отдел по сбыту наших товаров. Что скажете?

Я сказала, что подумаю, решив все же принять его предложение. И тут он сделал то, что обычно делает большое начальство, когда проблема решена. Он тут же засобиравшись домой, словно ничего и не было. Богач умел держать дистанцию и что более важно, он умел и собеседника заставить держать дистанцию. Сказав мне не торопиться, он вышел якобы из-за срочного звонка. Официант доложил, что он отъехал, предупредив, что счет оплачен. Я открыла для себя еще одно умение совершать глупости при одном и том же человеке. Поклявшись, что не попадусь на его удочку вновь, я поспешила домой. Он не проводил меня, ушел первым, словно наша встреча была рабочее время. Да, определено для него все выглядело именно так. И это было унизительно.

С каждым днем после злополучного вечера я стала более наблюдательной, а местами где-то даже мнительной. Мне казалось, будто Богач преследует меня своим особым красноречивым взглядом. Но стоило мне обратиться к нему по работе, как я словно видела какой-то айсберг. Он был недосыгаем и горд этим. Но я знала, что тот вечер внес и в его жизнь некую сумятицу. Интересно, как часто он вообще брал на руки своих коллег, размышляла я, зная, что быть может и никогда. В последнее время мы старательно избегали друг друга. Даже видя меня в лифте, он не входил, отворачиваясь, словно увидел кого-то или делая кому-то замечание. Я тоже поступала также, пытаясь отдалиться, в надежде, что он позабудет тот вечер. Новая должность начальника отдела обязывала присутствовать на планерке директора департамента и вовсе оградила меня от Богача. Теперь все новости и распоряжения я узнавала от главы департамента. К слову сказать, главой департамента была довольно строгая женщина. Людмила Михайловна Бондарь годилась в матери Богачу и относилась к нему с особым теплом. Она была предана и ревнива. Она сразу приняла меня как родную, видимо он посодействовал в этом, но ясно дала понять, что его лишний раз беспокоить не стоит. Меня все устраивало, и я даже была рада такому повороту событий. Так прошел первый месяц, в конце которого я поняла, что мысли о Богаче уж точно затмили не только работу, но и неудачный роман. Не то

чтобы я была глупой и недалекой, просто я хотела мечтать, а Богач дал мне все карты в руки. Я все еще помнила его взгляды, сильные руки, неповторимую улыбку. Да, на фоне такого красавца образ бывшего парня просто померк. Где-то мелькала мысль, что если уж я тому не подошла, то об этом и мечтать не стоит. Но я решила, что жить без мечты о любви как-то грустно, и решила ограничиться лишь мечтами. Я твердо знала, что не стану заводить роман на работе. Нет уж, с меня хватило того раза.

У меня екнуло сердце, когда позвонила секретарша Богача и пригласила в его кабинет. Я вперед своих мыслей подбежала к зеркалу, коря себя за такой простенький костюм. Критично взглянув на себя, я подправила макияж и взяла с собой блокнот. Волнуясь, я чуть не нажала на ту кнопку лифта, пытаюсь прийти в себя. Не успела я подняться на этаж руководства, как уже нафантазировала себя огромные воздушные замки. Но по мере приближения к кабинету, все эти замки попросту испарились. Женское любопытство взяло вверх, и мне не терпелось узнать, чего же он от меня хочет. Богач сидел спиной к двери и лицом к монитору. Я и не заметила, что позади него имеется еще один ноутбук. Услышав хлопок двери, он повернулся и сухо поздоровался. Видимо и он волновался, раз прошел к окну и открыл форточку. Я заметила это и порадовалась его состоянию. Но тут я увидела нечто, отчего моя радость резко уступила место негодованию. На мониторе того ноутбука отображался мой кабинет. Я повернулась к нему, буравя в спину, ожидая что скажет. Он не спешил поворачиваться, наслаждаясь свежим воздухом. Интересно, он за всеми подсматривает, подумала я, к своему стыду вспоминая все, что происходило в моем кабинете. Не то чтобы там было что вспомнить, но все же я считала кабинет личным пространством и бывало поправляла бретельки. В общем, я была смущена, возмущена и обижена.

— Что это? — не выдержала я.

— Я думал, вы не заметите, — он сел за стол и пригласил присесть рядом.

— Вы что, следите за всеми нами?!

— Вы на руководящей должности и у вас бывают посетители, — он развел руками, — должен же я знать, что происходит.

— Но кабинет и есть мое личное пространство, — заметила я, — и туда заглядывать без разрешения нельзя.

— В трудовом договоре имеется необходимая поправка, вы ее попросту не заметили.

— И как часто вы смотрите на нас?

— На вас или в общем?

— На меня.

— Лишь сегодня, — мы оба знали, что он бессовестно врет.

Но я сделала вид, что поверила, на будущее решив быть осторожнее.

— Вас что-то смущает? — спросил он.

— Конечно, смущает. Например, я буду пить утренний чай, прекрасно зная, что вы можете наблюдать?

— Просто скажите себе, что руководство всегда с вами, — попробовал пошутить он, — вы не слишком упирались, когда я нес вас на руках. К слову сказать, тогда вы были согласны на мою заботу.

— Сейчас я трезвая, — я всплеснула руками, — а вы теперь будете всякий раз напоминать мне о том вечере, когда вас никто не звал?

— Вы только не обижайтесь, но я ничего не могу с собой поделывать, — улыбнулся он, — а что вы бы вспомнили, если вы несли бы человека?

— Вы теперь до старости ограничьтесь такими воспоминаниями, — фыркнула я, — как будто больше вспомнить нечего.

— На вас был интересный халатик.

— О! Ну да, экзекуция продолжается! Вы за этим меня позвали?

Он спросил по работе и, надо признать, вопросы ставил четко и уместно. Мне было интересно отвечать, а еще я думала, что ему да, удалось притушить стресс от неудачного служебного романа. Но и тут он меня удивил. Словно читая мои мысли, он посоветовал сходить в юридический отдел и найти там Андрея Николаевича Соколова. Посоветовав обращаться только к нему, Богач вновь отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция закончена и я могу исчезнуть. Я сразу со своими бумагами направилась к юристам, чтобы как можно скорее отдать их. Как ни странно, у них в отделе была тишина. Где-то играла легкая тихая музыка, и я подумала, надо же, умеют же люди работать.

В глубине кабинета сидел молодой мужчина лет сорока. Он что-то писал, присвистывая под музыку. У него виртуозно получалось, и я не решилась вторгнуться в личное пространство. Взглянув на часы, я поняла, что уже обед. Тут он поднял голову и лучезарно улыбнулся. Легкая улыбка была настолько мила, что я хоть и нехотя, но улыбнулась в ответ. Тем временем Андрей уже подошел ко мне, взял бумаги и соглашался со всеми моими сроками рассмотрения документа. Худощавый и высокий, он был в голубой рубашке с коротким рукавом, стильном галстуке и джинсах. Какой необычный наряд, думала я, с интересом разглядывая его гардероб. Тем временем Андрей ненавязчиво пригласил в местную кафешку и я, к своему же удивлению, сразу согласилась. По

дороге я думала, отчего же я вот так сразу согласилась и уже знала ответ. У всех нас на пути встречается такой душевный человек, который мгновенно располагает к себе, больше слушает, с ним хочется поделиться всем и от него исходит какая-то магия заботы и тепла. Наверное, все мы как дети, хотим именно такого участия и тянемся к таким людям. Андрей казался именно таким. Его благородный взгляд был светел, а легкая улыбка подбадривала. Складывалось ощущение, что я знаю его вот уже много лет. По пути в кафе Андрей предложил покурить, узнав, что я не курю, с пониманием кивнул, попросив занять столик. Мы сели за столик и сделали заказ. Уже за столиком он продолжал внимательно слушать, так, что мне даже стало неловко загружать его темой о работе во время обеденного перерыва. Он совсем немного рассказал о себе, об отделе, в общем о корпорации. Все звучало легко и поверхностно. У него все гармонировало, все цепочки цельного звена складывались красиво и естественно. Я заслушалась, временами смеясь над его высказываниями.

— Жизнь прекрасна, — говорил он, и тут же с серьезной улыбкой добавлял, — не моя, конечно.

Мы смеялись, удивляясь, как много вокруг грязи после дождя. На что Андрей добавлял, что да, грязи много, но не от погоды. В общем, он наполнил мой обеденный перерыв позитивом, и я понимала, что это будет не последний наш обед. Поверите, даже уходить не хотелось, ведь я нашла хорошего человека, который сразу дал понять, что он хороший. Многие люди прячутся за своими масками. Быть может, они и хорошие, отзывчивые, но в то же время, им ну просто обязательно надо умничать и ерничать. Все это, конечно, в меру, но все же отталкивает. Андрей же был не таков. Он отличался своей открытостью, по пути в офис с ним все здоровались. Даже дворники и технички и то знали его, первыми улыбались, им было приятно встретить именно его на своем пути.

— А что вы делаете в отпуске? — вдруг спросил он.

— Ну, я только устроилась, так что отпуск мне пока не светит, — ответила я, — а вы? Летите в жаркие страны?

— Обычно отпуск я провожу по-разному, — отвечал он, покупая по пути мороженое, — один раз даже устроился работать на стройку. Я научился профессионально клеить обои, красить и все такое. Так что, если вам понадобятся услуги подобного рода, не стесняйтесь. Или если вы захотите хорошо подработать, мало ли, может у вас ипотека и все такое, я помогу вам устроиться, например, красить.

— У вас, наверное, и своя бригада есть? — не удержалась я, думая, что он шутит.

— Так, набираю из местных ребят, — отвечал он, — в этот раз собираюсь поехать к родственникам в деревню. Надо помочь родителям по хозяйству. Крышу коровника подлатать и все такое.

— И это говорит юрист? — вновь не удержалась я, — вы что, серьезное? На вид вы прямо городской парень.

— Тише, — он заговорщески подмигнул, — о коровнике еще никто не знает. А вы никому не расскажете.

Мы расстались у моего кабинета, и уже ближе к концу рабочего дня референт занесла мне мои документы от Андрея. Итак, я нашла себе друга там, где и не думала найти. В то же время мне показалось, что Богач намеренно отправил меня к Соколову, зная, что эта встреча позитивно повлияет на меня. Да, я все же иной раз думаю, что мир крутится вокруг меня. Я одернула себя, все еще умиляясь образом нового друга. Так хотелось, чтобы он был старшим братом, ведь то тепло в его взгляде было именно родным и близким. Мне казалось, что такого человека мне и не хватало по жизни. Все последующие дни пролетали быстро. Мы с Андреем ходили на обед, причем он всегда спрашивал, пойду ли я покурить. Я соглашалась, чем удивляла референта, а после шла занимать столик. Обычно мы садились у окна, наблюдая за прохожими и за улицей. Андрей комментировал одежду прохожих, чем смешил меня безмерно. Я замечала, что стала уходить на обед счастливая и приходила с обеда полная энтузиазма. Да, его энтузиазм бил ключом и был заразителен. Все в корпорации знали, что мы обедаем вместе и смотрели на это с какой-то теплотой. Как оказалось, не только на Андрея, но и на тех, кто с ним сблизился, коллеги так и смотрели. Богач сам того не ведая направил меня к самому нужному человеку. При этом мы с Андреем свято чтит личное пространство и никогда не говорили о совместном вечере в каком-то ресторане или походе в кино. Нет, все наше время ограничивалось обеденным перерывом, который для меня был позитивен. А может, так и надо, думала я, открыв для себя, что Андрей мне и не нужен для вечера. Он был хорош лишь для обеденного перерыва, чтобы просто переключиться на другое его измерение.

Как-то раз, вернувшись с обеда, мы как обычно разошлись по кабинетам. Я все еще улыбалась, вспоминая его смешные анекдоты и изречения. И тут меня вызвал главный босс. Как оказалось, он хотел моего содействия в проблеме Андрея. Я даже не сразу поняла, о какой проблеме вообще идет речь. Я даже не думала, что у Соколова бывают проблемы. Богач сидел за столом, пригласив меня за дальний стол. К слову сказать, он всегда держал дистанцию два стола, и никогда не садился ближе.

— Вы сблизились с Соколовым, — начал он, — это хорошо. Он хороший юрист и ваши документы всегда будут в порядке.

— Он вообще класный парень, — не выдержала я, — такой открытый, честный, мягкий.

— Да, он мягкий, — подтвердил босс, — я об этом и хотел с вами поговорить. У Андрея проблема с сыном.

— У него есть сын? — удивилась я, — он никогда не рассказывал мне о нем.

— У него есть и сын, и жена, — удивил Богач.

И тут я вспомнила, что интуитивно я чувствовала в нем именно женатого человека. Не было никаких заигрываний, кокетства и прочего. Да, определенно он женат.

— А в чем проблема? — спросила я.

— Его жена работает за границей вот уже семь лет. А сын недавно закончил школу и теперь решил выехать за границу поступать в какой-то университет. Андрей же не хочет отпускать его, он опасается за него.

— А если его отправить к матери? — я начала понимать, отчего Андрей казался холостым.

— В Африку? — Богач развел руками, — мальчик выбрал Чехию. Андрей переживает и в то же время он слишком мягок, чтобы запретить сыну ехать.

— Его жена может поговорить с сыном, — предположила я.

— Ее он тоже не послушал. Словом, если пацан вздумает и переедет в Чехию, Андрей Николаевич тоже отправится за своим единственным ребенком. А мне бы не хотелось его терять.

— Надо же, интересно, сколько ему было, когда сын родился, — призадумалась я.

— Был инцидент, когда его сын попал в аварию и на место происшествия прибыли полицейские. Они потребовали позвонить отцу. А когда прибыл Андрей, чуть не прогнали его, сказав, что звали не старшего брата, а отца.

— Да что вы!

— Да. Андрей забыл документы дома. После, пришлось возвращаться, чтобы доказать отцовство.

Я невольно улыбнулась, подумав, что даже в таком случае Андрей вызывает смех. Богач попросил поговорить с мальчиком и отговорить его от поездки. Я предположила, что меня он точно не послушает, на что босс возразил, заметив, что я бываю убедительна.

— Андрей Николаевич не захочет, — предположила я, — ведь я ему никто. Просто коллега. Он мне даже о семье своей не рассказывал.

— На самом деле у него масса комплексов. Он скрывает их за непринужденной беседой, смешит и отводит от себя внимание, заметили? Например, он не терпит, когда кто-то берет его папки. А еще он постоянно по утрам начищает до блеска обувь влажными салфетками. Вы поговорите с ним.

Я согласилась, и отправилась в юридический отдел. Увидев меня, Андрей посмотрел на часы и направился к двери.

— Еще не обед, но можно выйти, — сказал он, — пойдете, покурим.

Вскоре мы сидели за столом, где я и отважилась спросить о семейном положении. Да, Богач говорил правду. Андрей без всяких выложил всю правду о проблеме сына.

— Он говорит, что не собака, чтобы сидеть со мной и стеречь меня, — грустно улыбнулся он, — в деревню вообще ехать не хочет. Он хочет уехать из страны и не вернуться.

— А ваша супруга приезжает? — я знала, что задаю глупый вопрос, но мне было интересно.

— Да, конечно. И тогда в моей жизни наступает пора самых романтических вечеров, — ответил он.

— Почему бы ей не работать здесь, в стране? Не хочет?

— Хочет. Но я думаю, пусть работает там. Зато у нас такие редкие романтические встречи, — рассмешил он, — но главное, она там очень хорошо зарабатывает. А здесь она такой оклад не найдет. Мы уже привыкли так жить.

— Да, в наше время многие так живут, — согласилась я, — в этом есть своя романтика.

— Точно. А сын хочет в Чехию. Говорит, одноклассница туда поступать решила.

— Может, мне с ним переговорить?

— Не надо. Пусть едет. Вчера мы все обсудили с женой. Хочет, значит надо отпустить.

— А вы не поедете за ним? Просто у Богача есть опасения.

— И он послал вас, — улыбнулся Андрей, — как это на него похоже. Скажите шефу, что я никуда не денусь.

— Точно?

— Я просто в Чехии такой оклад не найду. Не в дворники же идти.

Мы говорили о том о сем, глядя на прохожих и распивая ташкентский чай. Жизнь удалась, думала я, ценя тактичность Андрея, которая граничила с пофигизмом. Планка обеденного перерыва свято чтилась нами. Времяпровождение измерялось количеством эмоций, а не секунд-

ной стрелкой. Из рассказов Андрея я понимала, что ему тоже было непросто. Сейчас всем непросто, думала я, и это меня успокаивало. Мы вспоминали фильмы, в которых все были счастливы и была настоящая любовь. А после припоминали актеров, у каждого из которых была своя драма в жизни. Андрей отучил говорить «приятного аппетита» или «спасибо за компанию» и прочие фразы. Он заметил, что так говорят лишь в кино.

ЖИЗНЬ

Александр Филичкин

Самара

СПЛАВ ПО ГОРНОЙ РЕКЕ

«Летуны» и «водители»

В 1979-м году в ПКБ случилась очередная история, о которой потом, говорили люди Самары. В проектной конторе «Управления автомобильного транспорта» имелись сотрудники, что очень любили туризм. Причём, самого разного рода. Они бродили пешком по Жигулевским горам и лесам, плавали в байдарках по Волге и даже сплавились по бурным рекам Алтая.

В начале жаркого мая, трое парней: Слава Михеев, Виктор Попов и Пётр Ширкин решили хорошо отдохнуть. К ним присоединились две незамужние девушки: Людмила с Сабирой. Им тоже понравилось бывать на лоне природы.

Сплочённая группа оформила кратковременный отпуск на производстве и поехала в башкирские земли. Молодёжь собиралась в несложный маршрут второй категории. Он проходил по реке под названием Зилим.

Любители российских красот тащили с собой рюкзаки с тяжёлой поклажей весом по тридцать — тридцать пять килограммов. В заплечных мешках лежала, сменная обувь, одежда, продукты питания, фотоаппараты и прочие нужные вещи.

Снега в ту зиму в Среднем и Верхнем Поволжье и на Южном Урале выпало значительно больше, чем в прошлые годы. Так что, воды в неглубоком Зилиме должно было быть, очень много.

Зная об этом, все дружно решили, что нужно отправиться в верховья реки. Так их маршрут окажется гораздо длиннее. Они смогут увидеть все красивые скалы той замечательной местности. В группе имелись три человека, часто ходивших по бурным потокам, и ничего не предвещало беды.

Ребята из ПКБ, которых все звали «шофёрами» или «водителями» дружили с туристами из очень богатой авиационной проектной конторы. Они созвонились с коллегами и собрались в одну большую команду. В ней оказалось тринадцать парней и девчонок.

У «летунов» имелось шесть надувных лёгких баллонов для постройки небольшого плота. Их иногда называли гондолами. Это были длинные камеры, склеенные из «ткани 500». Они представляли собою «сосиски» длиной два метра и диаметром в локоть.

(«Ткань 500» — прорезиненный материал серебристого цвета, предназначенный для изготовления вакуумных мешков, газонепроницаемых, атмосферостойких изделий. — примечание автора.)

Кроме того, был надувной спасательный плот на шестерых человек. По истечению продолжительной службы, его списали на берег из славных рядов советского флота.

Очень давно «ПСН» лишился «палатки», которая закрепляется сверху, и растерял все причиндалы, что раньше входили в полный комплект. Осталась лишь продолговатая «лодка» с овальным носом и такой же кормой, да четыре весла из алюминиевых сплавов.

Весила данная штука сорок семь килограммов, и тащить её в одиночку, мог только Виктор Попов. Это был парень ростом метр девяносто, рыжий и тощий, как жердь, но удивительно сильный.

Объединённая группа туристов села в Самаре в фирменный поезд и с комфортом домчалась до вокзала Уфы, столицы Башкирии. Там народ погрузился в проходящий состав и быстро добрался до маленькой станции под названием Инзер.

Всё время поездки, погода стояла довольно прохладная. Небо было затянуто плотными тучами. Иногда, сыпала мелкая морось или пушистый снежок. Все облачились в тёплые вещи, что взяли с собой, а поверх натянули штормовки.

Оказавшись в тихом селении, они опросили местных людей, и нашли небольшой бортовой грузовик. Ребята договорились с шофёром и погрузили в «ГАЗон» свои рюкзаки. Затем, устроились в кузове сами и тронулись в путь по сильно разбитой грунтовой дороге.

Часа через два они благополучно доехали по деревни Бутаево, миновали её и выгрузились на совершенно пустом берегу неширокой реки. Ребята разбили маленький лагерь, поужинали и отправились на боковую. Все забралось в палатки, укрылись в спальных мешках и крепко уснули.

Ночью в Башкирию пришёл антициклон и температура начала подниматься с удивительной скоростью. Утром туристы проснулись, покинули холщовые домики, и принялись за работу. Что им нужно делать на месте, ребята продумали в ходе поездки и теперь, воплощали идеи в реальную жизнь.

В группе туристов собралось тринадцать парней и девчат. У них имелся один «ПСН» и шесть самодельных баллонов, склеенных из «ткани 500». Из этих гондол можно было собрать маленький плотик.

Его решили назвать просто «Дутиком» и он мог нести пять человек вместе с их рюкзаками. В «ПСН» помещалось четыре гребца со всеми вещами. Для остальных четверых пришлось соорудить бревенчатый плот.

«Летуны» дружно решили, уступить «Дутик» команде «водителей». Мол, ни к чему разбивать сплочённую группу людей, давно знавших друг друга. Кроме того, среди них находился самый опытный сплавщик — Виктор Попов. Он уже несколько раз проходил по Зилиму и знал его лучше других. Значит, пусть он плывёт впереди и, как капитан, ведёт всех остальных.

Используя автомобильный насос, «водители» накачали баллоны, разложили их на земле по длине «в два ряда, по три» и начали строить небольшое плавсредство. Пока девушки готовили завтрак, парни взяли топоры, направились в лес, находившийся рядом, и нарубили три десятка жердей, толщиной в руку мужчины.

Очистив слезы от веток, ребята привязали их сверху к надутым баллонам. Получился настил четыре метра на три. На узких концах они разместили по прочной треноге высотой по пояс и закрепили на каждой из них, по длинному рулевому веслу. Тогда их все называли, не иначе, как «греблями». Вёсла сделали сами из тех же лесин.

Тем временем, «авиаторы» накачали свой «ПСН» и назвали его «Импровизация». Как уже говорилось, двух лёгких плавсредств не хватало на тринадцать туристов. Поэтому, они отыскивали с десятков упавших деревьев толщину в бедро человека и соорудили из них маленький плот на четверых.

Его обустроили сверху так же, как «Дутик» и присвоили имя — «Галлюцинация». Уже через сутки, жизнь подтвердила старинное правило: — Как вы лодку назовете — так она и поплывет.

Бревенчатый плот погиб самым первым.

На постройку различных плавсредств ушло много часов и большую работу закончили лишь к наступлению ночи.

В течение дня, небо совершенно очистилось. Ветер затих. Солнце стало так сильно светить, словно уже наступило жаркое лето. Температура воздуха резко поднялась до тридцати с лишним градусов. Вода в мелкой реке начала прибывать, но на ощупь она была ледяною. Так что, купаться никому не хотелось.

Вокруг лежали сугробы, а парни и девушки ходили лишь в плавках и купальных костюмах. Ради прикола, они по очереди, ложились на снег и делали вид, что загорают на пляже.

Друзья находились поблизости и фотографировали, так сказать, для истории. Мол, такое возможно не только, где-нибудь в Альпах, на горнолыжных курортах Европы, но и в диких отрогах Башкирии.

На другой день, парни и девушки поднялись ещё на рассвете, свернули палатки, и стали готовиться к сплаву. Они уложили все вещи с продуктами в большие пакеты из синтетической плёнки и хорошенько их завязали, чтобы внутрь не попала вода.

Погрузив всё добро в рюкзаки и мешки, ребята устроили их на плавсредствах и прикрепили верёвками, как можно надёжней. В этот момент, на берег на личных машинах примчалась команда из города под названием Челябинск.

Судя по снаряжению, они были намного богаче, чем скромный народ из Самары. Всё у них оказалось значительно лучшего качества и в большем количестве. Ребята заметили новенький спасательный плот «ПСН», дорогие рюкзаки и палатки, фото и кинокамеры профессиональных кондиций. По всему стало видно, это туристы более высокого класса.

Следом за ними, приехали грузовики с другими командами и, на ранее пустом берегу, стало удивительно тесно. Среди прибывших людей оказались и туристы из столицы страны. Москвичи решили пройти по Зилиму на лёгких разборных байдарках.

Сгрузив свои вещи, они сообщили любителям сплава тревожную весть. В связи с подъёмом воды, маршрут сменил категорию с «двойки» на «тройку». Причём с буквой «У». То бишь, «усложнённый».

Пообщавшись с людьми, самарцы столкнули плавсредства в холодную воду, разместились на них и тронулись в путь. Как все и рассчитывали, на «Дутике» было пять человек, на «Импровизации» и «Галлюцинации» по четыре туриста.

На каждом плоту парни, взялись за слезы, расположенные на носу и корме. Ребята гребли таким образом, чтобы попасть на стрежень реки. Все остальные, встали с обоих бортов. Они держали шесты и мощно отталкивались от каменистого дна.

С «ПСН», то бишь, «Импровизацией» всё оказалось значительно проще. Четыре туриста орудовали лёгкими вёслами из алюминия, и плыли не по воле реки, а туда, куда им хотелось. Правда, с учётом течения.

За прошедшие сутки, снег в горах усиленно таял. Небольшие ручьи зазвенели по склонам и, в конце концов, оказались в мелком Зилиме. Его уровень сразу поднялся сантиметров на двадцать, а вода побежала намного быстрее, чем было вчера. Недаром, вдруг изменилась сложность маршрута.

«Дутик» с пятёркой «водителей» выбрался на середину реки и поспешил вниз по реке. За ним двигался бревенчатый плот, названный «Галлюцинацией». «ПСН» замыкал небольшую колонну.

Справа и слева шли берега, густо покрытые лесом. Они представляли собою холмы и обрывы, на которых стояли лиственные или хвойные рощи. Иногда попадались небольшие поляны и каменистые пляжи, выходящие к неширокому руслу.

Пётр Ширкин и Виктор Попов стояли на носу надёжного «Дутика». Слава с Сабирой находились в задней части плавсредства. Четыре туриста по чуть-чуть подгребали длинными вёслами, и держали скромное судно на самой стремнине.

Людмиле, делать было, в общем-то, нечего. Она сидела на рюкзаках и палатках, любовалась красотами и фотографировала пейзажи и скалы, которые видела. Иногда, она брала в руки «журнал экспедиции» и писала в него о своих впечатлениях от прекрасной поездки.

На голубом, ясном небе давно не осталось ни единого облачка. Солнце стремительно взлетало к зениту. Температура воздуха всё повышалась и поднялась до тридцати пяти градусов. Лица, носы и голые руки и ноги у бледных самарцев тотчас покраснели.

Кожу стало покалывать, как при слабом ожоге. Пришлось надевать лёгкие кепки с большим козырьком, а на голое тело натягивать трико и штормовки. Иначе, можно хорошо обгореть. Меж тем, вода всё прибли-

вала, уровень реки поднимался, а скорость потока росла с каждой минутой.

Ближе к полудню, впереди показался крутой поворот бурной реки. Зилим наткнулся на большую скалу и резко сворачивал вправо. У подножья утёса шумно кипел пенный бурун.

Виктор и Пётр, и Слава с Сабирой, крепче схватились за вёсла. Они заработали, как гуцульские сплавщики бревён, что когда-то трудились в Карпатах. Ребята гребли с неистовой силой и отводили их скромный «Дутик» от опасного места.

Небольшое плавсредство влетело в волну высотой в два метра и стало заваливаться на правую сторону. Вместе с беспечной Людмилой, туристы, словно горох посыпались в холодную воду. Причём, вниз головой.

Как выяснилось немного позднее, на плоту удержался лишь один человек. Об этом рассказали ребята, что двигались сзади. Слава помчался по наклонной поверхности вверх и вскочил на ребро настила из слег.

Всего лишь мгновение плот задержался в неудобной позиции, потом, потерял равновесие и двинулся дальше по своей траектории. Он опрокинулся, и к небу взлетели баллоны из серебристой прорезиненной ткани.

Слава сбежал на середину помоста из тонких жердей и остался на мокрой поверхности один, словно перст. Мешки, рюкзаки и все прочие вещи теперь находились в быстро текущем Зилиме.

Людмила вдруг оказалась в холодной реке и, повинувшись инстинкту, задержала дыхание. Кожу у девушки обожгло ледяною водой. Она работала всеми конечностями, перевернулась и устремилась к яркому солнцу, что слабо светилось над её головой.

Журнал экспедиции и дешёвую ручку, она, как и прежде, сжимала в руках. Она была так занята, что в голове не возникло и мысли всё это бросить. Продвигаясь наверх, она тут же наткнулась на жерди, что были накрепко связаны прочной верёвкой. Течение реки несло её вместе с плотом.

Девушка находилась под ним, словно пришитая, не двигаясь ни назад, ни вперёд. Не выпуская тетрадку и ручку, Людмила перебирала руками и постепенно смещалась в правую сторону. Наконец, её голова оказалась над волнами, и девушка сделала продолжительный вдох.

Слава увидел подругу, схватил за шкурку ветровки и затащил на маленький плот. Следом за ней там очутились и все остальные туристы. Они были мокрыми, словно те рыбы, которых достали из верши. К счастью, все оказались живыми и без каких-либо травм. Вот уж сvezло, так сvezло.

Как только произошёл «оверкиль», носовое и кормовое весло бесследно исчезли в бурлящей пучине. Дальше ребята поплыли, как говорить, без руля и ветрил. Они могли только смотреть, куда же несёт их судьба?

Не желая замёрзнуть, туристы разделись, быстро отжали влажные шмотки и снова надели всё на себя. Под яростным солнцем одежда быстро просохла и стала колом от растворённых солей.

«Дневник экспедиции» с ручкой Людмила положила в карман прочной ветровки и застегнула на молнию. Писать о своих впечатлениях ей стало некогда.

Через какое-то время, впереди показался поперечный завал из деревьев, что задержались на отмели. Десятки толстых стволов переплелись в баррикаду и страшно топорщились ветками в разные стороны. Зилим шумно нырял в этот валежник, проходил сквозь него и с поразительной скоростью двигался дальше.

Скорее всего, в верховьях реки, ночью прорвалась большая запруда. Вода хлынула вниз и притащила с собой всякий хлам, который собрался, в ходе таянья снега.

Туристы увидели большую преграду высотой в два метра и, в едином порыве, прижались друг к другу от сильного страха. Каждый подумал: — «Не дай Бог, наткнутся на острый сучок.

Повиснешь на нём, словно жук на булавке и будешь болтаться в волнах, пока не сойдёт половодье. Раньше тебя, никто и не снимет оттуда. Вертолётов здесь нет, и никто не захочет, рисковать головой ради мёртвого тела».

Секунд десять спустя, плот с полного маха поднялся на низкий бурун и прыгнул с него в завал из деревьев. Ребят сорвало с настила и с удивительной силой швырнуло по ходу движения.

Ощувив, что находится в воздухе, Людмила сжалась в комок, закрыла руками лицо и крепко зажмурилась. Она проломилась сквозь мокрые ветки, словно ядро, что попало в плетень. Только треск раздался в ушах. Девушка пролетела ещё больше метра и снова плюхнулась в хо-

лодную воду. Река подхватила её и, кувыряя, как куклу, понесла вниз по течению.

Барахтаясь в пенных волнах, Людмила кое-как сориентировалась и всплыла на поверхность. Слегка отдышавшись, она оглянулась и увидела то, от чего у неё дух захватило. Нечто похожее нарисовано на старинной картине «Девятый вал» Айвазовского.

По стремнине несло небольшое бревно, за которое крепко держались самарцы, и «летуны», и «водители». Виктор, Слава и Пётр находились чуть сбоку и тоже стремились к тёплой компании. Людмила совсем не хотела отстать от друзей. Она тоже рванулась к средству спасения.

По всему выходило, что плот «Галлюцинация» врезался в тот же завал, что и «Дутик». В отличие от гондольной конструкции, его разметало на отдельные части и, в разобранном виде, понесло вниз по Зилиму.

Наконец, все ребята собрались единой командой и двинулись дальше. Все очень надеялись, что скоро покажется мелкое место. Там можно, подняться на ноги и выйти на берег. Однако, всё снова пошло совсем по-другому.

Через три сотни метров, потерпевшие кораблекрушение люди, влетели в ещё один длинный завал из деревьев. Бревно, как таран воткнулось в преграду и бесследно исчезло неизвестно куда. Наверно, застряло меж толстых стволов.

Туристы опять проломились сквозь переплетение веток и оказались на довольно широком участке Зилима. Течение стало намного спокойнее, и на поверхности не было больших бурунов.

Людмила задела за что-то кроссовкой и вдруг осознала невероятную вещь. Прямо под ней каменистое дно. Она встала на ноги, оказалась по грудь в холодной воде и ощутила себя на вершине блаженства. Она спасена. Не нужно больше барахтаться в бурных волнах и нестись по стремнине неизвестно куда.

В этот момент, рядом с ней оказался Виктор Попов. Он задержался на пару секунд и громко сказал: — Чуть дальше большой перекат. Двигай туда.

Людмиле совсем не хотелось сходить с твёрдой земли, но девушка хорошо понимала, ей там нельзя оставаться надолго. Очень скоро, она замёрзнет так сильно, что не сможет уже шевелить своими конечностями. Ну, а потом, ноги подломятся, и она тут же утонет.

Пришлось сходить с безопасного места и плыть за друзьями. Через минуту, она оказалась на мелководье. Ну, а потом, почти на карачках,

еле добралась до левого берега. Все так сильно устали, что попадали наземь и лежали на голых камнях, как снулые рыбы.

Солнце, как прежде, светило с неслыханной силой и одежда и обувь, быстро просохли. Туристы чуть отдохнули, поднялись на ноги и осмотрелись вокруг. Тут к низкому берегу причалил их «ПСН» с четырьмя «летунами».

Каким-то таинственным образом, они миновали два страшных завала и без всяких потерь, прибыли сюда. Скорее всего, оба плота пробили бреши в тех баррикадах и они проскользнули сквозь узкие щели.

Как самый опытный сплавщик Виктор Попов знал эту реку лучше других. Он сообщил неприятную весть, до ближайшей деревни Толпарово ещё далеко, и идти им придётся по берегу, где почти не имеется натоптаных троп. Это весьма тяжело.

Топоров у них нет, да и вещей и продуктов не осталось совсем. Так что, лучше всего, вернуться назад и взглянуть на завал, куда врезался «Дутик» и его компаньон. Вдруг там удастся найти, что-то полезное.

Под конец парень сказал: — Судя по внешнему виду, «ПСН» у нас в полном порядке. Пусть его экипаж плывёт себе дальше. Они доберутся до конечной точки маршрута, и отметиться в местном отделении милиции. Иначе, нашей команде, не зачтут этот проход по реке.

Его слова поддержали Пётр и Слава с Сабирой. Все остальные, переглянулись и, печально вздохнув, согласились с друзьями. Туристы встали цепочкой, и пошли в обратную сторону.

Они плыли с бревном всего ничего, а вот назад, шли больше часа. Ведь теперь самарцы двигались в гору, и часто петляли меж больших валунов. Иногда приходилось, взбираться на обрывистый берег и обходить крупные скалы, что стояли по пояс в воде.

Наконец, они добрались да второго большого завала и с удивленьем увидели такую картину. Их небольшое плавсредство прочно застряло в ветвях и стояло торчком на левом боку.

Все баллоны из «ткани 500» были изорваны в клочья и висели безвольными тряпками. Рулевое и кормовое весло бесследно исчезло. От бревенчатого плота не осталось вообще ничего.

Как это ни странно, все мешки с рюкзаками оказались на месте. Их так хорошо связали верёвкам, что река не сумела, пока ничего утащить. Правда, никто не мог точно сказать, сколько продлиться такое положе-

ние дел. Вода прибывала у людей на глазах. Течение становилось всё сильнее и сильнее.

Край большого завала находился всего в паре метров от берега, и до него было, рукою подать. Пять-шесть шагов по мокрым стволам переплетённых деревьев и можно добраться до настила погибшего «Дутика» и тех вещей, что плыли на «Галлюцинации». Благо, что ветки, торчат в разные стороны, и за них удобно держаться.

Парни прикинули все варианты и дружно решили: — Нужно спасать свои вещи. Без них, им теперь никуда. Иначе придётся, возвращаться домой налегке. Хорошо, что документы и деньги, у всех лежали в пакетах из пластика и постоянно хранились в карманах штормовок.

Туристы тотчас разошлись по каменистому берегу и принялись собирать подходящие жерди. Кто-то нашёл обрывки сетей. У Славы на поясе висел охотничий нож в прочном чехле с надёжной застёжкой. Во время купания, он остался на месте. Так что, острому лезвию, сразу нашлось привычное дело.

Кусками верёвок связали крепкие слепи. Получился узенький мостик весьма неказистого вида. Его перебросили с суши на высокий завал из деревьев. Балансируя над сильным течением, друзья перешли на стволы мокрых деревьев. Они добрались до плота и стали, по одному, освобождать мешки с рюкзаками.

Сняв какой-то баул, кто-нибудь из ребят, прижимал его к животу и тащил к близкому берегу. Там девчата подхватывали увесистый груз и относили на более высокое место. Туда, куда не сможет добраться Зилим.

Часа через два, все вещи уже находились вдалеке от реки. Судя по мху на камнях, даже при самом большом половодье, вода никогда не поднималась до этого уровня. Закончив работу, парни спустились с завала и, оставшись без сил, упали на твёрдую землю, прогретую солнцем. Всем очень хотелось слегка отдохнуть.

После тяжких трудов, туристы чуть оклемались, и провели инвентаризацию своего багажа. Большая часть всех вещей находилась на месте и оказалась в полном порядке. Пакеты из пластика не позволили им напиться водой. Пропала только гитара да ещё кинокамера. Они навсегда исчезли в реке.

Парни подняли поклажу на крепкие плечи. Девчата последовали примеру друзей. Самарцы тронулись в путь, и пошли вверх по течению. Лишь ближе к вечеру, они дотащились пешком до деревни Бутаево. Там

они наняли грузовую машину, добрались до железной дороги и на поезде, с одной пересадкой, вернулись домой.

Надувной спасательный плот «ПСН»

Ещё через сутки, в Самару приехали те «летуны», которые двинулись прежним маршрутом. Они рассказали, что с ними случилось, после того, как их сплочённая группа, внезапно распалась на неравные части.

Как выяснилось, «Импровизация» проявила себя в полной мере. Девять друзей ушли вверх по реке, а четыре туриста, стали готовиться к дальнейшему плаванию. Первым делом, они осмотрели плавсредство.

Так уж случилось, что «ПСН» был весьма преклонного возраста. Он выглядел удивительно старым, но отлично держал людей на плаву. Вот что, значит боевое изделие советского флота.

Однако, материал местами потёрся и стал не таким герметичным, как раньше. За то долгое время, что шли по Зилиму, часть воздуха, ушла в атмосферу из замкнутых ёмкостей. Нужно было, как можно скорей, устранить недостаток давления.

Применив ручной автомобильный насос, туристы стали покачивать все небольшие отсеки. Один из них неожиданно лопнул. Раздался громкий хлопок и появился разрыв длиною в ладонь. Скорее всего, при прохождении завалов, ткань в этом месте немного надрезало острым сучком. К счастью, она не порвалась ещё на реке.

Пришлось зашивать ту дыру прочной капроновой нитью и ставить сверху заплатку на быстросохнущий клей. Хорошо, что у четырёх «летунов» всё имелось с собой. Проклиная свою невезучесть, они залепили дыру и решили чуть подождать. Пусть синтетическая липкая масса схватиться, как можно прочнее.

Время перевалило за полдень, и ребята решили поесть. Пока двое парней возились с ремонтом плота, двое других занялись приготовлением еды. Они сразу же выяснили, что в ходе горного сплава пострадали продукты питания.

По непонятной причине лопнул пакет из прочного пластика и вся вермишель сильно промокла. Она превратилась в кусок белого теста весом в пять килограммов. Варить её в таком состоянии было никак не возможно. Она превратиться в густое желе наподобие клейстера.

Выбрасывать пищу, никто не хотел и её тонким слоем разложили на детской клеёнке, которую кто-то с собой прихватил. Под жарким солн-

цем «лепёшка» скоро просохла. Она превратилась в подобие камня, и чтобы сложить всё в целый пакет, парни рубили её топором на куски.

Лишившись горячего, друзья достали из своих рюкзаков банки с консервами и неожиданно поняли, что пешеходная группа утащила с собою весь хлеб. Сильно расстроившись, парни огляделись вокруг и, к своему изумлению, увидели половинку ржаного, что лежала на одном из камней.

Наверное, она сильно подмокла в реке, и предыдущие сплавщики, бросили её на стоянке. Мол, пусть съедят птицы и звери. Как это ни странно, но никто не польстился на подобный продукт. Скорее всего, местная живность просто его не заметила.

Зато, голодные парни воспрянули духом. Они взяли топор, разрубили остаток буханки на много частей и слопали всё до последней крупинки. «Сухари» с говяжьей тушёнкой пошли на ура.

После еды, самарцы проверили, крепко ли держится их большая заплатка, и накачали насосом повреждённый отсёк. Убедившись, что «ПСН» в полном порядке, они погрузились в него вместе с вещами, и двинулись дальше.

Вода поднялась ещё выше, но в этой части Зилима течение было довольно умеренным. Ребята лишь иногда подгребали короткими лёгкими вёслами. Так что, их плавание проходило совершенно спокойно.

До самого вечера ребята плыли вниз по Зилиму. Солнце склонилось к закату и закатилось за горы, что стояли вокруг. Стало быстро смеркаться. Туристы решили, остановиться на отдых, но никак не могли, найти подходящее место.

Всюду встречались то камни, то скалы, то большие завалы из острых коряг. Течение резко усилилось. Несмотря на усилия сплавщиков, несколько раз их проносило мимо удобных площадок.

Так они и добрались до деревни, которую зовут Зириклы. Судя по карте, всего лишь за день «летуны» прошли пятьдесят пять километров по бурной, полноводной реке. Уже ближе к ночи, туристы всё же причалили к берегу.

Все очень сильно устали. Они вышли на сушу, сгрузили поклажу и поняли, что у них нет уже сил, чтобы устраивать лагерь. Спать без палаток на улице, никому не хотелось. Ночью мог хлынуть дождь, а то и посыпаться снег. Так и воспаление лёгких можно схватить.

Один из парней, увидел местного жителя, что оказался поблизости, и с надеждой спросил: — Можно ли в этой деревне, встать у какого-нибудь на ночь. Мы заплатим им за постой.

— Сейчас очень много туристов идёт по Зилиму. Так что, никто вас не пустит к себе. — ответил старик. Он посмотрел на измученных дорогой ребят, немного подумал и вдруг сказал: — Хозяева крайнего дома недавно уехали в город. Вы зайдите туда и ночуйте спокойно. Никто вас не прогонит.

Ребята пришли к старому дому и выяснили, что дверь там закрыта лишь на защёлку. Внутри оказалось пусто, как в барабане, ни мебели, но каких-то предметов или одежды. Только дальняя комната была заперта на массивный амбарный замок.

К этому времени, на улице совершенно стемнело. Вокруг стояли невысокие мрачные горы. Хорошо, что в звёздном небе появилась луна, и её призрачный свет позволял, что-нибудь разглядеть под ногами.

«Авиаторы» стравили весь воздух из «ПСН», и принесли его с берега вместе со всеми вещами. Всё шмотки разложили по полу, чтобы они просушились, и стали готовить еду к позднему ужину.

Электричества в скромной деревне тогда ещё не было. Впрочем, как и сейчас. Фонарей с батарейками ни у кого не имелось. Зажгли свечку из стеарина, которую привезли из Самары.

При слабом мерцании одного фитилька, разожгли маленький переносной керогаз для туристов, поставили на него котелок и сварили лапшу, которую намочили в Зилиме, а потом просушили на солнце.

После первой же ложки, всех ожидал неприятный сюрприз. Оказалось, что рядом с дырявым пакетом макаронных изделий лежал кусок туалетного мыла. Так что, его мерзкий запах пропитал весь походный кулеш.

Магазина поблизости не было. Чтобы не остаться голодными, туристы, с большим отвращением глодали такую еду. Кто-то назвал её блевантином.

Наконец, всё кое-как, но справились с «потрясающим» ужином. «Летуны» разложили ещё влажные спальники, забрались в мешки и собирились мгновенно уснуть.

И тут, послышался ужасающий скрип и постукивание в деревянную дверь. Он исходил из той самой комнаты, что была прочно закрыта на амбарный замок. Эти странные звуки повторялись каждые десять минут.

У всех мороз драл по коже, но идти было некуда. Все парни продолжали лежать и сильно дрожать от непонятной какофонии звуков.

Через какое-то время, все убедились, ничего кроме шума, домовый, или то приведение, что там сидело, ничего больше не делает. Ребята совсем успокоились и погасили почти догоревшую свечку. Глаза скоро привыкли к той темноте, что заполнила комнату. Дыханье туристов стало потихоньку выравниваться.

Один из парней, которого звали Олег, испуганно вскрикнул.

— Ты чего? — спросил его друг.

— Там в дальнем углу, ярко светятся два зелёных зрачка. — пробормотал молодой человек.

— Нет там никого. — устало зевнул третий турист.

— «Наверное, там сидит домовая крыса или какой-то местный зверёк, к примеру куница». — подумал Олег. Он вылез из спальника, взял туристский топорик и направился к месту, где заметил сияние.

Олег подошёл на два шага к стене и увидел очень привычную вещь. На полу находилась пустая, немного помятая, консервная банка. Лучик луны проходил сквозь закрытые ставни окна и попадал на бок небольшого сосуда. Слабый блеск создавал впечатление двух маленьких глаз. Облегчённо вздохнув, парень вернулся в свой спальник и тут же уснул.

Утром, ребята поднялись, позавтракали оставшейся вонючей лапшой и двинулись вниз по реке, к деревне Таш-Асты. Они добрались до сотрудника местной милиции, взяли справку о прохождении маршрута и узнали неприятные новости.

Как выяснилось, туристам, что шли самыми первыми, весьма повезло. Самарацы поплыли по горной реке ещё до того, как вода поднялась до максимального уровня. Поэтому, они потеряли лишь кинокамеру, простую гитару и шесть баллонов, самостоятельно склеенных из замечательной «ткани 500».

Все другие команды двинулись следом, сутки спустя. К этому времени, течение Зилима стало просто ужасным. Команда Москвы разбила байдарки и утопила прочие вещи. Челябинцы, лишилась всего, что имели, и у них, даже погиб один человек.

САМОЛЁТ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

После ухода Андрея, жизнь не застыла на месте, а продолжала стремительно мчаться вперёд. Марина сильно ужала расходы, скопила нуж-

ную сумму и купила замену той мебели, что внезапно увёз её третий супруг.

Дети стремительно выросли и довольно успешно окончили среднюю школу, что находилась в соседнем квартале. Старшая дочь по имени Аллочка, поступила в институт менеджмента. Она прошла полный курс обучения и получила обычный синий диплом.

То бишь, девушка стала менеджером широкого профиля. Это когда человек ничего толком не знает, но зато, научился командовать другими людьми. В первую очередь, теми беднягами, которые могут хоть, что-нибудь делать своими руками.

Нужно сказать, что родной папа девушки был представителем «богоизбранной нации». Он нашёл дальних родственников, что проживали в Америке, и перебрался туда для «воссоединенья семьи».

Как это ни странно, мужчина устроился очень неплохо и пригласил Аллочку переехать к нему. Она тотчас согласилась, оформила все документы и укатила на другой край Земли, в город Нью-Йорк.

Благодаря еврейской диаспоре, девушка быстро освоилась в большом мегаполисе, нашла там работу и зажила полной жизнью. Через несколько лет, она вышла замуж и родила прекрасного сына. Все эти годы, она постоянно звонила в Россию и подолгу болтала со своей «старой» мамой.

Однажды, Алла сказала: — Брось ты эту Самару. Продай свою убогую «трёшку» и прилетай к нам сюда. Повозишься с внуком, посмотришь, как он быстро растёт.

К этому времени, младший сын женщины, которого звали Володя, окончил городской политех. Он стал инженером, женился и вместе с супругой, переехал в столицу России.

С раннего детства, парень хорошо рисовал и лепил из пластилина и глины и даже учился в каких-то кружках или студиях. Или, как теперь называют те школы, где нынче растят юных художников?

Оказавшись в Москве, Володя нашёл работу по вкусу и стал заниматься виртуальным дизайном. До 2020-года зарплату в той отрасли платили довольно приличную. Её хватало на то, чтобы жить и снимать неплохую «однушку», расположенную в дальнем спальном районе.

Поэтому, молодой человек вовсе не думал возвращаться назад. Он лишь иногда, приезжал на несколько дней и навещал свою «старую» мать. Правда, никогда не гостил очень долго.

(Не знаю, как с этим делом сейчас, после широкого распространения ИИ, то есть, программ искусственного интеллекта. Очень возможно, что сегодня Володя занимается чем-то другим. — примечание автора.)

Марина осталась совершенно одна, но бросить родину и старых подруг она просто так не могла. Слишком она всех сильно любила. Женщина немного подумала и сказала себе: — Нужно съездить в Нью-Йорк, посмотреть, что там и как, а потом уж решать, как же мне поступить?

Сказано, сделано. Она очень быстро оформила визу в Америку для посещения родственников, оделась во всё самое лучшее, что неё только имелась и отправилась в путь, протяжённостью в тысячи вёрст.

Нью-Йорк показался Марине, невероятно огромным, удивительно шумным и грязным, и совершенно чужим. В нём проживали миллионы землян, что приехали в город из разных частей нашей планеты.

Одежда, обувь, даже сумки с пакетами, всё весьма отличалось от привычных Марине вещей. Белые европейские люди встречались на улицах относительно редко. Всюду мелькали негры, китайцы, индийцы, латинос и представители прочих рас и народов.

Фасоны причёсок сильно бросались в глаза. В толпе можно было увидеть всё, что угодно, от обычных каре и естественных кудрей, до ирокезов, пейсов и дредов. Часто встречались странные ёжики, стрижки «под ноль» и голая кожа на черепе, выскобленная до зеркального блеска.

Лица мужчин были большею частью побритыми. Многие щеголяли щетиной, усами и бакенбардами, или же бородами всех мастей и размеров. Кое-кто заплетал эту растительность в нечто похожее на женские косы.

На всех зданиях виднелись непонятные надписи на всевозможных наречиях. Так что, невозможно понять, что же ты видишь сейчас? То ли перед тобой магазин, то ли баня, то ли какой-нибудь клуб? К этому можно добавить неимоверное полчище всяких машин. В общем, кошмар, да и только.

Алла жила в съёмной квартире многоэтажного одноподъездного дома. Когда она была на сносях, все люди, что жили поблизости, подняли вопрос, о её выселении. Не то, родиться ребёнок, он будет кричать и сильно мешать всем остальным. Держать в квартире собаку или же кошку, тоже всем запрещалось.

Как узнала Марина, муж её дочери являлся приходящим субъектом и не собирался жене во всём помогать. Мол, это тебе был нужен наследник. Поэтому, разбирайся с этой проблемой сама.

Алла стала искать другое жильё и обошла множество мест, где предлагали квартиру для съёма. Везде ей сказали всё те же слова: — Мы не пускаем жильцов с детьми и животными.

Хорошо, что за неё заступилась еврейская община Нью-Йорка. Адвокат-иудей обошёл кондоминиум и побеседовал со всем населением. Каким-то таинственным образом, он всех убедил, что им лучше не связываться с «богоизбранной нацией».

Мол, евреи их всех затаскают по бесконечным и бесперспективным судам. Себе выйдет намного дороже. Благодаря такой мощной поддержке, Алла осталась жить в этом доме.

Детские ясли и садики в Нью-Йорке, конечно, имелись, но они стоили потрясающе дорого. Мало того, в них брали детей, лишь на четыре часа в течение суток. Всё прочее время, родители должны были, сами воспитывать собственных чад. Или нанять приходящую няню, что тоже тянуло на приличную сумму.

Как стало известно Марине, у Аллы не хватало зарплаты на такие услуги. Как она выходила из того положения, она не сказала. Скорее всего, взяла долгий кредит в коммерческом банке.

Женщина поиграла с маленьким внуком, похлопотала по дому несколько дней и поняла очевидную вещь. Когда тебе шестьдесят, то постоянно возиться с ребёнком, сил уже не хватает.

Кроме того, подруг поблизости нет. Звонить через весь океан и Европу потрясающе дорого. Общаться с соседями или сходить на прогулку она, к сожаленью, не может. Ведь языка совершенно не знает и мгновенно заблудиться. Марина немного подумала, сказала дочурке, что пора возвращаться домой и полетела в Самару.

Войдя в самолёт, Марина нашла своё место и, согласно билету, села в широкое мягкое кресло. Рядом с ней оказался очень приличный седовласый мужчина. На вид ему было лет шестьдесят. Как оказалось, родом он из России, а в Америку ездил к хорошим друзьям.

Марина сильно соскучилась по разговорам с людьми на родном языке. Она забыла про осторожность и рассказала почти всё о себе. В том числе, сообщила о том, что побывала у дочери в Нью-Йорке.

Пожилой человек вдруг оживился и неожиданно начал, ухаживать за милой попутчицей. Салон авиалайнера оказался наполовину пустым, они сидели вдвоём и никому не мешали тихой беседой.

Мужчина позвонил стюардессе и угостил Марину шоколадом с шампанским. Они поболтали много часов, сделали несколько селфи на её телефон и почти не заметили, как завершился тот долгий полёт.

Оказавшись в Москве, они, к своему сожаленью узнали, что им придётся быстро расстаться. Уже через час, у Марины был самолёт на Самару, а ему было нужно, побегать в столице по важным делам. Путешественники сообщили друг другу телефоны личных мобильных и разъехались в разные стороны.

Женщина печально вздохнула, вернулась домой и постаралась забыть о приятном соседе по длинному рейсу. Ничего не поделаешь, возраст, вряд ли удастся теперь, что-нибудь изменить.

Жизнь вернулась в свою колею и потекла тем же порядком, как раньше. Через неделю телефон вдруг издал мелодичный сигнал. Марина взяла аппарат и привычно взглянула на голубоватый экран.

К удивлению женщины, её вызывал тот пожилой человек, с которым она летела в Россию. Они поболтали немного, седовласый мужчина простился и с этого дня, он начал ей часто звонить. С каждым разом, беседы становились всё теплей и душевней.

Скоро Марина подумала, что между ними возникли романтические чувства. Не такие, конечно, как в юные годы, но всё же, достаточно сильные для их пенсионного возраста. Она, где-то читала, что и такое в нашей жизни случается.

Узнав о решении Марины, Алла, сильно обиделась. Ведь её любима мама не захотела остаться в Нью-Йорке на долгое время и воспитать подраставшего внука. Однако дочь не хотела сдаваться в этом вопросе. Она регулярно общалась с престарелой родительницей и продолжала её уговаривать, переехать в Америку.

Женщина обещала подумать и переходила на прочие интересные темы: на здоровье, работу, погоду и всё остальное. Однажды она рассказала о своём бывшем попутчике. Дочка заинтересовалась новым знакомым мамы, и попросила назвать ей все личные данные пожилого мужчины.

Преисполненная романтических чувств, Марина без какой-либо мысли, назвала фамилию, имя и отчество, и телефон своего ухажера. Под конец, она сообщила: — Его адрес и возраст я точно не знаю. Он моих лет и проживает где-то в Москве. У меня есть общее селфи, что мы сделали с ним в самолёте.

Алла всё записала и на прощание бросила: — Присылай его фото. Я на него посмотрю.

Как оказалось, приходящий муж дочки прекрасно владел персональным компьютером. Он провёл расширенный поиск в социальных сетях и нашёл большое число фотографий пожилого мужчины.

Выяснились весьма интересные вещи. Причём такие, о которых он забыл рассказать своей новой пассии. Во-первых, человек занимался крупным строительным бизнесом. Во-вторых, он был много лет, женат на красивой блондинке, и имел от неё двух взрослых детей.

Ещё зять Марины умудрился взломать телефон ухажёра и прислал своей тёще его переписку. По крайней мере те файлы, что конкретно, касались их встречи, в том самолёте. Видимо, дочка всё прочитала и отобрала самое главное.

Мужчина писал своему старому другу, что возвращаясь домой, он встретил еврейку, которая ездила к дочке в Нью-Йорк. Он сразу понял, как можно использовать эту глупую даму. Его огромные деньги находились уже за границей. В Москве осталась лишь малая часть для ведения бизнеса.

Он разведётся с любимой женой, фиктивно жениться на этой старухе и вместе с ней переберётся в Америку. Ну, а потом, бросит её и вызовет в штаты детей. После чего, приедет его молодая супруга, и они все заживут так же, как прежде, счастливой дружной семьёй.

Такое известие наповал сразило несчастную женщину. Она долго плакала и переживала по данному поводу.

— Вот, ведь дура какая. — говорила Марина себе: — Почему-то поверила, что я в мои годы, кому-то нужна. Тем более, такому мужчине, который часто летает в Америку к старым друзьям.

Едва она успокоилась, как позвонил её ухажёр. Женщина поздоровалась и с усмешкой спросила, как поживает жена и его взрослые дети? Причём, назвала всех по именам.

Человек стал горячо говорить, что очень сильно любит Марину, и почти что, развёлся с неверной постылой супругой. Он готов в ближайшие дни, приехать в Самару, жениться на ней, а потом увезти в свою квартиру в Москве.

Женщина послушала излиянья мужчины, но ни на грош не поверила лживым словам. В ответ она прочитала письмо, что он настроил старому другу. На том конце провода послышалась грубая брань и связь прервалась.

Марина положила телефонную трубку и вспомнила тот анекдот, что слышала когда-то давно, ещё в советские годы. В нём говорилось о том,

что жена-еврейка — не роскошь, а средство для перемещения в Израиль. Ну, а оттуда, можно уже перебраться в Европу или Америку.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНОМА

В самом начале весны, Натансон Генрих Антипович взял чемодан и отправился в командировку в Европу, а оттуда в Америку. Заведующий биологической лаборатории знакомился с опытом развитых стран, что сильно продвинулись в изучении живых организмов Земли.

Поездка была довольно насыщенной и затянулась на три с лишним месяца. Всё это долгое время, его подчинённые находились без надзора начальства. Нужно сказать, что они не бездельничали, а выполняли исследования по заранее составленным планам.

У Олега Кулигина было не так чтобы много работы. Нисколько не больше, чем у остальных сослуживцев. Трудился парень удивительно быстро и часто не знал, чем же занять то свободное время, что у него оставалось в течение каждого дня.

Согласно приказу директора, выйти из института раньше пяти часов вечера, могли только люди, имевшие письменное разрешение начальства. За этим очень внимательно следила охрана, что сидела на вахте.

Торчать перед экраном компьютера и читать бесконечную ленту рунета, парню быстро наскучило. Вот и стал, Олег думать, о самых разных вещах. Как регулярно случалось с молодым человеком, ему пришла в голову неординарная мысль.

Реализация данной идеи, могла совершить переворот в сельском хозяйстве и принести огромную прибыль нашей могучей стране. Олег быстро прикинул, последовательность всех операций, и принялся воплощать, эти мечтания в жизнь.

К счастью учёного, необходимые биологические материалы стоили потрясающе дёшево. Олег приходил в местный террариум и, без всяких проблем, брал их, сколько хотел. Всё остальное, он уже делал у себя за столом.

Для подобной работы, в лаборатории, имелись все нужные инструменты и техника. Это позволяло Олегу, никому не мешая, заниматься решением очень важной проблемы.

Через три с лишним месяца, из командировки приехал очень довольный и хорошо отдохнувший Генрих Антипович. Он раздал руково-

дству кучу ценных подарков, привезённых из-за границы, и рассказал об интересной поездке.

С его слов выходило, что несмотря на затянувшийся кризис, на «загнивающем западе» наука не стояла на месте. Благодаря большим инвестициям, она сильно продвинулась во всех направлениях. Кое-какие идеи он у них посмотрел. Теперь россиянам, нужно было напрячься, приложить все усилия и, как можно скорее, догнать иностранных коллег.

Отчитавшись о внушительных суммах, потраченных в командировке, завлаб тут же вернулся к своим прежним обязанностям. В первую очередь, он стал слушать доклады руководителей групп своей скромной епархии.

Как оказалось, все хорошо потрудились и даже, чуть перевыполнили, план изысканий за минувший квартал. За успехи в научном труде, сотрудникам лаборатории пообещали приличную премию.

Наконец, все слегка успокоились и, облегчённо вздохнув, дружно вернулись к рабочим местам. Олег подумал о том, что пора и ему, показать те результаты, что он достиг за прошедшие месяцы.

Научный сотрудник вошёл в кабинетик завлаба и немного смущаясь, сказал: — После того, как вы уехали, мне пришла в голову интересная мысль

Генрих Антипович крепко запомнил все изобретения Олега. В том числе, и его крокодилов с густой чёрной шерстью, которые вдруг расплодились по всему Подмосковию. Их едва удалось уничтожить с помощью генно-модифицированных водных полёвок.

Да и «концентратор энергии» созданный парнем натворил много бед. Пришлось провести дезактивацию колхозного поля, заражённого выбросом радиоактивных металлов.

— И что ты придумал теперь? — сильно напрягшись, поинтересовался завлаб.

— По заявленью финансовых органов, в России, каждый год забивают более пятисот миллионов бройлерных кур. По три с лишним штуки на одного человека в республике.

Всю эту огромную армию нужно очистить от перьев и внутренних органов и только потом, отправлять к потребителю. Вы знаете, сколько людей, каждый день занимаются таким неприятным трудом? Всем нужно платить неплохую зарплату, а от подобных затрат, весьма дорожает конечный продукт.

Вот я и подумал, а почему бы биологам не изменить генотип и создать цыпочек особой породы. Тех, что будут линять к нужному сроку. Так делает самка тропической птицы с внушительным клювом, которую зовут носорог.

Когда наши питомцы, достигнут нужного возраста, они сбросят все перья, и их уже не придётся ощипывать. Вы представляете, какая огромная выгода будет для нашей страны?

Генрих Антипович с облегчением понял, что Олег говорит не о выведении новых, очень опасных животных. Речь шла о безобидных хохлатках, что не смогут создать особых проблем.

Завлаб тотчас успокоился и с интересом спросил: — И как ты Олег, собираешься это проделать? Где нам достать твоих птиц-носорогов? Насколько я знаю, они водятся в Африке и никому неизвестно, чем их нужно кормить. Наверняка, эта затея окажется очень накладной, и выйдет нам боком.

— Да не нужны нам такие эндемики. — отмахнулся Олег и с жаром продолжил: — Пока вы были в Европе, я взял обычные куриные яйца и изменил в их зародышах несколько генов. Получилась самая обычная клуша, только с удивительно нужной людям способностью. В данный момент, она сидит в клетке вивария, и должна уже скоро линять.

— Ну, неси парень, сюда свою курицу. Поглядим на неё. — облегчённо вздохнул Генрих Антипович. Ведь это не крокодилы, покрытые шерстью, от которых избавились с огромным трудом.

Молодой человек вышел из кабинета начальника и побежал в другой корпус, где обитали лабораторные мыши, крысы и кролики. Прибыв туда, он взял железную клетку, в которой жила необычная курица, прижал к своей тощей груди и помчался обратно.

Парень вернулся в лабораторию в самый удачный момент. В центре стоял директор их института — Шпигель Марк Иннокентьевич. Вокруг находились руководители групп и другие сотрудники. Генрих Антипович что-то всем объяснял. Наверное, говорил им о том, что он «подглядел у своих иностранных коллег».

Олег неожиданно понял, что движется слишком стремительно и сейчас с силой врежется в плотную группу соратников. Он стал тормозить, внезапно запнулся и повалился ничком. Не желая пораниться в ходе падения, парень бросил поклажу и выставил руки вперёд.

Железная клетка продолжала движение уже без Олега и с металлическим звуком грянулась об пол. Прочная дверца широко распахнулась. Жертва генетики оказалась на воле и весьма испугалась, внезапно от-

крывшегося, перед нею пространства. Громко квохча, она захлопала крыльями и поднялась к потолку.

Именно в эту секунду, для неё вдруг пришло время линьки. Перья и пух ту же сорвались с кожи хохлатки, полетели в разные стороны и облепили людей от ног до макушки.

Возмущённый народ завопил на все голоса. Женщины дико визжали от страха, мужчины ругались, словно биндюжники. Ведь занятия наукой не проходят бесследно и очень влияют на лексикон российских учёных.

Голая курица, сразу утратила свои лётные качества и с влажным шлепком рухнула вниз. Птица не растерялась и тотчас вскочила на голенастые ноги. Петляя как молния, она кинулась прочь и немедленно скрылась меж лабораторных столов.

Олег поднялся с пола и бросился следом. Опрокидывая стулья и тумбочки, он быстро поймал молодую беглянку, вернулся ко входу в лабораторию и сунул добычу в железную клетку.

Птица очень громко кудахтала, топала длинными лапами и часто хлопала обнажёнными крыльями. Вид у неё оказался весьма уморительным, но, почему-то, никто не смеялся.

К этому времени, народ слегка успокоился. Все перестали истошно вопить и, возмущённо ворча, стали чистить себя и соседей. Пух и перья хохлатки прочно прилипли к волосам и одежде и совсем не хотели расстаться с людьми.

Подобное положение дел, совершенно не радовало научных сотрудников. Ведь они походили на жертв линчевания, что широко применялось в средневековой Европе. Хорошо, что в смоле никого не измазали. Иначе, долго потом, пришлось им отмываться.

Генрих Антипович громко откашлялся, попытался смягчить ситуацию и с широкой улыбкой обратился к директору: — Как мы только что видели, линька у курицы, генетически модифицированной нашим отделом, прошла очень успешно. Она сбросила перья и пух за короткое время. Причём, все целиком. Поэтому, можно считать данный опыт довольно успешным.

Сдержав раздражение, директор хмуро ответил: — Мне лично кажется, что прежде, чем заявлять о создании новой породы, нам здесь придётся, кое-что доработать.

Промышленники должны точно знать, в какой именно день, начнётся линька у кур? Ведь, у нас здесь не Африка с тропическим климатом.

Оголённые птицы простудятся и быстро умрут от воспаления лёгких. А такую продукцию, не сможет принять ни один магазин.

Нужно исправить геном, чтобы ваши питомцы лишились пуха с пером по особой команде. Например, после включения мощной сирены. А лучше всего, сделать так, чтобы они обнажались при помощи химии. То есть, лишь после того, как съедят препарат, добавленный в пищу.

Кстати сказать, то же самое можно проделать и с овцами. Подкорректировать этих животных таким хитрым образом, чтобы в определённый момент, они сразу лишились всей шерсти.

С другой стороны, хороший стригаль потратит на эту работу всего пару-тройку минут. — закончил Марк Иннокентьевич и, сильно задумавшись, направился к выходу, что вёл в коридор.

Следом за ним семенил Генрих Антипович. Он собирал с костюма директора перья и пух и что-то тихо ему говорил.

ПОВЕСТЬ

Анжелика Стынка

С.-Петербург

ГОСТИ

Купила старый дом. В деревнях принято стучать в дверь, колошматить в окно или кричать у калитки: «Марфа, ты дома?»

Они позвонили. Первый гость. Второй гость. Третий гость.

Неделю ничего странного не происходило. Мы ложились рано. Я и моя внученька Ксения. В молодости засыпают быстро, а спят крепко. В семнадцать лет душу, не тронутую разочарованиями, пушками не разбудить. Заплела косу, коснулась щекой подушки и переместилась в сонную ложину, где птицы звонко поют о любви человеческими голосами. Шелковая трава касается ног. Из травы никакой змей не покажет трехглавой головы, чтобы оболгать, опутать, изрыгнуть непотребные слова.

Чистая душа видит яркие картинки, без ложных ожиданий и душевных тревог.

Оказавшись на новом месте, ловлю шорохи. В мельчайших нюансах смакую эмоции. Жду подвох спинным мозгом. Организм решает сверхзадачи, связанные с выживанием.

Должно пройти время, пока тело адекватно приспособится к внешней, пока что чужеродной среде.

Широко дышала ночью деревня. Где-то громко лаял пес. Учюял ли-су, что ли. Ругалась жена с мужем. Устроили ор. Напугали деревенских кошек. Отношения надо выяснять за закрытой дверью. Как бы я поступила, застав мужа с грудастой продавщицей? Губы красные. Юбка выше колен. В глазах — бесовские искры. Пляшут и пляшут. Фу, бестыдница.

Убила бы муженька по-тихому да закопала в саду. Земля еще теплая, мягкая.

Ближе к двум ночи я увидела через окно луну. Потом сосед вышел во двор и принялся голосить, словно схоронил любимую тещу. У соседа не было тещи. Толян жил один. Семью давно пропил. Еще через час я поняла, что у Толяна украли ведро. Ведро с самогоном. Днем, хорошо проспавшись, сосед вспомнил, что сам его и продал. Самогон на деревне — лучшее лекарство от осенней хандры.

К рассвету сделалось тихо. Бродячие кошки перестали тереться о старые доски забора. Рыжей листве надоело спорить с ветром. В пространстве не осталось проблем.

Важная часть лимбической системы — миндалина устала передавать сигнал тревоги в гипоталамус. Успокоившись, старуха вытянула ноги, прижала руки к груди и погрузилась в мир грез. Старуха — это я.

Вторая и третья ночь не принесли с собой информации, могущей изменить смысл существования. Человеческие потребности были удовлетворены. Цель была достигнута. Нравственные ориентиры привели меня в старый дом. В конце существования смерть была где-то рядом.

Эх, деревня! Природу не убить. Птичка села на колышек забора. Солнце коснулось паутины в саду. Разумность во всём. В крыльях пчелы. В синеве неба. В золотых листьях. В желтизне лепестков поздних цветов. Творческая способность природы, не нарушая физических законов, активно проявляется в мироздании. Гармония вписана в систему.

Кто ж придумал этот мир, доступный для нашего восприятия?..

Дочь моей дочки собралась в город. Провела внучку до остановки. Подъехал ржавый автобус. Водитель демонстративно газанул, установив доверительные отношения с пассажирами. Довезет без разочарований!

Бравады у мужиков не отнимать! Бабушка гадала, надвое сказала, то ли снег, то ли дождик, то ли будет, то ли нет. Как пить дать, застря-

нет ржавое передвижное средство в гнилом овражке. Пойдут люди пешком кривой дорогой. А до города далеко. Съедят весь хлебушек.

Раньше хлеб возили из города в деревню. Теперь наоборот. Все потому, что городской хлеб стал отравленный. Даже голуби отказываются клевать городской хлеб.

В деревне починили мельницу. Открыли пекарню. Возвели «средневековую» таверну с тлеющим камином. Возвеличили деревню.

Зашла к ним. Окна забраны непрозрачным стеклом. Деревянные столы. Глиняная посуда. Находятся туристы, желающие испробовать хмельной мёд и похлебку. Приезжие довольны.

Селянам тоже выгода. В местной булочной стали продавать хлеб. А он другой. Ароматный. Питательный. Целебный и полезный. От него счастьем пахнет.

Перекрестила внученьку. Авось, колымага без поломок доберется до города. Сойдет внучка на остановке. Окажется напротив техникума. Войдет в лабораторию, наденет беленький халатик, станет колбочки мыть. Все, как пятьдесят лет тому назад. Ничто не изменилось. Давно нет большой многонациональной страны под названием СССР, а прогресс в провинцию так и не пришел.

Коммунизма мы не дождались. Социализм развалили, взамен приобрели плоды технической цивилизации. У каждой бабки есть оперативное средство связи — телефон.

«Бабуля, не будешь бояться спать одна?» Ксения оглянулась.

Мою затею вернуться в деревню дочь не поддержала. Зять оскалился, пропала у него надежда на свободные денежные средства после моей смертушки. Внучка Ксения помогла. Дождались каникул в техникуме. Вместе перевезли пожиточки в убогий приобретенный домишко. Намыли пол. Натерли полки. Расставили посуду. Проверили печь. Раскрыли дверцу под топкой. Зажги бумагу. Дым затягивался в дымоход, а в помещение не поступал. Хорошо.

Жизнь переменилась. В городской квартире на моих метрах у зятя будет свой кабинет. Что ему на кухне маяться. Кухня — проходной двор. Кот точит когти и лижет хвост. Внучка чатится и плачет. А у зятя работа ответственная. Юрий Эдуардович преподает в школе математику. Математик, значит. Чтоб ему.

— Бабуля, не страшно одной? — Внучка смотрит на меня с любовью. Другие — с жалостью или с недовольством.

«Я ничего не боюсь, внученька». В моем голосе было презрение к смерти. Сколько мне еще осталось...

«Ладно, бабуля. Если что, звони».

Ксения помахала рукой. Автобус отъехал. Я поплелась к новому дому. Вернее, к старому.

Таких домов на деревне много. Добротных домов нет. Все пьют. Или почти все. Сосед Толик, точно, знатный выпивоха. Молодежь уехала. Деревня изнывает. Кряхтит, но не умирает. Обветшалые дома тоскуют. В помещениях царит страшный холод. Сквозняки ведут переговоры с брошенными вещами, утешают их.

Старый дом дышал плесенью и одиночеством. Дом долго пустовал. Впрочем, живые обитатели всё же нашлись. Великие инженеры растянули блестящие нити над буфетом. В спальне сделали кормовые запасы из дохлых мух. Наглые.

Я баба простая, но не суеверная. Решила вопрос. Погнала пауков длинной метлой.

Уютно стало в доме. От прежних хозяев сохранилась мебель. Буфет с двумя отделениями: верхним и нижним. Буфету было лет сто, но дерево не рассохлось. Раньше в каждой деревенской избе стояли огромные буфеты со славянской орнаментикой. Люди создавали предметы со смыслом и на века. Мастера гордились своими изделиями. На резной мебели можно было найти название художественной мастерской. Как в коробке с шоколадными конфетами. Укладчице конфет не стыдно. Укладчица свою работу знает.

Теперь же все разовое. Салфетки, посуда, отношения. Переспали — не понравилось — разбежались.

Что значит не понравилось?.. «Эх, бабуля, ты ничего не понимаешь».

Куда уж мне. Только я вижу, что даже собаки вначале нюхают друг друга. Ныне пропал смысл, предшествующий событию.

В старом доме сохранилась длинная лавка. В прежние времена на ней женщины вышивали, вязали, и шили. Лавка из недорогой породы дерева стояла вдоль стены.

Натерли лавку, застелили её домотканой дорожкой со символами, смысл которых мне не разгадать. Придвинули лавку к небольшому столу. Хорошо. Войдет в дом неожиданный гость, будет ему куда присесть.

Перед смертушкой лягу на лавку, закрою оченьки и стану ждать.

Просто раньше люди жили. Красный угол. Печь. Лавки. Стол. Люлька. Быт вели. Хозяйство вели. Живность держали. Корову. Козу. За садом ухаживали. Удобрения готовили. Весной огород обрабатывали. Осенью урожаем собирали. Жили и не жаловались. Ни тебе депрессий. Ни разводов. Правильная историческая эпоха.

В спальне стояли две кровати. Одна кровать была придвинута к оконцу. В случаи бессонницы можно смотреть на сотворенный Господом мир и считать звезды.

Городские считают овец. В городе давно нет звезд. Звездам нужна любовь. На деревне любовь осталась. Безработные мужички пьют, но не разрушилось мировоззрение на деревне. Бабы встали на защиту. В домах прибрано. У каждого дома посажены цветы. На окнах колышутся кружевные занавески.

В городе много невежества. Сплошные манипуляции с сознанием. Придумываю небылицы и транслирую дремучие картинки через телевизор. Верующие ждут апокалипсиса. Чего жать-то? Беда на улицах. Самокатчики — черти окаянные.

В деревне природа созидает. Все находится в чувственном движении.

Вернулись бы в деревню сильные... Расправила бы деревня плечи. Места здесь хорошие. Поля знатные.

В деревне нужно родиться, жить и умереть. В пространстве нравственной чистоты все наполнено великим смыслом. Если петух голосит, то от души. Коль проснулся раньше времени, прежде света, значит, гонит прочь из деревни нечисть.

Страшно. У старухи сердце стучит. Вот-вот выскочит. Хорошо на деревне...

В сенях принялась. В других домах любовью пахнет, а у меня антисептиками. Внученька учится на медика.

Русский народ чистоплотный. Семьи гордятся баньками. Баня может излечить многие болезни: простуду, артрит. Русская парная — замечательный способ омоложения.

В субботний день глава семьи поведет ребятшек париться. А те гуськом. Один за другим. От бати далеко не отходят. Путаются под ногами. Невидимый домовый встретит малышня. Каждого ребеночка поцелует в макушечку. На счастье.

Домовых дразнить нельзя. Запарят в баньке до смерти.

В сенях душно. Избавлюсь от запаха, ежели доживу до утра...

Ничейный дом стал моим. Приметила его, не смотря на прогнившую крышу. Или дом выбрал меня — старуху с клюкой?.. После событий, которые вскоре случатся, трудно понять, как было на самом деле. Во всяком случаи, лично у меня нет ответа.

Сад у дома хорошо сохранился. «Мои деревья». Сказала я доверчивым яблонькам. Ветки, качнувшись, согласительно кивнули.

«Сегодня крепкий ветер». Отрешенно произнес риелтор и без спору слопал упавшее в траву яблоко.

Сделка состоялась по справедливости. Продавцам я указала на крышу. Подвыпивший мужик сбавил цену.

«Зять к зиме починит». Пообещала я риелтору. А там, как сложится, кто знает: починит-не починит. Пойду по деревне. Поищу добрых «молодцев». Может кого найму. Деда с нечесаными бородами маются.

Местные старики, сконцентрировавшись на своих болячках, шаркают колошами до аптеки и обратно. В воскресенье, как положено, ходят в церковь.

Здесьняя церковь — произведение искусства. Север богат хвойными деревьями. Прежде на деревнях строили деревянные церкви. Великие мастера ставили их.

На нашей — затейливая резьба по дереву.

Неподалеку от церкви — кладбище.

Разговорила я с мужичками у кладбищенских ворот. Старики приходят к своим бабкам, навещают. Цветочки им носят. На могилки кладут. Каются. В надеждах, что спрятанные в земле, их слышат.

А зерно давно проросло. Трансформировалось. В каком мире душа, кто знает...

Деда все понимают. Кто перешел черту, ушел далеко. Мозг у стариков работает, не атрофировался. Да и руки не крюки. А я — старуха не жадная, всегда хорошо плачу. Справлю крышу к зиме, как пить дать.

Внучка уехала... В старом доме стало пусто... Села я на длинную лавку и подумала: «Помру. Хорошо помру. Тихо. В субботу на кладбище земельку для себя присмотрела. У забора. Возле липы».

Осень. Скрипнули ставни. Притворы — бонус к дому. Соблазнилась. Больно хороши. Да и прок будет. Защитят ставенки от невзгод.

Ставни были сделаны на совесть. Тяжелые, монолитные, резные, увы, потеряли первозданный цвет. «Ничего-ничего. — Сказала я им. — Потерпите. Весной покрашу вас. Хотите быть зелеными?» Долго ждала ответа.

«Мама, перестань разговаривать с предметами». В последнее время с дочерью не заладилось...

Как с ними не разговаривать? Вещи всё слышат. Небо нас слышит. Земля нас слышит. Каждый кустик ждет от человека доброго слова. Табурет и тот хочет вежливого к себе обращения.

«Можно на вас присесть?»

«Мама, прекрати. Что случилось, мама? Может тебе к врачу? Мне за тебя стыдно, мама».

Ей за меня стыдно... Я почти прошла свой путь. Не украла. В тюрьму человека не отправила. Старалась жить по совести, да ни так всё просто. Совершила ошибки... На то и дана жизнь. Чтобы падать. Зализывать раны. Начинать все сначала.

Этот дом... Принял меня. Здесь я не лишняя.

Только я взбила подушку из гусяного пуха, чтобы тихо прилечь и поговорить перед сном со звездами, рассказать им, как прошел мой день, спросить у звезд, довольны ли они созданным ими миром, как позвонили в дверь. Словно там был звонок. Но звонка не было!

«Бабуля, тебе нужен звонок?»

Звонок стоил гроши. В завмаге их было несколько, находились между мылом и носками. Деревенский фэншуй.

«До меня звонком не пользовались. И при мне ему быть».

«Как хочешь, бабуля».

В деревнях все устроено по-другому. Кому надо, тот докричится, достучится. Колошматить в дверь кулаком, в этом есть благо. В дом тотчас поступает энергия.

«Дзиль-дзиль». Настойчиво.

Обула тапки. Пошаркала ими. Хотела отпугнуть незваного гостя.

В ответ за дверью покашляли. Вполне по-человечески дали мне понять, что не затем явились, чтобы убраться прочь. Пришлось открыть.

«Доброй ноченьки». Господин в длинном пальто, широкополой шляпе и с изысканной тростью в руке стоял на пороге.

«Вы кто?» Таких важных я в жизни не видала. Его образ был идеальным.

Многих ли я наблюдала?.. Недочеловеки встречались. Первый муж крепко выражался и пил. По нему можно было судить о конфликте в социуме. Кто много работает, тот мало получает. Стало быть, бессмысленно бухает, пропивая свою сущность. Без принципов. Без величия.

«Это мой сад». Сказал господин.

«Был ваш. Стал мой». Дерзко отпарировала я.

«Можно войти?» Господин занес одну ногу за перекладину порога. Тут я заметила! А башмаков то нет. Разутый господин. Ножки у него синие.

Как же так? Пальто добротное. Трость — знатная. Шляпа, видать, из дорогих.

Господин согнулся. Отлепил желтый лист от синей ступни. Разогнул. Улыбнулся. Люблю, когда у мужчины поднятые уголки губ. От такого подвоха не жди. При случаи, пожалеет бабу. Поможет, чем сможет. Тя-

желую сумку до хаты дотащит. По седой голове погладит.

Отступила я в сторону. Пропустила этого господина в дом.

— Хотите чаю? — спросила.

— Не откажусь. — Он по-свойски расселся на лавке. Потрогал рукой не рассохлась ли доска. Специально поинтересовался её состоянием. Словно, сам доску выбирал и выстругивал. — Раньше в доме было много лавок. — Господин внимательно смотрел на меня. — Каждая лавка со значением. Это «упокойная», знаете? — Я в ответ кивнула. — Как попали в деревню?

— Дом купила. Вот. Обживаюсь.

— Дом не продавался.

— Раз дом теперь мой, значит, продавался. У меня на руках документ. Сделка состоялась. Всё по закону.

— Эх. — Вздохнул господин. — Слабые людишки. Нарушили контракт. А не должны были.

— Люди не выполняют своих обещаний. Человеку нельзя доверять. Человек легко клянется, но не держит своего слова. Не может.

— Почему это?

— Поддается соблазну. В мире много искушений. Человеку тянется за тем, что прибыльно и выгодно. Мир специально создали с ловушками. Кругом засада и подвох.

— Вы думаете, что нарочно расставили капканы?

— Я жизнь прошла. Выдумками не жила, а анализировала. Кто-то ведет охоту на человека. Повсюду ямы. Провалиться в яму легко. Выбраться оттуда сложно. Попавшего в западню, ждет верная смерть. Человек холодеет. Жизнь прекращается.

— Вот как... Интересно. Эту проблему сходу не решить. — Медленно произнес. — Ловушки не убрать. Технически это возможно. Но без проблем станет скучно. Мозг привыкает получать дофамин. Мозг просит его выше нормы. Погружаясь в интересный опыт, человек становится сильней. Всегда нужно выполнять задание. Двигать груз. Защищать локацию.

— Жизнь удивительная... и увлекательная. Жизнь не обыграть. Судьба всегда сверху.

— Всё так.

Он моргал. Кивал. Его веки сделались красными. От горячего чая у господина вспотело лицо. Его лицо казалось мне знакомым.

— Хотите снять пальто и шляпу?

— Желаю, но не могу.

— Почему? Вы ведь согрелись.

— В доме тепло. Хорошая печь. Живой огонь в печи — это порядок в доме. — Господин опять хорошо улыбнулся. — Сниму пальто и шляпу, и... вы испугаетесь.

— Я ничего не боюсь!

Моя чертовая бравада...

Родители учили опускать голову вниз. В СССР граждане и гражданки, а так же их дети, на всякий случай, жили, потупив взор. Запах из тридцать седьмого года не проветрился.

Быт был тяжелый. Невозможно было купить холодильник или телевизор. По праздникам детям дарили конфеты. От праздника до праздника забывался вкус конфет.

За тяжелую работу родители получали мизерную зарплату, но худо-бедно все члены семьи были сытыми. Хлеб — всему голова.

«Только будучи осторожной можно сохранить себя. А если хитрить, то выйдет жить долго, пусть и не очень счастливо». Говорил отец. Он случайно попал под поезд.

Мама осталась с нами, с двумя девочками. Как ни странно, в доме появились излишки. Бытовые условия улучшились. К нам пришло изобилие. Мы стали носить кожаную обувь.

Восхваляя коммунизм, находя лестные слова для правящей партии, наша мама устремилась вверх по социальной лестнице. Оставшись без мужчины, с большим энтузиазмом взялась решать производственные проблемы. Маму повысили. Женщина возглавила тракторный завод. Мама говорила, что на заводе выпускали мирную продукцию, но это было ни так.

Прямые военные расходы скрывали от населения. Правильно. Главное, чтобы в стране было достаточно запасов зерна.

Мама укрепляла трудовую дисциплину. Завод вышел на новый уровень. Партия благодарила. Из коммунального «рая» я, моя сестра Катя, наша кошка Варя и попугайчик Колдун, все переехали в двухкомнатную квартиру.

Пляски пьяной старухи стали приходить в ночные кошмары.

Клавка кружилась. Задирала юбку. Между старым буфетом и ржавым рукомойником ей было тесно. Буфет стоял на трех ногах. Под обглоданную нищетой четвертую ногу, подложили картон. Жильцы коммунальной квартиры стороной обходили буфет, но не в тот злополучный вечер. Из буфета попадали фарфоровые чашки, принадлежавшие семейству отставного полковника. Большой скандал произошёл. К скандалу подключились ни только жильцы нашей квартиры, но и подруги

Клавки. Старухи взяли полковника «за грудки» и ударили по макушке половником.

Клавка тихо выла в углу длинющего коридора. Клавкина семья погибла в войну.

Мы выбрались из ада. Мама была настроена жить долго, но её пятилетний план неожиданно оборвался. СССР продолжил развиваться без мамы.

Мы осиротели.

Государство напыжилось, представители власти стали натаптывать, но имущество у нас не отобрали. К тому времени мы стали совершеннолетними.

Денежные ресурсы стремительно таяли. Пришлось продать все иностранное, привезенное родительницей из-за границы. Импортные пластинки кормили нас недолго.

Биологический механизм было не остановить. Без тормозов я угодила в замужество. «Горько». Пьяный жених целовал в щеку. Я ему не нравилась. Его заставили жениться. «Живот» — серьезный аргумент.

Кастрированные в СССР мужчины жестоко наносили побои женщинам. Великая страна лишила достойного заработка мужской части населения. Мужчина перестал быть кормильцем. Муж больше не добытчик. Женщина стала равной мужчине. Женщина пахала, сеяла, стояла у станка, возглавляла партийную организацию. Слабые мужчины отыгрывались за своё унижение. Ломали спутницам руки и ноги.

Страна распалась. Я сижу за столом и пью ароматный чай с ночным гостем — весьма странным господином.

Что должно быть, то и произойдет. Случится в свое время.

Умение быть счастливым — это выбор. В радости тоже стоит упражняться. Жизнь — ирония. Главное — не дрожать. Страх убивает разум.

Господин снял пальто. Аккуратно положил дорогую шляпу на лавку. Красивая шляпа нелепо смотрелась на простой лавке.

Ночной гость попал под электрическое освещение. Цвет свечения лампы был желтый.

Задала же я себе зрительную работу.

В его голове — дыра. В дыре — лягушки. А тела — нет. Вместо человеческого тела — ствол дерева. Внутри ствола каким-то образом сохранились зубы зверя.

— Что будем делать? — спросил господин усыпляющим голосом.

— С чем?

Наверное, я выглядела глупо, мимика лица замерла в удивленном состоянии, но тревоги не было. Особенно в душе.

- С садом. Сад попал в ваши руки.
- Весной я побелю деревья. Возможно, что высажу новые.
- На вас большая ответственность. В саду деревья непростые.
- А какие?

— Живые. Необходимые этому миру. В зависимости от погоды и календарной даты деревья вызывают то отрицательные, то положительные эмоции. Тем самым активизируют в человеке действие окситоцина.

— Вы врач?

— Прежде работал в больнице. Исследовал, ничего не усложняя. Обладая отличной интуицией, быстро находил проблему. Интуиция нужна для первой диагностики. Интуиция помогает предвидеть дальнейшее развитие болезни. Из меня получился хороший врач. Я был для сослуживцев примером. Врачевание — это творчество. Живое требует особого подхода, понимаете? При уважительном отношении, деревья не будут вас пугать. В случае нарушения дисциплины, деревья станут агрессивными.

— Кто может нарушить дисциплину?

— Вы.

— Я?

— Марфа, если станете утверждать собственную власть, возникнет проблема. Только принцип дружелюбия создаст стабильные отношения между вами и деревьями. Никогда не лгите деревьям. Ложь убивает корень.

Я ухмыльнулась. Каждый листик дышит и слышит. Почему человек это игнорирует? Зачем бездумно уничтожает живой мир?..

С большой любовью придумали небо. Воду. Воздух. Огонь. Разместили все правильно. Ничего лишнего не привнесли. Энергия должна была течь свободно.

Люди устраивают «застойные» зоны. Нарушают гармонию. Игнорируют законы природы.

Господин внимательно смотрел на меня. Он читал мои мысли. Его лягушки, любопытствуя, высунули бочкообразные головы и тоже стали созерцать мою персону. На мгновение я почувствовала себя звездой.

Но тут... зеленые твари неприятно заквакали: «Она не справится. Она просто старая тетка. Почему ей достался сад? Надо украсть у нее документ».

От позитивного мышления не осталось и следа. Я ринулась в спальню. Открыла шкатулку. Документ был на месте.

Присела на кровать. Под моим весом сетка кровати домовито скрипнула, отдельные части кровати значительно износились, при механическом воздействии детали стали тереться друг о друга.

Что со мной?

Вернулась в комнату. Господин был там же, где я его оставила. Вальяжно сидел на лавке.

— Я сошла с ума? — спросила.

Мне показалось, что он должен знать. Такие, как он, ведают о прошлом и будущем.

Всю жизнь я пыталась разгадать: как работают законы Вселенной. Моего ума не хватило. Поняла одно: не делай зло. Зло всегда возвращается. Неси в мир добро.

— Что я могу сказать... — Господин сосредоточил острый взгляд на моей впалой груди.

Я застегнула верхнюю пуговицу халата.

— Говорите же.

— Информации мало, — господин брезгливо прищурился, — сумасшедшие выглядят неопрятно.

— Откуда знаете?

— Я их видел.

— Где?

— Лишившись дома, получившие душевную травму, стучались в дверь психиатрической клиники.

— Колошматили сами?

— Их привозили. — Господин ухмыльнулся. — Со связанными руками. Иногда их пачками сбрасывали на пол. Безумные долго сидели в приемном покое. На них всегда были разные ботинки.

— Город пыльный! В загрязненном пространстве обитают люди совершенно неопрятного вида. В их душах много добра. Они разговаривают с голубями. У художников собственная система ценностей.

Я уставилась на его дыру.

— Я об этом не подумал. Вариант, что вы сошли с ума и у вас уехала «крыша» всё же остается.

— Кто бы про «крышу».

Часть черепушки у гостя отсутствовала.

— Война была лютая. В Первую Мировую многие пострадали. — Стал вспоминать господин. — Досталось и мне. Мина разорвалась близко. От головы мало что осталось, но я уже привык. Правда, в плохую погоду громко квакают подселенцы. — Господин указал на лягушек.

«Мы теперь местные». Голоса лягушек были наполнены обидой. «Это наш дом. Никто не посмеет нас выселить. У нас прописка».

«Это мой дом». Сказал мне мой второй муж. «И пошла бы ты».

Я сложила пожитки, взяла ребенка и перебралась к сестре в общежитие.

«Говорила я тебе. Говорила. Не прописывай его. Этого самозванца! Не надежный он. А ты что? Люблю. Верю».

Выселить мы его не смогли. Второй муж остался в родительской квартире. Быстро обзавелся новой семьей и несовершеннолетними детьми.

— Что со мной происходит?

Гость стал загигать пальцы. Человеческие пальцы были на человеческих руках.

— Первый палец отдаю за то, что вы сошли с ума и у вас галлюцинации. — Гость отвинтил палец и положил его на стол. — Второй палец отдаю за то, что вы чем-то надышались и у вас галлюцинации. Вы использовали сильные химические средства.

— Наводили порядок в доме.

— Вот именно. — Второй палец гость положил рядом с первым. — Третий палец отдаю за то, что вы умерли. — Продолжил гость. — Внучка уехала. Вы легли на лавку и хорошо умерли. И знаете, что, голубушка, после смерти всякое бывает. И ни такое случается. Видения преследуют души. Некоторым внезапно умершим такие образы являются, что ни приведи Господи. А у вас, Марфа, богатое воображение.

Его третий отвинченный палец хорошо лежал на столе.

— Еще есть предположения?

— Самый простой вариант — вы спите.

— Эта версия мне больше нравится. — Я приосанилась. — Прежде я видела странные сны...

Сон в лунную ночь двадцать третьего сентября.

Белый олень вышел из белой скалы. Олень был реальный. Скала рассыпалась в белую крошку.

— Ты Марфа? — Спросил Олень и уткнулся теплой мордой в плечо.

Захотелось его погладить.

— Наконец, мы встретились. — Сказал Олень. — Я — эксперт.

— В какой области?

— Занимаюсь либидо и прочей ерундой. Ни Фрейд, конечно, — Олень зарделся, — но кое-что понимаю. В тебе много психической энергии.

— Наследственность. У бабушки был переизбыток топлива. Бабушка рожала детей и радовалась.

— Радость продлевает жизнь. Любовь — великая сила... Марфа! Почему ты эксплуатируешь только нижние чакры?

Что я могла ответить?

— Я — здоровая женщина. Нижняя часть тела ждет наслаждения.

— Эх, Марфа. Стремление к удовольствию, погубит тебя.

На его груди появился партийный билет. Олень потребовал отчёта.

Я бросила институт. Сестра была мной недовольна. Я оставила ей ребенка и уехала впадать в любовный экстаз на берегу теплого моря. Он был рыбаком. Он любил море, как сумасшедший. Ничего не боясь, прыгал в воду с высокой скалы. Он шутил со смертью и она забрала его.

Мы жили недолго, но вполне счастливо. Был добротный секс. Нас влекло друг к другу. Ничего не усложняя, мы наслаждались инстинктами. Впереди нас ждало верное разочарование. Насытившись простыми отношениями, мы бы расстались.

— Когда? — Поинтересовался Олень.

— Возможно, что через год. — Предположила я. — Всё случилось неожиданно. Прежде времени я вернулась в родной город.

«Что ж. — Фыркнула сестра. — Ребенка я тебе не отдам». Сестра не желала для племянницы дурных условий существования.

Не сразу получилось забрать Аню. Моя дочь говорила сестре «мама». Так у Ани возникли две мамы. Говорят, что у индийского ребенка семь мам. Если бы у нас сестрой была мама, то у нашей Ани была бы ещё мама.

— Марфа, хочешь узнать имя нового мужа? — Спросил Олень.

— А будет ещё муж? — Я удивилась.

Олень помчался вперед. Лес расступался перед ним. А мне было нелегко продвигаться вперед. Колючие ветки хлестали по лицу. Высокая трава спутывала ноги. Природа ополчилась, но я должна была нагнать Оленя.

Иногда человек мчится сам не знает куда и зачем... Бежит, без остановки. Торопится. Суетится. Впадает в стресс. Все быстрее и быстрее кто-то тянет из шляпы фокусника пестрые ленты. Выгорает человек. Не выдерживает большой психической нагрузки. Ну, здравствуй, невроз или нервный срыв.

Между мной и Оленем быстро увеличивалось расстояние. Вдали застучал бубен. Магические звуки разбудила змея. Великий змей, могущий разорвать человека на части, преградил путь.

Змей хитро смотрел на меня.

«Ты меня съешь?»

«Я не голодный. Я проглотил многих и насытился».

«Что тебе надо?»

«Я следил за тобой, Марфа. Ты мне подходишь. Ты с изъяном. Ничего лишнего. Только плотские радости».

Я отступила.

«Постой, Марфа. Я никакой-то там змей-похититель. Я — приличный змей». Ухмыльнулся змей. «Я — змей-лекарь. Единственный представитель своего вида. Я дам тебе змеиную травку и свой хвост. Я посещаю женщин, тоскующих по мужской ласке».

Его взгляд был сильным.

Тыфу-ты-ну-ты. Согласившись на сексуальный контакт со змеем, вернуться к нормальной жизни, уже станет невозможным.

— Я проработала травматический опыт. Всеми силами создаю новую реальность.

Змеиное обличье пропало. Змей превратился в добра-молодца. «Я знаю разные техники. Я изучил тебя. Ты можешь заниматься сексом до потери сознания. Вырваться в новое пространство бытия у тебя не получится. То же мне — рисовальщица».

Змей стал мужчиной, меняющий лица. Толстые, жирные, потные, сальные. Нависали и скалились. Изошренно насмеялись. В их «любви» не было поэзии.

А вокруг щебетали птички: «Великая почесть быть со змеем. Родишь от него следующей зимой».

Змей говорил со мной на сокровенном языке, но я понимала его. «Я буду приходить к тебе. Вместе мы будем отдыхать. Ты будешь думать, что спишь. Когда ты родишь сына, я уйду навсегда».

Утреннее солнце расправило лучи.

«Им нужны мои волшебные рога». Услышала я голос Оленя.

Опять олень стал актуальным и я помчалась за ним. Я видела впереди себя его белую спину. Я смотрела на тонкие белые шерстинки. Лучше бы я смотрела под ноги. Олень спрыгнул с обрыва и я последовала за ним. В один миг стала старой, и ушла глубоко под воду.

В комнате, где стены была из воды, мне не было страшно. За окном, наматывая круги в розовой воде, плавали брюхастые и головастые.

— Почему вода была розовая? — Ночной гость задал вопрос.

— Сложный был период в жизни. А я вас знаю. Вы — тот самый олень! Зачем вы утащили меня на дно?

— Я? — Гость стал отпираться.

На его лице ничего не читалось. Брови у него отсутствовали. На то была причина и гость её объяснил.

— В любом случаи, Марфа, вам следовало ознакомиться со стихийной частью души. Увидеть истинную свою природу. Ваши проблемы связаны с сексом. Постыдная и табуированная тема.

— После пробуждения, я записала сон в дневник. Я долго пребывала в полном одиночестве. Пока не встретила его.

— С ним связаны большие чувства?

— Связаны.

— Вы запомнили дату сна, Марфа. Вам не кажется это странным?

— Кажется.

Ночной гость разглядывал свои отвинченные пальцы. Без хозяина четыре пальца стали синеть.

— Напитаю их энергией. Веру на место. — Из его глаз потекли слезы. — Марфа, похоже, что вы умираете прямо сейчас. Это ваши последние мгновения.

— Тогда я знатно умираю. В моем доме — гость.

— Вы странная, но сильная. Вы справитесь, Марфа. Рано или поздно, всё закончится и мы вас одобрим. Заступите на должность. Некоторые ушли из мира живых с большой обидой, а это плохо. Марфа, вам нужно будет выслушивать жалобы. Деревья в саду стонут.

— Поймите, уважаемый, прослеживается противоречие. Если я действительно умираю, а не понарошку, как же я буду ухаживать за садом?

Гость изменился в лице.

— Марфа, что значит — умирать понарошку? — Тело гостя напряглось. Внутри ствола застучали зубы. Знаете, как стучат зубы, когда бьет озноб... Потом. В деревянной конструкции разгорелся крошечный огонек.

Большой пожар всегда начинается с маленькой искры.

— Что было, то прошло. Я стараюсь не ворошить прошлое.

Складки у рта сложились в горькую улыбку. Печальный клоун. Кто вообще придумал клоуна? За раскрашенным лицом скрывается боль.

— Я пришел, чтобы собрать информацию. Вы адекватная?

«Адекватная. Адекватная». Встряли лягушки. «Старуха с нарушениями».

— Сад нельзя оставлять на кого попало. Суицидальное поведение — первый признак психического расстройства. Вы наблюдались у психотерапевта или клинического психолога?

— Я? В СССР? Мне было пятнадцать. Я увидела её. Маму. Суровую. Властную. Жестокую.

- Расскажите подробно, пожалуйста. Так сказать, в деталях.
- В деталях? Она была способна к насилию и я решила умереть.
- Доведение до самоубийства — статья 110.

Я выжила. Она же не перестала любоваться собственной персоной. Без раскаяния. Без осознания вины. Она не была идеальной...

Впрочем. Идеальных людей нет. Безусловно, у мамы были сильные стороны, а не только недостатки. Она ставила цели и добивалась успехов.

Всеми силами я пыталась заслужить её доброе отношение. Будучи ребенком мечтала, что Колдунья умрет, а Волшебница останется.

Я включила защитный механизм.

— Я убивала колдунью во сне. Снова и снова.

«Старуха в своём уме? — лягушки переглянулись. — Нам кажется, что ей нужен специалист в области психического здоровья».

Гость с дырой в голове заставил лягушек умолкнуть.

— Решение свести счеты с жизнью — отчаянный шаг. Мир — сложная система, но мир упорядочен. Сознание опирается на информацию. Как зародилась идея?

— Идея? Не было никакой идеи. Импульсивное действие. Чувство страха. Мы разбили школьное окно. Явилась она. Мать всегда «воспитывала» нас ремнем.

— Марфа, вы нанесли вред здоровью.

— Нанесла.

— Вы боялись своей мамы больше, чем смерти?

— Боялась. Что такое смерть? Конец всего. Или начало чего-то. Тьма, или свет. А от нее жди чего угодно. Оскорблений. Системных унижений. Со стороны родительницы был излишний контроль. Не только невменяемость и истерия ведет подростков к попыткам прервать жизнь, покончить с пребыванием на Земле. Думаете, подросткам легко?

— Ничего я такого не думаю. — Стал отпираться гость.

«Ква-ква. Воспитание в чрезмерной строгости в момент взросления может стать причиной для создания суицидального поведения».

— Плохой сценарий, Марфа. — Вздыхнул гость. — Текст написали с дефектами. Вашу личность дополнили различными комплексами неполноценности. Я буду жаловаться в бюро.

— Доверите сад?

В саду пахло счастьем. Деревья помнили сладость поцелуев.

— Мы решительно будем с вами взаимодействовать. — Гость улыбнулся. — Здесь редко идут дожди, Марфа. При проливном дожде не мешкайте, а собирайте воду в бочки. Не забывайте, Марфа, что деревья

нужно поливать каждый день. Трудитесь, Марфа. Иначе, мы будем вами недовольны. Наши неформальные отношения закончатся.

— Каждый день поливать... Разве мне трудно?

Это была большая нагрузка для старухи, но я справлюсь. Гость был моим работодателем и я легко согласилась на его условия. Для меня было важно заняться чем-то хорошим.

Ржавые бочки стояли у сарая. Выражаю надежду, что бочки не дырявые. Выкачу их из-под карниза, открою крышки и станет в них падать благодатная вода с неба. Я её сохраню и буду использовать.

— Марфа, теперь слушайте внимательно.

— А?

Последний муж научил меня слушать. Он был из партийных. «В разговоре необходимо слышать не просто звуки, а воспринимать смысл и значение каждого слова».

Я не всегда стремилась к безопасному существованию. Будучи молодой, была психологически не устойчива. Старуха же должна знать.

Я смотрела на его вытянутое лицо. Под серой кожей появились красные пятна похожие на бублики с углублением в центре. Пятна стали перемешаться. Пятна тащили за собой балончики с кислородом. У этого господина явно была гипоксия. Может он долго пребывал на большой высоте в горах?

Гость открыл рот. Вначале из него пошел пар. Потом посыпались слова:

— Дождевая вода частично будет гасить агрессию.

Мать была непредсказуемой. «Смотри на меня». Она требовала повинения и подчинения.

Я была очень осторожной с ней и обеспечивала себя спокойными днями.

— Марфа, по пятницам каждое деревце нужно будет перевязывать белой лентой.

— Почему по пятницам? — Нужно было четко понять, что от меня требуется.

— Пятница — последний день недели. Пятница — женский день. В пятницу хорошо рукодельничать. По пятницам в сад прилетает важная персона.

— Милейший, а куда вы дели субботу и воскресенье?

Я криво улыбнулась, а ночной гость и бровью не повел, потому что бровей, как вы помните, у его не было.

— Пятницу и субботу придумал Владимир.

«Владимир. Владимир». Раскричались лягушки. «Все испортил». Лягушки были активными. «Владимир сделал неправильный выбор».

— Какой Владимир?

— Князь.

Ночной гость проявил намерение все объяснить, но в дверь опять позвонили. «Дзинь-дзинь».

— Марфа, вы кого-то ждете?

— Я?

Пришелец за дверью был настойчив. Приложился к звонку, которого не было.

— Идите же. Откройте ей. — Велел гость. — Она пришла вам помочь.

Я отодвинула засов.

На пороге стояла прекрасная дама с золотыми волосами. В её шевелюре запутались серебряные искры. На её голове были коровьи рога. Красное пальто, застегнутое на верхнюю пуговицу, складывалось крыльями на спине пышным домиком.

Платье было расшито узорами. Орнамент композиции намекал на национальный характер народа, к которому принадлежала особа. Двухголовый конь из синих и зеленых ниток указывал на далекий Север, но это не точно. По рукавам платья порхали райские птицы. У гостя был высокий статус. Стройная, с красивой шеей, она была элегантна и безупречна.

Незнакомка держала в руках цветочный букет. Красные пионы источали благодный аромат.

— Это вам, Марфа. — Протянула цветы.

Ни о чем не подозревая, я приняла их.

— Можно пройти в дом?

Я закрыла за ней дверь. Она вошла в комнату. Поздоровалась с моим гостем.

— И вы туут. — Недовольно потянула. Тот даже не пошевелился. — Ногами пришли? Или на хромом осле доехали?

— Вы так же любопытны, как прежде. Привычка не оставила вас.

Привычки оставляют изменения в мозге. Чем глубже «следы», тем трудней избавиться от привычки.

Первый гость, отодвинув лягушек, побрызгал на дамочку водой из черепа. Видать хотел, чтобы гостя вернулась в мой дом еще раз. Или боялся, что дамочка от него что-то заберет. Трудно понять, зачем он это сделал.

— Принарядились. Теперь вы в красном. Желаете избавиться от темных сущностей теневого мира?

— Ерничаете. Пустое говорите. Сами-то явились со светлыми помыслами? Или решили доставить нам идеальные неприятности? — Её нежные черты лица сделались суровыми. Гостья стала стареть на глазах. У губ сложились складки. На щеках появились глубокие борозды. Уши поросли густой щетиной.

С лица осыпалась золотая пыль.

Я сразу сообразила: золотую пыль нужно собрать в чашу петри, так я привлеку богатство в дом.

Впрочем. Зачем золото, когда жизнь в прошлом?..

При наличии впереди жизни, чтобы я сделала? Купила дом с садом. Всё и так вышло. Я — законный приобретатель, чтобы не говорил гость без черепа. У меня права на имущество.

В другой мир мы отправимся с пустыми руками. Безусловно, некоторые выражают надежду перетащить с собой через невидимый порог материальные ценности. Кто ж им позволить захламить чистое пространство? Оставьте свои идеи заполнения, владеющие золотом на земле. За последней чертой статус для всех: обнуленный мертвый.

Не верьте сказкам, в них пустые обещания. Нет возможности забрать с собой социальное устройство. Смиритесь.

Ах, если бы... разрешили взять ... мысли о нем.

Прервав земное существование, увижу ли я багровый закат? Великий океан с бесконечной тайной в утробе?

Проникнув в иное измерения, вдруг, я стану птицей. Поднявшись высоко к звездам, безбоязненно прокричу: «Где ты?» Никто не выпустит стрелу, чтобы убить говорливую старуху.

Душа — это память... Первые шаги дочери. Шелест листья деревьев. Наши белые ноги в синей реке.

В пространстве загробной тишины, мало что надо для счастья.

Без любого органа чувств можно продолжить существовать. Стоит лишить душу памяти, и «Я» исчезнет.

У другого мира может быть хозяин. Властный. С неограниченными полномочиями. С которым не договориться. При таком раскладе, всем мало не покажется. Что нас ждет на процессе?

Я созерцала золотую пылью. По истечении золотой минуты, соблазн прошел.

Статусные гости, не смущаясь старухи, горячо выясняли отношения.

— Пытаетесь меня разоблачить. Приписываете мне незаконное про-
никновение. Очевидно же, что я так же бессмертен, как и вы. Зачем нам
спорить, когда цель одна?

Первый гость слабо защищался. Первый гость не желал борьбы.

— Сад теперь принадлежит Марфе. Старуха купила дом. — Гостя
приобрела форму кошки. Восхитительно прошлась по помещению. На-
шла в кастрюле молоко. Выпила его. Посмотрела в сторону мой персо-
ны.

А персона ничем не прославилась. Ничего путного не сделала. Разве
что, под конец жизни приобрела дом и сад.

— Ты убивала кошек? — спросила.

— Никогда.

— Хорошо. — Кошка вновь стала женщиной. Её золотые волосы за-
шевелились. Было ли у неё «золотое» сердце, большой вопрос.

— Мне бы кошку. Для личной радости. — Попросила. Гостя могла
помочь. Гостя была сильная. Явно обладала ресурсами.

Я видела её источником своего благополучия.

— Посмотрим, насколько вы против зла и насилия. Скоро всё долж-
но открыться.

Одиночество провоцирует депрессию. Старуха стала уязвимой. Кош-
ка — лучше, чем мнимый двойник. Кошка точно снизит риск обострения
психического заболевания. На краю мира не получится обратиться к
врачу.

— Никогда не допустите, чтобы кошка совершила попытку завер-
шить свой жизненный цикл?

— Буду заботиться о ней вечно.

Зеленые глаза дамочки высматривали мою душу.

— Кошки — крайне ранимые существа. Истина заключается в том,
что кошки постоянно видят смерть. Все умрут, Марфа.

— В моем доме кошка займет особое положение. Очень нужна кош-
ка... У меня был счастливый опыт общения.

— Что ж. — Гостя широко улыбнулась. — Всегда есть возможность
продолжить отношения с питомцем в загробном мире. Зафиксируем
Марфу в саду, чтобы обеспечить сад вечным светом. За пределом сада
растелился густой туман.

Первый гость оскалился.

— В тумане поселилась кукушка. Сидит на вершине вечного тополя.
У кукушки ключ от ворот сада. Не известно, кто кукушке передал ключ.
Что думаете об этом?

— Думаю... Станет ли кукушка помощником?

— Не надейтесь, голубчик. Голос кукушки способен проникнуть сквозь границу. Звуковым сигналом кукушка войдет в контакт и разбудит их. Разве мы этого хотим?

— Лови их в тумане.

Его лягушки расшумелись. Я стала подозревать: лягушки дают ему силу. Вплоть до бессмертия.

Как носитель головы он взаимодействует с подселенцами. Выступают тесной парой, как Добро и Зло. Бог и Дьявол. Свет и мрак. Левое и правое. Тело и душа.

Впрочем... здравый смысл покинул меня. Передо мной — гости. Я их наблюдаю. Чувствуют ли они боль? Эти двое пребывают в физическом состоянии, но живы ли они? И что такое жизнь? Возможна ли жизнь без тела?

Гости вполне конкретны и наделены интеллектом. Где же их души? Гости могут принимать любые формы, но у меня нет уверенности в собственной адекватности. Как почувствовать грань между реальностью и фантазией?

Гости холодные. Мои гости — машины?

Ночь принесла мне кучу впечатлений! Гости перевернули мои представления о реальности. С головы на ноги. Тьфу. Наоборот.

— Пометим кукушку цветовым кодом, — предложила гостья.

— Изменим её статус?

— Перенесем кукушку в область тьмы.

— Прете против правил, уважаемая.

— Что вы носите с правилами?

В её руках возник фрукт. С помощью золотого ножа гостья очистила фрукт и избавилась от кожуры.

Старики, сидя на лавках, плевались кожурой от семечек. С кожурой выплевывали желчь. Обиду на жизнь.

Гостья выбросила кожуру через плечо. Часть фрукта запихнула в себя, но не через рот, а через уши. Получается, что она питалась через другие отверстия.

Гостья изготовила золотые нити, которые были тоньше человеческого волоса и ввела их под кожу. Стала шестнадцатилетней девушкой. Вдоль её рук выросли карликовые деревья.

Первый гость разглядывал потолок. Тени двигались взад и вперед. Образы меняли направление в зависимости от взгляда наблюдателя.

— Нужно взять птичку под контроль. — Гостья изменила тональность голоса. В её голосе появились приятные вибрации. Гостья находилась в хорошей физической форме. — От кукушки добра не жди. Очень

важно: не дать им очнуться раньше срока. Гусеница превращается в бабочку в правильное время.

— Во всем должна быть стабильность. При внезапном пробуждении игра будет провалена.

— Нужно предложить птичке ячменное зерно. Не удержится. Ключнет. Подавится и прервется её существование.

Вот и проявилась её суть. Ведьма.

Мать ощущала себя сверхчеловеком. Ненасытная заполняла собой пространство. Мы научились ходить на цыпочках. Отец стоически терпел ее. Так ли случайно он упал на рельсы...

Похоронив мужа, она плакала «не-настоящими» слезами. В рыданиях я слышала ее зловещий смех.

— Не позволим ей куковать. Найдем и обезвредим. — Первый гость выступил убедительно. Оратору, установившему контакт с аудиторией, позволено нести чушь. — Видеоигре был задан ритм, но условия изменились. В симуляторе произошел сбой. Декорации не стабильны. Кто-то пошел на хитрость. Обманщик обратился в птицу.

Гости сидели за моим столом. Были ли они безумны?

Поставила цветы в вазу. Не опасаясь, цветы раскрыли свои прекрасные бутоны. Нечаянно я заметила, что цветов шесть.

Шесть цветов. Я все же умерла?

Что достоверно? Я — субъект с мыслями. Моё сознание удерживает предметы в фокусе. Постигаю ли я подлинность форм? Вижу ли я объективно?

А если я унаследовала синестезию от бабушки? Неожиданно проявились необычные способности и я теперь слышу цвета и превращаю их в музыку у себя в голове. Я раздвинула границы, но нахожусь ли я на этом свете?

Внутри чего я пребываю? Я чувствую сладкий вкус пришельцев.

Гостя разомкнула красные губы.

«На зеленом лугу шумно. Женщины в черных сарафанах водят хоровод. В центре круга стоит Демон в цветных штанах. Живые поют песню. Когда песня закончится, Демон должен угадать: кто за его спиной».

Мое бытие оборвалось?

— Марфа, вам нечего бояться. События уже произошли. Мы пришли поддержать вас. Вы под нашей защитой.

Гостя зашуршала платьем. К подолу платья были прикреплены листья. Держались на скрепках. Скрепки разомкнулись. Листья разлетелись. Прилипли к окну. Когда все наоборот — это мир наизнанку.

— Весной я хотела ставни перекрасить. Внучка расстроится. Внучка меня любит. Войдет в дом, а я холодная.

— Вы о чем-то сожалеете, Марфа?

Её фигура оказалась за пределами дома. За пределами моего ума.

В доме осталась её вещи. Из них полилась поэзия. Стихи не противоречили разуму.

В детстве я любила Бунина. Как хорошо он говорил про гробницы... Он не вещал о Боге, потому что словами сказать о Нем невозможно... Поэт делился собственным опытом, чтобы заплутавшие во тьме могли найти и отворить дверь.

Поэзия её платья вызвала во мне такое оживление, как бурный оргазм. Полное высвобождение энергии. Экстаз.

Гостья вернулась. Её пальцы ещё касались неба и тайны. Зеленые глаза светились ярче звезд. Внезапно обе руки оказались на столе.

— Как вас зовут? — Я разглядывала её руки. Они были способны излучать свет. За пределом, чтобы не пропасть, гостья использовала свет рук.

— Моя имя — Баба.

Баба проникла руками в спальню. Открыла шкатулку. Вынула бумаги. Положила их на стол.

Среди бумаг была одна крошечная фотография. Обладая собственным запахом, фотография хранила свежий миг раннего утра.

Обычным утром он просто был. Мой. Живой.

Он искупался в реке. Мы находились на мосту. Мы отражались в чистой воде. Мы тогда ещё оставляли следы на песке.

— Это личное. — Я прикрыла фотографию ладонью.

— Кто он? — спросила Баба.

— Возлюбленный.

Многие думают, что счастье зависит от обстоятельств. Что счастью нужна обстановка.

Для комфортного отдыха нужна идеальная картинка. Особенная, которая подходит к личностным характеристикам. Кому сеновал. Кому теплый песок. Другой — на облачке отдыхает. Это я о покойничках. Спаси Господи.

Истинное счастье внутри человека. Там же его любовь.

Мы познакомились в поезде дальнего сообщения. В убогом и холодном плацкарте. На нем была застиранная рубашка. Мой носок износился до дыр. Стыдно было сбросить обувь. Мы встретились случайно, но смотрели в одну сторону.

— Именно тогда у вас испортились отношения с дочерью? — Ночной гость оказался любопытным.

— Взрослая дочь не одобрила мой выбор.

К текущему рубежу я подошла с определенными знаниями и опытом, но все это оказалось не сильно и нужно. Для меня началась восхитительная история.

— Вас ничто не смутило?

— Что должно было меня насторожить?

— Ваш новый знакомый — безработный, потрепанный жизненными обстоятельствами, без гроша в кармане. — Гость вперился в меня острым взглядом.

Не смотря на глубокую ночь, гость был полон внутренних сил. Секс с ним может быть отличным. Трезвенник с дырой в голове, не боящейся яркого света, идеальный вариант для чувственной женщины. Если бы, конечно, не его лягушки. В самый ответственный момент нарушат восторг.

— Вам не понять особенности женской психики. — Баба накрутила волосы на палец. — Сорок пять лет — это не катастрофа, а ступенька к абсолютной любви, да, Марфа?

Гостья заерзала. Пришло в голову, что у нее есть проблемы медицинского характера. Скорее всего, её жестоко наказывали в детстве.

Избавившись от напряжения, гостья продолжила:

— После сорока приходит истинное удовлетворение. — Баба увлажнила языком губы. — Женщина переживает второе рождение. Марфа, скажите нам.

— Что?

— Избранник удовлетворил ваши требования? Вы были с ним уверены в завтрашнем дне?

Эти двое ничего не знали о человеческой любви. Что слышат их уши? Что видят их глаза?

«Надо бежать. На цыпочках выйду за порог. Крадучись пройду через сад».

Если эти двое устроят погоню, угодят в овраг. Дома и те сползают в овраг. Потому что после проливного дождя активизировались оползневые процессы. Местные сомневаются: доживут ли их дома до зимы.

— Сбежать отсюда не получится. — Баба преградила путь.

— Опишите ситуацию, Марфа. — Потребовал гость. Он говорил, как офицер, прошедший через военную службу. Впрочем, так и было. — Почему вы уехали на север, Марфа?

— У нас было мало денег. Мы хотели найти заброшенную деревню. Мы искали свой дом.

— Нашли?

Что же он сомневается? С такой-то дырой в голове!

Заброшенных деревень на Русском Севере — много! Деревни вписаны в ландшафт. Служат украшением местности. Старинная архитектура долговечна. Некоторым избам — сто пятьдесят лет.

Богатые крестьяне расписывали свои дома рисунками. В реальности, будто музей деревянного зодчества под открытым небом.

Можно наткнуться даже на поселки. Когда-то в советские времена они были значимы, в них жили люди. Их дети ходили в детский сад и школу. Сменился ориентир. Ушла эпоха. Люди сбежали. Свет исчез, пропало электричество. Поселки медленно разрушались. Страшно.

— Как вы жили?

Слова — это всего лишь слова. В них нет вкуса. Истина находится за пределом слов. Как описать атмосферу? Передать запахи.

Мы любили друг друга. Деревья. Солнце. Траву.

Природа одаривала нас.

— Я прикасалась к его спине и была счастлива. Я ведь не всегда была старая.

Я хрипло засмеялась.

В нашем доме был свет. Муж нашел способ подключиться к электричеству. Мы поселились в избе с действующей печью.

Из заброшенных домов перенесли утварь. На наших окнах были чистые занавески. По ночам хорошо скрипели ставни.

Муж был охотник и плотник. Отличный рыболов.

Наша жизнь была простая. Ничего не нужно было больше. Вечерами мы касались друг друга и смотрели на звезды. Мы мало говорили.

Человек проживает ту жизнь, на которую решился.

Золото может свести с ума. Золото лишает покоя и сна. Человек страдает. Заводит сторожевых псов. Боится, что его ограбят.

Источник истинной радости — сама жизнь.

Раньше я была обычным человеком. С ним я полностью изменилась. Я стала победительницей драконов. Я научилась спускаться в нижний мир и побеждать злых духов.

Я хотела пройти с ним рука об руку до конца.

Наши тела дряхлели. Мы не унывали. Мы работали. Занимались со-бирательством.

Случилось непредвиденное. В деревню вернулись люди. Стали обу-
страиваться. Пространство наполнилось детским смехом. Мы много лет
не видели детей.

— Вы убили его. — Гость смотрел строго.

— Убила.

Я даже не предполагала, что в моих дряблых руках осталась сила.
Я показала им свои руки.

— Так вышло. Я ударила его сковородкой по голове. Он свалился с
лавки на пол и умер. Он не должен был умереть. Все это неправильно.

— Бытовуха.

Баба не была человеком! Кем она была на самом деле?

Разве не-человек знает, какие демоны управляют людьми?! Вывора-
чивают души наизнанку. Пагубно влияют на жизни.

Только тот, кто пребывает в замкнутом сосуде — человеческом те-
ле, волен упрекать меня. Тот, который такого же биологического вида,
как я, вправе предъявить мне обвинение.

Нелюди!

— Кто вы такая, чтобы судить?! Я любила его всем сердцем! Он
стал ходить в чужой дом... Много времени прошло, пока я на что-то ре-
шилась...

Если я умерла, или, допустим, что умираю здесь и сейчас, как утвер-
ждают гости, отчего горько плачу?

Старый монастырь хранил нетленные мощи монаха. Из его глаз не-
прерывно лились слезы. Что он оплакивал? По кому горько скорбел?
Что он знал такого про этот мир, чего не знаем мы?

Бесчисленные паломники притекали в монастырь. С мужем мы при-
ходили в монастырь с верой и надеждой. Спали в келье на голом полу.
Братия монастыря старалась дать приют всем.

— Марфа, вы закопали его в саду?

— Земля была ещё теплая. Садовая лопата легко проникла вглубь...
Лопата осталась от прежних жильцов. Муж использовал её в саду и на
огороде. Положила тело под яблоньку. К лету на яблоньке появились
крупные красные яблоки. Наша любовь была сладкая!

Её белые длинные руки залезли под печь. Гостья стала рыться. Важ-
ная особа, а ничем не брезгует. Ведет себя так, как профессиональная
ищейка.

— Что вам надо!? Что вы ко мне пристали?

Я стала оттаскивать её от печки.

«Баба найдет! Ква-ква.»

Баба вынула из-под печи парик. Пыльный. Облезлый.

Парик создает новый образ. Преображает настолько, что дочь родная не узнает. Экспериментально доказано.

В деревне начались беспорядки и я сбежала! Я была в кризисе и неадекватно оценивала ситуацию. Угрозы не было, но я её видела во всём. Я запретила себе делать широкие шаги. Истинная личность стерлась.

Я была живая и одновременно мертвая. Хранить секреты — вредно для здоровья. Компрометирующая информация высасывала из меня энергию. Истощенная старуха села в поезд дальнего направления.

Октябрь был теплым. Незузанной я вернулась в город. В моей квартире появилось гораздо больше народу. Реакция окружающих на мое явление была предсказуемая. Родственники изрыгали информацию: я — больше ни член этой семьи. Страшно близкие наполнили свою речь угрозой.

Ирония судьбы. Квартира принадлежала мне. Мне выделили пространство. Раньше там была кладовка, где я держала старые вещи и книги. Зять провел свет и занес кровать. Гребанная жизнь... Затхлый запах кладовки так и не выветрился.

Существование сделалось веселей, когда, разорвав любовную связь, в родительский дом приехала внучка. «Бабуля, мы все переживём». В мою гребанную жизнь вернулся смысл. Я стала много смеяться. Над своей старостью. Над копеечной пенсией.

Иронично научилась воспринимать проблему: я нечаянно убила мужа и потеряла лучшую свою половину.

Положительны эмоции способствуют выработке гормонов радости.

— С дочкой помирились? — Её рога росли прямо из черепа. Наверное, в рогах были нервные окончания. Впрочем, я ничего не понимаю в рогах, как и в людях. — В вашем доме воцарился мир?

Дом — «гнездо». В доме не бьют по хребту палкой.

В моем доме не было безопасно. Зять втирал меня в стенку. «От вас много мусора, мама».

Старение — необратимый процесс. Старик — тоже человек.

— Я должна была уйти, чтобы не вернуться?

— Я — просто баба, хоть и нахожусь на высоком уровне. Я обладаю сверхъестественной силой, но не злоупотребляю. Слежу за тем, чтобы вовремя был собран урожай. Я не отделена от природы. Ратую за порядок и дисциплину. По окончании страды крестьяне не должны забывать оставлять в поле пучок колосьев. Землю надо «кормить». Кормить, как бабу. Сытно. Тогда земля восстановится силы. В будущем даст богатый урожай.

— Вы были привязаны к своему мужу? — спросил гость.

Разбирают мою жизнь «по косточкам». Побуждают отвечать. Я совершила большое зло...

— Я не смогла ему родить. Ему нужен был сын. Он хотел водить мальчика на детские утренники. Он мечтал передать ему знания. Муж научился бы его столярничать и охотиться. Мы встретились поздно. Мой потенциал был исчерпан.

Отношения в пожилом возрасте более глубокие. Исполнены терпением и пониманием. Он не хотел меня обижать. Он стал навещать их.

— Если бы у нас был ребенок, он поступил бы иначе?

Баба потупила глаза...

— В мои обязанности входит следить за тем, чтобы крестьяне хорошо просушивали овощи. А высушенные морковь, свеклу, репу, редьку складывали кучами в обширные погребные ямы. Чтобы крестьяне солили и квасили. Чтобы рубили капусту.

Вот так можно уйти от ответа....

Я ему: «Ты меня любишь? Ты меня еще любишь, муж?» Он мне: «Жена, завтра поставлю силок на зайца. Будет у тебя новая обувь. Сам сошью».

Я испытывала серьезную эмоциональную нагрузку. Супружеская связь разрывалась.

— Марфа, как вы нашли этот дом? — Ночной гость похлопал рукой по бумагам. — Дом невозможно было найти.

От старых бумаг по комнате разлетелась пыль.

«Почему бумаги старые, Марфа? Ква-ква». Лучше бы они держали пасти закрытыми.

Бумаги с обожженными краями. Если объективно — между нами лежал мусор.

— Я умерла давно?

Гости кивнули.

— Вы сожгли дом. Сад не тронули. Некоторые покойники ещё долго не могут понять, что их уже нет.

Её руки коснулись моих морщинистых щек. Леденящее прикосновение осени.

В осени есть все. Прощальный поцелуй. Маленькая надежда на новую встречу.

В первый миг после Смерти во мне проявилась воля. Я дойду. Увижу облезлые ставни. Обниму холодную печь. Расплачусь у яблоньки.

— Теперь сад ваш. — Гость кивнул. — Мало кому удается задержаться между мирами. А у вас получилось, Марфа. Мы ничего не можем с этим поделаться. И документы в порядке. — Гость вздохнул.

Документ обгорел, но на бумаге сохранились наши подписи. Моя. Его. Куплю-продажу мы заверили у нотариуса. А могли просто жить в покинутом доме. Муж был правильный. Настоял. Мы зарегистрировали право на собственность.

К нотариусу я пошла в новой юбке.

— Я никогда его не увижу? Мне бы хоть на минуту коснуться его.

Я обратилась к ней, как к бабе. К существу с женским началом. К существу, знающему, что такое любовь. Наверняка, баба была в теме. Явилась в мой дом в красном.

— Отчего же?.. Между вами вечная связь. Будете правильно следить за садом, все произойдет. Мы подготовим встречу с покойным супругом. По пятницам в сад прилетает важная особа. Недавно она была превращена в птицу. У нее удивительно сладкий голос. Им она доносит до мира высшую волю. Птица неуязвима. Птица ни такая принципиальная, как многие думают. Птица постоянно нарушает закон. Птица снисходительна к тем, кто прошел через испытания. Я уверена, что птица поможет вам соединиться с мужем. Птица умеет призывать мертвых. Услышав её зов, ваш супруг из-под земли вырвется наружу. А тут и вы — собственной персоной. Во всей своей красоте. Конечно всё хорошее произойдет с нашей помощью.

— Хотелось бы посмотреть в его глаза.

Зрительный контакт — важная составляющая энергетического взаимодействия в паре. Возникает длительная привязанность. А всё почему? Потому что вырабатывается химическое вещество под названием фенилэтиламин.

— Увидите его. Непременно. Вместе будите париться в бане. — Пообещала Баба. — Если у вас не будет страха перед птицей. Перед той, что прилетит.

— Почему нужно её бояться? Есть причина?

Первый гость ухмыльнулся. В его кривой улыбке был сарказм. В уголках рта он спрятал тайну.

А Баба ответила:

— У неё ненасытное брюхо. Может проглотить, но потом обязательно выплюнет назад. Если так случится, не переживайте. Целехонькой выйдете из неё. Птица ничего не пережевывает.

В тот момент я подумала, что Баба рассказывает какие-то небылицы. Позже мне придётся убедить в том, что всё, о чем предупредила Баба, правда. В её словах не было хитрости.

После смерти нет рамок. После смерти становишься другой. После смерти можно выйти невредимой из брюха птицы.

Баба продолжила:

— Мой совет: восхищайтесь птицей, Марфа. Птица не равнодушна к лести. Хвалите её ослепительно огненные перья. Хвалите искренне. Исключите лицемерие. Птица не должна догадаться, что ею манипулирую. Птица желает чувствовать, что она — важная особа потустороннего мира. Птица часто пребывает в депрессивном состоянии.

— Пережила насилие? Ей были нанесены тяжелые телесные повреждения?

Шел мокрый снег. В рваной рубахе я пятками месила жижу. Из уха капала кровь. Один глаз ничего не видел. Его не посадили. Мы развелись.

— Птица общается только с мертвыми. Всё это вгоняет в депрессию. Слушать мертвых — это трудно. Некоторые стонут.

Что она знала о трудностях? Задумывалась ли она о суициде?

— В лести птица черпает силу. Не допускайте переизбытка, Марфа. Дозируйте лесть и вы достигните желаемого.

— В потустороннем мире вам всё понравится. — Ночной гость, прищурившись, улыбнулся. — Главное, не выходите за периметр. Мир имеет границы. Вы под охраной только в пределах данного информационного поля. Здесь надежно, Марфа. За забором на вас могут напасть, чтобы уничтожить.

— Вы — уникальное существо. Продукт этого мира. — Баба похлопала меня по щекам. Видать, не сильно меня и ценила.

Впрочем. Её можно понять... Бабе, наделенной властью, приходится общаться с простой старухой.

В мире есть эгоистичные, хитрые, испорченные люди. Они причиняют боль. Нельзя делать вид, что все хорошо. Нельзя быть магнитом для тех, кто любит играть во власть.

Я сделала много ошибок. Зачем убила?..

— Марфа.

— А.

— Со временем у вас может возникнуть желание исследовать насколько далеко можно зайти в игровом мире. Здесь вы бессмертны, хоть и ограничены в возможностях.

Что за мир такой? Я уселась удобно и полностью опустила голову на ладони. Говорите, что хотите. А я разочарована.

Баба добровольно под села ко мне.

Добрые отношения начинаются с уважения. В обшарпанном вагоне он говорил непринужденно, но с почтением. Беззастенчиво переспав на нижней полке плацкартного вагона, занавесившись от пьяных попутчиков простынями, проснувшись в объятиях, утром мы продолжили общаться на «вы». Смешное и чистое время. Спасибо тебе, судьба.

Какая долгая ночь.

— Марфа, вы ограничены в перемещении. Создавайте новый день. Наполняйте его ароматами.

Первое утро без него. Хотелось выйти через окно. Бог научил меня создавать новый день. Бог всегда был рядом. Я разговаривала с Ним.

Первый гость встрял. Сказал страшным голосом:

— За забором вас быстро поглотят информационные дыры.

Голос — мощный инструмент, но я чуть не рассмеялась. Я давно преодолела свой страх. В родительской семье мне было страшно. Когда бьют и насилуют — кровь стынет в жилах. Исчезнуть? Нет. Это не жуткая история. Как черные утюги из сказки про гроб на колесиках.

— Не разочаровывайте нас, Марфа. — Попросила Баба. — Мы в одной лодке. Вы нужны этому миру, Марфа.

Гости были в моем доме, но в своем ли уме?

— Под каждым деревом спит душа. — Заговорщицки шепнул гость. — Не получилось дюжину переместить. Двенадцать душ зацепились за корни прошлого. Нужно ли силой выдергивать деревья?

... Я против зла. Презирают любую форму насилия. Эмоциональное, физическое, психологическое, сексуальное. Насилие меняет человека навсегда.

Особенно пагубно насилие, направленное на ребенка. Во всем мире детей унижают. На тропу жизни выходят неуверенные в себе. Их ждет непростое путешествие. Справятся ли они?

Родители обязаны заботиться о здоровье детей. Жестокое обращение приводит к психологическим проблемам.

Ненавижу насилие.

Я убила того, которого любила.

— Почему я старая? — Опять я к Бабе. — Разве после смерти никто не молодеет? Скинуть бы лет тридцать... обновить ткани лица, улучшить эластичность. Возможна ли регенерация?

— Марфа, лично вы будете молодеть по пятницам. По пятницам время пойдет вспять. — Пообещала Баба. — Нам это тоже выгодно. Так мы будем стимулировать вас продолжить игру.

— Буду молодая раз в неделю?

Баба посягает на мой личный интерес!

— В этом пространстве короткая неделя. По пятницам морщины разглядятся. Волосы обретут цвет и блеск. Тело выпрямится.

— А ноги?

— Что — ноги?

— Ноги болят.

— Вы долго шли. — В ее голосе было сопереживание. Вот же хитрая Баба. — Ваши ноги износились.

— Как давно меня нет среди живых?

Похоже, что Баба хорошо разбиралась в проблеме.

Будучи живой, я пыталась постичь тайны. Ничего не поняла, кроме того, что любовь повсюду. В солнечных лучах. В брызгах воды. В добрых словах.

Слова лечат. Каждая буква имеет эмоциональный заряд. С помощью слова можно активизировать резервные возможности.

Мы часто произносили вслух наши имена. Мы привлекали к судьбе высшие силы.

— Марфа, зачем вы цепляетесь за прошлое? Радуйтесь, что вы в саду. Никто не хочет согласиться с тем, что жизнь бессмысленна.

Тоже мне — Зигмунд Фрейд. Я знаю: смысл в любви. В той самой. Только она не сгниет даже в могиле.

Гость хмыкнул. Его лягушки заквакали. Что знают твари? Спариваются на инстинктах. Делают все быстро, пока в водоеме есть вода.

Гость разглядывал мою сморщенную кожу, жидкие волосы, дрожащие руки.

На себя бы посмотрел. В его голове была жижа. Потерпев крушение, остался без смыслов. Бедолага.

— По пятницам у вас будут молодые ноги. — Баба подмигнула. — Боли в икрах пройдут. Вновь появится удовольствие от движений. Главное: не выходите за периметр. За забором теряется архитектурный ландшафт. Это может вас напугать.

— В пределах сада сильные вибрации. За калиткой можно вылететь из игры.

— Мир исчезнет?

Баба напыжилась.

Я видела людей, которые ничего из себя не представляли. Надували щеки. Задирали нос. Лжецы кормили простачков обманом.

На что они тратили свою жизнь? От них потом ничего не останется. Только одежда в шкафу.

А в жизни много веселья! В жизни можно быть волшебником!

— В пятницу у меня будет секс?

Гости переглянулись. Думаю, что прежде мертвецы не задавали им подобных вопросов.

— Марфа, я не хозяйка этого места. Для нас это такой же новый опыт, как и для вас. Быть может, по пятницам будет скрипеть кровать, а не только ставни.

Вот же она — настоящая Баба! Баба бабу всегда поймет.

Гость с лягушками был другого мнения.

— Сексуальность старухе не к лицу. Вы теперь совершенно не гибкая.

— По пятницам я буду молодой и привлекательной. — Дала отпор.

— На практике все может быть иначе. — Не сдался гость. — Помолodeет ваша душа, а тело нисколько не изменится. — Гость ухмыльнулся. — Вполне можно обходиться без плотских утех.

Повысилось давление. Чёрт, весьма странно... Эти двое утверждают, что я мертвая.

— Не нервничайте, Марфа. — Забеспокоился гость. — У нас тут не авторитарный режим. Хотите плотской любви, кто ж вам запретит. По пятницам будете сиять, как солнце в ясный день.

Насмехается. Интересно, а сам он ограничивает себя? Есть ли у него прочные отношения? Маловероятно. С лягушками в голове...

— Если Она вас одобрит, так тому и быть. Вы застрянете здесь на веки вечные.

Баба широко открыла рот. И я увидела: ее язык лежит поперек. Язык был покрыт кочками.

— Жизнь прожить, не поле перейти. Вы давно мертвы.

Я всхлипнула.

— Уходите.

Первый гость приблизил ко мне свое лицо. Я смогла разглядеть его веснушки. У верхней губы они сложились в звездочку. «Звездный лорд». Ухмыльнулась я. «Что творится в глубинах твоей души, звездный лорд? Счастлив ли ты?»

Будучи пионеркой, я носила звездочку с портретом Ленина. Ребенком я любила Ленина. Ночами просила его: «Добрый дедушка Ленин,

сделай, пожалуйста, так, чтобы наша мама всегда была в хорошем настроении».

Иногда дедушка Ленин помогал мне и сестре. Когда добрый дедушка Ленин забывал о нас, ведь у него было много других дел, наша мама кричала и обзывалась плохими словами.

Убежденная, что права во всем, строгая и непредсказуемая, она все решала за нас. Днем и ночью.

Ночью она приходила в мои сны злой колдуньей.

Мы «разделили» её. Добрая мама в выходной день пекла для нас блинчики.

«Запутай её, хозяин. — Попросили жабы. — Скажи ей, что её забросало по свету и она уже не сможет полноценно существовать. У старухи нездоровые нервы! Пусть задумается об ошибках прошлого».

Какие бесчувственные жабы.

Нелегитимная царица захватила власть. Мы стали «героями» её сюжетов. Мы не могли от неё убежать. Мы были детьми.

Что творилось в её голове? Нужна ли была ей профессиональная помощь?

Внешне приличная. Она была вне подозрений.

Мы слишком долго находились в травмирующих обстоятельствах. Сестра никогда не пыталась устроить свою личную жизнь. Сестра боялась найти мужчину, который вел бы себя так же, как родительница.

Меня же было не запугать. Парень в синем трико налетел, как вихрь и быстро заявил, что любит. С ним я не была в безопасности. Чтобы выжить, постоянно наблюдала за его действиями. Ловила его настроение. Была готова к удару в любую секунду. Что-то во мне щелкнуло и я сбежала. Я сделала огромный шаг. К нормальной жизни.

— Эй, вы! Я к вам обращаюсь, жабы! Держите своё мнение при себе!

«Мы заботимся о твоём здоровье. Ты потратила много энергии. С расшатанными нервами лучше стоять на месте. Ква-ква».

В глазах защипало от слез. Лягушки пытаются обесценить мой опыт.

«А-а-а». Выпустила пар. Время от времени, стоит выплескивать неудовольствия наружу, чтобы не треснула головушка. С пошатнувшейся башкой можно наткнуться на психиатра. Забальзамирует заживо. Ни рукой, ни ногой не пошевелить. Сотрудники психиатрической клиники — гады, которые ограничивают свободу. Санитары унижают. Связывают пациентов. Чтобы больной не ходил под себя, не кормят.

В лечебном заведении психи долго не живут. У клопов и тараканов больше шансов выжить. На женском отделении их было много. Твари кусались.

Психи нападали.

В пространстве безумия никто не заботился о комфорте персонала и пациентов.

В старом доме важные гости боялись испачкать дорогую одежду о дешевое покрытие стола. Впрочем, кленка была чистая.

В хозмаге нарядная скатерть лежала под защитной пленкой. Ни одна муха на неё не сядет. Ничто её не разрушит. Никогда не окажется вывернутой наружу. Почему я её не купила?..

Гости наблюдали за мной.

— Израненное детство. — Вздохнула Баба. — Сложные отношения с партнерами. Лечение в клинике. Завоевывание одобрения любой ценой.

Эх, Баба. Бывала ли ты в социальных учреждениях? Тебя били в живот?

Большая ошибка: не беречь себя. От страстей трудно исцелиться. Набор внешних факторов провоцировал обострение.

— Я вошла в стойкую ремиссию. Моя жизнь стала гармоничной.

Баба приблизила ко мне свой красный рот.

— Как же было неразумно убивать его.

В дверь опять позвонили. «Дзинь-дзинь».

Я быстро смекнула, что за столом должен быть третий. Природа не терпит пустоты.

— Без Нёй никак? — Первый гость хитро улыбнулся. — Для установления целостности картины загробного мира, явился еще один член системы. Что ж. С Ней будем заполнять пробелы.

— Марфа, вы кого-то ждете? — Баба спросила лукаво. Чтоб её.

— Нет.

— Когда птицы спят, способность летать приобретают иные. — Баба намекнула на интригу.

— На каком передвижном средстве Она прибыла? Чью неприкаянную душу нашла? За кем явилась? — На лице первого гостя появилась маска благодушия. — Лично я нахожусь в безопасной зоне. В озоне.

— Где-то есть гробница, но она пустая. — Баба многозначительно дала понять, что у неё крепкое здоровье и она умирать не собирается.

Её красивые волосы вытянулись струнами. По её волосам, как по электрическим проводам, побежала информация. «Поле к зернышку. Свет к солнышку. Тем, кто брит, легче управлять».

Бабы заплела волосы в косу и сложилась вдоль позвоночника.

— Ложная гробница была мне нужна не для фактического захоронения, а для выполнения ритуальных действий.

Я пошаркала к дверям. Потянула за задвижку. На пороге стоял всадник и крылатый конь.

— Можно? — спросил всадник человеческим голосом. Он мог говорить и принимать пищу.

У всадника были уши. Рот. Ноздри. Но вместо глаз блестели два медяка. Что всадник мог видеть с закрытыми глазами...

— Ладно. — Кивнула я. — А коня не пущу.

— В нашей паре на первом месте — конь. — Сказал всадник. — Конь — важный персонаж. Его место — за столом. Я же — пустой мешок. Прощайте, старуха.

— Конь так конь...

Ну и ноченька.

Конь сидел за столом. Всем присутствующим, и даже мне — мертвой старой дуре было понятно, что конь в нашем сообществе — главный. Ни потому что у него были черные крылья, из глаз сыпались красные искры, а из пасти вылетало пламя, стоило ему раскрыть рот и приподнять верхнюю губу, что-то в нем было такое... царственное. Слово он — начало и конец. Альфа и Омега. Первый и последний. От коня зависит все... Конь защитит меня?

Три гостя вместе разглядывали морщинистую старуху. Каким-то образом я неразрывно уцелела. Во мне была энергия.

— Я сплю?

Конь расправил попону. Золотые колеса на попоне закрутились.

— Неверная мысль уведет вас, Марфа, кривой дороженькой, по которой даже конь не пробежит. В физическом мире вас давно нет. Вы застряли в особом пространстве. Зафиксировались в тонком слое. Включите воображение, Марфа. Персонаж на самом деле не умер. В ваше тело поступает ток. Кругом вас энергия. В мир живых вам никогда не возвратиться.

Каким-то образом я сохранила целостность. Меня немного обновили и встроили в локацию. Я устойчивая. Энергию черпаю из эфирного поля. Сущность этого явления за пределами моего понимания. Вот хрень...

Баба из одной косы сделала две косы. Она что, ждет ребенка? Гость с лягушками пересчитал лягушек.

Конь же положил перед собой ключ.

Крест с петлей был из золота. «Ты будешь оправдана».

Человек знает всё о себе. О Вселенной. О секретах мироздания. О неизведанных мирах. Информация хранится в подсознаний. Пылится там.

— Зона наблюдаемая. — Сказал Конь. — В ваше жилище, Марфа, никогда не проникнет вредный жук, от которого не известно, чего ожидать ... Мы давно хотели подправить забор. Каждая дощечка влияет на соседнюю дощечку. В случаи изменения положения одной штакетины, модель мира пошатнется. Раз в году на русалочью неделю некоторые оживут и захотят перескочить через забор. — Конь уныло заржал. — Во всем должен быть порядок. Нельзя, чтобы произошла путаница. Если левое и правое поменяются местами, тогда и остальные характеристики поменяются на противоположные. Конечно, тварный мир продолжит существовать. Ведь есть Творец. Он контролирует своё творение. Все же, Марфа, лучше держать мертвых в зоне.

— Ага. А почему?

— От поврежденных добра не жди. Куда ни ступит их нога, облака быстро превратятся в грозовые тучи.

Я потрогала голову.

Конь постучал ключом по столу.

— Мы связаны магическим числом 137. С рассветом все исчезнет. Города. Дома. Люди. Вновь образуется «ничто».

Конь расправил крылья. Из-под одного крыла вышла женщина в белом платье. Из-под другого крыла вышла женщина в синем платье.

Одна направилась влево — к розовому городу. Другая пошла направо — к золотому городу.

Есть ли разумные формы жизни в волшебных городах?

Появилась дорога. Белая, как коровье молоко. По молочной дороге неспешно шла молочная корова. Из-под её копыт сыпались звезды.

Корова раскрыла пасть и сказала: «Нельзя убивать коров. Корова — мать. Корова родит солнце».

Корова провалилась в несветящееся пятно.

Корове нашлась замена — умудренная опытом кобыла. Была синего цвета. На её боках красовались светлые пятна. На лбу был белый треугольник. За ней галопом скакали жеребцы. Животные пахли краской. Их только что нарисовали.

«Не будет человеку счастье, пока он убивает лошадь».

Над золотым городом висело черной солнце. Я услышала голос: «Мой город золотой. Войдешь в него, станешь золотой. Сердце твое будет золотым. Ум твой будет золотой. Ты превратишься в золотую змею».

Над розовым городом сияло зеленое солнце. Я услышала голос: «В розовом городе стоит розовый храм. Храму миллион лет, но он хорошо сохранился. В храме находятся магические зеркала, исполняющие любые желания. В зеркалах красного цвета спрятана великая тайна деторождения. Чтобы пришел ребенок, нужно зеркалу показать куклу и сказать: «Да, он уже сосет».

Не раздумывая, устремилась в сторону розового города; зачем мне золотое сердце и золотой ум, пусть я буду глупа, как курица, но с ребенком.

Образы улетучились.

Вдоль стола сидели гости.

— Здесь все возможно. Только никогда не смотрите в зеркало. Уйдете и не получится вам вернуться. — Конь представлял собой власть. — Марфа, мы ждем от вас подробного повествования о посмертном хождении по темному миру. Хочется понять, как вы нашли дом и сад.

— Мир был не совсем темный. Я очнулась под яркими звездами. Пошла вперед. Перед наступлением времени с несколькими нулями, уверенно отворила старую калитку. Вошла в сад.

— Вовремя подошли к границе, отделяющей одну сферу от другой. 00:00 — промежуток, когда, интересующиеся вами, могут оказать реальную помощь. Опоздайте на минуту, не нашли бы вход. — Коню были доступны тайны. — У вас получилось материализоваться. Непостижимо. Дух обрел плоть.

Всё, что происходит в моём доме, не укладывается в голове.

Окончив школу, я поступила в институт. Бросила. Пошла работать продавцом мороженого. Погналась за сиюминутной прибылью. Не подумала о капиталовложениях. Попрала путь к успешной жизни и обрекла себя на физический труд.

Но я не дура. Сосредоточившись на свои чувствах, наконец, задала правильный вопрос:

— Почему не возник белый свет?

— Белый свет надо заслужить. — Пояснил первый гость. — Не всем позволено пользоваться чистой энергией. Ваши свойства были повреждены. С такими, голубушка, признаками, не подняться на новый уровень.

— Полноте вам, — сказал конь в сторону первого гостя. — Не пугайте её.

Ко мне же. Обнадеживающе. По-доброму. По-отечески:

— Вы отвлеклись, Марфа, потому и не заметили свет, а он был. Из Верхнего Мира за вами спустились по веревке времени, но вы далеко

отдалились от сакральной локации. Впрочем, Марфа, ничего ужасного не случилось. Все даже очень хорошо вышло. Теперь вы находитесь в зачарованном саду. Красота повсюду... Натурализм.

— Ни вы первая. Ни вы последняя. — Сказала Баба. — Всегда находятя сопротивляющиеся. У некоторых скончавшихся остались неразрешенные дела. Им кажется, что если они останутся в привычных обстоятельствах, то смогут завершить начатое, но это ни так. Потенциал исчерпан. Желудь может стать дубом. У дуба не получится вернуться в желудь. За все заплачено при жизни. Личность сформировалась. А вот напугать и утащить за собой жертву, неживым по силам. Особенно опасны женихи. Энергия седьмого сентября поднимет их. Женихи станут буйными.

— Кто-кто?

— Знаете, Марфа, на свадьбах всякое случается. Драки. Стрельба. Поножовщина. В порыве ревности бывший возлюбленный невесты может убить жениха. Впрочем, вам знакомо это чувство — разрушающая ревность?

Я кивнула.

— Мне очень жаль. Я совершила преступление.

Если бы я могла прожить жизнь без ошибок... Прошлого не изменить.

— Вас никто не упрекает, Марфа. Ваш муж умер хорошей смертью. Без боли. Без страданий. Главное в жизни — это хорошо умереть. — Конь хрипло рассмеялся.

В его глазах был огонь. Искры потустороннего мира невозможно было потушить.

Он летал выше облаков. Он скакал между мирами. У него ключ. Но добр ли Он ко мне?

Прошлым вечером я посадила внучку в автобус. Вернулась домой. Ничто не предвещало странных событий. Пришел первый гость.

— Какая я могла пропустить собственную смерть? Где смерть?

— Я тут. — Конь кивнул.

В комнате находятся конь и его жертва.

— Прошу вас: оставьте синдром жертвы. — Попросил конь.

Однажды утром в зеркале я увидела довольное лицо. Та, которая находилась в зазеркалье, протянула руку помощи. Её голос был такой, как мой. И все же, голос не принадлежал мне. Между нами установилась связь. Мы вступили в контакт. Зеркальная сущность следила за мной. Успокаивала. Стала моим источником энергии.

Зря я рассказала о ней психиатру. У психиатра отсутствовал здравый смысл. Психиатр решил, что пред ним пациент, нуждающийся в экстренной госпитализации.

А мир зазеркалья очень близко! Тот мир неуничтожим. Человек, попавший в зазеркалье, становится не-человеком. Новый объект себя ощущает. Может рассмотреть себя со всех сторон. Зазеркалье — не трехмерный мир.

Ее звали Ал. Зеркальная Ал была значительней меня. Я не была её пленницей. Ал не была моим вожаком.

Ал нужна была мне. Ал была сильной. Ал обладала информацией. Её забрали. Карипразин разрушил нашу связь. Больше не могу дотронуться до неё. Закрылась дыра в запредельное. Психиатр решил, что моя голова встала на место. Разве?

— Сейчас другая ситуация. — Фыркнул конь. — Я пришел с миром, а не для того, чтобы доставить вам неприятности.

Как же позитивненько говорит. Правильный собеседник. Надо слушать только Его.

Но она влезла.

— Мы придумали автобус. — Баба направила в сторону моей шеи свои коровьи рога. Угрожает? — Снаружи мы влияем на игру. Но мы не идентифицируем себя с персонажем. Мир теперь ваш.

— В город не вернуться?

— Город для вас закрыт. В городе находятся те, кто движется исключительно по сюжетной линии. Локация с фиксированным размером предназначена для индивидуального прохождения. В городе мы создали «кипучую» деятельность и все довольны. Вам придется остаться в деревне. Деревню организовали для тех, кто увлекается «бродилками». Игрок наслаждается природой. Впрочем, из-за куста может кто-то и напасть.

— Еще недавно я слышала, как ругался сосед. У соседа украли ведро.

— В вашей голове всё перепуталось. События произошли давно. Мы любим этот мир. В нем много эстетства.

Баба погладила печь.

Русская печь — основа крестьянского быта. Моя печь не стояла посреди комнаты. Мою печь придвинули к задней стене дома.

— Внучку придумали вы? Мне больше не за что держаться...

В заброшенной деревне мы выжили. Наладили быт. У нас была вода. Огонь. Еда. Новые люди привезли с собой самогон. От самогона сходит с ума. От самогона появляются галлюцинации.

Конь с хитрецей улыбался.

Конь знал, что самогон менял связи между нейронами. Вместо привычных способов передачи нервных импульсов мозг находил новые пути.

Чтобы человек не упал лицом в лужу, приходят черти. Тьфу-тьфу. Черти расшатывают психику. Но черти не главные.

Вспотела.

— Я отравилась самогоном?

— Бинго. Двадцать третьего сентября. Дата вас раздражала. — Первый гость «выдавил» из себя улыбку. В ней не было тепла. — Вы поместили свою смерть в сферу бессознательного.

— Мой сон...

Черт же меня дернул вспомнить... собственные похороны. Три человека у могилки.

— Я была запойной?

— Что вы, Марфа. — Баба старалась смягчить новость. — У вас не было пагубной привычки.

— Вернемся к забору. — Тут же предложил гость с дырой в голове. — Забор надежный, можно сказать, что крепкий, но не всегда. Несколько дней в году он совершенно не стабилен. Страдает, плачет, ложится плашмя. Сад надо строго охранять в русалочью неделю. Вам нельзя будет спать. Марфа, несколько дней и ночей держите ухо востро. Сомкните глаз хоть на миг, случится непоправимое. Мертвые выйдут через калитку.

— Физический мир рядом?

— Пространству лучше находиться близко к насекомым опылителям. Медоносные пчелы легко перелетают через забор. В физическом мире непросто существовать. Тела тянутся, растут, сгибаются, падают. Человеческое бытие конечно. Время от времени в сад попадают новые души. В саду всегда двенадцать душ. Кто-то уходит. Кто-то приходит. Цифра остается неизменной.

— Таковы правила игры. — Сказал конь. — Мы не можем заварить калитку. Прежде мы создавали ложные калитки. Бесполезно.

Баба положила на стол шесть серебряных монет.

— Плата за вход. А вы не заплатили, Марфа. Повезло же вам, Марфа.

— В саду находятся древние экземпляры. Мы ими гордимся. — Конь приосанился. Его голова плавно двигалась вверх и вниз. Конь обладал сокровищницами земли. — Мы входим с ними в контакт. С их помощью

общаемся с предками. — Конь развел уши в стороны. — Мы не должны возить мертвецов на своей спине.

Баба подула на цветы. Из шести бутонов вылетели птицы. Были они красные. Птицы закружились. Комната наполнилась чарующими звуками. Предметы засияли.

— Кто я? Дохлая пьющая баба?

— Только истерики не хватало. — Вздохнула Баба.

— Соберитесь, Марфа! — Приказал первый гость. — С первым лучами мы исчезнем. Останутся лишь лягушки. Толку от них мало. Твари уйдут по земле. Если мы что-то не успеем вам рассказать, Марфа, в дальнейшем вы столкнетесь с большими трудностями.

— Я заливала проблемы самогоном?

— Употребляли иногда. — Баба улыбнулась. — Подумаешь. С каждой бабой случается. Помните ту зиму? Когда вы почти голодали. Он будил вас ночью. Он боялся, что вы уснете навсегда. Без вас он бы не выжил.

Суд? Гости разбирают мою жизнь. В короткой жизни я была глупая.

Скоро вынесут приговор. Спустят душу по веревочке в ад.

— Ада нет. — Заявил конь. — Ад придумал смертный поэт Данте. «Оставьте всякую надежду, вы, входящие». Что скажу. Поэтично и трагично, но неэтично. Данте долго болел, вот и привиделись ему жуткие картинки, спаси Господи. Бесспорно, Данте создал великое произведение.

— Чистилища нет. — Баба обладала информацией. — Чистилище придумал Папа. Учение о чистилище принадлежит Католической церкви. Получилось создать нечто среднее. Мы Папу не виним. Время было такое. Беспокойное. Мор. Чума. Убийства. Грабежи. Понадобилась лазейка для преступников. Папа, конечно, был умный. Дал шанс сброду.

— Где же грешники?

— Побойтесь Господа, Марфа. Ваш ум напичкан ложными идеями. Что посеешь, то и пожнешь. — Конь вытащил из-под попоны яблоко. Зажевал. — Все тленно. Сознание безгранично. Душа, освободившись от затворов, вольна создавать новые миры. При наличии конфликта, получаются нездоровые сюжеты. Снег с градом. Тюльпаны под дождем. Перевернутая радуга. Как к этому относиться? Впрочем, хуже человеческого мира нет ничего.

Красные птицы присели на стол. Красные птицы открыли свои крошечные рты и задали коварный вопрос:

— Где ребенок?

Я криво улыбнулась.

— Где ребенок, Марфа? — Переспросил конь. — Вы избавились от него?

— Он бил в живот. Кто может появиться на свет? Нерожденное существо, поврежденное в утробе, не хотело видеть жестокий мир.

Первый муж был склонен к насилию. Жаль, что нет ада. А то бы — гореть ему в аду. Вечно.

Я выжила. Мой первенец — нет.

— Мир полон страданий. Иногда лучше и не родиться. Но игра устроена так, что приходится входить в мир. Снова и снова. — Баба сделала круговые движения руками. — Все будет повторяться. За жизнью — смерть. За смертью — жизнь. Но у вас, голубушка, снова родиться уже не получится. Вы хоть и не просветленное существо, но вышли за пределы Сансары. Вас выбросило за границу добра и зла.

Конь повернулся к Бабе и подмигнул ей.

— Мы ведь все решили, да? По пятницам Марфа будет видеть своего мужа. Прикосновения к нему — её неисчерпаемый источник радости.

Баба положительно кивнула.

— В симуляции должны сохраниться ресурсы. Зачем создавать новый персонаж?

— Не хотелось бы, чтобы вы чего-то перепутали. Мне нужен мой — третий. С третьим мужем я не была беспомощной.

— Разве мы дилетанты? — Возмутился конь. — Мы здесь со дня сотворения мира. Человек появился благодаря нашему вмешательству. Идеальный проект. Неподвижные звезды и солнце ярко горели над бессмертным человеком.

— Что-то пошло ни так. На прошлой неделе с рынка исчезла капуста. Неопытные менеджеры завели экономику в тупик.

— Вы нас укоряете, Марфа? — Конь был настроен миролюбиво. — Мы не вмешивались. Лишь изредка мы настраивали человека на привлечение в его жизнь того, что ему не хватало. Мы создали щедрый мир.

Щедрый? Я всегда знала, что с эти миром что-то ни так.

Никто не выстилал для человека ровную дорогу. Некоторые сходят с ума.

— Что ж вы с нами сотворили?

— Со временем в игре испортились условия. — Конь размял копыта. — Пришлось провести реконструкцию. Немного упорядочили бытие. Создали пары противоположностей: добро и зло, свет и тьму, любовь и

ненависть, черное и белое. — Конь, наконец, дожевал свое яблоко. Ни косточки от яблока не осталось. — Хороший сад. Вкусные яблоки.

— Да. — Я согласилась.

— У вас будет радость встреч.

— Надеюсь.

— Только по пятницам. — Встряла Баба. — Это понимать надо. По пятницам муж будет хотеть вас. Вы снова будете привлекательной. Приятно будет по пятницам.

— Почему люди стали умирать? — Я спросила у Коня.

— Что?

— Вы сами сказали, что люди должны были жить вечно.

— Я тогда пребывал на Луне. — Доверительно сообщил Конь и сделал много вдохов и выдохов в короткий промежуток времени. Насытил кислородом всё свое тело. Тотчас его голос стал сильным. — Некоторые думают, что Луна необитаемая. На Луне стоят замки именитых особ. Лунные кратеры заполнены волшебными водами. Люди не могут видеть таинства. Люди ограничены зрением и умом.

Конь влиял на мою психику. С ним я не была в безопасности.

— Зачем вы постоянно крутите головой? Так и шею свернуть можно, Марфа.

Баба мне угрожает?

— Мы отправили на землю гонца — зайца. — Весело изрыгнул конь. Его забавляла сама ситуация. Заяц — гонец. — Лунный заяц должен был принести первым людям благую весть. На него была возложена особая миссия. Мы зайцу всё объяснили: на Земле не будет мора и болезней, мы не допустим. Смерть не перейдет границу. В дороге заяц запыхался. Прибыв к людям, стал нести полную околесицу. Мол, тварный мир заполнен грехами. Заяц занес в мир людей вирус новых идей. Вирус быстро распространился. Ситуация изменилась. Мне пришлось спуститься на Землю. Скорблю...

Ни фига не скорбит. На Луне ему было скучно.

— Недавно получилось привлечь инвесторов. — Похвасталась Баба. — Игра стала сложнее.

Кивком головы Баба предложила красным птицам пожить под её кожей. Птицы незамедлительно согласились. В её теле появилась кровь.

И тут я поняла. Во мне нет крови. Ни капли. Тело есть, а крови нет.

— Кровь — священная жидкость. — Первый гость с завистью устался на Бабу. Его ноженьки были синими. — Когда кровь не течет, тело управляет электричеством. Вокруг нас неизмеримый объем энергии.

Вот как...

— Я — не человек. — На кончиках пальцев Бабы проступила кровь. — Мое происхождение туманно. Моя мать была красным камнем. Мой отец дружил с вездесущным Солнцем. Перед сном отец пел мне колыбельную: «Дедушка-солнышко. Выгляни в окошечко. Расскажи нам, что творится в твоём небесном дворце». Я никогда не рождалась. Я никогда не умру. Кровь — это не красная водичка.

Я насторожилась.

«Кровь. Кровь. Кровавый конец. Брызги крови. Ква-ква».

Первый гость надел шляпу. Шляпа была ему к лицу.

Пришли плакальщицы. Молодые и прекрасные, в длинных зеленых платьях. Плакальщицы встали у заупокойной лавки. Распустили волосы. Расчесали гребнем. Скорчились. Затряслись. Пронзительно завопили.

Ладно. Скажу.

— Неподалёку от нашего дома поселился кровожадный хищник. Соседка обладала идеальным оружием — молодостью.

— Вы были так бедны. Откуда вино? — Спросила Баба.

А Конь изрек в сторону:

— Потребность в жанре хоррор никогда не пройдет.

Когда-то бессонными ночами я буду думать о том, что сказал Конь.

— Муж нашел тайник. Ушел глубоко в тайгу, а вернулся домой с трофеем. Мы радовались лесному подарку. Муж всё доброго лешего вспоминал. Говорил, что леший указал ему на тайник. Обычно навстречу заплутавшему человеку выходит леший в гневе и лишает человека разума.

— Вы верите в сказочное существо? — Конь был удивлен.

— Все верят в лешего. Все, кто ходит глубоко в лес. Еще в лучшую жизнь после смерти.

— Вы отравили соперницу вином. — Напомнила Баба. — Вы знали, что ваш муж не будет пить вино. Лишь она.

— У него аллергия на красное вино.

Окно не было зашторено. Я смотрела, как она улыбается и смеется. Единственное, что у неё было — это жизнь. Мышьяк — король ядов.

— Почему вы не остановили соперницу? — Спросил первый гость. — Вы же не злая баба, Марфа.

Не злая... На его руках сидел белобрысый ребенок. Решила: после её смерти, мы заберем малыша к себе.

На моих плечах расцвели две золотые розы.

— Вы ни о чем не сожалеете. Вы готовы стать хозяйкой сада? Продолжить свое существование здесь. Одна... — Первый гость выразил надежду на моё согласие.

— Что случилось с прежним владельцем сада?

— Ваш предшественник разлагается под дубом.

Баба вынула из себя мешок с мукой. На беленьких рученьках доставляла мешок к печке. Прислонила.

— Разве мертвая старуха может есть?

— Когда было иначе, Марфа? — Удивилась Баба. — Ты принимаешь пищу. Мы принимаем пищу. Еда — услада для психики. Без еды чокнуться можно.

— Скакать с покойником на спине, сдохнуть можно. — Заржал конь. — В доме всегда будет вода и рыба.

Появилась красная рыба, но не живая, а малосольная. Где ж ее засолили? В каком из миров: в этом, или в том?

Возник табак и курительная трубка. Трубка — настоящее искусство. Искусство...

В залах музея обнаженные олимпийские боги не наваливались на прыщавую грудь потными мордами.

Девочки, тоненькие и хрупкие, прятали боль внутри себя. Девочкам было стыдно. Насильники выхаживали петухами.

Я бы этим петухам шейку свернула, а головушку оторвала. И смотрела бы, как хлещет кровь из горлышка на асфальт.

— Сухой табак. Хороший. — Конь, сверкая глазами, нахваливал подарок.

Прибыла корзинка с белыми лентами.

— По пятницам надо вязать ленты. — Напомнила Баба. — Счастливая пятница — неотъемлемая часть игры.

— В четверг мы будем отправлять вам жертвенного петуха. — Сказал Конь. — Его следует кормить сладким хлебушком. Сытый петух потеряет бдительность.

— Как нужно поступить с петухом?

— Не задавайте лишних вопросов, Марфа. Боги любят подношения. С учетом обстоятельств — заклинание петуха — хорошая благодарность. Богам достанется дым. Вам — мясо. Только, пожалуйста, не просите у них что-то. А то мы вас знаем.

Первым пропал конь. Исчезли Баба и первый гость. К счастью... стены дома остались на месте, и я сохранила себя.

Прибралась. Протерла кленку. Овощи унесла в сени. Рыбу спрятала в подпол. Мужнину трубку положила на подушку в спальне.

Мне с ним было хорошо. На любой кровати.

Вышла на порог дома.

Рассвет. Мимо пробежал хромым петух.

«Ты откуда взялся?» Окликнула я петуха.

«Четверг». Петух остановился. Гордо вскинув голову, пошел на меня. «Чтобы они тебе не предложили, я дам больше. Пойду на всё. — Сказал петух. — Только не убивай. Бессмысленная жертва. Боги далеко. Им нет дела до этого места. Боги забыли про сад».

Этот петух не несет чушь. Боги потеряли интерес к человеку. У богов появился новый проект. Более перспективный.

«Не убьешь?» Петух смотрел прямо в глаза. Петух питал надежду. Вот он. Переломный момент.

Что будет, если я послушаюсь гостей?

Гости произвели на меня неизгладимое впечатление. У них была власть над этим садом. Пойду ли я против власти?..

Только дурак прет против власти.

«Посмотрим». Сказала я обнадеживающим голосом петуху.

Сад благоухал. Мой сад....

Я полила деревья водой из бочки.

У деревца, под которым лежал он, постояла. «Скоро пятница. Мы увидимся. Простишь ли ты меня». После его смерти, всегда разговаривала с ним.

Прошла в дом, легла на кровать и услышала: «Бабуля! Бабулечка!»

«Внученька!» Я так и подскочила.

Ксения приехала первым автобусом. Шла к дому быстро. Запыхалась. Без сторонней помощи притащила сумку с продуктами.

— Я не спала всю ночь, бабулечка. Все думала. Как ты одна. В старом доме.

— Я почти поверила им, внученька. Я уже решила, что умерла.

— Что ты, бабулечка. Ты будешь жить долго. Поехали в город. Давай, вернемся в город.

— Не могу, внученька. У меня есть сад. Под яблонькой лежит один человек. Однажды, внученька, я так любила, что убила....

***

«Дзинь-дзинь».

— Ты это слышишь, бабуля?

Днем я ни словом не обмолвилась о ночных гостях. Днем мы высаживали зимний сорт роз. Осеню тоже можно. Хорошо осенью... Главное, не допустить ошибок. Опустили саженцы на семь сантиметров ниже уровня земли и аккуратно засыпали корни. Очень важно правильно засыпать и укрыть. Мы разместили цветы на пригорке, подальше от обитателей сада, чтобы не мешать им.

«Кошка родила котят».

Я узнала её голос.

ТЕАТР — ДЕТЯМ

Анжелика Стынка

С.-Петербург

КОМНАТА ЖЕЛАНИЙ

Пьеса 5+

Действующие лица:

Стёпа — мальчик

Мама — мама мальчика Стёпы

Сова — ожившая игрушка

Медведь — ожившая игрушка

Кошка Маркиза — живет в сказочном лесу

Бориска — мальчик, с которым произошли колдовские изменения, у него появились крылья

Дни недели: Среда, Четверг, Пятница — их информационные модели находятся в сказочном лесу

Похищенные дни недели: Понедельник, Вторник, Суббота, Воскресенье

Господин Хаос — хозяин сказочного леса, обитает в старинном особняке, его дом обладает дивным свойством перемещаться по лесу; любит маски; маска обезьяны выглядят устрашающе

Мышь Леонора — предсказательница судеб

Неудача — дочь господина Хаос, одевается в изысканные наряды, предпочитает яркие тона; транслирует мысль: нам нужно познакомиться, я такая классная

Удача — дочь господина Хаос, надевает неброские одежды; не любит выделяться

Луна — молодая волшебница, прибыла в сказочный лес в серебряной карете

Крот — хозяин дома, где остановилась почетная гостья Луна

Детская комната с окном
За окном — светло
В комнате — кровать. На кровати — мальчик Степан.
У кровати — мама. В руках у неё — книжка.

Степан. Мама, почитай ещё, пожалуйста. Почему ты остановилась на самом интересном месте? Специально так сделала?

Мама кивает.

Мама. Сынок, поспи часок. Самое время отдохнуть. Проснешься и я дочитаю тебе сказку про доброго волшебника Гудвина.

Степан. Мама, мне нравится Гудвин.

Мама. Интересный сказочный герой. Волшебник построил изумрудный город.

Степан. Волшебник живет в зеленом городе и радуется!

Мама. Закрывай глазки, Степушка. Пусть тебе приснится добрый правитель замечательной страны. А книгу я поставлю на полку, хорошо?

Степан. Постой, мама. Волшебник Гудвин был фокусник?

Мама. Фокусник-иллюзионист. Попросту, великий обманщик. Гудвин использовал специальные технические приспособления. У Гудвина получилось удачно править сказочным народом.

Степан. До сна ли мне, мама? Я должен узнать, как там девочка Элли.

Мама. Пока ты спишь, девочка Элли решила отдохнуть на широкой поляне. Сынок, в пути всем нужна передышка. Спи, малыш.

Степан. Ладно. (Зовёт). Мама.

Мама. Что, сынок?

Степан. Не закрывай дверь.

Мама. Хорошо. (На цыпочках уходит.)

В комнату входят Сова и Медведь. В руках у них — чашки.

Сова. Какое счастье, что на свете есть мама.

Медведь. В доме мы нашли вкусное молоко!

Сова. Мама нашего мальчика не лентяйка. За молочком отправилась далекооо.

Медведь. В своем уме, Сова? Что говоришь? Продуктовый магазин находится в центре села. Разве это далеко? Сова, у тебя топографический кретинизм. Сова, ты можешь заблудиться. На улице тебе лучше прибегать к помощи прохожих.

Сова. Что такое я слышу, Миша. Включи логику. Мама вовсе не ходила в магазин. Мама посетила знатную коровку. А коровка живет на краю села. В пути маме пришлось перепрыгнуть через буерак.

Медведь. Сова, откуда ты всё знаешь?

Сова. Миша, здесь места весьма странные. Атмосфера ни такая, что в городе. Соседи не ленятся, а проявляют любопытство. Всегда спрашивают у нашей мамы: «Где была?»; «Откуда пришла?». Теперь, Миша, мы сельские жители. К тому же, к маминым калошам прилипли влажные листики. В деревне после дождичка размываются дороги. Ветром, сброшенная листва, прилипает к калошам. Уф-уф. Одно плохо. (Дует в чашку).

Медведь. Что опять ни так, Сова?

Сова. Горячее молоко. Уф-уф. Чуть не повредила клюв. Что же делается, Миша?! Мама не должна оставлять горячее молоко в кастрюльке. Как его пить? Как, Миша?

Медведь. По-твоему, Сова, в чем ошиблась мама?

Сова. Что за вопрос, Миша!?

Медведь. Давай, рассказывай, Сова. Хочу проверить твои умственные способности. Не отсырел ли у тебя мозг в гараже. С плохим мозгом можно совершить много ошибок.

Сова. Вот как! Ладно. Слушай, Миша. Чашку для Совы мама должна была поставить на окно.

Медведь. Именно чашку для Совы?

Сова (кивает). Безусловно. Мама обязана поступать правильно. Ветерок дует. Молоко стынет. Явится Сова и угостится прохладным молочком. Что-то мама немножко не учитывает риски. Вот Сова и обожгла клюв.

Медведь. Придираешься, Сова. Сама виновата. Не будь вороной, Сова. В чем проблема, Сова? Я дую на молочко. Ты делай так же. У меня под носом ветер. Сова, найди свой ветер. (Смотрит в сторону окна). Погода наладилась. Солнышко выглянуло. Какая прекрасная жизнь!

Сова. Миша, тебе все нравятся! Во всём находишь радость.

Медведь. Сова, я позитивно настроен. Ищу в жизни положительные моменты. Славное утро! Чудесное молоко. (Прихлебывает.) Спасибо, мама.

Всё это время Степан с изумлением смотрит на Сова и Медведя.

Степан. Кто вы?

Сова. Что значит, «кто вы»? Не узнаешь нас? Это мы, Степка, твои друзья. Я и Медведь.

Степан. Мои игрушки?

Медведь. Твои, Степушка. Чьи же ещё?

Степан. Вы стали большие.

Сова. Подросли.

Степан. Но вы живые!

Медведь. Ожили!

Степан. Сова и Медведь! Как вы оказались в моей комнате?

Сова. Вошли через дверь. Предпочитаю залетать в окно, но случилась оказия. (Подходит к окну). Запечатали окошко. Решеточку приварили. Родители боятся, что ты выпадешь. Разве можно больно ушибиться, падая с первого этажа. Да, Миша?

Медведь. Падать всегда больно.

Сова. Видишь, Степка, как думает наш Мишка. А всё потому, что наш Миша не ловкач, сам знаешь. (Открывает окно).

Медведь (прихлебывает из чашки). Степушка, любит тебя мама. Купила вкусное молочко. Ходила за молочком к тете Дуни. Вот у дяди Боря совсем другое молоко. А у тети Дуни!

Сова. Хорошая корова у тети Дуни. Пасется на добром лугу. На пастбище цветочки пахучие и травка мягкая. (Призывает к действию). Рыжая коровка, не ленись, а жуй.

Медведь. Коровка постоянно принимает пищу. Наверное, мы родственники. (Похлопывает себя по животу).

Сова. Коровка тети Дуни возвращается домой, довольная жизнью. Счастливая коровка дает много молока! Употребляйте, дети, молоко на здоровье. А дядя Боря свою коровку редко выгуливает. Ленился дядя Боря. Кормит коровку чем попало. Пьет дядя Боря. Уйдет от него коровка. Как пить дать, останется старик один. Куры от него сбежали. Гуси от него улетели.

Степан. Ничего не понимаю. Я сплю?

Медведь. Не спишь, Степушка!

Сова. Степка, ну ты фантазер! Придумать такое! Ха-ха-ха. Спишь!

Степан. Как же? Со мной разговаривают мои старые игрушки.

Сова. Мы не старые! Мне всего два года. Впереди долгая жизнь!

Медведь. Я тоже совсем молодой медведь. (Оглядывает свои бока). Плюшевые бока запылились. (Медведь отряхивается). Нужна химчистка. После чистки я буду блестеть, как новенький. (Щекочет Степана.) Лучше скажи, мальчишка, как мы оказались в папином гараже. Степка, что произошло? Почему ты отказался играть с нами? Хотим знать историю. Так сказать — из первых уст. Давай, малыш, излагай.

Степан хохочет.

Степан. Отстань, Миша. Хватит.

Сова (строго). Оставь его, Мишка. Имею охотку послушать, как мальчишка будет оправдываться. Вы только посмотрите на него! Степка отказался от верных друзей.

Медведь (в зал). Друзья, мы многое пережили. Нас принесли в пыльное помещение. В гараже папа хранит старые вещи. Вещи давно молчат. Никто не вспоминает свое славное прошлое. Предметы стали не волшебными.

Сова. Расскажи, Миша, как мы жили в плохих условиях. Пусть послушает. Ещё друг называется.

Медведь смотрит на Степана.

Медведь. В гараж не поступает солнечный свет. В гараже не поют птицы. Мы чуть не погибли без любви. Можно ли быть счастливыми без любви?

Сова смотрит на Степана.

Сова. Среди унылых вещей мы перестали испытывать радость. Моя жизнь стала неинтересной.

Медведь. В гараже нам не рассказывали сказки. (В зал). Знайте, дети, игрушки любят сказки. Эх. Раньше мы слушали сказки.

Сова. Помню... Мы сидели на диване.

Медведь. Я присаживался рядом со Степкой. Так сказать, плечом к плечу. Вместе мы веселились. Помнишь, Степка, как я тебя щекотал?

Степан. Не забыл, Миша. Я смеялся громко. Мама ничего не могла понять.

Сова. Хорошие были времена. Сказок было много. Благодаря сказкам, мы развивали свое воображение. Невероятно полезная опция — воображение. С помощью воображения можно преобразовывать мир.

Степан. Пока вас не было, мы нашли новую сказку.

Сова (передразнивает). Пока нас не было.

Медведь. Какую сказку? Интересную?

Степан. Про волшебника Гудвина.

Сова. Что хорошего сделал тот волшебник? Высадил сад на Марсе?

Степан. Волшебник построил изумрудный город.

Сова (обиженно). Степка, тебе повезло. Ты по-прежнему веселишься. Нам в гараже без сказок было скучно.

Медведь. Без волшебных историй жизнь стала обычной.

Сова. Наше существование сделалось мрачным. К тому же... В гараже мы спали в коробке. (К Степану). Знаешь, Степка, в коробке тесно. Малыш, ты ночевал когда-то в коробке?

Степан. Нет. (Хвастливо). Однажды я побывал в кладовке. Там лег на старые санки и уснул. Родители меня долго искали.

Сова (передразнивает его). В кладовке он уснул. В кладовке весело. Там папа хранит ящик с гайками. Можно играть. Из гаек не запрещается строить большой железный город. Железные поезда весело побегут по железной дороге.

Медведь. Эх, Степка. В коробке мы горевали. Старый велосипед и тот смотрел на нас с жалостью. Пока мы не заселились в гараж, велосипед думал, что он плохо живет.

Степан. Простите, друзья. Я не знал, что с вами случилось.

Медведь (радостно). Прощаем!

Обнимает Степана.

Сова тащит Медведя в сторону.

Сова. Постой, Медведь. Что ты так сразу. Медку лишнего выпил?

Медведь. При чем здесь мед, Сова. Зачем, чтобы мальчишка перед нами оправдывался? Не люблю я так. Мальчик ни в чем не виноват.

Сова (строго). Что же произошло, Степан? Мы любили тебя. Ты любил нас. Вместе мы жили в гармонии и счастье. (Прискорбно.) А вот, что из нашей дружбы вышло.

Медведь. Да, Степушка. Нехорошо, как-то получилось. Почему?

Степан. Доктор велел унести игрушки. Мама с этим ничего не могла поделывать. Да и я тоже.

Сова ходит по комнате.

Сова. Действительно, игрушек нет. Степка, куда подевались наши товарищи?

Степан (вздыхает). Игрушки живут у соседских детей.

Медведь. Что? (С возмущением). Это же катастрофа.

Сова (вздыхая). Раньше в этом доме все веселились. Заяц прыгал. Мышь бегала. А ослик! У ослика вагон терпения. Ослик умел ждать. Степушка, ослик смотрел на тебя с надеждой. Ослик мечтал, что вы вместе пойдете на прогулку. Ослик хотел посмотреть мир.

Медведь (строго к Степану.) Степан, где ослик? Отвечай.

Степан. У другого мальчика.

Медведь. Ослик строит планы с чужим ребенком? Доктор сошел с ума? У него уехала крыша?

Сова. Неожиданная информация... А мы то думали... А оно во как вышло. Почему доктор лишил тебя игрушек?

Степан. От игрушек много пыли. Больным детям нельзя дышать пылью.

Сова. Какая чепуха. (Машет крыльями. В воздух поднимается цветная пыль.) Степка, смотри какая у меня красивая пыль! Моя пыль волшебная.

Степан. Волшебная пыль? Так не бывает.

Сова. Поверь, Степка, всё взаправду. Волшебная пыль может быть зеленой.

Степан. Зеленая пыль!?

Сова. Еще пыль может быть красной.

Степан. Красная пыль?!

Сова. А то. На кого упадет красная пыль, тот подружится с прекрасной феей.

Степан. Фея живет на соседней улице?

Медведь. Ляпнул так ляпнул.

Сова. Фея живет в лесу, за оврагом. Фея немножко скучает. С белками не поговорить. С ежами не поспорить. Потому фея ждет добрый сигнал, чтобы подружиться с маленьким человеком. Друзья вместе станут придумывать игры. Поверь, Степка, их ждут большие приключения. Вот такая моя пыль! (Хвастливо). Красная — прекрасная!

Степан. А зеленая?

Сова. Что — зеленая?

Медведь толкает Сову в бок.

А! Зеленая пыль! На которого ребенка упадет зеленая пыль, ему тоже повезет.

Степан. Как повезет?

Сова. Малыш сразу окажется на веселой вечеринке. Кузнечики играют на скрипках. Игрушки танцуют. Баба Яга угощает всех мороженым. Доктор Айболит за всеми присматривает.

Сова пританцовывает. Размахивает крыльями.

Медведь. Уймись, Сова. Перестань махать крыльями. Сейчас я чихну. (Чихает.)

Степан. Где вы взяли молоко?

Медведь. На кухне. Хочешь? (Передает ему чашку.)

Степан. Вкусное молоко. Ни такое, как всегда.

Медведь. Ты не прав, мальчик. Молоко всегда вкусное. Медведи знают толк в молоке. Медведи — большие специалисты по полезным продуктам. У мишек большой навык угощаться медом.

Сова. У тебя, Миша, большой опыт получать укусы. Ошибка — лезть лапой в пчелиное гнездо. Лучше бы ты сидел на диете, Миша. Но ты, Миша, злоупотреблял пчелиным гостеприимством.

Степан. А чего вы пришли?

Медведь гладит его по голове.

Медведь. Решили своими глазами посмотреть, что происходит в детской. Мы хотим продемонстрировать теплое отношение к старинному другу.

Сова. Явились к тебе с официальным визитом. Как ты, Степушка?

Степан. Лежу. Не хожу.

Сова. Давно лежишь?

Степан. Две недели.

Медведь. Если бы я находился в кровати две недели, потом не смог бы встать.

Степан. Почему?

Медведь. Затекли бы лапы. Лапы нужно разминать. Вставай, малыш. Тебе необходима физическая нагрузка.

Степан. Не могу. Ноги больше не хотят дружить со мной. В теле поселилась какая-то инфекция. Так сказал доктор.

Медведь. О-ох. (Вздыхает). Теперь понятно, о чём говорил твой папа.

Степан. Что сказал папа?

Сова дергает Медведя.

Игрушки смотрят на Степана.

Что ж вы замолчали?! Вы же всё слышали!

Медведь. Слышали! Но не подслушивали.

Степан. Рассказывайте!

Сова. Это случилось вчера. Вначале раздалось печальное кряхтение. Мы высунули головы из коробки и увидели папу. А вот дальше.

Степан. Что потом?

Сова. Произошло нечто странное. Случилось совершенно неожиданное. Кто бы мог подумать!

Степан. Говори же, Сова.

Сова. Папа спросил у велосипеда: «Что делать?»

Медведь. Мы ему: «Папа, что случилось? Расскажи нам о проблеме. Поделись. Мы же друзья. Мы поддержим тебя. А велосипед глухой. У него отвалился «звоночек». К нему бесполезно обращаться».

Степан. Папа вас услышал?

Медведь. Это навряд ли.

Сова. Папа ушел из гаража. Всё произошло вчера. Мы не спали ночь. А сегодня... Мы вылезли из коробки. Пошли на свет. Пришли на кухню. Степка, ты, конечно, влип. Но твоя ситуация обратимая.

Медведь. Скоро ты поправишься.

Степан. Доктор сказал, что нескоро.

Сова. С каких пор ты слушаешь докторов, малыш?

Медведь. Доктора только и умеют, что ручкой рисовать каляки в тетрадках. Им бы в своих головах покалякать. (Смеется). Твоему доктору нужно убрать мусор из головы.

Сова. Доктору нужен пылесос для мозга. (Смеется).

Медведь. Поднимайся с постели, Степка. Не мешкай! Вместе мы отправимся в сказочный лес.

Степан. Куда-куда?

Сова. Миша, прочисть ему уши. Наш мальчик стал плохо слышать.

Медведь лезет лапой в ухо Степана.

Степан хохочет.

Степан. Пожалуйста, не надо. Щекотно. Миша, отстань.

Сова. Соберись с силами, Степка. Вылезай.

Медведь. Прогуляешься по сказочному лесу. Подышишь. Подумаешь. Переосмыслишь кое-что.

Степан. Сказочный лес — это ваша выдумка! Разве существует сказочный лес?

Медведь. Сова, он ещё спрашивает! Нас не было всего две недели, а мальчишка успел потерять веру в чудо.

Сова. Сказочный лес существует. Лес очень даже настоящий. Сказочный лес придумал один волшебник. Поверь, волшебник дружил с головой, ни то, что твой доктор. В голове волшебника много добрых фантазий. Лес получился нарядным. Волшебник стал хозяином чудесной придумки. Вначале хозяин леса навел порядок в лесу. Обозначил границы леса. Убрал валежник и сухие ветки. Вылечил деревья. Почистил озеро. Потом открыл вход в лес. Теперь все сломанные игрушки там. Волшебник их починил.

Медведь. Волшебник живет в особняке. В особняке есть комната, в которой сбываются желания.

Степан. Ого!

Сова. Ага! Комната так и называется «комната желаний».

Степан. Не может быть!

Сова. Может. Малыш, тебе надо попасть в комнату желаний.

Медведь. Степка, скажи нам, чего ты больше всего хочешь?

Степан. Хочу играть с мальчишками в футбол.

Медведь (кивает). Хорошее желание. Комната обязательно исполнит желание. (К Сове.) А чего хочешь ты, Сова?

Сова. Ну, ты же знаешь, Мишка. Мечтаю носить настоящие перья.

Степан. Тогда ты улетишь от нас.

Сова. Улечу, Степка. В этом весь смысл. Где-то там (машет в сторону) у меня будет свой дом. Вечерами я зажгу лампу. Сяду у круглого

окошка. Поговорю с далекими звездами. Вы будете знать, что мне хорошо.

Медведь. Это я понимаю. Иметь свою берлогу — это здорово. Степка, не переживай. Я не улечу. Я тебя никогда не оставлю. (Обнимает Степана.) Моя берлога там, где ты. Мы всегда будем вместе. (Хитро.) И бочонок меда рядом.

Сова. Это твое желание, Мишка?

Медведь. Да! Буду сидеть со Степкой на полянке, есть лапой мед, смотреть на облака и ни о чем не сожалеть. Пошли, Степка. Поднимайся.

Степан. Мне нужно лежать.

Сова (строго). Опять ты за своё?

Степан. Всё равно не смогу встать. Ноги не слушаются.

Медведь. Какая чушь! Ты командир над ногами. А ни они над тобой. (Стучит себя по голове.) Степка, всё в твоей голове. Степка, ну ка, отдай команду ногам! Прикажи им.

Степан накрывается одеялом.

Сова. Степан, не ленись. (Сдергивает одеяло). Что же ты, дружок, огорчаешь меня?

Степан. Хорошо, Сова. Я встану. Нарушу запрет доктора. А как мы окажемся в сказочном лесу?

Сова. Как-как! Попадем в лес через специальное окно.

Степан. В моей комнате нет такого!

Медведь. А волшебный мел на что? Сейчас мы нарисуем окно! (Показывает мел.) Хорошо, что я нашел мел. На стене достаточно места для окна.

Степан. Нет, Миша. Не делай так. Нельзя рисовать на стене.

Сова. Почему это «нельзя»? Все рисуют на стенах. Не бойся. Мама не будет ругаться.

Степан. Будет! Сова, я знаю. У меня есть опыт.

Сова. Степка, с каких пор ты стал нерешительным? Когда в ванне было много пены, ты нырял под воду с головой.

Степан. Я переживаю за маму. Войдет мама в комнату, а меня в комнате нет. Что подумает мама?

Медведь. А малыш прав. Мама может повредиться в настроении.

Сова. Медведь, не нагнетай. Мама обрадуется! Малыш не разучился ходить. На своих ногах ушёл далеко. Мы произведем на маму неизгладимое впечатление.

Медведь. Именно. Неизгладимое.

Степан (задумчиво). Мама начнет звонить в полицию.

Сова. Маме разве больше нечем заняться? Маме нужно срочно вынести из дома лишнее и вернуть в дом игрушки.

Степан. Мама позвонит моей тете.

Сова. Зачем мама будет звонить сестре?

Степан. Как же! Чтобы рассказать, что пропал ребенок. Про всё узнает бабушка. Нашу бабушку нельзя тревожить. Бабушка стала старенькая. Бабушку все берегут.

Сова. Дааа. Возможно, что произойдет переполох. Мама не справится с радостным событием. Сейчас, Степка, Сова всё устроит. У Совы созрела идея. Я напишу записку для мамы. Записка будет следующего содержания: «Я, Сова и Медведь, — ушли в сказочный лес. Не волнуйся, мама. Мы ходим по лесу, увидим рассвет, сосчитаем звезды и вернемся».

Медведь. Хорошо сказано, Сова.

Сова приосанивается.

(Занавес).

Сцена 2

На заднем плане — окно. Вьющаяся виноградная лоза вдоль наличников окна.

Через окно вываливаются Медведь и Степан.

С трудом пролазит Сова.

Степан. Ух ты. Я пролез через нарисованное окно.

Медведь. Через волшебное окно! У нас всё получилось, Степка. Не подвел волшебный мел. Степка, ты попал в мир, где много чудес. Впереди тебя ждут такие приключения, о которых ты и не мечтал. Повезло тебе, мальчишка.

Сова. Медведь, ты нарисовал слишком узкое окно. Я с трудом протиснулась. А еще ходил в рисовальную школу. Не вышел из тебя художник, Миша.

Медведь. Прости, Сова. Немножко не рассчитал. Не было чертежа. А то я бы точно определил размер окна. (Прыгает.) Главное, что всё получилось. Игрушки вернулись домой. В сказочный лес! (Обнимает Степана). И мальчик Степушка с нами. Всё прекрасно! Жизнь удалась!

Из-за кулис выходит Кошка.

Кошка. Кого я вижу! Сбежавшие Сова и Медведь! Почему ушли? Что вам в добром лесу не жилось? Вас тут любили. Хозяин леса вас поддерживал. Ты, Миша, часто обращался к нему с проблемами. То с белкой поругался. То пчелы тебе покусали. Ни разу хозяин леса тебе не сказал: «Сам влип. Сам и разбирайся».

Медведь. Правду говоришь, кошка. Хозяин леса не читал мне нравочений, а смазывал пчелиные укусы льдом.

Кошка. Чего пришли не вовремя? Сегодня вас никто не ждал.

Сова. Мы решили возвратиться именно сегодня. Сегодня — лучший день. Мы больше не хотим жить в мире людей.

Медведь. Говори, Сова, за себя. Не управляй мной. Я сам буду выбирать нужное место. Мой интерес крутится вокруг этого мальчишки. (Указывает на Степана). С мальчишкой много возможностей для развлечения.

Кошка. Мяу. С вами ребенок? Произошла крупная неприятность. Зачем вы взяли с собой человека? Сова и Медведь, вечно вы устраиваете беспорядки.

Степан (С изумлением). Кошка Люся! Как ты сюда попала? Ты следила за нами и пролезла через окно?

Кошка вертит головой.

Кошка. Какая Люся? В сказочном лесу живет одна кошка. Это я. Таков был уговор с хозяином леса. Кошка Люся — это твоя родственница, мальчик?

Степан. Родственница? Пожалуй. Мы все её любим. Мама кормит кошку. Папа купает кошку. Я играю с Люсей. Впрочем... В последнее время мама запрещает нам быть вместе.

Кошка. Мама не разрешает тебе играть с кошкой? Что плохого произошло в твоём мире, мальчик?

Степан. Мама устроила карантин. Кошку Люсю не выпускают из кухни. Люся злится. Я тоже. Как вас зовут?

Кошка (горделиво). У меня красивое и благородное имя. Я — Маркиза.

Степан. У вас есть родня?

Кошка. Родственников не терплю. Обхожу их стороной. Я — породистая кошка. У меня высородное положение. Мои бывшие родственники... (С жалостью). Сестра вышла замуж за беспризорного кота. К тому же, её избранник — беспородный кот. У него нет родословной. Его имущественное положение — облезлый хвост. Теперь семейка спит под ракитовым кустом в коробке из-под сгущенки.

Степан. Бывших родственников не бывает.

Кошка. Что ты знаешь, мальчик. Мал еще. Я не вожусь с сестрой. Сестра потеряла лоск.

Сова. Какая ты задавака, кошка Маркиза. Совсем не изменилась. Показываешь своё превосходство над всеми.

Медведь. Всё так же задираешь нос, Маркиза. Пора бы тебе избавиться от спеси.

Кто тебя так избаловал?

Кошка. Сама себя радую! У меня высокая самооценка! А вы! Сбежавшие игрушки! Вам лучше замолчать. Держите свое мнение при себе, Сова и Медведь. Кто бы критиковал и упрекал! Вы просто сотканы из недостатков.

Сова (гордо). Мы особенные и неповторимы. Я верна дружбе!

Кошка. До фанатизма. Куда твой друг Миша, туда и ты, Сова.

Сова. Мы доверяем друг другу. Миша — надежный товарищ. Держит своё слово. Может постоять за близкого.

Медведь. Я — смелый медведь! Я не подведу.

Кошка. Ты, Миша, безрассудный медведь.

Степан (к кошке). Маркиза, вы давно знакомы?

Кошка. Встречались миллион раз. (Указывает на игрушки). Каждый лесной кустик знает этих двух. Еще недавно в нашем сказочном лесу на деревьях были их портреты. Всем лесом искали Сову и Мишу. Решили, что игрушки заблудились. (С возмущением). А игрушки сбежали! А ты, мальчик, что здесь делаешь? Каким образом проник в наш лес? Обманым путем?

Степан. Пролез через волшебное окно. Что делаю в вашем лесу? (Пожимает плечами). Пока не знаю. Я нахожусь вначале своего путешествия. У меня вся жизнь впереди.

Медведь. Хорошо сказано, малыш.

Кошка. Медведь, он пролез через нарисованное окно?! (К Сове). Так-так. Кто-то из особняка стащил волшебный мел. Вот узнает хозяин, что это были вы! Как же он долго искал мел!

Степан. Кошка Маркиза, у вас есть хозяин?

Кошка (с возмущением). У меня? Что такое говоришь, мальчик! Не позволяй себе лишнего, малыш. У кошки нет владельца. Каждая уважающая себя кошка — сама по себе. У оживших игрушек есть хозяин. У этого леса есть хозяин.

Сова. Думай головой, Маркиза. В своём уме? Ты целиком принадлежишь сказочному лесу, как и мы.

Кошка. Я? Я — самовыражающаяся личность.

Степан. А где хозяин леса?

Кошка. У себя. Дома.

Степан. В какой стороне находится его дом?

Кошка. В той. (Машет в сторону). Хозяин сказочного леса живет в красивом особняке. С наступлением ночи дом необычной конструкции переворачивается вверх тормашками.

Степан. Ух, ты! Вот это ситуация!

Кошка. Именно. В сказочном лесу все живут ярко и интересно. Какое-то время дом пребывает вверх ногами.

Степан. Какой он?

Кошка. Кто?

Степан. Хозяин леса.

Кошка. Хочешь знать, мальчик?

Степан кивает.

Молчаливый. Изобретательный. Он — большой ученый. Мальчик, почему ты не представился?

Степан. Вокруг меня всё новое. Во все глаза я уставился на сказочный мир. Тут явились вы. Вы очень похожи на мою подружку. А Люся знает, как меня зовут. Потому я не сообщил вам своего имени.

Кошка. Так сообщай же скорей. Как твоё имя, мальчик?

Степан. Степан.

Кошка. Ага. Хорошее имя — Степка.

Степан. Если вам так удобней, можете звать меня Степка.

Кошка. Мы обязательно подружимся, Степка. Я очень любопытна. Вместе мы будем гулять по сказочному лесу. Мяу.

Медведь. Степан, будь осторожен с этой кошечкой. Не позволяй ей лишнего. Кошка Маркиза быстро взберется тебе на голову. Уляжется на твоей шее. Именно оттуда она будет изучать новинки в сказочном лесу.

Кошка. Миша, не разумно в таком тоне говорить обо мне. (Фырчит).

Степан. Уважаемая кошка Маркиза, расскажите о хозяине леса. Что вы знаете о нем? Он старенький?

Кошка. С чего ты это взял, мальчик Степка? Из детских впечатлений? (В зад). Любое событие остается с нам навсегда.

Степан пожимает плечами.

Сова. В реальном мире у Степки есть бабушка. Его бабушка очень старенькая.

Кошка. У хозяина леса за плечами большой опыт работы, но он всегда осваивает что-то новое. В лесу ты увидишь его изобретения. Хозяин леса сам придумал оборудование для полива облаков.

Степан. Разве облака нужно поливать? Зачем?

Кошка. Что значит твоё «зачем»? Чтобы пошел дождь.

Степан. Аааа.

Кошка. Хозяин леса — большой дипломат. Это он изобрел удобную схему обмена продуктами. Каждый получает то, что хочет. Я пчелкам приношу цветы. Пчелы наливают в банку мёд и отдают мёд мне. (С укором к медведю). Я не лезу в улей, как некоторые. Не своевольничаю.

Степан. Ничего себе! Я тоже могу обратиться к пчелам?

Кошка. Пчелы открыты для сотрудничества. Хозяин леса с ними договорился. В лесу не возникают критические моменты. При обмене все остаются довольными.

Степан. Мне кажется, что хозяин леса — опытный правитель.

Кошка. Это так. Хозяин леса обрел мудрость и уже ни с кем не спорит. Ни на кого не обижается. Хозяин леса избавился от лишнего. Ничто не мешает его счастью. Ему не нужно строить карьеру.

Степан. Получается, что у хозяина леса много свободного времени.

Кошка. А то!

Степан. Как у моего папы в выходной день. В субботу мой папа в гараже что-то чинит.

Кошка. Что чинит?

Степан. Всё чинит. Велосипед. Машину. Чайник. А что делает ваш хозяин леса? Что он чинит?

Кошка. Хозяин леса починил все старые игрушки. В лесу нет сломанных старых игрушек. О, мальчик. Всё ни так просто. В сказочный лес приходят новички. Все они повреждены. Хозяин леса возвращает жизнь в сломанные игрушки. Хозяин леса занимается важной деятельностью. Хозяин леса трудится до полуночи.

Степан. Потом он ложится в кровать?

Кошка. Нет, мальчик. Хозяин леса никогда не спит. Хозяин леса находится на таком уровне развития, что ему не нужен отдых. Ночами хозяин леса музицирует.

Медведь. Импровизирует в момент исполнения. Благодаря волшебным звукам на небе появляются новые звезды.

Кошка. Степка, а ты умеешь сочинять музыку?

Степан. Нет, но я умею придумывать истории. Мама начинает историю, а я её заканчиваю.

Кошка. Ваш мальчик очень интересный. (Оглядывает его со всех сторон). Что он за личность? Мальчик породистый? Получал призы и награды за свои выдающиеся породные данные?

Сова. Степушка — обычный ребенок. Живет в деревне с мамой и папой. Разве что у него — львиное сердце.

Маркиза. Я так и знала! У Степки горячее сердце. Ваш мальчик никогда не замерзнет.

Степан. Кошка Маркиза, очень хочется узнать.

Кошка. Что тебя ещё интересует, человек? Спрашивай.

Степан. Хозяин леса носит усы?

Кошка. Станный вопрос, но я отвечу. Бывает, что надевает усы.

Медведь. Что ты к ней пристал, Степушка? Настоящего его лица никто не видел.

Степан. Ого! Ваш хозяин леса похож на Гудвина!

Кошка. На какого Гудвина? Кто этот Гудвин? Где он обитает? Гудвин придумал собственный мир?

Степан. Волшебник Гудвин живет в волшебной стране. Волшебник похож на вашего хозяина леса.

Кошка. Чем же тот волшебник схож с нашим волшебником? Возможно, что ты ошибаешься, мальчик.

Степан. Я не утверждаю, что Гудвин и ваш хозяин леса — одно лицо. В волшебной стране никто не видел Гудвина.

Кошка. Волшебник прятался?

Степан. Скрывался в своём замке. Оттуда разговаривал с населением. Все слышали его голос.

Кошка. Почему он так делал?

Степан. Гудвин боялся разоблачения. Потому что на самом деле Гудвин не был настоящим волшебником.

Кошка. А кем он был?

Степан. Обычным человеком. Работал фокусником в цирке. В волшебную страну попал нечаянно. Прилетел в страну на воздушном шаре.

Кошка. У нас всё иначе. К нам никто не прилетал. Хозяин леса сам создал волшебный лес. Хозяин леса часто гуляет в лесу. Хозяин леса не имеет привычку прятаться. (Высокомерно). Недавно он смастерил для меня лесенку и прислонил ее к большому дереву. Я могу взбираться на самый верх. Мимо летят птицы. Плывут облака. Красота. Сейчас мне в сто раз лучше, чем было раньше.

Степан. Кое-что проясняется. Кошка Маркиза, вы лично встречались с хозяином леса.

Кошка. Конечно.

Степан. Кошка Маркиза, вы должны были видеть его настоящее лицо.

Кошка. Ничего подобного. Хозяин леса носит маски. В печали надевает грустную маску. В страшном расположении духа, носит маску обезьяны.

Степан. Ваш хозяин леса непростой. Он хранит какую-то тайну.

Кошка. Правду говоришь, мальчик. У него много секретов. Его секреты запечатаны Вечностью.

Степан. Что такое Вечность, кошка Маркиза?

Кошка (задумчиво). Мальчик, я простая кошка. Мурлыкаю на солнышко. Разве мне понять, почему утром я вижу солнце, а ночью над нашим лесом появляются звезды. (Заговорщицки). Зато, мальчик, я знаю имя хозяина леса.

Степан. Как же его зовут?

Кошка. Господин Хаос.

Степан смеется.

Мальчик, скоро познакомишься с ним. Поверь, Степушка, все будет хорошо. Господин Хаос с детьми всегда доброжелателен и улыбочив. В присутствии детей надевает маску добрячка-простачка.

Степан. Кошка Маркиза, вы не находите, что у хозяина леса странное имя. Я люблю разбрасывать по дому вещи. Кроссовки прячу под диван.

Кошка. Степка, с этим надо что-то делать. Не думала, что ты неряха. Исправляйся, мальчик, пока не поздно.

Медведь. Мама говорит, что вещи должны находиться на своих местах.

Кошка. Верно говорит мама.

Медведь (назидательно). Кубики нужно складывать в большую коробку для игрушек. Брюки следует уносить в шкаф. После футбола нужно мыть ни только руки, но и лицо.

Степан. Вот с этим я совершенно не согласен.

Кошка. Не согласен он. Бери с меня пример. Я соблюдаю чистоту во всем. Умываюсь постоянно. В моем доме царит абсолютный порядок. В особняке господина Хаоса нет криво висящей картины.

Степан. Очень странно. Почему человека зовут «Хаос»?

Кошка. Мальчик, а кто тебе сказал, что хозяин леса — человек? Разве я это говорила?

Степан. Кто же он?

Кошка. Это большая тайна. (Идет в наступление). Мальчик, зачем явился в наш лес? Загадки загадывать? Ответы искать? Ребусы разгадывать?

Медведь становится перед Степаном.

Медведь. Потихе, кошка. Мальчик должен найти себя. Понять свое предназначение.

Степан (выглядывает). Я себя не терял!

Сова. Тебе нужно полностью раскрыть свои способности. Обнаружить в себе силу воли.

Из-за кулис выходят дочери хозяина леса. Удача и Неудача.

На Удаче — мрачное платье. На голове — венок из колосьев пшеницы. На ногах — черные башмаки. В руках у неё — газовый фонарь.

На Неудаче — яркое платье. На голове — золотая корона. На ногах — золотые башмаки. В руках у нее — вертушка.

Стоят неподалеку.

Кошка. Вот и они. Две неразлучные сестрицы. Удача и Неудача.

Медведь. Закадычные подружки. Всегда ходят парой.

Степан. Удача и Неудача сестры?

Сова. Сестры-двойняшки. По внутреннему содержанию принципиально ничем не отличаются. Присутствует несхожесть в одежде. Неудача любит наряжаться! Всеми силами привлекает к себе наше внимание. А мы и рады. Я лично предпочитаю личное восприятие всем остальным восприятиям.

Медведь. Её сестра — Удача. Барышня носит скромные платья. Удаче незачем прилагать излишние усилия. Удачу и так любят. Удачу везде ждут. Для некоторых удача — предел мечтаний. (Вздыхает.) Кто ж будет работать над собой?

Сова. К успеху надо идти планомерно. Успех требует веры! Успех выделяет из толпы, а удача выравнивает. (С раздражением). Вот зачем они вышли к нам навстречу? Так все хорошо начиналось.

Кошка. Тссс. Сестры все слышат! Смотрите! Сестры наострили уши. Лучше молчите, Сова и Медведь. Не втягивайте мальчишку в неприятности.

Удача и Неудача приближаются.

Удача. Здравствуйте, старинные друзья. Сова. Медведь. Кошка. (Радостно.) С вами мальчик. Хочу пожелать ему удач!

Медведь загораживает собой Степана.

Степан выглядывает.

Степан. Удача мне не помешает.

Сова. Осторожно, Стёпушка. Никогда не знаешь, наверняка, когда приходит удача, а когда — неудача. Легко можно перепутать удачу с неудачей. Вот ты упал с велосипеда. Как думаешь: это неудача?

Степан. Неудачно свалился.

Сова. Неудача — это такая удача! Не свалился бы, не попал в сказочный лес. Впереди — большие приключения. Степка, ты влип в интересную историю.

Кошка. Влип так влип. (Качает головой). Зря вы взяли его с собой, Сова и Медведь.

Медведь. Почему?

Кошка. Вы — игрушки давно сбежали из сказочного леса. Пока вас тут не было, у нас произошли изменения. (Говорит шепотом). Думаете, что Удача и Неудача случайно оказались рядом с вашим мальчиком? (Смотрит на мальчика). Случайностей не бывает, малыш. Сейчас Удача и Неудача будут тебя пытаться. Станут задавать каверзные вопросы. Берегись, мальчик. А лучше: беги.

Удача. Я всё слышу. Вы несете полную бессмыслицу, кошка Маркиза. Зачем пугаете мальчишку? (К Степану.) Как ты попал в наш сказочный лес, мальчик?

Степан. Пролез через волшебное окно. Мишка его нарисовал.

Удача. Мишка его нарисовал. (Строго смотрит на Медведя). Так-так.

Неудача. А я-то думала! А я-то гадала! Куда делся волшебный мел! Кто посмел унести волшебный мел из сказочного леса. Хм-хм. Вот и открылась тайна. Теперь всё понятно. Ты попался, Мишка. Тебе и отвечать за содеянное.

Медведь. Не признаю своей вины. В тот день дул шквалистый ветер. Буйный ветер выдул мел из особняка через открытую дверь. В вашем особняке, милейшие дамы, сквознячки.

Удача. Эх, Миша-Миша. Мало того, что ты украл мел! Волшебным мелом ты нарисовал волшебное окно. Зачем, Медведь, так поступил?

Неудача. Ты ведь нарушил запрет. Миша, никто не должен создавать проход между мирами. А если нагрянут великаны?

Сова. Не нагрянут. Проход узкий. Я с трудом протиснулась.

Удача. Как жаль, Миша, что ты не считаешь сказочных законов.

Неудача. Эх. Последствий не избежать. Лес притянет изменения. Чем ты думал, Миша? Животом?

Медведь. Потихе. Не давите. Что вы накинулись на меня? Я поступил обдуманно. Моему другу нужна помощь.

Неудача. Повредился головой, Медведь? Ты создал большую проблему. По сказочному лесу спокойно разгуливает ребенок. (Заговорщицки). Куда ступает нога человека, там все меняется.

Медведь (полупшепотом). Степан — хороший мальчик. У ребенка чистые помыслы. Перемены произойдут в лучшую сторону.

Сова. Мальчик в лесу ничто не испортит. Ребенок не допустит ошибок. Степка не навредит жителям леса.

Медведь. К этому ребенку у меня большие чувства. У мальчика сложный период. Что мне оставалось делать? Бездействовать?

Сова. Мальчику необходимо попасть в комнату желаний.

Медведь. Мы решительно хотим помочь другу.

Кошка. Сбежавшие игрушки, существует непреложное правило. Чужим вход в комнату желаний воспрещен.

Неудача. Кошка Маркиза, не распаяйтесь понапрасну. В комнату желаний никому не попасть. Ни этому мальчику. Ни вам.

Кошка (с большим удивлением). Почему? Что стряслось?

Удача. Комнату закрыли.

Сова. Как так? Мы рассчитывали на волшебство.

Медведь. Что случилось?

Удача. Эх, Миша. Инцидент произошел! (Смотрит с прищуром на Медведя). Все из-за тебя, Миша! В сказочный лес проник еще один мальчик.

Медведь. Человеческий ребенок? Не детская пластмассовая игрушка?

Неудача. Не кукла. Но мальчик больше не мальчик.

Медведь. Кто же он?

Удача. Не человек, но и не птица. Изменения находятся в процессе.

Медведь. Вы меня запутали! Я потерял нить рассуждений. Уже ничего не понимаю.

Сова. Держись, Миша. Сестры несут отчаянный вздор!

Удача. Мы не сбиваем вас с толку. Обстоятельства дела узнаете сами.

Медведь. Каким образом?

Удача. Соберете необходимую информацию.

Неудача похлопывает Медведя по плечу.

Неудача. Миша, ты виноват в том, что случилось. Растеряшка ты, Миша. А больше мне сказать нечего.

Удача. Мы спешим. (Треплет Семена за щеки.) Мы еще встретимся, мальчишка.

Неудача. Я всегда буду рядом, Степушка. (Гладит Степана по голове.)

Сова. Стойте, сестры! Есть вопрос. Комнату желаний закрыли надолго?

Неудача. Кто знает, Сова. Будущее не определено. В пространстве образовались несколько вариантов. Что проявится в действительности, пока не известно. Мы лично не собираемся вмешиваться. (Шагают в сторону кулис). У нас встреча. Нас ждет отец. Сегодня хозяин сказочного леса надел маску обезьяны.

Торопливо уходят в кулису.

Сова. Эти двое недоговаривают.

Медведь. Сестры что-то скрывают.

Кошка. Комнату закрыли. (Всхлипывает). Беда-беда. Причеши меня, Степка. Нервы расшалились. (Говорит сладким голосом, полным любви к себе). Кошечке Маркизе надо успокоиться. Я не окажу тебе сопротивления. (Передает ему расческу.) Молодец, Степушка. Моя шерсть ухоженная. Мое настроение значительно улучшилось. Возник переизбыток добрых чувств. Появилось желание сделать нечто хорошее. (Пауза). Для себя.

Сова. Послушай, кошка Маркиза. Отвлекись на миг от собственной персоны. Мы пролезли через волшебное окно с целью: нашему мальчику нужно загадать желание.

Кошка. Что с того? У всех есть цели. Я знала, куда шла. Я тоже собиралась попасть в особняк. Планы рухнули.

Сова (в растерянности). Что нам теперь делать, кошка Маркиза? Как поступить? Что посоветуешь?

Кошка. Что вам делать?.. Кошечке нужно подумать. (Зависает). Быстрой победы не будет. В комнату желаний вам не попасть. Комната закрыта.

Сова. Вот мы без тебя не знали.

Кошка. Отложите посещение особняка на другой день. Этот день наполните иным смыслом. Мир меняется. В вашем случае, может стоит вообще отказаться от этой цели.

Сова. Кошка Маркиза, нам это не подходит. Вот зря я у тебя спросила.

Кошка недовольно фырчит.

Кошка. Не люблю, когда меня перебивают. Я не договорила. Сегодня хозяин леса ждет гостей. На званый ужин приглашены дни недели. В особняк пожелают Среда, Четверг, и Пятница. Когда дни недели гостят в особняке, для безопасности пространства, дом закрывают на ключ. Нравится вам это, или нет, своего вы не добьетесь.

Степан. (В зал). Я сплю. Мне снится дивный сон. Дни недели ходят в гости.

Кошка. Степка, ты не спишь. Ты тут. В сказочном лесу. Что необычного? Дни недели всегда приходят в особняк. Конечно, если их приглашают. Сегодня их пригласили. Дни недели любят вкусно покушать. После сытного ужина гости и хозяин вместе станут играть в домино. (Напыщенно). Сбежавшие игрушки, вам лучше вернуться в мир людей. Степушка, пора домой.

Сова. Мы не уйдем. Ни за тем явились, чтобы ретироваться.

Мишка. Мы не отступим.

Кошка. Лично я не вижу причин вам здесь оставаться.

Сова (говорит кошке в ухо). Степан разучился ходить.

Кошка. Не верю. Ну, ка, Степка, попрыгай.

Степан прыгает.

Из-за кулис выходят Среда, Четверг, Пятница.

Четверг — господин в сюртуке. В руках у него — трость.

В руках у Среды и Пятницы — корзинки.

Среда. Мальчик! В нашем лесу!

Пятница. Мальчик-попрыгайчик?

Четверг. Мальчик — зайчик?

Степан. Я — Степан. Я — человек.

Четверг. А к зайчику какое имеешь отношение? Чувствую, что ты побывал в его шкуре!

Степан. Вы правы. Как-то раз я надел костюм зайчика.

Четверг. Когда это случилось?

Степан. Прошлой зимой на утреннике. В детском саду устроили праздник.

Медведь. На утреннике Степушка носил заячьи уши.

Четверг. Нужны подробности. Все произошло в том мире или в этом?

Степан. У вас тоже бывают утренники?

Четверг. Утренники — это неизбежность радостного существования. Мы часто устраиваем праздники.

Среда (поправляет его). Господин Четверг, не путайте мальчишку. Это было раньше. В спокойные времена у хозяина леса не болела голова. Сейчас все иначе. Хозяин леса взволнован. Как следствие, мы остались без веселого чаепития.

Сова. По какой причине у хозяина леса ухудшилось настроение?

Степан. Хозяин леса грустит?

Четверг. Что могу тебе сказать, маленький человек. В сказочном лесу поселилось недружелюбное существо. Как будут развиваться события, трудно предугадать. Что случится в будущем, большой вопрос. Разве сейчас время для утренников?

Среда. Господин Четверг. Разрешите внести дополнение к вашему повествованию. Существо — не человек. Мы не понимаем, к какому биологическому виду можно отнести это существо.

Сова. Нужно разобраться.

Среда. Нужно.

Пятница. Жители леса ощущают беспокойство. В нашем лесу появились проблемы. А раньше их не было.

Четверг. Комнату желаний закрыли. Дверь опечатали. Ключ от замка потеряли. Всё из-за пришельца. Его никто не ждал.

Среда. Он явился неожиданно.

Медведь. О ком все говорят? (Тотчас отвлекается. Принюхивается.) Малиной пахнет.

Среда. У тебя, Миша, отличное обоняние. Малина в корзинке. Мы её собрали для хозяина леса.

Медведь. Можно мне малинку? Я возьму немного. Ягодку на пробу.

Среда. Нельзя, Миша. Малинку ты не заслужил.

Медведь. Почему ты так сказала, госпожа Среда? Прежде между нами было взаимопонимание. Сейчас ты ведешь себя, как строгая мама.

Среда. Строгая мама? Когда ты был приучен к дисциплине? (В зал). Медведь еще спрашивает, почему он не заслужил сладкого! (К Медведю). Ты украл волшебный мел, Миша!

Медведь. Да ни крал я мел. И ты туда же, госпожа Среда! Миша в шоке! Никто мне не верит! Я говорю правду. Мел сам свалился в лапу.

Четверг. Какая ложь, Миша. (Указывает на Сову и Медведя.) Игрушки украли мел, чтобы сбежать из леса!

Среда. В сказочном лесу для игрушек создали исключительные условия. Идеальное пространство любви. Почему покинули лес, ожившие игрушки? Отвечайте, Сова и Медведь!

Медведь. Мы хотели посмотреть на людей. (К Степану). Понимаешь, Степка, в волшебном лесу ожившие игрушки на счет людей имеют неприемлемую точку зрения. Когда-то люди унесли игрушки на свалку. Игрушки страдали. Игрушки любили детей. Были привязаны к ним эмоционально. А оказались выброшенными из семьи. Вот и толкуют игрушки разное.

Степан. Что игрушки говорят о людях?

Медведь. Люди часто врут. Обещают вечную любовь и не держат слова.

Степан. Я ни такой. Я не обманываю.

Сова. Мы знаем, Степка. Мы жили под одной крышей. А то, что ты кашу выбросил в ведро и тщательно помыл тарелку, замечая следы преступления, это не считается.

Медведь. Некоторые люди очень хорошие! А мальчик Степан лучше всех!

Сова. Мы отправились в мир людей за объективными знаниями. Кому-то из игрушек не повезло, это не значит, что мир людей настолько

плох. Люди разные. Мы можем рассказать правду о человеке. Мы своими глазами видели хороших людей.

Кошка. Очень интересненько. Поведайте нам красивую историю, сбежавшие игрушки.

Сова. Мы жили в уютной комнате. У нас было много друзей. Заяц и Ослик всегда играли с нами. Утром мама выносила игрушки на лужайку перед домом. До обеда было полно времени. Мы много мечтали.

Четверг. Мечтатели, почему не следили за волшебным мелом? Игрушки, вы — растеряшки. Особенно ты, Миша.

Медведь. Я?

Четверг. Миша, ты обронил волшебный мел. Один мальчишка — его сосед (указывает на Степана) волшебным мелом нарисовал круг на асфальте. Мальчик из мира людей тотчас провалился к нам.

Среда. Пробил крышу в особняке. Такое горе.

Степан. Крышу можно залатать.

Четверг. Умник. Крышу сразу починили.

Сова. Так в чем же дело, господин Четверг?

Четверг. Расскажи им, Среда.

Среда (кивая). При мне всё случилось. В чайной комнате мы пили чай. Никто не охранял комнату желаний. Ёж взял посох отлетайку и ушел на прогулку. Бедолага забыл назначить нового часового. И тут! Посыпалась штукатурка в чашки. Чай стал негоден к употреблению. Мы отложили свои чашки. Помчались в сторону шума и увидели, что в комнате желаний рухнул потолок. Практически образовалась большая дыра. В дыру заглянула белка. Белка ела орех.

Четверг. Госпожа Среда, можно без подробностей?

Среда. В деталях кроется истина. (Вздыхает). В комнате мы обнаружили мальчишку. Человек был весь в побелке. На лице пришельца не читалось удивление. Пришелец знал, куда попал.

Сова. Не трудно было догадаться. На стене написаны указания, что надо делать. Повсюду развешены подсказки.

Среда. В комнате желаний мальчик загадал неправильное желание. Сразу у него вырос клюв. Из лесу пропали Понедельник, Вторник, Суббота и Воскресенье. А я удлинилась.

Четверг. Со мной тоже произошли метаморфозы. Активность игрушек в лесу уменьшилась. А раньше в четверг все спешили проявить доброту по отношению друг к другу.

Пятница. Внезапно на меня свалились новые обязанности. Объем работы увеличился. Такая нагрузка, друзья. Пятница, и без того, нелегкий день. В пятницу все хотят веселиться. Обязательно нужно оставлять

часы для танцев и пения. В пятницу происходят долгожданные встречи. Верчусь, словно белка в колесе.

Среда. В сказочном лесу всё вверх тормашками. Мир стал непрочным.

Пятница. Из-за тебя, Мишка. Вчера был Понедельник. А сегодня уже Среда. Где Вторник? Куда подевался господин Вторник? Никто не знает.

Степан. Вы искали Вторник?

Пятница. Вдоль и поперек обошли сказочный лес. Увидели то, чего никак не ожидали.

Среда. Лес изменился. В сказочном лесу пока лишь незначительные дефекты. Цветы у реки стали похожи на жаб и больше не истончают тонкий аромат. Цветы пахнут тиной.

Пятница. Птицы воспевают свои перья. Преувеличивают свои достижения. Переоценивают свои возможности. Думают, что они лучше других. Ещё недавно птицы пели о звездах. О луне. О солнце. На заре птицы звонко восклицали: «Как прекрасен сказочный лес». Теперь каркают с хрипотцой: «Будет еще хуже».

Степан. Чем я могу вам помочь?

Четверг. Ты? (Насмешливо.) Мальчик-зайчик! Ступай назад, в свой мир. Скорей возвращайся домой. Так лучше для тебя. Беги, малыш.

Среда. Мальчик, мы тебя предупредили.

Дни недели двигаются в сторону кулисы.

Сова. Куда же вы, дни недели?

Пятница. Торопимся. Нужно попасть в особняк до заката. Хозяин леса надел маску обезьяны. Будет носить маску до первой звезды. Маска обладает необычайной силой. Маска думает за него. Руководит им.

Четверг. Мой ум открыт для новых впечатлений.

Спешно уходят.

Сова. Что это было? Может дни недели повредились?

Кошка. Дни недели сказали правду. Произошли перемены. (Лижет лапку). Не в лучшую сторону. Лес стал не идеальным.

Сова (с упреком). Что не мешает им веселиться! Дни недели собираются разгадывать шарады и играть в шахматы!

Кошка. Жизнь продолжается. Нужно двигаться дальше. Открывать что-то новое. Каждым утром я подписываю поздравительные открытки для друзей. Теплыми словами я поддерживаю соседей. (В зал). Согласитесь, дети, лучше ничего не бояться, а делать свое дело.

Издали — шум крыльев. Из-за кулис выбегает мальчик с крыльями. Стремится напасть на кошку.

Кошка пугается.

Степан закрывает собой кошку.

Мальчик убегает в кулису.

Кошка. Степка, а ты смелый. Не ожидала, что ты ринешься меня спасать.

Медведь. Наш Степка не бросает друзей в беде. Сейчас мальчишка оказал конкретную помощь по делу. А то досталось бы тебе, кошка Маркиза.

Степан. (Задумчиво.) Знакомое лицо.

Кошка. У кого?

Степан. У злодея.

Сова. Я знаю, кто он. Мальчика зовут Боря. Мальчик живет в доме у колодца. У него плохие родственники. Язык не поворачивается, но я должна сказать правду... Папа этого мальчика пьет.

Кошка (с упреком.) Не уберег ты мел, Мишка. Ротозей ты, Миша. Получается, что Понедельник, Вторник, Суббота и Воскресенье пропали из-за этого Бори.

Сова. Нужно обратиться к Леоноре.

Степан. Кто такая Леонора?

Кошка. Предсказательница. Прорицательница. Хранительница стрел времени. Научилась отправлять предметы в прошлое.

Степан. Ого-го!

Кошка. А то! В ее доме разбитая посуда возвращается во времени в исходное положение и становятся целой.

Степан. Вы шутите, кошка Маркиза?

Кошка. У Леоноры длинный хвост. Мышь им размахивает. Чашки падают и разбиваются. Тут же опять целехонькие.

Степан. Ваша мышь — важная особа! Вот бы посетить мышь Леонору.

Кошка. Хочешь узнать свою судьбу?

Степан. Мои беды начались с велосипеда. Мышь сможет вернуть меня в прошлое?

Сова. Постой, Степка. Забудь эту идею. Возвратившись в прошлое, совершишь самый легкомысленный поступок.

Степан. Почему, Сова?

Сова. Лучше идти вперед, чем двигаться назад. Тебе нужно попасть в комнату желаний.

Кошка. Короткая у тебя память, Сова. Комнату закрыли.

Зажигаются звезды.

Степан. На вашем небе много звезд! Как в нашей деревне.

Сова. В сельской местности небо лучше, чем в городе. Хорошо, что мы переехали. Ночью можно рассматривать звезды. А раньше через окно детской комнаты мы видели только рекламные щиты.

Степан. Ваши звезды очень красивые.

Кошка. Это не звезды, мальчик! Дом перевернулся. В доме зажгли свет. Стена дома оказалась там, где раньше был пол. Перед тобой глаза дома.

Степан. Дом вверх ногами!? В доме не падают предметы?

Кошка. Вещи на своих местах. От падения вниз их удерживают мысли хозяина леса.

Сова и Медведь кому-то машут.

Степан (догадливо). Хозяин дома смотрит на нас?

Кошка. Он нас видит. Гости нас видят. Гости приложили уши к стенам.

Степан (с возмущением). Нас подслушивают?

Кошка. Вот ты, Степка, произносишь слова.

Степан кивает.

Медведь. Говоришь их вслух.

Степан кивает.

Кошка. Каждое слово — это заклинание. Произнесенные слова отпечатываются в специальной книге. Хозяин леса прочитает слова, посчитает правильные слоги и сделает вывод о тебе. Узнает, какой ты человек.

Степан. Странно у вас тут. Погода ясная, а луны нет. Где луна?

Кошка. Луна упала. Инцидент произошел вчера.

Степан. Упала Луна?

Кошка. Да. (Кивает). Свалилась с неба. На полянке образовалась большая воронка. В неё тут же залез Крот. Громко извещил, что госпожа Луна в печалях и он будет обнимать Луну. Крот возложил на себя заботу о Луне. Волшебница Луна не должна чувствовать себя одинокой в нашем лесу.

Степан. А можно посмотреть на упавшую Луну?

Кошка. Конечно, можно, мальчик, но завтра. Ночью бродить по волшебному лесу небезопасно.

Степан. Кошка Маркиза, вы боитесь птиц?

Кошка. Кого?

Степан. Борю.

Кошка. Опасаюсь. У мальчика отросли когти. Ими он может меня оцарапать... Не хочетсялизывать ранки.

Степан (в зал). В сказочном мире много странного. Повсюду — тайны. А куда мы идем, Маркиза?

Кошка. Шагаем к моему дому.

Вместе они шагают.

Степан. Почему сегодня хозяин леса надел маску обезьяны?

Кошка. Сегодня — важное событие. Ты вошел в сказочный лес.

Медведь. Маркиза, в твоём доме есть мёд?

Кошка. Я храню орехи прошлого урожая.

На сцену выходит господин Хаос. На его лице — маска обезьяны.

Сакральный танец. Кружение.

Хаос. Меняю мир. Всех подключаю к исцеляющему ритму. (Уходит).

Кошка. У нас чистые помыслы. Мы идем верной дорогой. Мы живем в большом лесу. Его не измерить треугольником.

Степан. Ваш сказочный лес без границ?

Кошка. Что я могу тебе сказать... Недавно кто-то нашел высокую стену. Что спрятано за стеной, мы не знаем.

Медведь размахивает лапами.

Медведь. Я не хочу знать. Наступит завтра. Я проснусь. Пойду вдоль ручья. Соберу в лукошко малину.

Кошка. Какой же ты простой, Мишка.

Медведь. Так и есть. Внутри меня — опилки. Я люблю малину. Ягоды истончают дивный аромат. А за стеной могут находиться ловушки.

Сова. Миша прав. Нам всем лучше думать так: сказочный лес не имеет начала и конца. Всеми силами я буду игнорировать стену.

Медведь. Завтра навещу пчел. Попрошу у них мёд. (В зал). Нельзя брать чужое. Хочется медку, соизволь спросить разрешение у хозяина. (С упреком). Кошка Маркиза, орехами сыт не будешь.

Кошка. Моя жизнь не заполнена лишними эмоциями и калорийными продуктами. Я берегу своё личное пространство и фигуру. От меда толстеют.

Степан. Кошка Маркиза, вы живете одна?

Кошка. Я тебе уже всё объяснила, мальчик. Я не люблю родню.

3 Сцена

Комната внутри дома.

Комната с окошком.

В окошко может пролезть кошка и маленький ребенок.

К стене придвинуты старинные часы. Через зазор между стеной и часами целиком поместится взрослый человек.

На полу — мягкие подушки.

Справа — детская палатка.

Слева — дверь. У двери — светильник.

Полутемно.

Дверь в комнату распахивается.

Светильник зажигается.

В комнату входят: кошка Маркиза, мальчик Степан, Медведь и Сова.

На полу лежит бантик. Степан поднимает бантик.

Степан. Что я нашёл! Бантик для девочки. Это же улика. Кошка жила с человеком. (К Кошке). Это так, Маркиза? Признавайтесь.

Кошка (к игрушкам). Глазастый у вас мальчик. (К Степану). Разве это улика, мальчик? Ты обнаружил скромный сувенир. В твои руки попал девчачий бантик. Изящный бантик сделан из репсовой ленты. Послушай, мальчик, бантик не подтверждает того, что я жила с человеком. Бантик — промежуточное звено в цепи событий.

Сова. Что-то я не помню, чтобы в нашем лесу водились девочки. Белочки — да.

Медведь. Сова права. В волшебном лесу нет девочек.

Кошка. Что вы знаете, сбежавшие игрушки! Девочка из мира людей посещает меня. Приходит в гости.

Сова (с удивлением). Я не ослышалась, кошка Маркиза? Кто поучает, тот больше всех нарушает?

Кошка фырчит.

Медведь. Как такое возможно? Кто открывает портал?

Кошка. Не утруждаю себя поиском законов бытия. Не ищу великие смыслы. Я не размышляю над тем, как это случается. Меня и так всё устраивает. Я испытываю хорошие эмоции. Девочка Маша существует в другом мире. (К Степану). В твоём, Степка. Уснув, девочка появляется в этой комнате. Вместе мы отправляемся в путешествие. Бродим по сказочному лесу. В дороге разговариваем с деревьями. Кормим яблоками лошадь. Исследуем почву у ручья. Чем только не занимаемся! Вместе нам интересно и весело. В шесть часов утра кричит Гоша.

Сова. Кто такой Гоша?

Кошка. Петух из мира людей. Нам тут слышно. Маша сразу исчезает. (Вздыхает). Я снова остаюсь одна.

Степан. Я всё понял! Я сплю!

Сова. Что ты опять такое говоришь, Степан? Какой сон? Выброси эту идею из своей головы. Множество миров рядом.

Степан. Как такое возможно?

Сова. Сложная система. Великий инженерный замысел. Простой Сова схему не описать. Я оперирую фактами. Мы нарисовали окно. Ты пролез через волшебное окно и попал в сказочный лес. Не придумывай лишнего, Степка.

Медведь. Забыл, Степка? Всё так и было. Ты вывалился из мира людей. Теперь ты физически существуешь в сказочном мире. Ты — первопроходец, Степка. До тебя никто из детей не пролезал через волшебное окно.

Степан. А взрослые?

Медведь. Тети! Дядя! Через крошечное окошко! (Смеется). Как ты себе это представляешь? Взрослым не пропихнуться. Застрянут мыслями. Знаешь, Степка, какие у взрослых длинные мысли! От каждой мысли отходят еще мысли! А окошко крошечное. Сова и та с трудом протиснулась.

Сова. (С укором смотрит на Медведя). Окно было слишком узкое, Миша. Это факт.

Медведь. Сова, я уже извинился. Не буду я просить прощения на каждом шагу.

Сова. Убедил, Миша.

Часы звонко бьют девять раз.

Степан. Мама! Сейчас войдет в мою комнату!

Сова. В девять вечера мама читает Степке сказки.

Степан. А комната пустая. Меня нет дома! Что подумает мама?

Медведь задумчиво чешет ухо. Пожимает плечами.

Сова. Степушка, с чего ты так разволновался? Забыл? Мы оставили для мамы записку. (В зал). Это я сочинила записку!

Медведь. Мама будет знать, где ты. Сядет у волшебного окна и станет ждать тебя обратно. Радостная мама возьмется разглядывать сказочный лес. Через волшебное окно видны деревья и контур старинного особняка.

Медведь приплясывает.

Кошка (ехидно). Чудесное настроение у Мишки. С чего бы это?

Медведь (не чувствуя подвоха). Это так! У меня хорошее душевное состояние! Мы не спим на улице. Нас приютила кошка. Только вот малинки не хватает.

Кошка. Малинки ему не хватает. А так-то у Миши всё есть. Не привел себя в надлежащий вид, а пляшет.

Степан ходит по комнате. Останавливается у часов.

Кошка прокручивает стрелку назад.

Степан. Что ты сделала, кошка Маркиза? Теперь часы показывает неправильное время.

Кошка. Нет правильного времени. Нет неправильного времени. Есть только нужное время. Наступило нужное время. Начнем душевную беседу. Что ты хочешь рассказать, Степка?

Степан (в изумлении). Мама никогда не переводит стрелки часов.

Сова. Напрасно. Маме всегда не хватает времени. А времени должно быть много.

Кошка. У нас полно времени. Будем пить чай и разговаривать.

На столе появляется чайник.

Кошка. В 10 часов явится ловец мыслей. (К Медведю). Успеем выпить чай с сушками. Мишка, ты ведь любишь сушки?

Степан. Постойте, кошка Маркиза. Вы сказали важное.

Кошка. Случайно что-то обронила?

Степан. Кто такой ловец мыслей?

Кошка. Степка, желаешь узнать тайну?

Степан. Хочу.

Кошка. Тайна свяжет нас прочно. Информация чрезвычайно секретная. Ловец мыслей — значимый персонаж сказочного леса. Ловец мыслей ходит с волшебной удочкой. С 10 до 11 ночи ловец мыслей ловит мои мысли.

Степан. Кошка Маркиза, ловец мыслей стучит в вашу дверь?

Кошка указывает на напольные часы.

Кошка. Ловец мыслей выходит из корпуса часов.

Степан открывает ящик часов. Просовывает внутрь руку.

Степан. Внутри никого нет.

Кошка. Конечно, в часах нет никого. В коробке находятся гири и маятник. Часы ещё не пробили десять раз. После последнего удара, ловец мыслей появится внутри. В хорошем настроении ловец мыслей выйдет из ящика.

Степан втискивается в ящик.

Говорит оттуда:

Задняя стенка не отодвигается.

Выходит из ящика. Обходит его. Стучит по задней стенке.

Сова. Малыш, что ты делаешь?

Степан. Ищу отверстие на обратной стороне.

Кошка. Настоящая дверь на задней стенке часов появится тогда, когда ловец мыслей будет стоять у часов. Пока дверь — это чистая энергия. Энергия первична. Материя вторична.

Степан. Кошка Маркиза, у вас странный дом.

Кошка. В сказочном лесу мой дом гармонично вписан в пейзаж. Исключительно ко мне заходит ловец мыслей.

Сова (с укором). Какая гордячка эта кошка.

Степан. Почему ловец мыслей приходит именно к вам?

Кошка. Сам не понимаешь, мальчик? У меня хорошие мысли. Я притягиваю в дом любовь. Я следую закону леса. Не нарушаю правил. У меня мощный интеллект. В моей голове создаются яркие образы. У Медведя в голове много шума. Медведь украл мел. Ловец мыслей никогда не придет к Мише.

Медведь. Я не крал мел! Я уже говорил. В тот день дул сильный ветер.

Кошка. Бла-бла-бла. Мы все это уже слышали. Ты лучше скажи, Медведь, где твои крылья?

Медведь. Снял крылья.

Степан. Мишка, у тебя были крылья?

Кошка (указывает на Степана). Ваш мальчик ничего не знает? Вы скрыли от Степки важную информацию? Вы не доверяли малышу?

Сова. Степка — порядочный человек. Мальчик — наш настоящий друг. Мы хотели ему всё объяснить, Маркиза.

Кошка. Почему же не сказали?

Сова. Ждали, когда Степка немного подрастет. Нужна была уверенность в том, что малыш поймет. Мы опасались напугать Степку до жути. До мурашечек. (Страшным голосом). До седых волос.

Степан. Рассказывайте. Я уже взрослый.

Медведь (к Степану). В сказочном лесу моя жизнь была совершенна и безопасна. Я мог летать. Я летел на запах малины. Я летел на аромат мёда. В мире людей много приспособлений ловить тех, кто летает. Медведь с крыльями угодил бы в клетку. Меня купил бы кочевой цирк.

Сова. Или какой-то провинциальный зоопарк. Да, Миша? (Тот кивает). Зеваки приходили бы глазеть на Мишу с крыльями.

Медведь. Пришлось избавиться от крыльев.

Сова. Мишка правильно поступил. Прежде, чем отправиться к людям, Миша отцепил крылья. Немного было больно, да, Миша?

Медведь. Да, Сова.

Сова. Степушка, то была вынужденная мера. Люди охотятся на тех, кто выходит за рамки их представлений.

Медведь. В мире людей опасно быть ни такими, как все. Степушка, в твоём мире будет много событий. Что-то тебя обрадует, а многое огорчит. Ты будешь ошибаться. Не всегда получится принимать верные ре-

шения. (В зал). Мы долго наблюдали за людьми. Игрушки созданы для того, чтобы помогать людям. С нами легче пережить трудности.

Кошка. В сказочном лесу тоже все кувырком. С неба упала Луна...

Степан. Это ведь катастрофа, да? Ваши реки вышли из берегов?

Кошка. Реки? Что говоришь, малыш? По сказочному лесу пробегает одна речушка. Водная дорожка никогда не выйдет из берегов. Ею управляет Хозяин леса. (Вздыхая). Иногда мне кажется, что и мной он управляет.

Сова (с возмущением). Кошка Маркиза, не начинай старую песню! Мы её слышали. Никто нами не управляет. Хозяин леса не контролирует наши жизни. Мы думаем самостоятельно. Мы сами принимаем решения и отвечаем за последствия. Ожившие игрушки обладают свободой выбора. Иначе, как бы мы ушли из леса?

Кошка. Я долго размышляла вот над чем.

Пауза.

Хозяин леса и ловец мыслей — один сказочный персонаж.

Медведь. Объясни нам, кошка Маркиза.

Кошка. Усильте свою мозговую активность, игрушки. Когда часы начинают бой, я прячусь. Пробираюсь в палатку. Берегу голову. Ловец мыслей ловит на удочку только те мысли, которые я ему предлагаю. Выгодные мысли я бережно храню.

Степан. Какие они — выгодные мысли?

Кошка. Записывай, мальчик. У тебя есть ручка и блокнот?

Степан. Нету.

Сова. Степка знает буквы, но пока не умеет писать.

Кошка. Тогда запоминай, человек. Информация полезная и тебе пригодится. Важно думать о себе хорошо. «Я — самая красивая». «Я — умная». «У меня чудесный характер». «У меня все получится». «Я никогда не буду себя переделывать и ругать. Я — идеальная кошка». (Прерывается. Указывает на палатку). У меня дом в доме! Это очень практично.

Степан. Вы — счастливая кошка. У вас два дома.

У кошки резко меняется настроение. Выглядит поникшей. Говорит с хитрецей.

Кошка. Степушка, я очень одинокая кошка. Я часто грущу и скрываюсь в волшебной палатке. Стены касаются моих лапок. (Смотрит на Степана). Степка, останься со мной навсегда. Будешь жить в палатке.

Медведь. Какая ты хитрая, Маркиза! Тебе понравился мальчик и ты решила оставить его у себя. Кошка Маркиза, ничего у тебя не получится. Утром мы отправимся в путь. Новый день подарит нам приключения.

Степан. Я готов к приключениям. Мама читает мне приключенческие книги.

Медведь. Сказочный лес — это место, где хранятся великие тайны. Будут у тебя невероятные похождения. Степушка, повеселимся!

Степан. Хочется взглянуть на Луну.

Кошка опять пребывает в бодром настроении.

Кошка. Луна выглядит изумительно. Луна носит серебряные башмачки. Сегодня госпожа Луна облачилась в золотое платье. Платье волшебнице Луне подарил сам Солнце. Когда Луна жила в своем замке, ей прислуживал лунный кролик. В сказочном лесу миссию слуги на себя взял Крот.

Степан. Вот бы посмотреть на Луну. На Крота.

Кошка (опять с хитрецей). Я тебя познакомлю с Кротом. Я — важная персона этого леса. Передо мной открыты все двери. Я веду полезные знакомства. Степушка, останься со мной. У нас не будет проблем. Я стану твоим проводником по лесу. Лес большой. Тропинок много. Я знаю одну тайную тропу. По ней мы доберемся до тайного логова Оленя. Наш Олень не любит суеты. Наш Олень носит золотые рога. Олень знает волшебные сказки. Задержишься в лесу, Степушка, а?

Степан. Простите, кошка Маркиза. Не могу остаться с вами. Мама расстроится.

Кошка. Ничего подобного. Примешь решение остаться в сказочном лесу, исчезнешь без следа из мира людей. Волшебное окно закроется. Твоя мама ничего не вспомнит. Из семейного альбом изымут ваши фотографии. Те самые, где ты с родителями.

Степан. Кто заберет фотографии?

Кошка. Я не знаю, Степушка. Кто-то всесильный. Слушай дальше, мальчик. Твои вещи переместятся в наш мир. Твой велосипед укатится в неведомые дали. Черная дыра поглотит сломанный велосипед.

Медведь. Угомонись, Маркиза. Отстань. Оставь Степку в покое. Что ж ты такая настырная.

Кошка. Все делаю для того, чтобы ваш мальчик обратил на меня внимание. Кошки пристают к людям и добиваются своего. Люди живут по кошачьим правилам. (Мило улыбается). Невозможно противостоять кошачьему обаянию.

Медведь. Степке нужно будет вернуться в мир людей. Степка скоро пойдет в школу.

Степан. Ошибаешься, Медведь. В школу я пойду не скоро. У меня впереди много свободного времени.

Кошка. Вот и поживи пока в лесу. Не хочешь остаться здесь навсегда, задержишься на два года. Разве лес плох? Степка, неужели лес хуже, чем человеческий мир? В лесу живут игрушки!

Медведь. Кошка права. Наш лес всем хорош. Лес придумал настоящий волшебник.

Кошка. Вот именно! Лес чудесный. Каждый день в лесу происходит что-то доброе.

Медведь. Маркиза, Степке нужно готовиться к школе. Скоро мама начнет учить малыша складывать и вычитать числа. Много дел. Папа решил научить сына надевать наживку на крючок. Понимаешь, кошка Маркиза, Степку ждут дома. У мальчика хорошая семья. (С укором смотрит на кошку). Семья — это серьезно.

Сова. Важно беречь и ценить родственные отношения.

Медведь. Степушка, в нужное время мы вернем тебя домой.

Степан. Нужное время наступит завтра?

Сова. Не думаю, что завтра.

Медведь. Завтра мы найдем мои крылья.

Кошка. Ты опять будешь летать, Мишка?!

Часы начинают бой.

Кошка прислушивается.

Кошка. Тссс. Замрите. К дому приближается ловец мыслей. Наш лесной старичок пожаловал.

Степан. Кто-кто? Старичок?

Кошка. Слышишь, как ловец мыслей шаркает штиблетами. Так ходят только старики. Игрушки, быстро забирайтесь в палатку. Степка, давай с нами.

Все пролазят в палатку.

За сценой — шаги.

На палатке «зажигаются» звезды.

Со скипом открываются дверцы часов.

В комнату входит Старичок. Он прихрамывает. В руках у него — удочка.

Подходит к палатке.

Старичок. Все в палатке. (Хитро). Уместились. Я так и думал. (Громко). Нет ненужных в лесу? Отвечай, кошка Маркиза.

Размахивает удочкой.

Кошка. Нашелся лишний.

Старичок. Кто же не к месту?

Кошка. Его зовут Бориска. У мальчика отросли когти. Вместо носа появился клюв. Какой же он теперь мальчик, да?

Старичок. Видел его. Спит на дереве. Уцепился когтями за ветку. Его клюв дрожит от холода.

Кошка. Ошибаетесь. Его клюв дрожит от нетерпения. В любой момент он может быстро перелететь с дерева на дерево.

Старичок. Понимаю, кошка Маркиза. Пришелец тебе не нравится.

Кошка. Пришелец стал опасный. Борька готов причинять боль. Мы все можем пострадать.

Старичок. В нем осталось мало человеческого. Его природа сильно изменилась. В его уме много дурных помыслов. Абсолютное непослушание и неприятие законов вредит нашему лесу.

Кошка. А я что говорю. Хорошо, что вы со мной согласны.

Старичок. Солидарен с тобой, Маркиза. Надо бы Борю вернуть домой.

Кошка (с укором). Почему же пришелец еще в лесу? Отчего вовремя не отправили его в мир людей?

Старичок. Не успел. Я был занят. Непредвиденное случилось. Луна упала. У волшебницы Луны с господином Солнце что-то не заладилось.

Кошка. В семьях всякое случается. Члены семьи могут разлучиться навсегда.

Старичок. Нельзя рушить семейные связи. Важно вместе преодолевать трудности и невзгоды. Последнее дело — сбегать из семьи. (Принохивается). Человеком пахнет. В лесу маленький ребенок. Мальчик в палатке? Отвечай, кошка Маркиза.

Кошка. Степка тут.

Старичок. Дети не должны убегать из дома. Вот Буратино ушёл от папы Карло и угодил в зловключения.

Кошка. Буратино рассчитывал на приключения.

Степан. Я не убегал. Я ушел. Мы оставили записку для мамы.

Старичок. Кто написал записку? Отвечай, кошка Маркиза.

Кошка. Сова сочинила записку. Сова вернулась в лес. С трудом пролезла через волшебное окно. Сова сидит рядом с мальчиком. Сова занимает много места.

Старичок. Хорошо, что Сова решила возвратиться.

Кошка. С ней и Миша.

Старичок. Приятные новости, кошка Маркиза. Сбежавшие игрушки вернулись.

Степан. Я хочу познакомиться с ловцом мыслей!

Сова. Нельзя. Сиди тихо.

Старичок. Выходи, Степан. Меня не надо бояться. Я ни такой, как разбойник из сказки «Айболит». Я не нагоняю страх, а помогаю игрушкам.

Сова. Ловец мыслей говорит правду. Как-то раз я повстречала в лесу старичка. Он безобидный. Немножко грустный. Старичок сидел под деревом и мастерил новую удочку.

Степан. Ну, всё. Я пошел. Сейчас я познакомлюсь с ловцом мыслей.

Медведь. Постой, малыш. Кто знает, что у старика на уме?

Старичок. Моя совесть чистая. Дурных помыслов не держу.

Медведь. Со стариками всегда что-то ни так. Они подолгу смотрят в одну точку. Ходят, сгорбившись.

Степан. Я должен на него взглянуть.

Медведь. Не ходи. У стариков своих мыслей мало. Старики пользуются чужими суждениями. Этот старик заберет твои мысли.

Степан. Мне не жалко. Пусть. Появятся новые мысли.

Сова. Не разбрасывайся мыслями, Степан.

Степан. Все. Решено. Я выхожу. Познакомлюсь с ловцом мыслей.

Кошка. Какой смелый мальчик!

Сова. Если испугаешься, ныряй обратно.

Медведь. Мы тебя подхватим.

Старичок (в зал). Мой внук ничего не боится!

Из палатки выползает Степан.

Степан и Старичок в круге света.

Старичок. Здравствуй, Степан.

Степан. Здравствуйте. У вас знакомое лицо.

Старичок наклоняется. Они смотрят друг на друга.

Я вас где-то видел.

Старичок. Где же?

Степан. В старом доме!

Старичок (хитро). Как же это возможно, Степан?

Степан. Ваш портрет находится там! Я вас узнал! Вы — мой дедушка?! Мой дедушка пропал. Дедушка не вернулся с войны.

Старичок. Это так. Я не смог вернуться домой. Я навсегда остался в сказочном лесу.

Степан (с укором). Бабушка до сих пор плачет.

Старичок. Я отправляю ей красивые сны. Моя жена регулярно получает от меня весточки. Степушка, я очень хотел с тобой познакомиться. Внучок, ты здесь не случайно. Я послал за тобой игрушки. Медведь правду говорит. Миша не крал мел. Дул ветер. Мел свалился ему в лапу. Это я поднял сильный ветер. Я торопился, дружок.

Степан. Почему? Была причина?

Старичок. Еще какая, Степушка. Через волшебное окно может пролезть только ребенок.

Степан. Когда мне исполнится семь лет, я пойду в школу.

Старичок. Семь лет — хороший возраст! Начало новой жизни. Степушка, у тебя появятся новые друзья и новые обязанности. В семь лет через волшебное окно уже не пролезть.

Степан. Можно застрять? Сова чуть не остановилась на середине. Ни туда — ни сюда. Сова больше, чем я.

Старичок. Степушка, ты веришь в волшебника Гудвина?

Степан. Откуда вы знаете про Гудвина?

Старичок. Я следил за тобой. Ты — мой внук.

Степан. Моего дедушку звали Кирилл. У вас другое имя. Почему вы сменили имя?

Старичок. Пришлось. (Вздыхает). Старое имя износилось. (Широко улыбается).

Степан. Вы совсем нестрашный.

Старичок. Сегодня я надел добрую маску. Я хотел, чтобы ты меня узнал. Завтра у меня будет другое лицо.

Степан. Часто вы меняете лица?

Старичок. От случая к случаю. Иногда приходится надевать строгую маску. Я отвечаю за комнату желаний. Комнату желаний не должны посещать все, кому не лень.

Медведь (голос). Мне не лень.

Старичок. Впрочем. Комната закрыта. Степушка, ты ведь слышал про инцидент? В лесу такое приключилось.

Степан. Все об этом говорят.

Старичок (вздыхает). Вот незадача. Мальчишка по имени Боря проник в комнату желаний и остался в лесу. В лесу он все больше становится злой птицей. Быстро происходят метаморфозы.

Степан. Почему?

Старичок. В этой реальности никто не ограничен в свободе. Мальчик хочет ощущать себя злой птицей. Кто может ему помешать?

Степан. Этот Боря напал на кошку Маркизу. Он и на вас набросится. Он научился выпускать когти.

Старичок. Буду осторожным.

Степан. Как вы попали в сказочный лес?

Старичок. Не правильный вопрос, внучок. Я создал волшебный лес.

Степан. Когда?

Старичок. Когда погиб на войне. Господин Время вытащил меня из темноты. Господин Время научил меня строить. Из подручного материала я сложил дом. У меня умный дом. Я им управляю. Верчу — кручу, как мне удобно.

Степан. Вот это да!

Старичок. Это ни всё. В новый дом я пригласил друзей: Понедельник, Вторник, Среду, Четверг, Пятницу, Субботу и Воскресенье. Вокруг дома высадил деревья и кустарники. Растительность быстро заполнила пустое пространство. Так появился сказочный лес. Лес стабильный. Деревья распространяют добро и любовь.

Степан. А игрушки?

Старичок. Игрушки пришли сами. Не захотели жить на свалке. Игрушки мечтали о лучшей доле. Их желания осуществились. Я наделил их разумом.

Степан. В лесу я встретил Удачу и Неудачу.

Старичок. Сестры немного странные и совершенно старомодные.

Степан. Удача и Неудача — кто они на самом деле? Они вам не родня?

Старичок. Я их сам нарисовал. Ты — мой родной внук. Потрогай мое лицо.

Степан трогает.

Что-то осталось от человека. Внутри меня бьётся живое сердце. Сердце любит тебя. Любит твою бабушку. Твоего папу. Твою маму. Всех вас. Вы — моя семья. Семья — это важно, внучок.

Степан трогает Старика за нос.

Степан. Это же маска.

Старичок. Маску от настоящего лица почти не отличить. У меня есть маски на любой случай жизни. На любую погоду. В плохую погоду, когда гремит гром и сверкают молнии, я надеваю тоскливую маску и дохожу до стены.

Степан. Стена взаправду существует? Это не выдумка?

Старичок. Стена находится далеко отсюда. Все думают, что сказочный лес без границ. Это ни так. Лес имеет края. У стены не растут деревья. Птицы не селятся у стены.

Степан. А если кто-то перелезет через стену?

Старичок. Это практически невозможно. Лес всегда будет разворачивать путника в другую сторону.

Степан. Вдруг это произойдет?

Старичок. Что ж. Тогда, внучок, случится непоправимое. Пропадет волшебный лес. Этот мир не должен исчезнуть. В сказочном лесу каж-

дая вещь находится на своем месте. В лесу все устроено разумно. Степушка, за стеной ведь ничего нет.

Степан. Дедушка, я смогу дойти до стены?

Старичок. Ты сможешь. Прошу тебя, не делай этого. Внучок, самое интересное происходит в реальном мире. Держись за жизнь, Степушка. Жизнь — это великое приключение.

Старичок берет Степана на руки. Поет ему колыбельную.

Степан засыпает.

(Занавес.)

Сцена 5

Сказочный лес. На деревьях — кормушки для птиц.

По проторенной тропе шагают Сова, Медведь.

Медведь несет на руках спящего мальчика.

Сова. Наш Степка спит, как убитый.

Медведь. Разбудить его не получилось. Я его щекотал. Я его целовал. Ухни в его ухо, Сова.

Сова. Думай, что говоришь, Миша. Хочешь, чтобы ребенок оглох? Для здорового сна нужна тихая обстановка. Сон очень важен для роста ребенка.

Медведь. Вот-вот, Сова. С тех пор, как мы вернулись в сказочный лес, наш мальчик подрос. Тяжелым стал мальчишка. Сова, я устал. Нужно отдохнуть несколько минут. Мы же никуда не спешим?

Сова. Хорошо, Миша. Умеешь уговаривать. Устроим привал.

Медведь укладывает Степана на траву. Ласково смотрит на него.

Медведь. Во дела. Наш Степушка в сказочном лесу. Мечты сбываются, Сова.

Сова. Непредвиденное случилось. (Заговорщицки). Степка познакомился кое с кем. Сам знаешь с кем. Что из этого выйдет?

Медведь. Сова, не волнуйся. Мирной вышла их беседа.

Сова и Медведь садятся рядом.

Сова. А я думаю так: плохая была идея — выходить ему из палатки. Говорили мы нашему мальчику: сиди смирно и тихо. Теперь вот — малыш не может проснуться.

Медведь. Своенравный мальчишка, все сделал по-своему.

Сова. Что стоит Волшебнику усыпить мальчишку?..

Медведь. Спел ему колыбельную песенку и добился желаемого. Теперь ребенок спит без мыслей. Никто ему не снится. Ни ты, Сова. Ни я — его лучший друг.

Сова. Что говоришь, Миша? У людей мозг никогда не отдыхает. Во сне человек находит ключи к решению своих проблем. А днем мысли роятся, словно пчелы в волшебном саду. Иногда мысли «зззудят». Мешают человеку разобраться в себе. А вот ночью. Подсознание говорит с человеком через сны. Именно подсознание помогает человеку понять, кто он есть и подсказывает ему решение задачек.

Медведь. Откуда всё знаешь, Сова?

Сова. Оттуда, Миша. Однажды Степка забыл меня на диване в большой комнате. Папа нашего мальчика слушал лекцию.

Медведь. Сова, я придумал, как разбудить Степку. Сейчас я спую.

Сова. Не надо петь, Миша. У тебя нет слуха.

Медведь. В том и прикол.

Сова. Пусть Степка спит. Очистит свой разум во сне. Сон — лучшее средство перейти в правильное состояние.

Медведь. Светлая голова у нашего Степана. В голове нет чепухи, как у меня. Как у тебя, Сова.

Сова. Что делает в твоей голове, Миша, я не знаю. Ты часто занят бессмысленными играми. Гоняешься за пчелами. Катаешься по траве. Дуешь на ветер.

Медведь. Сова, я отлично провожу время. На природе я познаю мир и развиваю фантазию.

Сова. В моей голове полный порядок. Ничего не откладываю на завтра. Пребываю здесь и сейчас. (Вздыхает). Знаешь, Миша, я скучаю по друзьям. Думаю, как там поживают ослик и заяц? Хорошо ли им в чужом доме...

Медведь. У нас было много друзей.

Сова. Много... Я дружила с куклой Варей. Ничего, что она без ноги... Кукла Варя — очень хорошая кукла. Ещё мама Степки играла с ней. Куклу привезли из старого дома. Не оставила мама свою куклу.

Медведь. Кукла много знает.

Сова. Но верно хранит тайны. (Вздыхает). Да, Миша. Интересное было время.

Медведь. Незабываемые дни.

Сова. Как же там кукла? Без меня... Никто не играет с Варей. Мы любили разыгрывать вполне реальные события. Мы готовили еду на игровой плите.

Медведь (смеется). Готовили лепешки из песка.

Сова (обижено). И что с того?

Медведь. Мне для игр не нужна кукла. Я люблю Степку. Мальчишка — самый значимый человек в моей жизни.

Сова. Да... Привязались мы к этому ребенку. Надо будет подарить ему удочку с поплавком. Пусть у него будет удочка. Хорошо я придумала, Миша?

Медведь. Удочка, как у ловца мыслей?

Сова кивает.

Вернется наш мальчик в реальный мир и станет удить. Знаешь, сколько рыбы в озере у дома? Мама и папа специально купили дом у озера.

Сова. Сколько рыбы в озере? Ты считал, Миша?

Медведь. Много рыбы. Я видел пузырьки на воде.

Сова. Почему ловец мыслей не ловит рыбу? В сказочной реке достаточно рыбы. С моста хорошо клюет. Не по делу он использует удочку.

Медведь. По делу, Сова.

Сова. Зачем старику мысли кошки Маркизы? Что хорошего в кошачьих мыслях? Что скажешь, Миша?

Медведь (задумчиво). Каждый новый день кошка проживает с радостью. Смотрит Маркиза на солнышко и улыбается. Играет с мячиком и смеется. Пьет чистую воду из ручья и вполне довольна жизнью. У кошки Маркизы нет страха. А твои мысли, Сова, полны сомнений.

Сова. Хорошо подметил, Миша. Суечусь. Не знаю, как быть.

Медведь. Поделись, Сова. Что тебя тревожит?

Сова. Я навсегда могу остаться в сказочном лесу. В лесу у меня друзья. Меня часто приглашают в особняк. Сам знаешь, Миша, комната желаний исполняет все, о чем мы просим. Но в лесу я буду летать по кругу. Есть другой вариант, Миша. (Мечтательно). Улечу далеко отсюда.

Медведь. Почему хочешь улететь, Сова?

Сова. Чтобы получить новый опыт. Познать внешний мир. Встретиться с интересными людьми. Подружиться с незнакомыми детьми. Желая почувствовать свежие эмоции.

Медведь. Сова, ты постоянно думаешь об этом?

Сова (кивая). Терзаюсь, Миша. Важно сделать правильный выбор.

Медведь. А у меня вообще путаница в голове. Нужны мне крылья, или нет, никак не пойму. Я уже привык без крыльев. (С сомнением). А если я разучился летать? Что думаешь, Сова?

Сова. Миша, тебе нужны крылья! С крыльями ты поднимешься над обыденными вещами. Твои мысли обновятся. С крыльями ты будешь счастлив, Миша.

Медведь. Эх, Сова. Вот смотрю я на кошку Маркизу и вижу, что она не прилагает никаких усилий, чтобы быть счастливой. Кошка лижет лапку и всем довольная. Послушай, Сова. Я понял, Сова. Ловцу мыслей

нужна кошка, чтобы сохранять светлое выражение лица. Ещё старику нужна дудочка. Музыка лечит душу. Ловец мыслей играет на дудочке ежедневно в течении пятнадцати минут.

Просыпается Степан.

Степан (зевая). Ловец мыслей — мой дедушка.

Медведь (испуганно). Умом тронулся мальчишка.

Сова. Горе-то какое! Наш мальчик не в себе. Степка стал думать, что ловец мыслей его родственник.

Степан потягивает.

Медведь. Сова, не похоже, что наш мальчик пребывает не в себе. Очень он даже в себе. (К Степану). Степка, тебе приснился дедушка?

Степан. Приснился?

Сова. У кошки Маркизы специальные подушки. Её подушки сделаны не из ваты. Внутри подушек находится сон трава. В доме кошки её гости крепко спят.

Медведь. Эх, Степка. Иногда нам снятся родственники. У меня, Степка, тоже есть дедушка. Старик медведь приходит в мои сны. Наставляет. Учит. Посылает мне эмоциональный сигнал. Мой дедушка живет за стеной.

Степан. За стеной нет ничего. Только звезды.

Медведь. Мой дедушка — большой звездный медведь.

Сова. По-твоему, малыш, звезды — это ничего? Звезды — это судьба, Степка. Звезды — украшение любого мира. Без звезд мир не был бы таким загадочным. Небо — сокровищница чудес.

Медведь (задумчиво). Откуда взялись звезды? Кто их сторожит? Моя судьба зависит от звезд? Что думаешь, Сова?

Сова. Ничего не думаю. Моего ума не хватает, чтобы знать. Мой ум недостаточно развит. За пределами моего ума лежит тайна. Я всего лишь ожившая игрушка.

Степан. В старом доме остался портрет деда. Ловец мыслей — это он.

Медведь. Никогда не бывал в старом доме. Мы появились в доме у озера.

Степан. Старый дом заколотили досками.

Сова. Дом закрыли навсегда?

Степан. Бабушка переехала. Бабушка живет с моей тетей.

Медведь. Родственники должны быть рядом с пожилыми людьми.

Сова. Старикам нужна поддержка.

Степан. Бабушка не взяла с собой ключ от дома.

Сова. Бабушка думает, что никогда не вернется в свой дом?

Степан. Бабушка передала ключ маме.

Медведь. Почему мы не навещаем старый дом?

Сова. Потому, Миша. Никто не посещает старый дом. Папа вынул золу из печки, свернул коврики, зачехлил мебель. Папа перекрыл вход в дом.

Степан. Дом надо охранять.

Сова. От кого?

Степан. От воров.

Медведь. Теперь в дом не проникнет чужой.

Сова (вздыхая). Свой тоже не войдет. Степка, послушай, что скажу. Когда вернешься в мир людей, освободи душу дома. Душа дома попала в плен.

Степан. У дома есть душа?

Сова. Как же без души, Степка? На крыльях души держится дом. Если душу запереть, крылья ослабнут и дом накренится. Душа дома должна летать. Парить над садом. Хорошо, когда душа свободная! Нет препятствий пред ней.

Медведь. Сова, сколько часов в день должна летать душа?

Сова. Хороший вопрос, Миша.

Степан. Что думаешь, Сова?

Сова. Всё зависит от погоды. В приятную погоду душа быстро наполняется хорошими эмоциями и скоро возвращается в дом. В дождь душе нужно долго сидеть под деревом. Только спустя час, или два часа, душа станет сильной. Сильная душа сможет противостоять злу. Если зло навалится на дом, то получит от ворот поворот. Степушка, распахни окна в доме. Пусть душа полетает.

Степан. Мама и папа будут против.

Сова. Почему?

Степан. Родители решили продать дом.

Сова. Этого нельзя делать, Степушка. Дом питает вашу семью. Мир будет меняться, а дом будет стоять. Ты будешь возвращаться в старый дом снова и снова. Потом — твои дети. Дом — это мост между поколениями. В доме должен гореть свет.

Степан. Всё уже решено...

Сова. А ты стой на своем, Степушка. Скажи маме и папе, что нельзя продавать дом.

Медведь. Пусть папа восстановит крыльцо и будет ему счастье.

Сова. Значит, Степка, тебе приснился дедушка?

Степан (задумчиво). Всё было похоже на правду.

Медведь толкает Сову в бок. Игрушки отходят в сторону.

Медведь (полушепотом). Сова, почему обманываешь мальчика? Степка познакомился с ловцом снов. Они — родственники.

Сова (полушепотом). Не хочу, чтобы наш мальчик сразу отправился в особняк на встречу с дедушкой. Нас ждут большие приключения! Невероятное путешествие по сказочному лесу! Нашему мальчику надо много ходить. Дорога излечит его ноги. (В зал). Всё, что легко дается, быстро отнимается.

Из-за кулис выходят сестры: Удача и Неудача.

На них — нарядные платья. Их пояса — в символах. На ногах — серебряные туфли.

В руках у Неудачи — бурдюк для питья.

Неудача. Здравствуйте, путники. Достигли середины леса?

Удача. Какая удачная встреча. Мы сблизились с вами быстрее, чем думали.

Неудача. Пожелали застать вас в домике кошки. Пришли, а домик пуст. Вот неудача.

Удача. Трава у дома нашептала, что вы покинули дом на заре. Почему ушли пораньше?

Сова. Рано утром в голову приходят самые смелые идеи.

Сова берет Степан за руку. Крепко держит его.

Медведь. Дамы, куда собрались? В сказочном лесу намечается вечеринка?

Неудача. Не угадал, Миша. Решили навестить Луну. Волшебница Луна временно поселилась в домике Крота.

Удача. Луна командует им. Крот танцует под её дуду.

Неудача. Исполняет любой каприз волшебницы.

Удача. Прежде Луне прислуживал лунный заяц. Угождал Луне и так, и сяк. Луна все равно была недовольна.

Степан. Лунным зайцем?

Удача. Луна — капризная особа.

Неудача. Все царицы такие.

Степан. Почему?

Удача. Потому что много могут. Путь проходят без прохождения. Прибывают на место, не перемещаясь. Живут без ограничений.

Неудача. Царицы имеют право быть о себе высокого мнения. Их сознание не имеет границ. Их ум не упирается в определенную стену. На них не воздействуют непостижимые силы.

Удача. Луна — сама и есть сила. (Приплясывает).

Неудача. Чему ты радуешься, сестра? Луна слишком рядом! Теперь в лесу не работают законы физики и математики.

Степан. Что-то не пойму. Это хорошо, или плохо?
Неудача. Луна создала новые условия. Во всем есть особый замысел, мальчик!
Медведь. Мы тоже хотим повидать Луну.
Неудача (смеясь). Они тоже хотят. Размечтались, игрушки.
Удача. Сегодня Луна не принимает. От Луны исходит сияющий свет. Излучение может испелить игрушки и мальчика.
Сова. Ого. Раз так. Познакомимся с Волшебницей в другой раз.
Медведь (к Сове). Завтра?
Удача. Размечтался, Миша. Завтра — это навряд ли. Нарушены причинно-следственные связи. Нужно время, чтобы их восстановить.
Степан. Какие связи нарушены?
Удача. Слушай внимательно, мальчик. Должно быть как?
Степан. Как?
Удача. То, что происходит с тобой сейчас, это не случайность, а результат того, что происходило с тобой в прошлом.
Неудача. Должно быть. Но в лесу все перепуталось.
Удача. Дом мышки Леоноры отодвигается от вас. Игрушки, не пренебрегайте полученными данными.
Неудача. Игрушки, у вас появился повод сменить направление.
Сова. Дамы, вы что-то не договариваете.
Неудача. Мы ничего не держим в тайне. На Луну лучше смотреть издали. Естественный источник света сведет с ума неподготовленных.
Удача. Платье Луны ослепительно блестит! Вам придется разглядывать её платье издали.
Неудача. К тому же, с близкого расстояния её платье выглядит пыльным и серым.
Степан. Почему Луна не сменит одежду?
Неудача. Последний подарок от возлюбленного. Пара рассталась. В каждой семье случаются недоразумения. Важно выслушивать друг друга, а не сбегать.
Степан. Луна сбежала?
Неудача. Примчалась к нам в своей серебряной карете. Скорость была большая. Колеса вовремя не притормозили. Карета пробила почву. Луна очутилась в домике Крота.
Удача. Крот оказался расторопным. Быстро расширил свой дом.
Неудача. Крот сделался услужливым. Расставил свечи. Растопил камины. Принес Луне тапочки.
Удача. Мы торопимся. Прощайте, игрушки и мальчик.

Неудача. Ступайте в обратную сторону. Сегодня дом Крота закрыт для посетителей. Нас же пропустят внутрь дома.

Удача. Мы особенные гости. Мы всегда находимся рядом со звездными особами. (Трепет Степана). Мальчик, дам тебе совет. Во всем соблюдай меру. Будет тебе много удачи и немного неудачи.

Неудача. А вот тебе совет от Неудачи. Слушай своё сердце. Разум обманчив.

Удача. Степка, сегодня ты будешь шагать длинной дорогой.

Неудача. В пути ты захочешь пить. (Передает бурдюк).

Медведь. Как пить дать он захочет пить.

Неудача (ухмыляясь). Подарок пригодится. Чтобы оценить удачу, нужно пройти через неудачу. (Гладит Степана по голове). Только неудача сможет сделать из обычного мальчика настоящего героя.

Удача (к Степану). Когда завершишь дела, приходи в особняк. В особняке есть рояль. В сумерках я играю.

Медведь. Инструмент плохо настроен. Вас очень слышно!

Неудача. К большому сожалению, в волшебном лесу нет мастера — настройщика. Некому выполнить ремонт. Порция хорошей музыки влияет на кровообращение.

Удача и Неудача уходят.

Сова. Чудная парочка. Две сестрицы ушли. Мне сразу захотелось сто раз отмерить, прежде чем отрезать.

Степан. Как это?

Сова. Просчитать риски и не думать про удачу, или неудачу.

Медведь. Друзья, вы слышали! Дом мыши будет отдаляться от нас. Ах, какая неудача. С нами может что-то случиться в дороге.

Сова. Миша, ты меня удивляешь. Зачем выдумываешь проблему, Миша?

Медведь. Ничего я не придумываю. Вы сами слышали! В сказочном лесу изменились правила. Теперь все с ног на голову.

Сова. Доверься лесу. Лес не подведет.

Медведь. Лес теперь другой. А если нам придется ночевать в лесу?

Сова. Постучим в дом птицы. С местными птицами у меня много общего.

Медведь. Что вас объединяет? Ничего. Вы разговариваете на разных языках. Ты — на человеческом. А птички щебечут на своём.

Сова. Решил сокрушить мой оптимизм? У нас одинаковые ценности. Мы мечтаем. Мы верим в успех. Пить охота. (Указывает на бурдюк). В бурдюке вода всегда холодная.

Степан трясет бурдюком.

Степан. В нем нет воды.

Медведь берет бурдюк.

Медведь. Пуст бурдюк. (С большим возмущением). Эта Неудача! Подарила бурдюк с дырой.

Из-за кулис выходит мышь Леонора. На ней костюм война. За спиной — стрелы.

Леонора. Сбежавшие игрушки! Вот и вы! Не прошло и года, как вы вернулись в сказочный лес!

Сова. Здравствуй, Леонора. (Оглядывает её со всех сторон). Ты не изменилась. Процветаешь. Улучшила качества жизни?

Медведь. Выглядишь по-боевому. Настроена устранять барьеры?

Леонора (с изумлением). Что я вижу! Игрушки, с вами мальчик?! (Подходит близко). Степка, я ждала твоего прихода! Я видела тебя в своих снах.

Степан. Вы — та самая предсказательница?

Леонора. Собственной персоной. Мои стрелы расширяют Вселенную. Я влияю на природу и время.

Медведь (к Степану). Мышь Леонора сильно преувеличивает свои возможности.

Леонора. Обыденному сознанию этого не понять. (Гладит Степана по голове). Ты мне веришь? (Степан кивает). Знаешь, что я изобрела?

Степан. Не знаю. Что вы придумали?

Леонора (напыжившись). Я создала волшебный ящик! Ящик огромный!

Степан. У меня тоже есть ящик. Однажды я спрятался в ящике с игрушками.

Сова. Степка уместился полностью. Мама нас долго искала.

Леонора (хмыкает). Нельзя сравнивать несравнимое. Стоит мне выпустить в пространство стрелу, ящик переместится в будущее или в прошлое. Все зависит от направления стрелы.

Степан. Ого. Вы провели испытания, мышь Леонора? Погружали кого-то в волшебный ящик?

Леонора (к Сове). Ваш мальчик зануда?

Медведь (к Степану). Не обесценивай изобретение. Хозяин леса признал ящик по достоинству. Предсказательница получила почетную грамоту.

Леонора. И сухарики! Знаешь, мальчик, как трудно добывать сухарики?

Степан. Не знаю.

Сова. Что ты тут делаешь, Леонора?

Леонора. Отправилась в лес на поиск дождя.

Медведь. Дождь не обещали. Погода стабильная.

Леонора. На мою крышу упали две капли. Я сразу надела любимое платье и стала ждать песню дождя. Но дождь так и не спел.

Степан. Ваш дождь поет?

Леонора. Когда у дождя хорошее настроение, он поет счастливые песни. В унылом пребывании в себе, занудное песнопение дождя трудно слушать. Дождь наводит на меня тоску. Разве ваш дождь не поёт?

Степан. Наш дождь не поет.

Леонора. Быть может, мальчик, ты просто не умеешь слушать? Научись слушать дождь. Дождь знает много сказочных историй. Тебе никогда не будет скучно, если обретишь способность слышать дождь.

Степан. Уважаемая мышь, почему к вам приходит тоскливое настроение? Вы ведь живете в сказочном лесу.

Леонора. Понимаешь, Степка, у меня мало друзей. Даже у Совы их больше.

Сова. Что значит «даже»? Я — коммуникабельная сова. Способна наладить любой контакт.

Леонора. Трудно взаимодействовать с жителями леса. Тут каждый себе на уме. Лес ни такой простой, как тебе кажется. (Степан делает удивленное лицо). А ты думал! Чтобы войти в контакт с населением, я научилась гадать на кофейной гуще! Теперь я умею предсказывать будущее! Игрушки стали доверять мне. Круг знакомств расширился. Даже те, которые были враждебно настроены, потянулись к моему домику. Представляешь, мальчик! Им теперь интересно моё мнение.

Степан. А вы — хитрая особа.

Леонора. Не без того. Еще я умная! Я работала над собой. Изучала физику и математику. Не всё сразу получилось. На моем пути были и сучки, и задоринки. Я всё преодолела. Я стала узнаваемой в лесу.

Степан. Почему вы хотели стать знаменитой?

Леонора. Малыш, это очень полезная опция. Теперь мне не приходится искать хлебные крошки. Посетители сами их приносят. (Вздыхает). Впрочем. Ничего нет постоянного на свете. Случился форс-мажор. Комнату желаний закрыли. Тотчас страждущих узнать своё будущее стало меньше.

Степан. Не вижу связи.

Леонора. Напрасно. Мальчик, невидимые силы плетут узоры судьбы. Вот ты, мальчик, пролил воду из бурдюка и я оказалась рядом с тобой. Улавливаешь связь?

Степан. Вы нашли нас по мокрым каплям?

Леонора. Именно.

Медведь. Это я понимаю. Неудача привела к удаче.

Леонора. Слушай дальше, маленький человек. Этим вечером я собиралась погадать Кроту. Старик Крот заранее записался на прием. Крот пожелал выяснить, какие события с ним произойдут через неделю.

Степан. Зачем Кроту знать, что случится в будущем?

Леонора. Ну, ты даешь. Чтобы подготовиться к хорошему и избавиться от беспокойства. (Хитро). Для Крота я придумала крайне любопытную информацию, но с неба упала Луна. Теперь Крот страшно занят. Тебе повезло, мальчишка. У меня освободился вечер. (Обнимает Степана). Всегда мечтала, чтобы в мой дом пришел настоящий мальчик. А ты, мальчик, грезил подружиться с мышью?

Степан. Грезил! Еще как!

Леонора. Стремись увидеть мой дом?

Степан. Стремлюсь.

Леонора. У меня чудесный дом. Недавно я залатала крышу. Справила калитку. Высадила цветы.

Медведь (насмешливо). Домовитая.

Леонора. Правильно чередование физического труда с умственной нагрузкой — залог благополучия и здоровья. Да, Степан?

Степан. Наверное.

Леонора. Я давно поняла, как нужно разгружать ум. Берешь лопату и выходишь в сад. Люблю работать в саду. Что ж, мальчик Степка. (Похлопывает Степана). Пора отправиться верной дорогой. Препятствий никто не учинит. Жители сказочного леса побежали к домику Крота. Все хотят взглянуть на Луну.

Сова. Луна не принимает.

Леонора. Кого это остановит? Ежи и лисы станут подглядывать через окна. В доме Крота необычные окна. Архитектор Крот придумал волшебные окна.

Степан. Какие они — волшебные окна?

Леонора. От пола до потолка. По утрам Крот любит наслаждаться красотой сказочного леса.

Степан (с сомнением). Крот видит?

Леонора. Еще как видит! Хозяин леса подарил старику Кроту новые глаза. У старика Крота теперь отличное зрение. Крот пришел в лес давно. Поначалу, он, действительно, ничегошеньки не видел, натыкался на деревья, набивал шишки. Ты, Степушка, хорошо видишь?

Степан. Я всё вижу!

Степан подпрыгивает.

Леонора. Что ж, ребенок, пошли. Обожаю малышей. Дети такие наивные. Дети открыты для всего нового.

Степан (приплясывая). Скоро я увижу дом мышки. Пройду через калитку.

Леонора. Мальчик, что ты так радуешься, калитка обычная. Не заговоренная. (Гладит того по голове). Посидим, помечтаем, ты расскажешь мне о своем мире.

За сценой грубое мычание.

Степан. В сказочном лесу живут коровы?

Леонора. В нашем лесу нет коров.

Степан. Никто не любит молоко?

Медведь. Я люблю молоко. Кошка любит молоко. Дети ёжиков любят молоко. В сказочный лес доставляют молоко из соседнего мира. На первую дойку в кровник мы отправляем смельчака. Смельчак всегда возвращается с бидоном молока.

Степан. Вы воруете молоко!

Резко смеркается.

Снова раздаётся мычание.

Сова (вглядывается). За деревьями нет никого. В ночном полумраке я вижу лучше, чем днем. Даже в безлунную ночь могу разглядеть мышь в траве. (Указывает на Леонору. Та пьится).

На заднем плане «шевелится» куст.

Степан (с удивлением). Из-за куста показываются золотые рога. Кто прячется в кустах?

Леонора (кивает). Кто-то. Никто не проверял. Когда приходит ночь, жители леса расходятся по домам. Мы привыкли рано ложиться спать.

Степан. Я не люблю рано ложиться спать.

Леонора. А зря. Разве ты хочешь клевать носом? Учись у нас. Делай, как мы. На рассвете отдохнувшие игрушки будут весело встречать новый день.

Степан. Постойте, мышь. Среди игрушек нет любопытных?

Леонора. Мы не ищем злоключений. Авантюристов нет.

Степан. Вам не скучно?

Леонора. Игрушки с интересом познают мир сказочного леса. Делают это исключительно днем. Уловил, Степка, разницу? Мы за безопасное существование.

Степан. Много загадок в вашем лесу.

Сова. На самом деле, это так.

Сцена 6
Домик мыши
Стена с окном.

На стене — пшеничные колоски и портрет мыши.
В углу — старый рукомоиник.
В комнату входят Сова, Медведь, мальчик Степан.
Свечи зажигаются.

Степан. Ух ты! Волшебство с порога!

Голос Леоноры за сценой: «Располагайтесь, друзья. Я скоро. Выйду к вам через пять минут. Нужно снять плащ и доспехи. В доме жарко. Не хочу получить тепловой удар».

Сова. Без доспехов мышку будет не узнать. В обычном платье — мышь милейшая особа. У неё добродушная физиономия.

Медведь. Мишка в мышином доме! (Смеется). Сова, этот факт не портит мой имидж?

Сова. Ничуть. В нашем сказочном лесу мишка в рост мышки. Что не означает, будто у Миши маленький масштаб личности. Миша — настоящий медведь и хороший друг. Всегда есть чему поучиться у друга. Миша очень добрый. Защитник и покровитель детей. А мышь Леонора, безусловно, талантливая особа. Выпрыгнула из своих рамок. Мышь теперь ни просто мышь, а предсказательница судеб. (Тихонечко смеется). Мышь организовала грандиозный проект, приносящий ей пользу. Успешно ведет бизнес. Но лес не в обиде. Леонора поднимает игрушкам градус настроения. Благодаря идеальному воображению, мышь Леонора рассказывает игрушкам добрые небылицы. Мышь получает хорошие отзывы о своих услугах.

Голос Леоноры. Я всё слышу.

Степан подходит к рукомоинику. Открывает кран. Оттуда раздается шипение.

Степан. В доме нет воды?

Голос Леоноры: «Давно закончилась водичка».

Сова. Хозяин леса всем отключил воду. Приучает нас к настоящей лесной жизни.

Медведь. За водой мы ходим к речке. Мы черпаем воду ведрами. В лесу есть водовоз. Можно ходить за водой к водовозу. В белых бочках чистая питьевая вода. У бочек собирается очередь. В лесу много игрушек. Всех, кого унесли на свалку, тут. Я лично предпочитаю топать к реке.

Степан. Почему хозяин леса лишил вас удобств? Он самодур?

Медведь смеется.

Медведь. Самодур! Ха-ха-ха. Степушка, ну и словечко. У хозяина леса большая власть, но он ею не злоупотребляет.

Сова. У хозяина леса нашлась веская причина так поступить. Хозяин леса опасается, что мы не справимся без него. Когда-то он уйдет от нас.

Степан. Когда?

Сова. Что за вопрос? Этого никто не знает.

Медведь (вздыхает). Воспитывает нас дисциплиной. Самое ужасное: заставляет делать зарядку.

Сова. Создал в лесу спартанские условия. Степка, знаешь, что это?

Степан улыбается.

Степан. В старом доме я спал на чердаке. На чердаке не было кровати. Папа принес надувной матрас.

Сова. Степка, у тебя два дома. Новый дом и старый дом. Ты счастливый человек, Степан.

Степан. Это так. Не жалуюсь.

Сова. У меня тоже был дом. (С грустью). Мой дом пропал.

Степан. Как это — пропал дом? Ты ничего об этом не говорила.

Голос Леоноры. За один пшеничный колосок легко найду дом Совы.

Степан. Сова, а ты искала дом?

Сова (кивает). Мой дом, как сквозь землю провалился. Без дома трудно. У всех должен быть дом. У птички. У кошки. У человеческого ребенка.

Выглядывает мышь Леонора.

Леонора. У меня есть дом. В дом я приглашаю друзей. (Прячется).

Сова. Дом — это место силы. Крыша над головой дает уверенность в завтрашнем дне. К людям я устремилась с одной целью: найти новый дом. Наткнулась на дом со светильником и обрела себя.

Степан. Помню, как вы пришли.

Медведь. Мы тоже не забыли. Нас привел папа. Папа нашел нас в густой траве у дома.

Степан. Вместе мы жили весело.

Сова (задумчиво). Хозяин леса специально спрятал мой лесной дом.

Степан. Зачем?

Сова. Чтобы я научилась спать на голой ветке.

Медведь. Стала сильной?

Сова. Теперь я ничего не боюсь. Ни ветра. Ни дождя. Ни злых языков.

Входит Леонора. На ней — красное платье. В руках — магический шар.

Леонора. Я — великая прорицательница.

Сова (скептически). Ой ли.

Медведь потирает лапы.

Медведь. Верю-верю. Я озабочен перспективами нашего мальчика. О себе тоже пекусь. Желая получить достоверные сведения о крыльях. Где же мои крылышки?

Сова. Я настроена критично. Леонора не обладает волшебным даром. Леонора — хороший психолог. Изучает характер собеседника и настраивает посетителя на позитивное будущее.

Леонора. Сова, разве это плохо? Я поддерживаю игрушки. Направляю их на успех и здоровый образ жизни.

Сова. К счастью, мышь особо не вмешивается в лесную жизнь.

Медведь. Ну, же! Леонора, кто носит мои крылья?! Что ты видишь?

Леонора с хитрецей разглядывает шар.

Леонора. Миша, твои крылья находятся там, где ты их оставил. Поищи под ёлкой у реки. Ещё вчера на них спал уж. Старику ужу пришлись по душе теплые и влажные перышки. Миша, пока тебя не было, у нас прошли дожди. (Внимательно смотрит на Степана). Степан, у тебя есть проблема?

Степан. Да. Большая проблема. Что-то произошло с ногами.

Леонора. Разве. Я наблюдала за тобой. Ты свободно передвигаешься по сказочному лесу.

Степан. Это так. У вас я прыгаю и бегаю. Ваш лес — волшебный! А дома я лежу.

Леонора с умным видом разглядывает шар.

Леонора. Степка, нужно есть яблоки. В твоём организме недостаток витаминов. Вот и всё.

Степан (недоверчиво). Всё?

Леонора. Ладно. Уговорил. Посмотрю ещё на кофейных зернах.

Леонора перекатывает с места на место зерна.

Леонора. Ещё скажу. Степка, не вешай нос. Скоро ты станешь героем! Защитником слабых.

Сова. Это понятно. Степка — смелый мальчик. Может постоять за себя и за друга. Никогда не пытается быть лучше, чем есть на самом деле.

Медведь. Леонора, мы что хотим узнать.

Леонора. Что именно, игрушки?

Медведь. Какое желание должен загадать Степка в комнате желаний?

Звучит таинственная музыка.

Леонора. Это сложный вопрос. Пусть зерна подумают. Ага. Затаите дыхание, игрушки! Сейчас я буду вещать.

Сова. Вещать она будет.

Медведь. Говори же, Леонора!

Леонора. Волшебные зерна сложились в рисунок. Открылся мистический символ.

Медведь. Что за символ?

Леонора (полушепотом). Мистический глаз.

Медведь. О чем же рассказывает кофейный глаз?

Леонора. В комнате желаний мальчику нужно будет загадать неэгоистическое желание.

Убирает со стола кофейные зерна.

Начало следующего сеанса завтра. Прискачет белка. Я получу орехи и удовольствие. Белка расширит своё сознание. У белки смутные воспоминания о прошлом. Белка желает понять: почему её унесли на свалку. (Вздыхает). Как мне описать предательство? Найду ли я правильные слова? Перед сном полистаю книгу по психологии.

Сова (в изумлении). При чем здесь белка?!

Медведь. Что ты скрываешь, мышь?

Сова. Вижу по твоему выражению лица, что ты не договариваешь.

Леонора. Сова, чего пристала? Ты ведь не веришь в гадания.

Медведь. Я верю. Нам нужна полная информация.

Леонора. Полная информация? Миша, из-за тебя пропали дни недели. Нормально существовать в лесу стало невозможно. Теперь Степке придется биться с орлом.

Степан. Борьба будет быстрой. Орел меня победит.

В комнату входит кошка Маркиза.

Кошка (с возмущением). Кто решил отправить мальчика на бой с ужасной птицей?! Игрушки, вы в своём уме? Орёл может клюнуть Степку в нос. По моему личному опыту: в нос — это очень больно.

Сова. Что предлагаешь, кошка Маркиза?

Кошка. Агрессивную птичку нужно посадить в клетку.

Леонора. А я согласна. Нужно закрыть пришельца под замок. В лесу нарушено равновесие. Почему ёж должен бояться выходить из своего домика?

Кошка. Вот именно!

Леонора. Хорошая идея, Маркиза.

Медведь. Никто не должен бояться. Игрушки от страха становятся старыми.

Кошка. Поймаем птичку. Я создана для того, чтобы охотиться. Я выслежу добычу. У меня грандиозное терпение.

Сова. А я — против. Боря — трудный подросток. Это так. Мальчика неправильно воспитывали. Взрослые не защищали ребенка. У мальчика было много трудных дней. Должно быть другое решение.

Кошка (ехидно). Какое?

Сова. Наполним его жизнь новыми впечатлениями.

Медведь. Миша в шоке. Что, Сова, говоришь? Что с тобой? Буйная птичка гуляет по лесу. Орел пугает жителей. Поймаем птичку. Решено.

Сова. Вы же добрые игрушки. Нужно решить конфликт иным способом.

Степан. Когда откроют комнату желаний, я загадаю...

Кошка. Так-так. Скоро ты окажешься в комнате желаний. Как поступишь?

Степан. Войду в комнату и попрошу, чтобы Боря стал хорошим мальчиком и вернулся в мир людей.

Кошка. Что я слышу! (Фырчит). Ты отдашь хулигану свое желание? (С сарказмом). Какой ты добрый. Нельзя отдавать свои желания. Если действовать неразумно, то можно потерять всё.

Леонора уходит, но быстро возвращается. Тащит за собой огромный ящик.

Леонора. Моё изобретение.

Степан. Волшебный ящик!

Леонора. Тот самый. Я буду делать то, что считаю нужным.

Медведь обходит ящик со всех сторон.

Медведь. Про этот ящик я много слышал. А ящик-то большой!

Леонора. Мой ящик перемещает объекты в пространстве и во времени. Пришло время воспользоваться изобретением. Надо этого Борю посадить в ящик. Я смогу отправить его в будущее. У Бори будет хорошая семья.

Степан. В ваш ящик, мышь Леонора, смогут залезть целых два мальчика.

Медведь. Точно, Степка. Вместительный ящик. В ящике можно хранить мед и орехи. (Нахваливает ящик). Полезный предмет в хозяйстве.

Леонора. В своем уме, Миша? Какие орехи? У тебя, Миша, совсем не научный мозг. Ты познаешь окружающую действительность на ощупь. Миша, ты хорошая игрушка, но мало думаешь. Для тебя мир делится на вкусный и невкусный. Я же — ученая мышь. Я занимаюсь наукой.

Медведь (обиженно). Задавака.

Леонора. Я не излучаю ложную скромность. Я изучаю движение в пространстве. Друзья, скажу по секрету: однажды волшебник уйдет от нас. Волшебнику понадобится этот ящик.

В комнату входят дни недели: Среда, Четверг, Пятница.

Пятница. Прошел слух.

Четверг. В доме мыши Леоноры собрались друзья.

Среда. В доме мыши происходит странное.

Леонора. Пока ничто не происходит.

Четверг. Разве?

Сова. Мы не знаем, что делать с пришельцем.

Леонора. Пришелец подождёт. Вначале нужно найти пропавшие дни недели. Тогда в лес вернется равновесие.

Медведь (в зал). Всё таки, эта мышь очень умная особа.

Леонора приосанивается.

Пятница. Леонора, тебе нужны помощники?

Среда. Леонора, можно к тебе в команду?

Леонора. В какую команду?

Среда. В эффективный отряд.

Леонора. Нам не помещают новые участники. Что скажите, игрушки?

Кошка. Я всегда знала, что дни недели — это часть команды. Не бывает плохих дней. Я доверяю каждому дню.

Леонора. Утром оправимся в путь.

Пятница. Нам поможет солнышко и ветер.

Сцена 7

На сцене — 4 стула. На сцене дни недели. Их руки связаны.

На сцене мальчик Боря. У него клюв и крылья.

Понедельник. Развяжи мои руки, мальчик. Отпусти. Я — Понедельник. Я — важный день. Я поклоняюсь Луне. На серебряной карете Луна прибыла в сказочный лес. Я должен повидаться с Луной.

Боря. Вот еще! Вы мне тоже нужны, господин Понедельник. В один понедельник папа обещал вернуться домой рано. Вместе мы собирались удить. В нашем пруду водится карась.

Понедельник. Кем работает твой папа, мальчик?

Боря. Вы же сами знаете, господин Понедельник. (Угрюмо). Мой папа нигде не работает.

Понедельник. Каждый день папа ходит к железнодорожной станции и ворует всё, что там плохо лежит. Ёмкости с самогоном никто не охраняет.

Боря. Папу скоро поймут. Так говорит бабушка.

Понедельник. Рано или поздно это случится. Твоего папу посадят в тюрьму.

Вторник. Послушай, мальчик. Я — Вторник. Я — второй брат в семье. Я — самый сильный день. Я поклоняюсь Марсу.

Боря. Чего вы хотите, господин Вторник?

Вторник. Желаю дать тебе совет, мальчик. Нужно играть с друзьями. Игры помогают. Игры снимают стресс. Друзья — это сила. С друзьями можно делиться проблемами и радостями.

Боря. У меня нет друзей. Дети не хотят со мной дружить.

Вторник. Почему? Ты — подвижный и ловкий мальчик.

Боря. Господин, Вторник, разве вы не понимаете? Я знаю много плохих слов. Взрослые не разрешают детям играть со мной.

Вторник. Нужно читать книги, мальчик Боря. Взрослые доверяют тем, кто богат знаниями.

Боря. Когда папа возвращается домой пьяный и злой, я сразу открываю книгу.

Вторник. Как называется книга, которую ты читаешь?

Боря. «Дом в тополином лесу».

Понедельник. Раз уж мы тут сидим, расскажи нам, о чем книга.

Боря. Хорошо. В доме живет странная семья. Папа тех детей служит Смерти. Все несчастливы. Но в дом приходит девочка Гретхен. Научусь колдовать, как Гретхен и сделаю папу добрым.

Понедельник. Я видел твои синяки, Боря. Развяжи меня, мальчик. Я помогу тебе. Доверься мне. Я — специалист. Прежде работал психологом. У меня многолетний опыт.

Боря. Что вы предлагаете, господин Понедельник?

Понедельник. Ты отлично рисуешь. Я видел твои рисунки, Боря.

Боря. Учительница сказала, что я могу стать художником.

Понедельник. Так и будет, Боря. Ты уникальный ребенок. Одаренный человек. Развяжи, меня. Вместе мы всё преодолеем.

Вторник. Освободи меня. Мы станем друзьями. Вечерами я буду читать тебе добрые сказки.

Боря. Вот ещё. Добрыми сказками горю не сможешь.

Вторник. Ты — умный мальчик. Сам знаешь, что в сказках спрятаны подсказки.

Боря. Мой папа пьет. Я не могу защитить маму. Какую подсказку даст мне добрая сказка?

Вторник (вздыхает). Я знаю, что у тебя агрессивный папа.

Суббота. Я — господин Суббота. Я поклоняюсь Сатурну. Люблю философствовать. Мои братья считают, что я зануда.

Понедельник. Это ни так.

Боря. Как мне защитить маму?

Суббота. Ты не должен быть родителем себе. Это мама должна тебя защищать.

Боря. Она не может.

Суббота. Вам всем нужна помощь. Папе нельзя оставаться дома. У меня есть знакомый доктор. Врач спасет вашу семью.

Боря. Папа бьет маму. Иногда у меня получается встать между ними.

Суббота. Я видел, как твой папа брал тебя за шиворот и выкидывал на улицу. Всё будет повторяться, пока твоего папу не заберут в лечебницу.

Воскресенье. Я — господин Воскресенье. Я поклоняюсь Солнцу. Господин Солнце может исполнить любое желание. Пребывая в плохом настроении, Солнце может испепелить. Зря волшебница Луна дразнила господина Солнце. Чтобы ничего плохого не случилось, Луна скрылась в сказочном лесу.

Боря. К чему это вы?

Воскресенье. Я видел, как вы прятались у бабушки. Ты, твой брат и ваша мама.

Боря. Мы жили у бабушки неделю. Потом пришел папа. Сказал, что больше не будет пить и никого не тронет пальцем.

Воскресенье. Твой папа держался где-то месяц. Потом он опять стал распускать руки.

Боря. Папа продал наши вещи.

Воскресенье. Развяжи меня, Боря. Я знаю, что нужно делать. Я подскажу тебе. Мы все готовы поддержать тебя.

Боря. Если папа умрет, я буду рад.

Понедельник. Ты говоришь неправду. У тебя трудные отношения с отцом. На самом деле, ты не желаешь ему смерти.

На сцену выходит Леонора. На ней доспехи. За собой она тащит ящик.

Леонора. Волшебный ящик очень тяжелый.

Суббота. Мышь Леонора! Ты нашла нас!

Леонора. Кофейная гуща указала верный путь к тайному месту.

Боря разглядывает Леонору.

Боря. А я знаю, кто вы! Вы — мышь.

Леонора. Я тоже знаю, кто ты. (Разглядывает его). Бывший мальчик. Мало что осталось от человека. Теперь у тебя крылья крепкие, как у горного орла. Боря, я помогу тебе вернуться в мир людей.

Боря. Мне и в сказочном лесу хорошо.

Леонора. В сказочном лесу установлены сказочные порядки. А ты их нарушаешь.

Боря пытается клюнуть Леонору, та увертывается.

Леонора. Нельзя клеваться, мальчик!

Боря. В сказочном лесу я — самый сильный. Кого хочу, того клюю.

Суббота. Воспитание детей — дело непростое.

Боря. Меня били. Значит, буду бить и я.

Леонора. Мальчик совершенно запутался. Пора ему покинуть сказочный лес.

Тащит Борю к ящику.

Что вы стоите? Помогите же мне. Нужно запихнуть эту птичку в ящик.

Вторник. Что я вижу, Леонора?! (С большим возмущением). Вы применяете насилие.

Понедельник. Ребенок и так достаточно пострадал.

Боря. Я не ребенок! (Крутится). Я желаю вас съесть, господин Понедельник. Господин Суббота, вам тоже достанется от меня. Сейчас я вас ущипну, господин Вторник.

Дни недели горько вздыхают.

Я — самый сильный. Сказочный лес подчинится мне!

Воскресенье (с горечью). Он желает власти...

Слышно горловое пение.

Входит Старичок. В руках у него бубен.

Старичок. Я распахнул ворота между мирами.

Дни недели (хором). Мы слышали. (Их руки становятся свободными от веревок).

Старичок. Приказываю тебе, птица по имени Боря! Навсегда останься птицей и живи с миром в сказочном лесу. Будь гордым орлом, вкушающим только лепешки. Пусть твоя голова станет легкой. Твои крылья будут сильными. Ты никогда не обидишь слабого. Я перезагружаю тебя. Орел, лети на свет.

Стучит в бубен.

Боря убегает в кулису.

Старичок. Большая польза от бубна. Орел будет жить в одной из башен особняка. На заре затянет свою песню от всего сердца.

Леонора. Ящик для перемещения во времени не пригодился. Что ему быть пустым? Отдам Мише под орехи.

На сцену выходит Крот.

Крот. Вот вы где, друзья! Луна желает познакомиться с мальчиком. (Крутит головой). Где же он?

Леонора. Кто?

Крот. Ребенок, который пролез через волшебное окно.

Леонора. Мальчик Степка и Сова ищут дом Совы.

Сцена 8

На сцену выходит Луна.

Луна (задумчиво). Моя соседка — планета Земля. Прекрасная особа. Чудесная. Ароматная. Но весьма скользкая. На планете всегда можно поскользнуться. Пришлось потратить много энергии, чтобы оказаться в дальнем мире, в пространстве добра и любви. В сказочный лес я прибыла не случайно, а для оздоровления негативного мышления. Пожелала перестать беспокоиться о вещах, которые не подвластны моей воли.

Сказочный лес придумал один чудак. Солдат не вернулся с большой войны.

К лесу не стоит относиться слишком серьезно. Быстрое движение электрических частиц создает иллюзию плотности. В пределах горизонта есть материя и энергия.

В сказочном лесу поселились ожившие игрушки. Я — важная гостья в домике Крота. Крот — тоже бывшая игрушка. Крот расширил для меня свой дом. Крот вкусно готовит. Крот исполняет любой мой каприз. Забрала бы его с собой, да нельзя. За предом леса господин Крот превратится в мягкую игрушку. А вчера в сказочный лес пришел мальчик.

В комнату входит Крот.

Луна. Где мальчик, господин Крот?

Крот. Волшебница, который из них?

Луна. Я жду мальчика по имени Степан. (В зал). Скажу вам, господин Крот, славное имя у этого мальчишки. Не находите?

Крот. Нахожу.

Луна. С хорошим именем преодолеваются любые трудности. Имя — это формула судьбы. Имя формирует характер. Господин Крот, пришел мальчик по имени Степан?

Крот. Стоит за дверью. Ждет официального приема. Готов к встрече с Волшебницей. Мы выдали ему богатую одежду, соответствующую случаю. Из особняка спешно доставили золотую шапку. Подготовили для Степки приветственную речь.

Луна. Крот, это лишнее. Степан — ребенок. Дети отлично справляются без напыщенных речей.

Крот. Степка быстро усвоил слова приветствия. Госпожа Луна, можно я буду подглядывать через тайное окошко? Не хочу пропустить важное распоряжение от вас.

Луна. Разрешаю.

Крот уходит.

Выходит Степан. На нем золотая шапка.

Степан. Здравствуйте, Волшебница.

Луна. Здравствуй, Степан.

Степан. Я выучил слова волшебного стишка. «В золотой шапке я могу взобраться на золотое дерево. С золотого дерева я увижу свою судьбу».

Луна. У тебя хорошая память. Прорекламировал волшебные предложения с интонацией.

Степан. Мы с мамой каждый день учим стишки. Я всё быстро запоминаю. Я могу выступать. Меня слушал сам Дед Мороз.

Луна. Ты — чудесный ребенок. Мечтала увидеть тебя вблизи. Меня зовут Селина.

Степан. Вы — Луна? (Луна кивает). Неспроста пришли в сказочный лес?

Луна. Пришла пора посмотреть работают ли в сказочном лесу законы физики. А что делаешь ты в сказочном лесу? Почему тебе не игралось дома с игрушками?

Степан. Мама унесла мои игрушки.

Луна. На каком основании мама лишила тебя радости?

Степан. Доктор влияет на маму.

Луна. Держись от докторов подальше. От современных докторов проку мало. От лунного кролика куда больше пользы. Кролик занимается врачеванием. Кролик спасает души. Если душа сбежала, кролик её ищет и возвращает. Чтобы найти потерянную часть души, кролик заходит очень далеко. Степан, я слышала... Ты не можешь ходить, это так? Попрыгай мальчик.

Степан прыгает.

Тебя не надо исцелять. Ты находишься в гармонии с миром.

Степан (не соглашается). В сказочном лесу у меня нет проблем. А вот дома... Я упал с велосипеда. Всё пошло кувырком.

Луна. В тот день ты играл в футбол. На тебе был черный свитер.

Степан. Откуда вы знаете?

Луна. Я все знаю. В одну из суббот состоялась важная игра. Ты стоял на воротах.

Степан. Мои друзья рассчитывали на меня. Я их подвел.

Луна. Ты пропустил гол. Сел на велосипед и уехал. У дома свалился с велосипеда.

Степан кивает.

Степан. Подвел велосипед.

Луна. Велосипед ни при чем. Ты потерпел неудачу и испугался. Послушай, мальчик. Неудача делает человека сильным. Удача размягчает человека. Поверь, Степан. Жизнь переменчивая. За неудачей всегда следует удача. И наоборот. Дам тебе важный совет. Никогда не ругай себя. (Достаёт из кармана фантик). Прими, Степан, дар.

Степан. Фантик? А где же конфета? Вы её съели?

Луна. Конфету съел лунный кролик. Однажды вечером кролик оказался себе уставшим. В моем дворце кролик развел бурную деятельность. Мечется, скачет, колдует. После трудового дня кролик решил себя наградить. В один прием съел пять волшебных конфет. А они, между прочим, на вес золота. Ими я угощаю Солнце. Чтобы я ни о чем не догадалась, кролик спрятал четыре фантика. Степушка, сколько фантиков осталось?

Степан. Один.

Луна. Верно. Тот самый фантик. Ему нет цены. Пошурши им.

Степан шуршит.

Чувствуешь магию фантика?

Степан. А должен?

Луна. Фантик обладает невероятной силой. Мальчик, у тебя будет долгая жизнь. Обязательно наступят трудные дни. Фантик поможет тебе справиться с любой проблемой.

На сцене появляются звезды.

(В сторону). Моя карета готова?

На сцену выходит Крот.

Крот. Мы выкатили карету из здания.

Луна. Не повредили благородный металл?

Крот. Были осторожными. Вручную наполировали мягкой тряпочкой. За сценой — шум подъезжающего металлического средства.

Сцена 8

Комната в особняке.

В комнате Удача и Неудача. На них — вечерние платья.

Звучит музыка

Удача. Хороший вечер.

Неудача. Приятная атмосфера. (Оглядывается). Где же мальчишка? Скоро дом взлетит. Глаза дома будут смотреть вниз, на лес. Все будут ходить вниз головами, а у мальчишки не получится. Ребенок будет ходить наоборот. Лучше бы Степка скорей пришел.

Удача. (Прислушивается). Идет наш мальчик.

Неудача. Что ещё слышишь, сестра?

Удача. Слышу волшебное шуршание.

Неудача. Надеюсь, что мальчишка научится пользоваться лунным фантиком.

В комнату входят Степан, Медведь и Сова.

Удача. Почему задержались?

Сова. Мы искали дом.

Удача. Какой ещё дом, Сова?

Сова. Мой дом.

Удача. Нашла то, что хотела, Сова?

Сова. Ага. Шторки были затянуты. Я ходила мимо и не узнавала свой дом. Теперь у меня есть место, куда я могу вернуться. В уютном доме я стану сочинять хорошие сказки про доброго мальчика. Назову сказочного героя — Стёпкой. Нравится мне это имя.

В комнату входит Хозяин леса.

Степан. Дедушка!

Старичок. Внучок!

Старичок. Лес теперь твой. Игрушки приняли тебя.

Сова. Не хочу показаться слишком любопытной. В лесу все говорят, что вы открыли комнату желаний?

Старичок. Комната работает в штатном режиме.

Медведь. Степка может загадать желание?

В круге света Степан.

Степан. Больше всего хочу, чтобы моя мама никогда не плакала.

Свет возвращается.

На сцену выходит Мама.

Степан. Мама, я вернулся!

Мама. А где ты был, сынок?

Степан. В мире, где много игрушек.

Мама. Ах, сынок. Прости меня, сынок.

Степан. За что, мама?

Мама. Большая ошибка — унести игрушки из дома. Не понимаю, как я могла так поступить. Что у тебя в руке, сынок?

Степан. Луна подарила волшебный фантик. С волшебным фантиком я не пропаду.

Мама. Преодолеешь все трудности. Ты — смелый! Сынок, я должна кое-что сказать.

Степан. Что, мама?

Мама. Исчезли медведь и сова. Игрушки, как сквозь землю провалились.

Степан. Не волнуйся, мама. Я знаю, где мои игрушки. Медведь и сова остались в сказочном лесу. Мама, дедушка не вернулся с войны?

Мама. Пропал без вести.

Степан. Мама, дедушка тоже живет в сказочном лесу. Мы разговаривали. Мама, старый дом нельзя продавать. У дома есть душа.

Мама. Ты так думаешь, сынок?

Степан. Я знаю, мама. Мама, давай навестим дом. И бабушку возьмем.

Мама внимательно смотрит на Степана.

В комнату входит кошка.

Кошка. Мяу. Кошки много путешествуют. Легко могут оказаться совершенно в другом месте. Соседние миры не похожи на мир людей. Я видела мир из стекла. В стеклянный город я прихожу ни ради риска, а послушать чарующие песни. Тоненькими голосами стекла поют волшебные гимны. Все песни о любви. Хрустальные звуки лечат души. Я знаю мир, где всё белое. Белые дома. Белые часы. Белые кошки. Белые кошки весьма задиристые. Могут укусить без повода. Мне не страшно. Я там не случайный гость. В белом городе я торгую белыми красками. Кто верит в удачу и не боится неудач, для того — всё легко.

(Занавес).

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Мира Борсиг

REPRISE

3

Оксана Соснина

«ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭТОЙ ЗЕМЛИ...»

8

Георгий Кулишкин СВИДАНИЕ	22
Евгений Савченко НАСТЯ	30
Дмитрий Игнатов МЕДУЗА	39
ДОКТОР Б. ИЛИ КАК Я ПЕРЕСТАЛ РАБОТАТЬ И ПОЛЮБИЛ ДОНАТ	61
Сергей Калабухин АНГЕЛ В ТРУБКЕ	66
ОБРЯД	72
Андрей Саломатов МЫС ДОХЛОЙ СОБАКИ	82
Игорь Бézрук ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЕЗД	85
ПРОСТО ДРУГ	101
ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2052 ГОДА	107
ЖИТЕЛИ ТЬМЫ	114
Дмитрий Учитель СТИХИ	118
Евгений Савченко СТИХИ	122
Юрий Мартишин СТИХИ	124
Валентина Карпушина СТИХИ	135
Дмитрий Аникин АНАХАРСИС СКИФ. СТИХИ	142

Илья Криштул	
ИЗЪЯТИЕ МЛАДЕНЦА	150
ВЧЕРА	152
ВЗБЕСИВШИЙСЯ ТЕЛЕФОН, СЛОМАННАЯ ЖИЗНЬ	155
Андрей Мансуров	
«ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!..»	157
Салтанат Рахимбекова	
ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ	182
Александр Филичкин	
СПЛАВ ПО ГОРНОЙ РЕКЕ	198
САМОЛЁТ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА	211
ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНОМА	217
Анжелика Стынка	
ГОСТИ	221
КОМНАТА ЖЕЛАНИЙ	269

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 21**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com
ISBN 978-3-910935-78-5

